Издание осуществлено при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

РЕДАКЦИЯ группы журналов «Вестник архивиста», «Вестник архивиста.ru», «Вестник архивиста.com», «Вестник архивиста.TV»:

И.А. Анфертьев – кандидат исторических наук, главный редактор (г. Москва, Российская Федерация); *В.В. Борисов* – редактор-системный администратор приложений печатной версии журнала – сетевых журналов «Вестник архивиста.ru» (www.vestarchive.ru) – на русском языке; «Вестник архивиста.com» (www.arhivemagazine.com) – на английском языке (г. Москва, Российская Федерация); *Н.В. Глищинская* – дизайн и верстка (г. Москва, Российская Федерация); *З.П. Иноземцева* – кандидат исторических наук, заместитель главного редактора журнала (г. Москва, Российская Федерация); *М.С. Исакова* – кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Республике Узбекистан (г. Ташкент); *К.И. Ляшенко* – редактор приложений печатной версии журнала – сетевых журналов «Вестник архивиста.ru» (www.vestarchive.ru) – на русском языке; «Вестник архивиста.com» (www.arhivemagazine.com) – на английском языке (г. Москва, Российская Федерация); *Е.Ю. Нуйкина* – заместитель главного редактора журнала (г. Москва, Российская Федерация); *С.В. Потапенко* – кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Украине (г. Киев); *В.Б. Прозорова* – кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Европе (г. Париж, Франция); *Д.В. Савин* – ведущий научный редактор журнала (г. Москва, Российская Федерация); *М.А. Скляр* – редактор-переводчик печатной версии журнала и сетевых журналов «Вестник архивиста.ru» (www.vestarchive.ru) – на русском языке; «Вестник архивиста.com» (www.arhivemagazine.com) – на английском языке (г. Москва, Российская Федерация); *О.Н. Солдатова*, кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Приволжском федеральном округе (г. Самара, Российская Федерация).

EDITORIAL STAFF of magazines group “Herald of an Archivist”, “Herald of an Archivist.ru”, “Herald of an Archivist.com” and “Herald of an Archivist.TV”:

I.A. Anfertiev – PhD in History, editor-in-chief (Moscow, Russian Federation); *V.V. Borisov* – editor and system administrator of supplements to printed magazine – online magazines www.vestarchive.ru (in Russ.) and www.arhivemagazine.com (in English) (Moscow, Russian Federation); *N.V. Glishinskaya* – design and layout (Moscow, Russian Federation); *Z.P. Inozemceva* – PhD in History, deputy editor-in-chief (Moscow, Russian Federation); *M.S. Isakova* – PhD in History, director of magazine branch in Uzbekistan (Tashkent); *K.I. Lyashenko* – editor of supplements to printed magazine – online magazines www.vestarchive.ru (in Russ.) and www.arhivemagazine.com (in English) (Moscow, Russian Federation); *E.Yu. Nuykina* – deputy editor-in-chief (Moscow, Russian Federation); *S.V. Potapenko* – PhD in History, director of magazine branch in Ukraine (Kiev); *V.B. Prozorova* – PhD in History, director of magazine branch in France (Paris); *D.V. Savin* – leading scientific editor (Moscow, Russian Federation); *M.A. Sklyar* – editor-translator of printed magazine and online magazines www.vestarchive.ru (in Russ.) and www.arhivemagazine.com (in English) (Moscow, Russian Federation); *O.N. Soldatova* – PhD in History, director of magazines branch in Volga Federal District (Samara, Russian Federation).

Подписано в печать 28.08.2015 г. Печать офсетная. Формат 60x84/16. Объем 20 п.л.
Тираж 1000 экз. Заказ
Отпечатано с электронного оригинал-макета заказчика в ОАО «12 ЦТ»
117342, г. Москва, Севастопольский пр-т, д. 56/40. Тел.: 8-495-334-98-94.
Signed to print 28.08.2015, Offset print. Format 60x84/16 Volume 20 printers sheet.
The magazine's circulation is 1000.
Printed from original e-model in «12 CI»
117342, Moscow, Sevastopol passage, 56/40. Phone:+7 495 334 98 94

ВЕСТНИК АРХИВИСТА

HERALD OF AN ARCHIVIST

ISSN 2073-0101
2015
№ 3 (131)
ИЮЛЬ – СЕНТЯБРЬ
JULY – SEPTEMBER
Основан в 1991 г.
Founded in 1991

В ближайших номерах

Отношения монашествующих со своими родственниками в XVII – первой четверти XVIII в. По материалам монастырской делопроизводственной документации

Исследования Чукотского полуострова в Архиве Российской академии наук

История комплектования и научного описания архивного фонда «Канцелярия Хана Хивинского»

Неопубликованные источники из полицейских фондов к биографии анархиста Л. Черного (П.Д. Турчанинова) в Сибири. 1907–1910 гг.

Отражение организационно-правовых аспектов сопротивления немецко-фашистским оккупантам в документальных фондах федеральных, ведомственных и региональных архивов

Coming soon

Cloisterers’ Relations with Their Relatives: The 17th – Early 18th Century (Based on Clerical Records)

Exploration of the Chukchi Peninsula in the Archive of the Russian Academy of Sciences

History of Acquisition and Description of the Archival Fond “Chancellery of the Khiva Khanate”

Unpublished Police Materials on the Life of Anarchist L. Chernyj (P.D. Turchaninov) in Siberia: 1907–1910

Representation of Organizational and Legal Aspects of Resistance to the Nazi Occupants in the Documentary Fonds of Federal, Departmental and Regional Archives

Вестник архивиста.ru: www.vestarchive.ru
Вестник архивиста.com: www.arhivemagazine.com
Вестник архивиста.TV: www.vestarchive.tv

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-АРХИВИСТОВ» (РОИА)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
И.А. Анфертьев, кандидат исторических наук, доцент, профессор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
А.Н. Артизов, доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства, г. Москва, Российская Федерация
В.Ю. Афиани, кандидат исторических наук, директор Архива Российской академии наук (АРАН), г. Москва, Российская Федерация
А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация
З.П. Иноземцева, кандидат исторических наук, заместитель главного редактора, г. Москва, Российская Федерация
М.С. Исакова, кандидат исторических наук, доцент Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека, г. Ташкент, Республика Узбекистан
В.П. Козлов, член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД), г. Москва, Российская Федерация
В.В. Коровин, доктор исторических наук, профессор Юго-Западного государственного университета, г. Курск, Российская Федерация
Ш. Кечкемети, доктор филологии, профессор Школы хартий, г. Париж, Франция
М.В. Ларин, доктор исторических наук, профессор, директор Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД), г. Москва, Российская Федерация
Л.Н. Мазур, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой Уральского федерального университета, г. Екатеринбург, Российская Федерация
С.В. Мироненко, доктор исторических наук, директор Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), г. Москва, Российская Федерация
Е.И. Пивовар, член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, ректор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация
Ю.С. Пивоваров, академик Российской академии наук, доктор политических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация
Е.А. Тюрина, кандидат исторических наук, директор Российского государственного архива экономики (РГАЭ), г. Москва, Российская Федерация
Т.И. Хорхордина, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация
А.А. Чернобаев, доктор исторических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Российская Федерация
А.О. Чубарьян, академик Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, директор Института всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация
А.С. Шапошников, кандидат технических наук, директор Российского государственного архива научно-технической документации (РГАНТД), г. Москва, Российская Федерация

© Вестник архивиста, 2015

FOUNDER AND PUBLISHER:
ALL-RUSSIAN PUBLIC ORGANIZATION
THE RUSSIAN SOCIETY OF HISTORIANS AND ARCHIVISTS (ROIA)

EDITOR-IN-CHIEF:
I.A. Anfertiev, PhD in History, associate professor, professor of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

EDITORIAL BOARD:
A.N. Artizov, PhD in History, director of the Russian State Archival Agency, Moscow, Russian Federation
V.Yu. Afiani, PhD in History, director of the Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN), Moscow, Russian Federation
A.B. Bezborodov, PhD in History, professor, provost for academic affairs of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
Z.P. Inozemceva, PhD in History, deputy editor-in-chief, Moscow, Russian Federation
M.S. Isakova, PhD in History, assistant professor at the National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan
V.P. Kozlov, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, PhD in History, leading researcher of the All-Russian Archival Science and Records Management Research Institute (VNIIDAD), Moscow, Russian Federation
V.V. Korovin, PhD in History, professor at the South-West State University, Kursk, Russian Federation
Sh. Kechkemeti, PhD in Philology, professor at the École Nationale des Chartes, Paris, France
M.V. Larin, PhD in History, professor, director of the All-Russian Archival Science and Records Management Research Institute (VNIIDAD), Moscow, Russian Federation
L.N. Mazur, PhD in History, assistant professor, department head at the Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation
S.V. Mironenko, PhD in History, director of the State Archive of the Russian Federation (GARF), Moscow, Russian Federation
E.I. Pivovar, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, PhD in History, professor, rector of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
Yu.S. Pivovarov, member of the Russian Academy of Sciences, PhD in Political Sciences, professor at the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
E.A. Tyurina, PhD in History, director of the Russian State Archive of Economy (RGAE), Moscow, Russian Federation
T.I. Khorkhordina, PhD in History, professor, department head at the History and Archives Institute of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
A.A. Chernobaev, PhD in History, professor at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
A.O. Chubaryan, member of the Russian Academy of Sciences, PhD in History, professor, director of the World History Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
A.S. Shaposhnikov, PhD in Technology, director of the Russian State Archive of the Scientific and Technical Documentation (RGANTD), Moscow, Russian Federation

© Herald of an Archivist, 2015

Содержание

Проблемы архивоведения, источниковедения, документоведения, археографии

Сафонов М.М., г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
«Манифест подписан. Передача задержана снятием дубликата». Документальные свидетельства Первой мировой войны....8

Пашин В.П., г. Курск, Российская Федерация
Кредитно-финансовая политика советского государства в условиях НЭПа: источниковедческий аспект....35

Шаронин Д.А., г. Самара, Российская Федерация
Информационный потенциал документов Всесоюзного теплотехнического института им. Ф.Э. Дзержинского по истории индустриализации Куйбышевской области в годы первых трех пятилеток....52

Коровин В.В., г. Курск, Российская Федерация
Миссия генерала Пети: советско-французское военное сотрудничество периода Второй мировой войны по документам Центрального архива Министерства обороны РФ....67

Веригин С.Г., г. Петрозаводск, Российская Федерация
О некоторых подходах к оценке взаимоотношений советских партизан и финских диверсантов с гражданским населением в период Второй мировой войны....84

Цуканов И.П., г. Курск, Российская Федерация
Источники о случаях коллаборационизма на оккупированной части Центрально-Черноземного региона в 1941–1943 гг. 98

Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов

Малышева Г.Е., г. Красногорск, Российская Федерация
История восстановления первоначального монтажа киножурналов Скобелевского комитета «Русская военная хроника». 1914–1915 гг. 113

Киселев М.Ю., г. Москва, Российская Федерация
Из опыта работы Архива РАН по обеспечению сохранности документов в процессе их использования 129

Исторические исследования

Белюков Д.А., г. Великие Луки, Российская Федерация
Физическое воспитание в российской школе в конце XIX – начале XX в. 138

Кузьмин В.Г., г. Псков, Российская Федерация
«Деньги брали деды, а взыскивают с внуков». Ликвидация крупнейшего в России Гребеневского ссудо-сберегательного товарищества. 1897–1917 гг. 154

Анфертьев И.А., г. Москва, Российская Федерация
Первая генеральная чистка правящей коммунистической партии: причины, итоги, последствия. 1920–1924 гг. 167

Старикова Е.П., Иванов А.Г., г. Йошкар-Ола, Российская Федерация
Православный приход Марийского края в условиях антирелигиозной политики 1930-х гг. По материалам Государственного архива Российской Федерации 178

Алжейкина Г.В., г. Чебоксары, Российская Федерация
Деятельность работников культуры и искусства Чувашии в годы Великой Отечественной войны....191

Иеродиакон Платон (Рожков С.В.), г. Козельск, Российская Федерация
Духовенство Русской православной церкви на оккупированных территориях СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 211

Черемных О.А., г. Томск, Российская Федерация
Продовольственное снабжение городского населения Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны....229

Музейные и архивные коллекции

Болтунова Е.М., г. Москва, Российская Федерация
«Продана вся Анненгофская роща, рукомойник, трость и какие-то кресла царские…». Представления начала 1800-х гг. об историческом наследии страны 244

Катагощина М.В., г. Москва, Российская Федерация
Документальные памятники из коллекции Л.А. Гринберга в Государственном историческом музее. К истории поступления 260

Официальный отдел

Буравченко Н.А., г. Москва, Российская Федерация
Хроника событий....275

Генеалогия: отечественный и зарубежный опыт

Петин Д.И., г. Омск, Российская Федерация
Всеволод Оссовский: бывший белый офицер в Советской России....288

Критика и библиография

Зеленов М.В., г. Москва, Российская Федерация
Петров К.В., г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
История Новосибирска в собрании документов личного происхождения 307

Иноземцева З.П., г. Москва, Российская Федерация
Красный террор в Белгороде. 1918–1919 гг. 314

Contents

Archive Science, Source Studies, Document Science and Archaeography Issues

Safonov M.M., St. Petersburg, Russian Federation
"Manifesto Signed. Delivery Detained due to Duplication": Documentary Records on the First World War 8

Pashin V.P., Kursk, Russian Federation
Credit and Financial Policy of the Soviet State under the New Economic Policy (NEP): Aspects of Source Studies 35

Sharonin D.A., Samara, Russian Federation
Information Potential of Documents of the All-Union Dzerzhinsky Thermotechnical Institute for Studying Industrialization in the Kuybyshev Region in the 1st to 3rd Five-Year Plans 52

Korovin V.V., Kursk, Russian Federation
Mission of General Petit: Soviet-French Military Cooperation during World War II in the Documents of the Central Archive of the Russian Ministry of Defense 67

Verigin S.G., Petrozavodsk, Russian Federation
On Approaches to the Assessment of Interactions of Soviet Partisans and Finnish Saboteurs with Civilians during World War II 84

Tsukanov I.P., Kursk, Russian Federation
Historical Sources on Cases of Collaborationism on the Occupied Territory of the Central-Chernozem Region in 1941–1943 98

Museology, Preservation and Restoration of Historical and Cultural Objects

Malysheva G.E., Krasnogorsk, Russian Federation
History of Restoration of the Original Assembling of the Skobelev Committee Newsreel "The Russian Military Chronicle:1914–1915" 113

Kiselev M.Yu., Moscow, Russian Federation
Experience of the Archive of the Russian Academy of Sciences (RAN) in Preservation of Documents while in Use 129

Historical Research

Belyukov D.A., Velikie Luki, Russian Federation
Physical Education in Russian Schools in the End of the 19th – Beginning of the 20th Century 138

Kuzmin V.G., Pskov, Russian Federation
«Grandfathers Received Money – Children Were to Repay»: Liquidation of Russia's Largest Grebeni Loan-saving Partnership, 1897–1917 154

Anfertiev I.A., Moscow, Russian Federation
The First General Purge of the Ruling Communist Party: Causes, Effects, and Aftermath: 1920–1924 167

Starikova E.P., Ivanov A.G., Yoshkar-Ola, Russian Federation
An Orthodox Parish in the Mari Region in the context of Antireligious Policies of the 1930s: Based on Materials of the State Archive of the Russian Federation 178

Alzheykina G.V., Cheboksary, Russian Federation
Efforts of Cultural and Art Workers of Chuvashia in the Days of the Great Patriotic War 191

Hierodeacon Platon (Rozhkov S.V.), Kozelsk, Russian Federation
Clergy of the Russian Orthodox Church in the Occupied Territories of the USSR in the Days of the Great Patriotic War of 1941–1945 211

Cheremnykh O.A., Tomsk, Russian Federation
Subsistence Supply of the Urban Population of Western Siberia in the Days of the Great Patriotic War 229

Museum and Archival Collections

Boltunova E.M., Moscow, Russian Federation
"The Whole Grove of Annenhof, a Hand basin, a Cane and Some Great Chairs of the Tsars, All Sold...": the Notions of Russia's Historical Heritage in the Early 1800s 244

Katagoshchina M.V., Moscow, Russian Federation
Documentary Monuments of the L.A. Greenberg Collection from the State Historical Museum: The History of Acquisition 260

Official Department

Buravchenko N.A., Moscow, Russian Federation
Federal Archival Agency Update 275

Genealogy: Domestic and Foreign Experience

Petin D.I., Omsk, Russian Federation
Vsevolod Ossowsky: Ex-White Guard Officer in Soviet Russia 288

Criticizm and Bibliografy

Zelenov M.V., Moscow, Russian Federation
Petrov K.V., St. Petersburg, Russian Federation
The History of Novosibirsk in Collections of Personal Provenance Documents 307

Inozemtseva Z.P., Moscow, Russian Federation
The Red Terror in Belgorod: 1918–1919 314

ПРОБЛЕМЫ АРХИВОВЕДЕНИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ, АРХЕОГРАФИИ

Archive Science, Source Studies, Document Science and Archaeography Issues

М.М. САФОНОВ,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

«МАНИФЕСТ ПОДПИСАН. ПЕРЕДАЧА ЗАДЕРЖАНА СНЯТИЕМ ДУБЛИКАТА». ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Safonov M.M.,
St. Petersburg, Russian Federation

"Manifesto Signed. Delivery Detained due to Duplication": Documentary Records on the First World War

Аннотация
В статье анализируется так называемый «акт отречения» Николая II, который был создан для «доведения войны во что бы то ни стало до победного конца». На деле же он явился переломной вехой на том пути, который повлек за собой выход России из Первой мировой войны, хотя страна имела все шансы выйти из нее победителем. По своей форме это очень странный документ. Он не являлся ни актом, ни манифестом, ни телеграммой. «Акт отречения» был создан в Пскове прибывшими из Петрограда А.И. Гучковым, В.В. Шульгиным и начальником штаба Северного фронта генералом Ю.Н. Даниловым. Несомненно, Николай II подписал какой-то абдикационный документ, не соблюдая принятые формы. Император пытался спасти свою семью и рассчитывал на то, что в изменившихся условиях этот незаконный акт впоследствии может быть дезавуирован. Но Гучков, Шульгин и Данилов, манипулируя текстом, придали ему форму торжественного акта и выдали его за подлинный. Сфабрикованный таким образом документ сыграл важнейшую роль в истории России. Он поставил последнюю точку в правлении династии Романовых и ознаменовал собой гибель монархии в России. Вместо «пути победы» он привел к развалу Российской империи и, в конечном итоге, поставил крест на ее наметившихся геополитических перспективах.

Ключевые слова
Первая мировая война, Ставка, начальник штаба Ставки, акт отречения Николая II, манифест, телеграмма, А.И. Гучков, В.В. Шульгин, Ю.Н. Данилов.

Abstract
The so called "act of abdication" of Nicholas II was to be a means to "fight to the finish". Yet actually it became a milestone on the way leading to the Russian withdrawal from the war, despite Russia having all chances to be among the winners. In form, it is a very strange document: neither an act, nor a manifesto or telegram. The "act of abdication" was drafted by Alexander I. Guchkov, Vasily V. Shulgin, who arrived to Pskov from Petrograd, together with chief of staff of the Northern Front Yuri N. Danilov. No doubt, Nicholas signed some sort of document of abdication without any regard to common form. He hoped to save his family and believed that circumstances might change and he would be able to disavow the illegal act. But Guchkov, Shulgin and Danilov doctored the text and passed it as original. The fabricated act played an important role in the Russian history. It closed the chapter on the rule of the Romanov's dynasty and marked the end of monarchy in Russia. Instead of victory in the war, it led the Russian empire to total collapse and, eventually, shot down all emerging geopolitical prospects.

Keywords
The First World War, Stavka (Headquarters), Chief of Staff of the Stavka, abdication of Nicolas II, manifesto, telegram, A.I Guchkov, V.V. Shulgin, Yu.N. Danilov.

Воскресным вечером 26 февраля 1917 г. Николай II как обычно играл в домино[1]. В Могилеве, в Ставке Верховного главнокомандующего, постоянными партнерами по любимой игре были адмирал К.Д. Нилов, командир конвоя его величества А.Н. Граббе и дежурный флигель-адъютант А.А. Мордвинов. У подъезда губернаторского дома, который был превращен в царский «дворец», в дубленых полушубках стояли часовые батальона георгиевских кавалеров. В садике дежурила дворцовая поли-

ция. На крыше дома генерал-квартирмейстера стояли пулеметы в чехлах. Это на случай налета немецких аэропланов. Пулеметы охранялись часовыми в папахах.

В этот день Николай II чувствовал себя еще в полной безопасности. Едва ли в тот вечер он мог предположить, что его династии, правившей Россией 304 года, оставалось властвовать всего пять дней, а он сам всего через трое суток, будет назван последним из Романовых и к его пышному титулу императора всероссийского прибавится беспощадное прилагательное «бывший»... А новорожденная газета «Известия» назовет его «Николаем Последним»[2].

В 14 часов 47 минут 2 марта 1917 г. от перрона Варшавского вокзала отправился экстренный поезд на Псков. К паровозу был прицеплен всего один вагон-салон, в котором ехали два пассажира – А.И. Гучков и В.В. Шульгин. Гучков, бывший председатель III Государственной думы, был известен как личный враг Николая II и царской семьи. Шульгин слыл ярым монархистом.

Карл Маркс, автор многих известных метафор и афоризмов, назвал революции «локомотивами истории». Экстренный поезд, с одним вагоном на двоих, ярого монархиста и личного врага монарха, можно ли было придумать лучших символов головокружительных перемен, происходивших в России в конце февраля – начале марта 1917 года? Гучков и Шульгин ехали на встречу с императором.

В Пскове в ночь со 2 на 3 марта 1917 г., в промежуток времени между 23 ч 32 м и 0 ч 28 м[3], Николай II подписал документ, который дошел до нас в следующем виде:

Ставка

Начальнику Штаба.

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требует доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственною Думою, признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с себя Верховную власть. Не желая расстаться с любимым Сыном Нашим, мы передаем наследие Наше Брату Нашему Великому князю Михаилу Александровичу и благословляем Его на вступление на престол Государства Российского. Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед Ним, повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

Николай

г. Псков.
2-го марта 15 час. ... мин. 1917 г.
Министр Императорского Двора
Генерал-Адъютант граф Фредерикс[4].

Этот абдикационный документ[5], назовем его так, был создан для того, чтобы приблизить «час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага», то есть, для «доведения войны во что бы то ни стало до победного конца». На деле же он явился переломной вехой на том пути, который повлек за собой выход ее из Первой мировой войны, хотя Россия имела все шансы выйти из нее победителем.

В час ночи 3 марта 1917 г. начальник штаба Северного фронта генерал Ю.Н. Данилов, телеграфируя в Ставку о подписании аб-

дикационного документа назвал его «актом отречения от престола»[6]. Это самое раннее упоминание о данном документе как об акте отречения Николая II.

Однако можно ли назвать эту бумагу актом отречения?

Николай II как Верховный главнокомандующий сообщает начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу М.В. Алексееву о том, что во имя победы «признал за благо» отречься от престола и передать его брату, который должен присягнуть, что будет управлять страной согласно конституции, выработанной представителями народа в законодательных учреждениях. Другими словами – император сообщает, что он не только отрекается от престола, но за своего преемника и от самодержавия!

Нетрудно заметить, что нигде человек, от имени которого написан этот документ, не назван ни самодержцем, ни императором. Это просто некто «Николай», не назван по имени и фамилии М.В. Алексеев. Получается, некто Николай сообщает о своем решении безымянному начальнику штаба. С этой точки зрения письмо чеховского персонажа Ваньки Жукова «на деревню дедушке, Константину Макарычу» более конкретно, чем этот так называемый «Акт».

Обычно юридический акт начинается с упоминания лица, от имени которого он составляется: «Я, имярек...». Затем следует указание на должность или статус этого человека: «Такой-то и такой-то». Для императорских манифестов была выработана устойчивая формула. Она воспроизводилась типографским способом на печатных бланках Министерства императорского двора: «Божьей Милостью мы, Николай Вторый, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и пр. пр. пр.». Затем, как правило, помещалась фраза, указывающая, кому адресован манифест: «Объявляем всем нашим верным подданным». После текста манифеста обязательно следовала заключительная формула: «Дан», то есть указывалось место, где был подписан манифест, например: «в Пскове», затем проставлялась дата: «в третий день марта лета от Рождества Христова одна тысяча девятьсот семнадцатое, царствования же Нашего двадцать третьего». Завершала манифест подпись самодержца. Час и минута подписи никогда не обозначались. Кроме того, существовала строго установленная процедура оформления манифестов. Несмотря на то, что в конце XIX в. в России появились пишущие машинки и их стали употреблять для составления проектов документов (кроме того, для этого использовались литографические станки)[7], текст манифеста, на котором ставилась императорская подпись, обязательно переписывался от руки. Только в таком виде манифест получал юридическую силу. В канцелярии Министерства императорского двора служили специальные переписчики, которые обладали особо красивым почерком. Он назывался «рондо», а лица, им владевшие, соответственно именовались «рондистами». Только их употребляли для переписки особо важных бумаг: рескриптов, грамот и манифестов. Разумеется, в таких документах никаких помарок и подчисток не допускалось[8].

Немаловажно отметить, что важнейший для государственной жизни России начала XX века документ – манифест 17 октября 1905 г., которым Николай II торжественно объявил о том, что введет конституцию, оформлен именно таким образом[9]. На печатном бланке Министерства императорского двора, воспроизводящим типографским способом титул императора, почерком «рондо» написан текст манифеста, в заключение манифеста – подпись Николая II. Хотя проекты манифеста печатались на пишущей машинке[10], а окончательный вариант был воспроизведен на литографическом станке[11], силу закона получил лишь текст, тщательно переписанный рондистами[12].

Оставляя в стороне вопрос о юридической состоятельности так называемого акта отречения Николая II, нетрудно прийти к заключению, что рассматриваемый документ – это «филькина грамота»[13]. Прежде чем пускаться в споры о том, соответствовал ли акт отречения Николая II основным законам Российской империи, поставим вопрос: «А был ли акт?». Ответим: Акта отречения как такового не существует. Есть лишь текст, которому придан вид телеграммы начальнику штаба, и в этом телеграфном сообщении Верховный главнокомандующий извещает подчиненного о своем решении. Акт отречения и телеграмма об отречении далеко не одно и то же.

Почему же манифесту об отречении придана форма телеграммы?

Дело в том, что составителю этого документа было очень важно показать, что решение о передаче престола в обход Основных законов великому князю Михаилу принято самим Николаем II добровольно. Не только без всякого давления со стороны Гучкова и Шульгина, но и без какого-либо их участия, потому что император подписал отречение за семь часов до их прибытия в Псков[14]. Точная временная привязка была необходима составителю и по другой причине. 2 марта около 15 часов в Екатерининском зале Таврического дворца было провозглашено создание первого общественного кабинета, который намеревался сохранить монархию с передачей престола Алексею[15]. Это намерение, оглашенное П.В. Милюковым, встретило бурю негодования со стороны «республикански» настроенных рабочих и солдат[16]. Поэтому его пришлось пересмотреть[17]. Составителю «акта отречения» было важно показать, что добровольное решение Николая II передать престол не Алексею, а Михаилу никак не было связано с реакцией на речь Милюкова, ведь «акт отречения» был подписан в Пскове в то самое время, когда Милюков произносил свою речь в Таврическом дворце в Петрограде. Для того, чтобы это выглядело достоверно, требовалось, чтобы в документе было обозначено время подписания документа. Поскольку же в манифестах время суток никогда не обозначалось, манифесту придали вид телеграммы с обозначением часа и минуты, когда она была отправлена. Но сделали это крайне неудачно.

2 марта Николай II записал в дневнике: «Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого»[18].

Если бы не было этой записи, можно было бы усомниться, подписывал ли император какой-либо манифест. Но из записи явствует непреложно, что в результате переговоров Николай передал манифест, «подписанный и переделанный». В 0.28 3 марта генерал-квартирмейстер штаба Северного фронта

В.Г. Болдырев передал по телеграфу генерал-квартирмейстеру Ставки А.С. Лукомскому: «Манифест подписан. Передача задержана снятием дубликата, который по подписании государем будет вручен депутату Гучкову, после чего передача будет продолжена»[19]. Итак, был «подписанный и переделанный манифест» и его дубликат.

В 1 час ночи Николай отправился из Пскова в Ставку, Гучков и Шульгин уехали из Пскова в Петроград в 3 часа ночи. Не ранее 3.19, а, скорее всего, позже, из Ставки стали передавать текст манифеста главкомам фронтов, который потом появился в газетах[20]. Что же делали делегаты с половины первого до трех? В Чрезвычайной следственной комиссии Гучков утверждал, что уехал, как только получил манифест.

В 1975 г., за год до своей смерти, девяностосемилетний Шульгин убеждал писателя М.К. Касвинова, автора книги «Двадцать три ступени вниз», что Николай II подписал текст манифеста, привезенный Гучковым и Шульгиным из Петрограда[21]. На самом деле, Николай подписал манифест, основной текст которого прислали из Могилева, где находилась Ставка[22]. Текст манифеста был выработан директором дипломатической канцелярии Ставки Н.А. Базили вместе с генералом Лукомским и отредактирован начальником штаба главковерха М.В. Алексеевым[23]. Этот текст был прислан из Ставки в половине девятого вечера и находился в руках главкома Северного фронта генерала Н.В. Рузского[24]. Именно этот текст и был положен в основу того проекта, который потом передали в Ставку, а затем главкомам и в печать.

В проекте, присланном из Могилева, говорилось: «В соответствии с установленным Основными законами порядком мы передаем наследие наше дорогому сыну нашему… Алексею Николаевичу и благославляем его вступление на престол Государства Российского. Возлагаем на брата нашего великого князя Михаила Александровича обязанности правителя империи на время до совершеннолетия сына нашего. Заповедуем сыну нашему, а равно и на время несовершеннолетия его правителю империи править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут им установлены»[25].

В окончательном тексте, привезенном Гучковым и Шульгиным из Пскова этот пассаж был заменен такими словами: «Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского. Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу»[26].

Как видим, из первоначального проекта удалили, прежде всего, упоминание о соответствии с основными законами. Интересно, что полковник А.А. Мордвинов вспоминал, что начальника военно-походной канцелярии К.А. Нарышкина посылали в соседний вагон справиться с Основными законами[27]. Удаление из текста ссылки на Основные законы говорит о многом: составитель прекрасно осознавал, что его формула этим законам противоречит. Престол передавался не Алексею, а Михаилу, что вопиющим образом противоречило установленному законом порядку престолонаследия.

В текст манифеста была введена еще одна существенная поправка: новый монарх должен был принести ненарушимую присягу на верность конституции, которая будет выработана.

Сегодня известны два экземпляра текста манифеста с подписью Николая II. Один из них дошел до нас в рукописи. Он хранится в личном фонде Николая II в Государственном архиве Российской Федерации[28]. Другой дошел до нас в фотокопии[29]. Местонахождение подлинника этого фотографического экземпляра не обнаружено. Кроме того, в интернете размещена фотокопия, опубликованная в 1919 г. в Нью-Йорке Ю.В. Ломоносовым с датой «2-го марта 15 час. мин. 1917 г.». Неизвестно, что собой представлял этот экземпляр – машинопись или только фотокопию[30]. Оба экземпляра напечатаны на пишущей машинке на листе большого формата. На обоих экземплярах в левом углу помещено слово «Ставка». Затем посредине текста вместо заглавия написано: «Начальнику штаба». После текста манифеста в нижнем левом углу на машинке напечатано: «Г. Псков Марта час. мин. 1917 г.». В правом нижнем углу машинописного экземпляра находится ка-

рандашная подпись Николая. В нижнем углу под обозначением даты имеется скрепа чернилами: «Министр императорского двора генерал-адъютант граф Фредерикс».

Оба экземпляра отличаются тем, что на одном, подписанном Николаем II тонким химическим карандашом, вписано время: «2-го марта 15 час. мин. 1917 г.». На другом же, подписанном Николаем чернилами, время обозначено иначе: 2 марта 15 час. 5 мин. 1917 г.». Никаких других карандашных пометок царя на этих экземплярах нет.

Скажем сразу, что оба разновременных экземпляра «Акта» производят довольно странное впечатление[31]. Возникает естественное подозрение, не сфабрикованы ли они?

В Чрезвычайной следственной комиссии Гучкова спросили, чем можно объяснить, что отречение было обращено к начальнику штаба? Гучков ответил: «Нет, акт отречения был безымянным. Но когда этот акт был зашифрован, предполагалось послать его по следующим адресам: по адресу председателя Государственной думы Родзянко и затем главнокомандующих фронтами для обнародования в войсках». Следователь уточнил: «Так что вы получили его на руки без обращения?». Гучков подтвердил: «Без обращения»[32].

Вопрос следователя был вполне закономерен. Манифест не может быть без обращения к тем, кому адресован. Примечательно, что когда дело дошло до публикации в армиях фронта акта отречения Николая II, генерал Данилов, который в 4-м часу ночи 3 марта передавал текст в Могилев, обратился в Ставку с просьбой телеграфировать в Псков текст акта об отречении «целиком, не исключая заголовка». Из Ставки ответили: акт представляет собой «текст манифеста об отречении от престола, который был получен по телеграфу от вас. Нужно ли повторять? Изменений там нет»[33].

Данилов недоумевал, нужен заголовок и какой? Ему никак не верилось, что переданный им текст – это и есть акт об отречении. Именно в таком же положении оказались редакции некоторых газет. Так, например, «Утро России», распространявшее официальную версию Гучкова и Шульгина, опубликовало текст телеграммы Николая II об отречении с шапкой, необходимой для им-

ператорского манифеста: «Божьей милостью, мы. Николай Второй…», потому что могло показаться невероятным, что манифест не имел титула. Необходимо было убедить читателя в том, что Николай II подписал акт отречения, а не какую-то «филькину грамоту». Но для этого пришлось опубликовать сфабрикованный текст, которого император никогда не подписывал[34].

Ответ Гучкова следователю Чрезвычайной следственной комиссии крайне важен. Если акт был безымянным (что, кстати сказать, само по себе уже нонсенс), то дубликат (или дубликаты) были бы тоже безымянными. Если же дубликаты снимались после того, как «акт был зашифрован», то в дубликатах был бы шифр, а не расшифровка. Можно, конечно, допустить, что Гучков неудачно выразился. Он имел в виду, что безымянному тексту, подписанному Николаем, придали вид телеграммы, подготовленной для передачи по телеграфу, а затем, до того как ее зашифровали, сняли с получившегося текста копию, принесенную потом на подпись царю.

Все равно концы не сходятся с концами. Какой же дубликат, если текст копии и оригинала не совпадают? Сам факт существования двух экземпляров «Акта» с различным обозначением времени подписания, дезавуирует подлинность каждого в отдельности.

Нельзя не отметить, что форма телеграммы «акту отречения» придана довольно неудачно. Гучков утверждал на следствии, что предполагалось послать акт по адресу председателя Государственной думы М.В. Родзянко[35], а между тем телеграмма адресована вовсе не председателю. Она оформлена как предназначавшаяся генералу М.В. Алексееву.

Между тем, Николай II по-иному оформлял свои телеграммы. Это хорошо видно из собственноручно написанной им между 15 и 16 часами 2 марта телеграмм Родзянко и Алексееву, в которых император объявлял им о своей готовности отречься. Вначале он указывал, кому адресована телеграмма, потом – куда она отправляется. Например, как это отчетливо видно на факсимиле: «Председателю Гос. Думы. Птгр», то есть «Петроград»[36]. Соответственно, телеграмма Алексееву выглядела так: «Наштаверх. Ставка». «Наштаверх» – это означало «начальнику штаба Верховного главнокомандующего». В единичных случаях он писал так: «Начальнику штаба. Ставка»[37]. Но принцип «Куда. Кому» неукоснительно соблюдался императором. «Ставка», как место пребывания адресата, никогда не предшествовала указанию его имени или должности. На документе же мы читаем: «Ставка. Начальнику штаба». Обращает на себя внимание то, что именно так адресовал свои телеграммы Гучков. На телеграмме, отправленной им в столицу в первом часу ночи 3 марта, есть пометка красным карандашом: «Петроград. Начальнику Главного штаба»[38]. Так же оформлял свои телеграммы и Рузский. На телеграмме, отправленной им 2 марта 1917 г в 21.40, читаем: «Петроград. Председателю Государственной Думы Родзянко»[39]. Таким же образом адресована его телеграмма императору от 27 февраля 1917 г.: «Ставка. Его императорскому величеству государю императору»[40].

Дата телеграммы на абдикационном документе проставлена совершенно безграмотно. Действительно, телеграммы, которые отсылал генерал Данилов из штаба Северного фронта, заканчивались так: «Псков. Число. Месяц. Час. Минута». Потом обязательно следовал номер телеграммы. Например, «1244 Б»[41]. Затем следовала подпись. Нетрудно заметить, что на «акте отречения» нет номера телеграммы, который обязательно должен был бы здесь находиться, если бы она действительно была подготовлена к отправке. Да и сама дата выглядит несколько странно: «2-го Марта 15 час 5 мин 1917 г.».

Как правило, год в телеграммах не обозначался, а если обозначался, то цифры года должны были следовать после написания дня месяца, например, «2 марта 1917 г.», а отнюдь не после указания точного времени. На «акте отречения» мы как раз видим несколько необычное сочетание: «…15 час 5 мин. 1917 г.». Причем, на том, экземпляре, который дошел до нас в машинописи, дата была подчищена[42].

Слово «Г. Псков» напечатано на другой машинке, с более мелким шрифтом, чем основной текст документа. Как уже отмечалось, никакие подчистки в рукописи манифеста, который должен был обрести законную силу, не допускались.

Как же объяснить отмеченные выше несуразности?

И Шульгин, и Гучков по возвращении из Пскова подробнейшим образом описали, как Николай II отрекался. Правда, «акта отречения» никто так и не увидел. Всю последующую жизнь они отстаивали свою версию произошедшего в Пскове. Сегодня ни одна книга о Николае II не обходится без сочного описания Шульгина о том, как отрекался император. А между тем то, что так охотно и подробно описывали Шульгин и Гучков, являлось тщательно продуманной ложью. Согласно официальной версии Шульгина-Гучкова, изложенной в газетном интервью и получившей широкую огласку благодаря ее немедленной публикации, дело обстояло так.

Когда посланцы прибыли в Псков, они были сразу же проведены в вагон-салон императора. Гучков произнес длинную речь, закончив тем, что единственным выходом из создавшегося положения было бы отречение Николая от престола в пользу малолетнего Алексея с назначением регентом великого князя Михаила. Затем царь спокойно сообщил, что он уже принял решение. До 3 ч. дня он был готов отречься в пользу сына, но затем понял, что расстаться со своим сыном не способен и решил отречься в пользу брата. Предложение застало делегатов врасплох. Гучков и Шульгин приняли близко к сердцу чувства отца, и поэтому не захотели оказывать давление на родителя. Кроме того, Шульгин сказал, что необходимо, чтобы монарх присягнул на верность конституции. Однако регент не может этого сделать за малолетнего царя. При вступлении на престол Михаила это неудобство устраняется. «Таким образом, – констатировал Шульгин, – мы выразили согласие на отречение в пользу Михаила Александровича».

Николай вышел из вагона, а затем вернулся с актом отречения. Прочитав текст, Шульгин предложил пассаж о заповеди брату править страной в единении с представителями народа в законодательных учреждениях, вставить фразу: «принеся в том всенародную присягу». Николай это сделал, заменил слово «всенародную» на «ненарушимую». Акт был написан на двух или трех листочках небольшого формата с помощью пишущей машинки. На заглавном листе стояло слева слово «Ставка», а справа – «Начальнику штаба». Подпись была сделана карандашом. С Рузским было условлено, что в виду «бурных обстоятельств Петрограда»

будет два экземпляра акта, подписанных собственноручно. Первый экземпляр на листочках маленького формата остался у Рузского. Второй экземпляр на листе большого формата, также написанный на пишущей машинке, подписанный Николаем карандашом и скрепленный пером Фредериксом, депутаты взяли с собой, оставив расписку в получении. По приезде этот экземпляр передали в надежные руки, потому что он подвергался «опасности»[43].

Итак, формула, передающая престол Михаилу, была изобретена самим Николаем еще до приезда депутатов и содержалась в тексте, который им передал царь. Они лишь предложили внести в нее незначительную поправку: Михаил должен был принести присягу на верность конституции. Николай сделал это дополнение собственноручно. Все «особенности» оформления документа («Ставка. Начальнику штаба») уже содержались в тексте, который Николай принес с собой.

Та же версия с обильными лирическими отступлениями была потом опубликована Шульгиным в 1925 г. в воспоминаниях под названием «Дни». Здесь еще упоминается, как уже отрекшийся царь поставил Г.Е. Львова во главе правительства[44].

Ту же версию изложил и Гучков в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. С Шульгиным он расходился только в незначительных деталях[45]. Наконец, в подтверждение версии Шульгина-Гучкова, был сфабрикован документ, который обычно принято называть «Протоколом отречения Николая II». На самом деле это – апокриф. Он излагает, «в лицах», версию Шульгина-Гучкова в варианте Гучкова[46]. Так называемый «протокол» отличается от показаний Гучкова в Чрезвычайной следственной комиссии тем, что здесь более пространно изложена речь Гучкова. Недостоверным следует признать и запись в камер-фурьерском журнале, излагающем ту же версию[47].

Между тем, существуют подлинные документы, возникшие в то время, когда фабриковался «акт отречения», которые дают возможность опровергнуть все то, что Гуков и Шульгин потом рассказывали об отречении Николая II. Это – телеграммы, отправленные из Пскова в первые утренние часы 3 марта. Они то и дают возможность отбросить позднейшие свидетельства Гучкова-Шульгина, как недостоверные.

Когда Гучков и Шульгин вышли из вагона-салона, начальник штаба Северного фронта Данилов в 1.00 3 марта послал официальную телеграмму начальнику штаба Верховного главнокомандующего Алексееву: «Его величеством подписаны указы Правительствующему сенату о бытии председателем Совета министров князю Г.Е. Львову и верховным главнокомандующим… великому князю Николаю Николаевичу. Государь император изволил затем подписать акт отречения от престола… Манифест и указы передаются дополнительно»[48].

Кроме того, выйдя из вагона императора, в первом часу ночи Гучков и Шульгин послали телеграмму в Петроград начальнику Главного штаба генералу Н.П. Михневичу, в которой говорилось о том, что поручение образовать новое правительство дается Львову, Верховным главнокомандующим назначается Николай Николаевич. «Манифест последует немедленно»[49].

Из телеграмм явствует: вначале Николай подписал указ о назначении Львова председателем Совета министров и только потом манифест об отречении. Это и понятно. Иначе быть не могло. Царская санкция на легитимную передачу власти первому общественному кабинету от еще не отрекшегося, а, следовательно, правоспособного монарха была главной целью поездки Гучкова и Шульгина в Псков. То есть, император должен был законно передать власть Временному правительству, а потом только отречься. Соответственно, указ о назначении Львова председателем Совета министров был помечен 14 ч., а «акт отречения» 15 ч. Не случайно газета «Известия» в передовице сообщила вначале о назначении Львова, а только потом об отречении Николая II[50]. Первое обязательно должно было предшествовать второму.

Шульгин же и Гучков утверждали обратное. Очевидно, диалог между Николаем II и бывшими депутатами ни в коем случае не мог не быть таким, каким они его выстроили постфактум. Следовательно, все, что рассказали Шульгин и Гучков об обстоятельствах отречения Николая II, не заслуживает никакого доверия и должно быть отброшено как недостоверное. В связи с этим вызывает сомнение и сообщение о существовании чернового проекта «акта отречения», напечатанного на машинке на двух-трех телеграфных листках с карандашной правкой Николая. До сих пор

такого экземпляра не обнаружено и сомнительно, что он вообще существовал. А в этом экземпляре, якобы принесенном самим Николаем в вагон, уже содержалась формула о передаче престола Михаилу.

К этому же выводу приводит и телеграмма, которую Шульгин и Гучков отправили в Петроград начальнику Главного штаба в тот момент, когда переговоры с Николаем подошли к концу: «Просим передать председателю Думы Родзянко: “Государь дал согласие на отречение от престола в пользу вел. кн. Михаила”»[51].

В воспоминаниях и интервью Шульгин и Гучков утверждали, что формулу манифеста «не желая расстаться с любимым сыном… передаем наследие брату», предложил сам Николай II[52]. Телеграмма Гукова и Шульгина не оставляет сомнений: это важнейшее положение «Акта отречения» исходило от посланцев из Петрограда. Николай же лишь с ним согласился. Положение это вопиюще противоречило основным законам о порядке престолонаследия. Но у Шульгина и Гучкова не было иного выхода. Им было необходимо найти такую юридическую формулу, которая узаконила бы передачу власти в руки Временному правительству. Но при этом необходимо было учитывать, что, с одной стороны, Временный комитет Государственной думы хотел вписать этот «первый общественный кабинет» в рамки конституционной монархии, а с другой – Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов добивался того, чтобы до созыва Учредительного собрания форма будущего государственного правления не предрешалась[53]. Вступление на престол Михаила имело то преимущество перед воцарением Алексея, что Михаил был полномочен дать присягу править в соответствии с теми началами государственного управления, которые будут установлены, малолетний же государь такой присяги дать не мог.

Поэтому стремление Гучкова и Шульгина получить документ об отречении Николая II в пользу Михаила любой ценой, пусть даже с вопиющим нарушением порядка престолонаследия, вполне объяснимо. Оно диктовалось необходимостью найти компромисс в борьбе Временного комитета с Советом рабочих депутатов.

Но возникает вопрос – почему Николай II дал свое согласие на такое противозаконное предложение?

Обычно решение Николая II отречься объясняют тем, что он понял, что потерял поддержку армии и «рекомендации» главнокомандующих фронтами по вопросу о необходимости отречения окончательно убедили его в том, что иного пути не осталось. Однако при этом упускается из виду одно обстоятельство, которое, по всей видимости, сыграло важнейшую роль и определило тактику царя.

1 марта Николай II, прибыв в Псков, записал в дневнике: «Стыд и позор! Доехать до Царского Села не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бедной Аликс, должно быть, тягостно одной переживать все эти события! Помоги нам Господь!»[54]. Это ярчайшее свидетельство того, что в момент, когда решалась судьба династии, Николай II думал прежде всего о жене, о семье, а не о своей власти.

О том, что именно необходимость спасти жизнь жены и детей может стать самым важным аргументом при решении вопроса о судьбе трона, прекрасно было известно в Ставке, добивающейся отречения императора. Поэтому ему и были сообщены ложные сведения.

Около 9 ч. 2 марта генерал А.С. Лукомский передал из Ставки в Псков Данилову, что выбора нет, и отречение должно состояться. «Надо помнить, что вся царская семья находится в руках мятежных войск, ибо по полученным известиям, дворец в Царском Селе занят войсками. Если царь откажется, то, вероятно, произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать царским детям, а затем начнется междоусобная война»[55]. Лукомский отлично знал, какую силу может иметь в глазах Николая этот аргумент о жене и детях-заложниках.

Около 15 ч. главком Северного фронта Рузский представил Николаю ответы главнокомандующих фронтами на запрос Алексеева о целесообразности отречения[56]. Вместе с телеграммой Алексеева об этом Рузский предъявил императору и запись утреннего разговора Клембовского с Болдыревым о положении в Царском Селе и переходе конвоя на сторону Думы. Как свидетельствовал Данилов, для государя «это был очень печальный

факт»[57]. Видимо, он и предопределил дальнейшую тактику Николая II, который объявил о своей готовности отречься, тем не менее, он вовсе не собирался расставаться с властью, а лишь искал способов сохранить ее и спасти семью. Поэтому он был готов поставить свою подпись и под «филькиной грамотой», которая впоследствии, могла бы быть дезавуирована как юридически несостоятельная и подписанная под давлением.

Генерал Данилов, назвавший телеграмму «актом отречения», мог не знать всех юридических тонкостей. Что касается Николая II, то вопрос, знал ли он, даже не следует ставить. Но, может быть, у него не было никакой возможности оформить надлежащим образом акт своего добровольного отречения? Нет ни малейшего сомнения, что такая возможность была. Николай II подписал абдикационный документ в своем вагоне, стоявшем на перроне станции Псков, где находился штаб Северного фронта. Рядом с его поездом располагался свитский вагон. Здесь находилась военно-походная канцелярия императора с персоналом во главе с К.А. Нарышкиным. Служащие канцелярии перепечатывали текст телеграммы на пишущей машинке. Министр императорского двора Фредерикс, командовавший императорской квартирой, через руки которого в течение десятилетий проходили важнейшие документы, скрепил текст телеграммы своей подписью. Николай II подписал текст карандашом, который, как известно, стирается. Может быть, у императора не было в тот момент пера? Фредерикс скрепил карандашную подпись царя под важнейшим документом как раз пером.

Так что все, что надо, у них было.

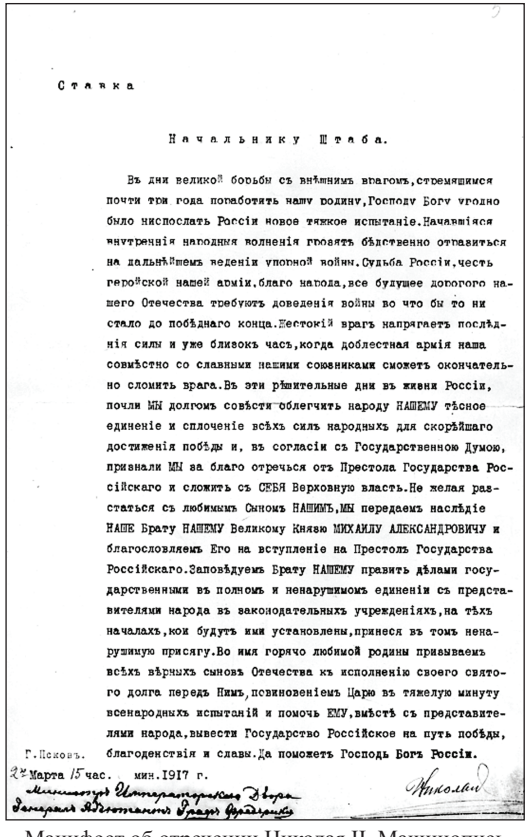
Но может быть, не было времени?

Было и время: императору на размышление дали целую ночь со 2 на 3 марта. За это время рондисты успели бы переписать текст телеграммы и оформить его в виде манифеста даже несколько раз. Раз время и возможность были, чего же не было у Николая? А не было у него доброй воли и свободы действий.

Сообщив в Ставку в 0 ч. 28 мин о том, что Николай II подписал абдикационный документ, Болдырев добавил: «Передача задержана снятием дубликата». В 1.00 Данилов пообещал Алексееву передать текст «дополнительно». Однако в Могилев текст посту-

пил не ранее 2.57. Задержка была объяснена «снятием дубликата». Император, который должен был подписать дубликат, покинул Псков в 1.00. Гучков и Шульгин отправились в Петроград в 3 ч ночи. Ставке, ожидавшей получить текст немедленно по подписании, пришлось ждать более 2 часов. Чем занимались депутаты все это время?

Очевидно, Гучков и Шульгин понимали, что телеграмма об отречении и акт отречения – это далеко не одно и тоже. Им же был совершенно необходим именно акт. Переделка подписанного императором текста в акт требовала времени. Чтобы скрыть от Ставки сам факт переделки абдикационного документа в «акт об отречении», депутаты прибегли к изготовлению дубликата, которого вовсе не требовалось при оформлении манифеста. Но создание дубликата позволяло объяснить, почему текст акта не был телеграфирован в Ставку сразу же по подписании. Более двух часов они потратили на то, чтобы придать абдикационному документу торжественный вид: то есть, превратить его в форму акта и манифеста. Два с половиной часа потребовалась на то, чтобы текст манифеста представить в виде телеграммы начальнику штаба Ставки с точной временной привязкой.



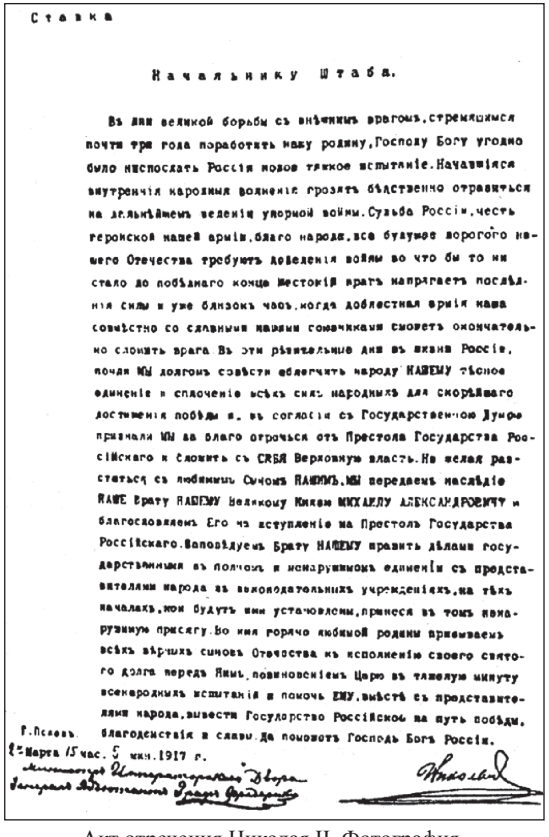
Ставка

Начальнику Штаба.

Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совмѣстно со славными нашими союзниками сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи, почли Мы долгомъ совѣсти облегчить народу НАШЕМУ тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственною Думою, признали Мы за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ СЕБЯ Верховную власть. Не желая разстаться съ любимымъ Сыномъ НАШИМЪ, Мы передаемъ наслѣдіе НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляемъ Его на вступленіе на Престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату НАШЕМУ править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ, на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ Нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь ЕМУ, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

Г. Псковъ.
2-е Марта 15 час. мин. 1917 г.

Манифест об отречении Николая II. Машинопись
Abdication Manifesto of Nicholas II. Typewritten text.



Ставка

Начальнику Штаба.

Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣдния силы и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совмѣстно со славными нашими союзниками сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи, почли Мы долгомъ совѣсти облегчить народу НАШЕМУ тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственною Думою признали Мы за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ СЕБЯ Верховную власть. Не желая разстаться съ любимымъ Сыномъ НАШИМЪ, Мы передаемъ наслѣдіе НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляемъ Его на вступленіе на Престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату НАШЕМУ править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ, на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ Нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь ЕМУ, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

г. Псковъ.
2-е Марта 15 час. 5 мин. 1917 г.

Акт отречения Николая II. Фотография.
Act of abdication of Nicholas II. Photograph.

Никто из историков не пытался объяснить, для какой цели было изготовлено несколько экземпляров, и как они создавались. А между тем, сам факт создания разновременных дубликатов «манифеста» с подчисткой в датах, вскрывает фабрикацию «акта».

Сравним введенные в научный оборот экземпляры.

1. Машинопись с датой «2-го марта 15 час. мин. 1917 г.». Перед словом «мин» стерта цифра «5», переделанная из тройки. То есть, первоначальная дата читалась: «2-го марта 15 час. 3 мин. 1917 г.», затем ее переделали в «2-го марта 15 час. 5 мин. 1917 г.»;

2. Фотокопия с датой «2-го марта 15 час. 5 мин. 1917 гг.». Здесь цифра «5», указывающая минуты, переделана из тройки. Подлинник, с которого была снята фотокопия, неизвестен.

3. Опубликованная в Нью-Йорке Ю.В. Ломоносовым фотография с датой «2-го марта 15 час. мин. 1917 г.».

На первых двух экземплярах подписи Николая с торжественным росчерком идентичны. Как и скрепа генерал-адъютанта

В.Б. Фредерикса, только на первом автограф царя сделан карандашом, а на втором обведен чернилами. На третьем же экземпляре подпись царя без росчерка и имеет отличия от первых двух в написании отдельных букв, очевидные даже не для профессионала.

Сопоставление экземпляров позволяет частично восстановить процесс работы над ними. Обычно на подписи телеграмм император не делал росчерка, как это требовалось в особо торжественных случаях[58]. Такая подпись на телеграмме не заверялась министром двора.

Составители «акта» использовали бланк с карандашной подписью Николая II. Впечатали в него текст абдикационного документа, возможно, внеся в него поправки, не исключая и порядка престолонаследия.

Фредерикса, под угрозой расправы с его семьей, заставили поставить свою скрепу на листе, подписанном Николаем II[59]. Напечатали адрес «Ставка. Начальнику штаба», если только этой надписи не было ранее на бланке. К привычной датировке, употребляемой в телеграммах, возможно уже имевшейся на бланке, «Псков. Марта час. мин.» припечатали еще обозначение года «1917 г.» и вписали от руки карандашом «2-го» и «15».

В итоге получили нелепую дату «2-го марта 15 час. мин. 1917 г.». Затем текст, якобы подписанный Николаем как телеграмма со всеми добавленными в него «аксессуарами» торжественного акта, сфотографировали. На обоих экземплярах текста – на машинописном и фотографическом – подписи царя и скрепа Фредерикса, естественно, получились идентичными. Но прежде чем делать фотографию, в дату, обозначавшую минуты, вписали цифру «3». Получился «дубликат», созданный на три минуты позже оригинала. Это как бы доказывало, что вначале Николай подписал первый экземпляр, потом текст перепечатали и он вновь поставил свою подпись на перепечатанном тексте. Вначале «отпустили» на перепечатку второго экземпляра 3 минуты, но потом решили, что этого мало и «удлинили» перепечатку до 5 минут. Получившийся текст сфотографировали. Для того, чтобы «дубликат» отличался от оригинала, якобы подписанного на пять минут раньше, в первоначальной машинописи стерли цифру 5. После этого к подписи Николая на обоих экземплярах, на машинописном и фотографическом, прибавили росчерк. Но он оказался, что вполне естественно, не вполне совпадающем на каждом из них. Затем созданный таким образом «акт» был телеграфирован в Ставку, и после опубликован в газетах с отсутствующей на снимке громоздкой «шапкой», обязательной для манифеста. Все эти махинации могут объяснить, почему вместо самих документов предпочитали оперировать фотографическими копиями: на них не все видно. Во всяком случае, подчисток не увидишь.

Остается неясным, какой этап работы отражает экземпляр с подписью без росчерка, известный только по американской публикации. Возможно, это – пробный экземпляр, созданный на бланке с иной подписью царя без росчерка для выяснения возможности расположения всех элементов текста на бумаге такого формата.

Очевидно, вся эта работа была выполнена Гучковым, Шульгиным, Даниловым и, возможно, Рузским. Данилов в своих мемуарах упоминает о том, что делал фотографические снимки с этих документов[60]. Таким образом, якобы существующая необходимость «снятия дубликата» в действительности была призвана скрыть переработку абдикационного документа в «акт отречения», в форме «манифеста», то есть фальсификацию этого судьбоносного для России документа.

Вместо того, чтобы «вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы», этому фальшивому документу было суждено поставить последнюю точку в более чем трехсотлетней истории правления династии Романовых и ознаменовал гибель монархии в России. Вместо «пути победы» он привел к развалу Российской империи и, в конечном итоге, поставил крест на ее наметившихся геополитических перспективах[61].

Примечания

1 Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. – М., 1990. – С. 33. *Otrechenie Nikolaja II. Vospominanija ochevidcev, dokumenty* [Abdication of Nicolas II. Eye-witness recollections and documents]. M., 1990. P. 33.

2 Известия. – 1917. – 2 марта. Izvestija [News]. March 2, 1917.

3 Красный архив. – 1927. – № 3. – С. 15. *Krasnyj arhiv* [The Red Archive], 1927, no. 3, p. 15.

4 Фотокопия этого документа воспроизведена на обложке книги «Отречение Николая II...». [Photocopy of this document reproduced on the cover of the book "Abdication of Nicolas II…"].

5 Абдикация (лат. abdicatio) – добровольное отречение от престола, отказ от власти, должности или сана.

6 Красный архив. – 1927. – № 3. – С. 15. *Krasnyj arhiv* [The Red Archive], 1927, no. 3, p. 15.

7 *Островский А.В., Сафонов М.М.* 15–17 октября 1905 г. В царской резиденции. (Из записок А.А. Будберга) // Английская набережная, 4. – СПб., 1997. – С. 403. Ostrovskij A.V., Safonov M.M. *15–17 oktjabrja 1905 g. V carskoj rezidencii. (Iz zapisok A.A. Budberga)* [At the Tsar Residence: October 15–17, 1905. Memoirs of A.A. Budberg]. Anglijskaja naberezhnaja [The English Embankment], 4. SPb., 1997. P. 403.

8 *Мосолов А.А.* При дворе императора. – Рига, [б.г.]. – С. 139. Mosolov A.A. *Pri dvore imperatora* [At the Emperor's court]. Riga, p. 139.

9 *Островский А.В., Сафонов М.М.* Манифест 17 октября 1905 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л., 1981. – С. 168–188. Ostrovskij A.V., Safonov M.M. *Manifest 17 oktjabrja 1905 g.* [Manifesto of October 17, 1905]. Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny [Auxillary sciences of history]. Vol. 12, L., 1981, pp. 168–188.

10 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 276. Оп. 1. Д 12. Л. 2–11. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA). [The Russian State Military Historical Archive], fond 276, series 1, file 12, pp. 2–11; Красный архив. – 1925. – Т. 4-5 (11-12). – С. 92–94. *Krasnyj arhiv* [The Red Archive], 1925, Vol. 4-5 (11-12), pp. 92-94.

11 Красный архив. – 1925. – Т. 4-5 (11-12). – С. 96. *Krasnyj arhiv* [The Red Archive]. 1925. Vol. 4-5 (11-12), p. 96.

12 Государственный архив Российской федерации (ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 888. Л. 1–2. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj federacii (GARF). [The State Archive of the Russian Federation], fond 601, series 1, file 888, pp. 1–2.

13 *Сафонов М.М.* Отречение… которого не было? // Смена. – 1997. – 14 марта. Safonov M.M. *Otrechenie… kotorogo ne bylo?* [Abdication …That Had Never Been?]. Smena, 14 March, 1997.

14 Российский государственный исторический архив. (РГИА). Ф. 516. Оп. 1 (дополнительная). Д. 25. Л. 9 об. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA). [The Russian State Historical Archive], fond 516, series 1 (additional), file 25, p. 9 verso.

15 *Милюков П.Н.* Воспоминания. – М., 1991. – С. 464. Milyukov P.N. *Vospominanija* [Memoirs]. M., 1991, p. 464.

16 Известия. – 1917. – 3 марта. *Izvestija* [News], 3 March, 1917.

17 *Сафонов М.М.* Ложь и правда об отречении Николая II // Между двух революций. 1905–1917. – СПб, 2005. – С. 245. Safonov M.M. *Lozh' i pravda ob otrechenii Nikolaja* [Falsefoods and truths of the abdication of Nicolas II] Mezhdu dvuh revoljucij. 1905–1917. [Between two revolutions: 1905–1917]. SPb., 2005, p. 245.

18 Отречение Николая II... – С. 34. *Otrechenie Nikolaja II...* [Abdication of Nicolas II…], p. 34.

19 Красный архив. – 1927. № 3. – С. 15. *Krasnyj arhiv* [The Red Archive], 1927, no. 3, p. 15.

20 Там же. – С. 17–18. Ibid., pp. 17–18.

21 *Касвинов М.К.* Двадцать три ступеньки вниз. – М.,1984. – С. 273. Kasvinov M.K. *Dvadcat' tri stupen'ki vniz* [Twenty three steps down]. M., 1984, p. 273.

22 Красный архив. – 1927. – № 3. – С. 7. *Krasnyj arhiv* [The Red Archive], 1927, no. 3, p. 7; Отречение Николая II... – С. 223. *Otrechenie Nikolaja II...* [Abdication of Nicolas II…], p. 223.

23 Sworakowskii, W.S. The Authorship of the Abdication Document of Nicholas II. Russian Review. Vol. 30 (1971), no. 3, pp. 277–286.

24 Красный архив. – 1927. – № 3. – С. 7. *Krasnyj arhiv* [The Red Archive], 1927, No. 3, p. 7.

25 Там же. Ibid.

26 Отречение Николая II... – С. 223. *Otrechenie Nikolaja II...* [Abdication of Nicolas II…], p. 223.

27 Там же. – С. 111–119. Ibid., pp. 111–119.

28 ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100 а. Л. 5. GARF, fond 601, series 1, file 2100 a. p. 5. Фотокопия этого экземпляра воспроизведена на обложке книги «Отречение Николая II...». "Otrechenie Nikolaja II..." [Abdication of Nicolas II…]. (*Сафонов М.М.* Не царское это дело. Safonov M.M. *Ne carskoe jeto delo* [This is not a tsar's business]. Gorod-812, 2013, no. 8 (206), March, pp. 28–30.

29 Текст этого экземпляра был напечатан в сборнике «Отречение Николая II...» (С. 223). *"Otrechenie Nikolaja II..."* [Abdication of Nicolas II…], p. 223. Фотокопия этого документа была воспроизведена в книге: *Ненароков А.П.* 1917: Краткая история, документы, фотографии. Nenarokov A.P. *1917. Kratkaja istorija, dokumenty, fotografii* [1917. History of Photography in Brief: Documents, Photographs]. M., 1980, p. 53.

30 Lomonosov, Major-General G.V. Memoirs of the Russian Revolution. New York: Rand School of Social Studies, n.d. [1919?]. 87 p. К сожалению, с этим экземпляром автору ознакомиться не удалось de visu. См.: *Разумов А.Б.* Подпись императора. Несколько замечаний по «Отречению Николая II». Электронный ресурс. Режим доступа: samoderjavie.ru/node/452 (Дата обращения 10 мая 2014 г.). Razumov A.B. *Podpis' imperatora. Neskol'ko zamechanij po "Otrecheniju Nikolaja II"* [Signature of the Emperor. Some Remarks on "Abdication of Nicolas II"]. Available at: samoderjavie.ru/node/452 (accessed 10.05.2014).

31 Оба экземпляра вместе воспроизведены в книге «Между двух революций. 1905–1917» (С. 260, 263). *Mezhdu dvuh revoljucij. 1905–1917* [Between two revolutions: 1905–1917]. SPb., 2005, pp. 260, 263.

32 Падение царского режима. Т. VI. – М., Л., 1926. – С. 219. *Padenie carskogo rezhima* [The fall of the Tsar's regime], Vol. 6, M., L., 1926, p. 219.

33 Красный архив. – 1927. – № 3. – С. 46. *Krasnyj arhiv* [The Red Archive], 1927, No. 3, p. 46.

34 Утро России. – 1917. – 4 марта. *Utro Rossii* [Morning of Russia], 1917, March 4.

35 Падение царского режима. Т. VI. С. 269. *Padenie carskogo rezhima* [The fall of the Tsar's regime], Vol. 6, p. 269.

36 Факсимиле этой телеграммы воспроизведено в книге: *Мартынов Е.И.* Царская армия в февральском перевороте. – Л., 1927. – С. 159. Martynov E.I.

Carskaja armija v fevral'skom perevorote [Tsar's Army in the February Revolution]. L., 1927, p. 159.

37 Отречение… – С. 235. Otrechenie… [Abdication…], p. 235.

38 Красный архив. – 1927. – № 3. – С. 15. *Krasnyj arhiv* [The Red Archive], 1927, no. 3, p. 15.

39 Там же. С. 10. Ibid., p. 10.

40 Отречение Николая II... – С. 225. Otrechenie Nikolaja II... [Abdication of Nicolas II…], p. 225.

41 Там же. С. 16. Ibid., p. 16.

42 См. подробнее: *Сафонов М.М.* С.Ф. Платонов и акт отречения Николая II // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова. СПб: «Любавич», 2011. С. 146–164. Safonov M.M. *S.F. Platonov i akt otrechenija Nikolaja II* [Platonov and act of abdication of Nicholas II]. Pamjati akademika Sergeja Fedorovicha Platonova [In memory of academician Sergey Fedorovich Platonov]. SPb, "Lubavich" Publ., 2011, pp. 146–164.

43 Отречение Николая II... – С. 169–172. Otrechenie Nikolaja II... [Abdication of Nicolas II…], pp. 169–172.

44 Там же. С. 186. Ibid., p. 186.

45 Там же. С. 190–192. Ibid., pp. 190–192.

46 *Сторожев В.Н.* Февральская революция 1917 г. // Научные известия (Академический центр Наркомпроса РСФСР). – СПб., 1922. – С. 138. Storog'ev V.N. *Fevral'skaja revolucija 1917 g.* [The February Revolution of 1917]. Nauchnye izvestia. (Akademicheskij centr Narkomprossa). [Science Update of the Academic Centre of the People's Commissariat for Education (Narkompros) of the RSFSR]. SPb., 1922. P. 138.

47 РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (дополнительная). Д. 25. Л. 9 об. RGIA, fond 516, series 1 (additional), file 25, p. 9 verso.

48 Красный архив. – 1927. – № 3. – С. 16. *Krasnyj arhiv* [The Red Archive], 1927, no. 3, p. 16.

49 Там же. С. 15–16. Ibid., pp. 15–16.

50 Известия. – 1917. – 4 марта. *Izvestija* [News], 4 March, 1917.

51 Красный архив. – 1927. – № 3. – С. 15. *Krasnyj arhiv* [The Red Archive], 1927, no. 3, p. 15.

52 Отречение Николая II... – С. 170–182. 172 Otrechenie Nikolaja II... [Abdication of Nicolas II…], pp. 170–182.

53 См. подробнее: *Сафонов М.М.* Ложь и правда об отречении Николая II… – С. 234–235. Safonov M.M. *Lozh' i pravda ob otrechenii Nikolaja* [Falsefoods and truths of the abdication of Nicolas II] Mezhdu dvuh revoljucij. 1905–1917. [Between two revolutions: 1905–1917]. SPb., 2005, pp. 234–235.

54 Отречение Николая II... – С. 34. Otrechenie Nikolaja II... [Abdication of Nicolas II…], p. 34.

55 Красный архив. – 1927. – № 2. – С. 75. *Krasnyj arhiv* [The Red Archive], 1927, no. 2, p. 75.

56 Там же. С. 72–73. Ibid., pp. 72–73.

57 *Данилов Ю.В.* Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче // Архив русской революции. Т. 19. – Берлин, 1928. – С. 229. Danilov U.V *Moi vospominanija ob imperatore Nikolae II i velikom knjaze Mihaile Aleksandroviche* [My Memoirs of the Emperor Nicholas II and Grand Duke Mikhail Alexadrovich]. Arhiv russkoj revolucii [Archive of the Russian Revolution], Vol. 19, Berlin, 1928, p. 229.

58 См. факсимиле: *Мартынов Е.И.* Царская армия в февральском перевороте. Martynov E.I. *Carskaja armija v fevral'skom perevorote* [Tsar's Army in the February Revolution], p. 159.

59 На телеграмме Гучкова и Шульгина начальнику Главного штаба с сообщением о том, что «манифест последует», отправленной, согласно пометке на ней Алексеева в первом часу ночи 3 марта, есть зачеркнутое добавление: «Сообщите немедленно положение семьи Фредерикса». (Красный архив. – 1927. – Т. 3. – С. 16. *Krasnyj arhiv* [The Red Archive], 1927, no. 3, p. 16). Очевидно, министра императорского двора, также как и императора, шантажировали угрозами его семье.

60 *Данилов Ю.В.* Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче… – С. 240. Danilov Yu.V. *Moi vospominanija ob imperatore Nikolae II i velikom knjaze Mihaile Aleksandroviche* [My Memoirs of the Emperor Nicholas II and Grand Duke Mikhail Alexadrovich], p. 240.

61 Изучение сложной истории отречения Николая II, к сожалению, затемняется публикациями разного рода «энтузиастов». Так А.Б. Разумов, не знакомый с историографией вопроса, без участия профессиональных графологов провел сопоставление подписей царя на «актах отречения», а также скрепы Фредерикса и пришел к заключению, что они абсолютно идентичны. К сожалению, автор не подозревал о том, что сравнивал оригинал с фотографией его. Суждения А.Б. Разумова о том, что эти подписи воспроизведены с помощью стекла и лампы с более ранних автографов Николая, также не выдерживают критики, так как отличия в начертании букв видны даже, что называется, невооруженным глазом. См.: *Разумов А.Б.* Указ. соч. Электронный ресурс. Режим доступа: samoderjavie.ru/node/452 (Дата обращения 10 мая 2014 г.). Razumov A.B. Op. cit. Available at: samoderjavie.ru/node/452 (accessed 10.05.2014). «Открытия» В.П. Мультатули также противоречивы. Автор утверждает, что ни Николай II, ни Гучков, ни Шульгин в глаза не видели «акта отречения», потому что он был создан в Петрограде позднее офицерами Генерального штаба или большевиками, с целью «доказательства» отречения Николая II перед западным сообществом. Документ же, начинающийся словами «Ставка. Начальнику штаба», предназначался вовсе не для Ставки и Алексеева, а для некого мифического начальника личного штаба Гучкова, под которым подразумевался А.Ф. Керенский. Mul'tatuli P.V. *Imperator Nikolaj II I zagovor 17 goda* [Emperor Nicholas II and the conspiracy of 1917]. M.: "Veche" publ.

Список литературы

1. *Мартынов Е.И.* Царская армия в февральском перевороте. – Л.: Изд-во РВС СССР, 1927. – 212 с.

2. *Мультатули П.В.* Imperator Nikolaj II I zagovor 17 goda. [Emperor Nicholas II and the conspiracy of 1917]. Moscow, "Veche" Publ.

3. *Разумов А.Б.* Подпись императора. Несколько замечаний по «Отречению Николая II». Электронный ресурс. Режим доступа: samoderjavie.ru/node/452 (Дата обращения 10 мая 2014 г.).

4. *Сафонов М.М.* Отречение… Которого не было? // Смена. – 1997. – 14 марта.
5. *Сафонов М.М.* Ложь и правда об отречении Николая II // Между двух революций. 1905–1917. – СПб.: Изд-во Нестор-История. – 2005. – С. 212–272.
6. *Сафонов М.М.* С.Ф. Платонов и акт отречения Николая II // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова. – СПб.: Изд-во Любавич. – 2011. – С. 146–164.
7. *Сафонов М.М.* Не царское это дело // Город-812. – 2013. – № 8 (206). – Март. – С. 28–31.
8. *Swokakowski W.* The autorship of the abdication document of Nicholas II // The Russian Review. 1971. № 30. P. 227–286.

References

1. Martynov E.I. *Carskaja armija v fevral'skom perevorote* [Tsar's Army in the February Revolution]. Leningrad, Revvoyensovyet of the USSR Publ. 1927. 212 p.
2. Mul'tatuli P.V. *Imperator Nikolaj II I zagovor 17 goda* [Emperor Nicholas II and the conspiracy of 1917]. Moscow, "Veche" Publ.
3. Razumov A.B. *Podpis' imperatora. Neskol'ko zamechanij po "Otrecheniju Nikolaja II"* [Signature of the Emperor. Some Remarks on "Abdication of Nicolas II"]. Available at: samoderjavie.ru/node/452 (accessed 10.05.2014).
4. Safonov M.M. *Otrechenie... Kotorogo ne bylo?* [Abdication …That Had Never Been?]. Smena. 1997. March, 14.
5. Safonov M.M. *Lozh' i pravda ob otrechenii Nikolaja* [Falsefoods and truths of the abdication of Nicolas II] Mezhdu dvuh revoljucij. 1905–1917. [Between two revolutions: 1905–1917]. St. Peterburg, Nestor-Istorija Publ., 2005, pp. 212–272.
6. Safonov M.M. *S.F. Platonov i akt otrechenija Nikolaja II* [Platonov and act of abdication of Nicholas II]. Pamjati akademika Sergeja Fedorovicha Platonova [In memory of academician Sergey Fedorovich Platonov]. SPb, "Lubavich" Publ., 2011, pp. 146–164.
7. Safonov M.M. *Ne carskoe jeto delo* [This is not a tsar's business]. Gorod-812, 2013, no. 8 (206), March, pp. 28–31.
8. Sworakowskii, W.S. The Authorship of the Abdication Document of Nicholas II. Russian Review. Vol. 30 (1971), No. 3, pp. 277–286.

Сведения об авторах

Сафонов Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 8-812-784-81-39, m.safonov@list.ru

About author

Safonov Mikhail Mikhailovich, PhD in History (candidate of historical sciences), senior researcher at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation, +7-812-784-81-39, m.safonov@list.ru

В.П. ПАШИН,
г. Курск, Российская Федерация

КРЕДИТНО-ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ НЭПА: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Pashin V.P.,
Kursk, Russian Federation

Credit and Financial Policy of the Soviet State under the New Economic Policy (NEP): Aspects of Source Studies

Аннотация
В статье проводится анализ содержания тематических сборников документов, отдельных нормативно-правовых актов, периодических изданий (журналов) с точки зрения возможности и ракурса их использования при исследовании кредитной системы советского государства в условиях Новой экономической политики (1920-е гг.). Отмечается важность анализа не только содержательной стороны отдельно взятого документа, научной публикации журнала, но и их происхождения, статуса, времени действия. Обращается внимание на состав редакционной коллегии журналов, общей направленности их публикаций. Именно на страницах издаваемых журналов 1920-х гг. ставились и обсуждались дискуссионные вопросы. Подвергались критике партийно-большевистские доктрины о подчинении экономических законов политическим установкам. Анализировались действия правительства в области финансового контроля, контроля над деятельностью банков. Со второй половины 1920-х гг. происходит сокращение статей, публикуемых в дискуссионном порядке, а, тем более, содержащих критику действий государственно-партийных органов. Поэтому публикации журналов последующих десятилетий представляют интерес в основном с фактологической точки зрения. Авторы обязывались выражать не собственную, а государственно-партийную точку зрения. С историко-правовой точки зрения представляют интерес документы низовых структур банковской системы, хранящиеся в фондах архивов. Документы данной группы позволяют выявить непосредственную реализацию на местах общей государственной политики. Здесь исследователей ждут новые открытия, позволяющие уйти от интерпретации давно известных фактов. Важно исследовать комплекс документальных источников, как опубликованных, так и архивных, всероссийского и местного статуса и происхождения. Только их выявление и сопоставление позво-

лит приблизить исследователя к объективной истине. Анализ публикаций позволяет проникнуться атмосферой времени. Исследователи нередко абстрагируются от эпохи времени и обстановки.

Abstract
The article analyzes contents of thematic readers and collections of documents, certain laws and regulations, as well as periodicals, and assesses their potential for studying credit system of the Soviet state under the New Economic Policy (1920). The author contends the importance of studying not only the contents document or of a scientific publication in a magazine, but its provenance, status, operation period. He takes note of composition of the magazine editorial board and its publication policy. Magazines in the 1920s were forums where controversial issues were raised and discussed. There was criticized the Party doctrine of the subordination of economic laws to political settings. There were analyzed the government actions in the sphere of financial and bank control. In the late 1920s there was a decrease in number of polemical articles and, most of all, those critical of the party and the government. Publications from the next decades may only be of interest as a source of factual knowledge, as the authors had to express not their own standpoints, but those of the party and the government. Documents of grassroots structures of banking system accumulated in the archival fonds are of interest as historical and legal documents, as they showcase the implementation of state policy on the local level. Herein lies data for new scientific findings, a chance to shift away from interpretation of known facts. To arrive at the truth it is necessary to study the documentary sources, both published and archival, on national and local level. Content analysis of the publications allows the researcher to feel the atmosphere of the time, often missing in the current scholarship.

Ключевые слова
Архивные документы, законодательные акты, нормативная документация, устав банка, журнальные публикации, банк.

Keywords
Archival documents, legislation, regulatory documents, bank statute, magazine publications, bank.

1920-е гг. в отечественной истории вызывали, и, по мнению автора, постоянно будут вызывать научные дискуссии и публичные споры. Даже вопрос о хронологических рамках Новой экономической политики не решен однозначно. Вводили в стране НЭП «всерьез и надолго», или это было «временное отступление», где через год уже требовалось «провести перегруппировку сил» и «повести наступление на капитализм». Но в какой форме повести наступление – в экономико-соревновательной или в административно-законодательной? Эти и многие другие вопросы постоянно будут привлекать внимание гуманитариев-исследователей. Для приближения к истине важна источниковая база исследования, где имеет значение не только количество выявленных фактов, но и их видовое различие, происхождение, время действия и т.д.

В.И. Ленин неоднократно выступал против «левых уклонов» (отрицательных оценок) в отношении военных специалистов, хозяйственников старой школы, ряда деятелей искусства и т.д. Он не раз отмечал, что построить социализм только коммунистическими руками – утопия и что необходимо в будущее взять все лучшее, что накопило человечество[1]. Тем более недопустимо выхватывать цитату, факт из конкретно-исторической обстановки и переносить их в современные условия, или давать им оценки с позиции сегодняшнего дня, вне исторического фона.

Вопросы проблем законодательства, выявления правовых основ функционирования кредитной системы России в условиях НЭПа освещались как в трудах исследователей 1920-х гг., так и в современной литературе. Среди трудов современников того периода необходимо отметить работы С.Ф. Памфилова, Я. Галяшкина, К.К. Лупандина[2]. Они затрагивали вопросы общего понятия кредита, через его историко-правовое развитие, давали правовые характеристики различных видов договоров, проводили анализ законодательной деятельности в банковской сфере.

В современной литературе историко-правовые вопросы кредитной системы страны изучаются в работах Н.А. Грик, А.С. Соколова[3]. Здесь исследуются вопросы управления кредитной системой посредством законодательного регулирования, содержится анализ документов и материалов большевистских и государственных органов, относящихся к сфере денежной политики Советского государства.

Вместе с тем, истоки восстановления и основные аспекты развития законодательства, регулировавшего кредитную систему страны, правовое положение кредитных организаций, причины изменения механизма правового регулирования кредитно-денежных отношений почти не рассматривались, или рассматриваются в

контексте общей истории кредитно-финансового дела. Выводы и обобщения формулируются не на основе полного анализа документальных источников, или вне связи с конкретной внутриполитической и международной обстановкой, без учета деятельности конкретной личности, субъективного фактора в истории.

В «Вестнике архивиста» 2013 г. автор настоящей статьи давал характеристики некоторым источникам по исследованию кадровой политики партии большевиков в 1920-е гг.[4], позволяющие раскрыть объективные и субъективные стороны в подборе, расстановке и воспитании руководящих кадров государства. В настоящей статье остановимся на характеристике основных источников по исследованию «крови экономики» – кредитно-финансовой системы. Условно их можно подразделить на несколько групп.

К первой группе следует отнести законодательные акты, включенные в Собрание Узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР, Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. Среди нормативных правовых актов следует особо выделить документы, имевшие основополагающее значение для исследования кредитно-финансовой политики советского государства в условиях НЭПа[5]. В этих документах утверждался статус, правовое положение и компетенция учреждений, осуществлявших кредитные операции. Регулировались вопросы проведения кредитных операций, надзор за деятельностью кредитных учреждений. Учитывая, что в условиях Новой экономической политики устав кредитного учреждения, как правило, утверждался на законодательном уровне и фактически приравнивался, по своей юридической силе, к нормативному правовому акту, в эту группу, на наш взгляд, следует включить уставы действовавших кредитных учреждений[6]. Здесь определялись порядок функционирования банковских учреждений, права и обязанности их участников и акционеров, процедура формирования и полномочия органов управления, иные положения, регулировавшие внутреннюю деятельность кредитных учреждений.

Анализ содержания Уставов банков, принятые в начале – середине – конце 1920-х гг. позволяет увидеть свертывание акционерных начал в их работе, усиление государственного регулирования

и иные действия административного вмешательства в экономические отношения субъектов кредитования и кредитно-финансовых организаций.

Частично документы, отражающие кредитно-финансовую деятельность советского государства, нашли отражение в сборнике документов «Декреты Советской власти»[7]. Он является уникальным воспроизведением более чем тысячи нормативных актов периода февраля–августа 1921 г., многие из которых публиковались впервые в открытой печати. Это законодательные и распорядительные акты Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Президиума ВЦИКа, Совета Народных Комиссаров, Малого СНК, Совета Труда и Обороны РСФСР. Однако, процесс их публикаций проходил чрезвычайно медленно: том 13 опубликован в печати в 1989 г., том 17 – в 2006 г., а 18-й том издан в 2009 г.

Сборник документов «Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик»[8] включает постановления, резолюции, другие документы, принятые Съездами Советов Советских национальных республик, а также Съездами Советов Союза ССР периода 1922–1936 гг. Здесь впервые, в едином сводном издании, включены материалы Съездов Советов всех советских национальных республик за период 1917–1922 гг. Тексты документов, как правило, воспроизведены по официальным изданиям (стенографические отчеты Съездов Советов, отдельным официальным изданиям постановлений и резолюций, Собраниям узаконений и распоряжений рабоче-крестьянских правительств советских республик, Собраний Законов СССР и т.д.). Тексты документов публиковались полностью.

Анализируемые материалы сборника документов показывают стремительный процесс унификации законодательной деятельности союзных республик в кредитно-финансовой сфере, хотя по уровню экономического развития, потребностям в масштабах финансирования, они были весьма различны.

Ко второй группе источников относятся ведомственные распоряжения, инструкции, циркуляры, письма, разъяснения относительно применения норм права, уставов и т.д. На их основе можно проследить общие тенденции и направления развития кредит-

ных учреждений в России в период Новой экономической политики. В 1920-е гг. корпус подобных документов мог издаваться как в тематических сборниках[9], так и отдельными изданиями. Чаще всего они публиковались в ведомственных изданиях[10]. Они позволяют в комплексе, системно подойти к тому или иному вопросу деятельности кредитных учреждений, кредитной системы страны в целом. Особый интерес для исследователя представляют циркулярные письма. Они позволяют понять как содержание, так и преломление и применение законодательного акта относительно ситуации и времени. Косвенно определить уровень образования низовых структур кредитно-финансовой сферы.

К третьей группе источников относятся периодические издания 1920-х гг., на которых остановимся более подробно. Газеты и журналы содержат в себе важный источник информации о кредитной системе. Они являлись своеобразным полем для дискуссий между политиками, экономистами и юристами рассматриваемого периода по вопросам кредитования населения, развития банковского сектора экономики страны, форм создания кредитных учреждений, состава их участников, вопросов реформирования кредитной системы и т.п. В первую очередь это относится к таким изданиям, как журнал «Кредит и хозяйство», «Вестник Финансов», «Известия ЦИК и ВЦИК», газеты «Экономическая жизнь», «Известия Центрального экономического комитета». Они публиковали различные правовые и аналитические статьи о состоянии современной экономики. Излагали взгляды ведущих российских и иностранных финансистов. В большом количестве публикаций анализировались историко-правовые аспекты кредитования, история кредитной системы страны, сходство и различие между кредитными системами России и иностранных государств, дореволюционной России и России периода Новой экономической политики. Размещались здесь и внутриведомственная документация, различные статистические материалы.

В первой половине 1920-х гг. издавались разнообразные журналы, информационные бюллетени, где ставились и обсуждались наиболее острые проблемные вопросы банковской деятельности. Так, например, с 1923 г. Государственный банк СССР начинает выпускать собственное издание – «Бюллетень Государственного банка СССР», вместо выходившего ранее «Бюллетеня Инспекции». Перед новым изданием ставились большие задачи – обмен опытом банковской работы, связь с филиалами на местах. Отделения на местах должны были получать не только необходимый руководящий материал, но и быть в курсе жизни и политики своего центра. А члены управлений филиалами через свои статьи, запросы, заметки, копии отчетов и докладов освещали собственную работу. В первой редакционной статье предлагалось ставить и обсуждать вопросы в дискуссионном порядке.

В этом же году начинается выпуск, периодичностью один раз в две недели, журнала «Кредит и банки», обязывающийся проводить анализ вопросов кредитно-банковской политики. Редакционная коллегия журнала ставила задачу освещения как теоретических проблем, так и практических вопросов, возникавших в области кредита и денежного обращения, изучение опыта других стран в этой сфере. Ежемесячно давался сводный обзор работы всех кредитных учреждений, освещались наиболее интересные аспекты в деятельности отдельных банков, обществ взаимного кредита. Предлагалось публиковать статьи экономистов-теоретиков в порядке дискуссии.

После прекращения этого издания, в связи с отсутствием должной отлаженности внутрибанковских связей (официальная версия), и в целях пропаганды опыта уже только советской экономики, с 1925 г. начинает выходить журнал «Кредит и хозяйство», как специальный банковский журнал, устанавливавший связь с банками, раскрывавший сущность работы «советского банка», его отличие от капиталистической банковской системы. Для реализации поставленной цели предполагалось привлекать в основном «марксистские силы». А изучение западной банковской системы осуществлять только в технической постановке вопроса.

Однако, очень скоро, в 1930 г., выпуск журнала (явно политизированного, а не финансово-экономического, как отмечалось коммунистическим руководством) прекращается. Последний (объединенный) его номер вышел в значительно урезанном объеме. Даже формат был не традиционно журнальный, а в виде небольшой брошюры.

В октябре 1922 г. впервые вышел журнал «Финансы и промышленность». Перед ним ставилась задача беспристрастного освещения всех сторон торгово-промышленной жизни страны вообще, и Северо-Западной области в частности. Всемерное содействие уделялось восстановлению экономических связей России с мировым хозяйством. Журнал становится единственным органом, призванным информировать мировое европейское и американское сообщество о состоянии российской экономики, о роли России в деле восстановления мирового хозяйства. Авторы статей доказывали необходимость включения России в мировое производство. Один раз в месяц выходил специальный номер журнала на русском и на одном из иностранных языков – немецком, французском, английском. В основном статьи обосновывали необходимость экономического сближения России с Западом.

Авторы статей журнала стали подвергать критике некоторые действия правительства. В области, например, финансового контроля, контроля за деятельностью банков. Предлагалось восстановить мировые расценки российской валюты, сделать рубль конвертируемым «Пока наша банкнота не котируется на мировых рынках, мы лишены определенной связи с Западом, оторваны от мировой экономики».

За подобные идеи в редакции журнала происходят существенные изменения. В 1925 г. на базе выпускавшегося более двух лет журнала «Финансы и промышленность» создается журнал «Торговля, промышленность и финансы». Он создавался уже в целях только текущего наблюдения за развитием хозяйственных процессов, регистрации в основном только положительного опыта. В первом номере журнала сразу же подчеркивалось отрицательное отношение к западному опыту. Объяснялись отличия советской экономики от капиталистической.

Для реализации поставленных целей редакцией журнала было получено согласие на сотрудничество от крупных экономических центров и авторитетных работников центральных и ленинградских государственных учреждений. По инерции еще предполагалось знакомить зарубежного читателя с «нашими взглядами» на мировые хозяйственные проблемы. Поэтому статьи еще продолжали публиковаться не только на русском, но и английском,

французском, немецком языках. В целом, основная направленность статей – разработка финансовых и экономических вопросов русской и заграничной жизни.

По существу это был последний журнал, который ставил еще дискуссионные вопросы и во второй половине 1920-х гг. В ряде статей авторы пытались доказывать, что экономические законы не зависят от политических взглядов. Критике подвергались, например, так называемые «красные директора» за их некомпетентность в экономических вопросах, отрицательное отношение к экономическим законам. Но очень скоро и здесь происходят изменения. Сокращается количество статей, публикуемых «в дискуссионном порядке». Больше выходит бюллетеней, справочно-информационных материалов. Хотя еще публикуются данные об исполнении поквартального бюджета, налоговых поступлениях, выпуске в обращение денежных знаков и т.д., но очень скоро они превратились в государственную тайну.

В 1920 г. журнал «Финансы и экономика» издавался ежемесячно Наркомфином РСФСР. Сюда включались как теоретические статьи по финансово-экономическим проблемам, так и статьи по текущей финансово-экономической политике, обзоры финансовой и экономической жизни России и заграницы. Публиковалась текущая финансово-экономическая статистика.

Еженедельным изданием Наркомфина являлся «Вестник финансов», издававшийся в период 1923–1928 гг. В основном здесь размещались статьи о налогах, финансовых новостях с периферии, о собственной деятельности Народного комиссариата финансов.

К концу 1920-х гг. в разнообразной палитре издаваемых журналов произошли резкие изменения, так же, как и в издаваемых книгах, брошюрах по банковскому, финансовому, кредитному праву. В основном встречаются книги из серии «Библиотечек», где даже в их названиях сквозит социально-политическая направленность. Они позволяют увидеть стремительный уход советского государства от экономических законов к политико-административным указаниям. Начинается пропаганда не столько познания экономических законов, сколько возможности их «оседлания».

Конечно же, глубокое историческое исследование не может обойтись без архивных документов. Только «перекрестный допрос» опубликованных и архивных документов позволит приблизить автора к объективной истине. При этом важны не только документы центральных архивов, но и местных. Именно в документах местных архивов отражается практика реализации решений вышестоящих органов. Они позволяют увидеть «слово» и «дело» государственно-партийных лидеров и возглавляемых ими органов. При этом первичная информация, отражаемая в местных архивах, в наименьшей степени подвержена политической отчетной конъюнктуре. Работать с данным корпусом архивной документации значительно сложнее, но и интереснее. Автор-исследователь самостоятельно может обобщать сведения, а не получать их в готовом виде (нередко купированные) из фондов центральных архивов.

Так, например, фонд Государственного архива Курской области Р-859 «Курское губернское отделение Государственного банка СССР» (453 единицы хранения, 1922–1928 гг.), образованный 6 марта 1922 г. на основании постановления ВЦИК от 12 октября 1921 г., содержит директивные указания Правления Госбанка СССР, циркуляры Правления Госбанка РСФСР, годовые кредитные планы Курского отделения Госбанка, сведения об открытых агентствах, отчеты о деятельности Правления. На примере Губернского отделения Государственного банка (нормативных актов, циркуляров, писем), можно изучить порядок проведения в жизнь политики размежевания функций банка.

Фонд Р-423 (88 единиц хранения, 1923–1928 гг.), содержит материалы по Курскому отделению Всероссийского Кооперативного Банка (Отделение Всекобанка). Образован 18 сентября 1923 г. Фонд содержит материалы о порядке ведения деятельности банка, способствовавшего через кредит развитию всех видов кооперации в России.

Фонд Курского губернского отделения Промышленного Банка (Р-411, 53 единицы хранения, 1923–1928 гг.), созданный в результате реорганизации в декабре 1922 г. Курского губернского отделения Торгово-промышленного банка, содержит нормативные акты, регулировавшие порядок работы банка, его внутреннюю

организационную структуру. Фонд интересен наличием в нем внутренних документов банка (инструкций, циркулярных писем, деловых писем, планов по кредитованию), в которых отражены результаты воздействия государственной политики на работу банка, его экономические показатели работы. Кроме того, в фонде содержатся документы, отражающие порядок проведения ликвидации в июле 1928 г. указанного кредитного учреждения в связи с изменением административно-территориального деления.

Фонд Курского Общества Взаимного Кредита – ОВК (Р-87, 20 единиц хранения, 1925–1930 гг.; Р-5024, 19 единиц хранения, 1925–1927 гг.), основанный 8 июня 1925 г, обязывался кредитовать частный сектор. Был ликвидирован 15 октября 1930 г. Здесь отложились документы, регулировавшие порядок создания и работы общества. Фонд содержит материал, позволяющий детально проанализировать так называемую «добровольную» ликвидацию общества, активно стимулировавшуюся государством.

Фонд Курского Областного Финансового Отдела – ГУБФО (Р-312, 3 810 единиц хранения, 1918–1928 гг.), образованный 1 декабря 1918 г., на основании Декрета СНК от 31 октября 1918 г., работал по государственным и местным финансам губернии. Был ликвидирован в 1928 г. в связи с изменением административно-территориального деления. Фонды содержат нормативные акты, циркуляры, позволяющие всесторонне проанализировать порядок надзора за деятельностью кредитных учреждений. Аналогичные фонды имеются и в других областных архивах, документы которых отражали деятельность местных органов власти и действовавших на их территории отделений банков.

Только сопоставление архивных документов, официальных, публикуемых документов, взглядов политиков, экономистов, юристов и непосредственно руководителей финансово-кредитной сферы, публиковавшиеся в специальных журналах 1920-х гг., приблизит исследователя к объективной картине кредитно-финансовой политики советского государства в условиях НЭПа.

Новое прочтение документов интересно и поучительно с научно-теоретической точки зрения. А с научно-практической – выявление новых фактов в реализации общегосударственной политики, с учетом множества субъективных факторов, включая

грамотность конкретных исполнителей и менталитет российского общества. «Места» требовали не только постановки общих целей и задач, но и конкретных форм, методов, способов их реализации. В частности, осветить кредитно-финансовую политику 1920-х гг. невозможно без анализа субъективного фактора, который можно исследовать в комплексе анализа вышеназванных групп источников.

Примечания

1 *Ленин В.И.* Очередные задачи Советской власти // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. – М.: Изд-во политической литературы, 1969. – С. 165–208. Lenin V.I. *Ocherednye zadachi Sovetskoij vlasti* [The immediate tasks of the Soviet power]. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij [Lenin V.I. Complete works], vol. 36, Moscow, Izd-vo politicheskoj literatury publ., pp. 165-208; *Ленин В.И.* Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г.) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. – М.: Изд-во политической литературы, 1970. – С. 298–318. Lenin V.I. *Zadachi sojuzov molodezhi (Rech' na III Vserossijskom s'ezde Rossijskogo Kommunisticheskogo Sojuza Molodezhi 2 oktjabrja 1920 g.)* [Tasks of the Young Communist Leagues: Address to the 3rd Al-Russian Congress of the Russian Young Communist League on 2 October 1920] Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij [Lenin V.I. Complete works], vol. 36, Moscow, Izd-vo politicheskoj literatury publ., pp. 298–318 и др.

2 *Памфилов С.Ф.* Акционерные коммерческие банки в прошлом и настоящем. – Нижний Новгород, 1924. – 144 с.; Pamfilov S.F. *Akcionernye commercheskie banki v proshlom I nastojaschem* [Joint-stock commercial banks in past and present]. Nizhny Novgorod, 1924, 144 p.; *Галяшкин Я.* Комиссионно-банковские операции сельско-хозяйственных кредитных товариществ. – М.: Сельхозбанк, 1930. – 201 с.; Galyashkin Ya. *Komissionno-bankovskie operacii sel'sko-hozjajstvennyh creditnyh tovarichestv* [Commission and bank transactions of agricultural credit cooperatives]. Moscow, Sel'khozbank publ., 1930, 201 p.; *Лупандин К.К.* Проблемы банковского кредита в СССР. – М.: Гос. Фин. из-во СССР, 1929. – 152 с. Lupandin K.K. *Problemy bankovskogo credita v SSSR* [Bank loan issues in the USSR]. Moscow, Gosudarstvennoe finansovoe izdatel'stvo SSSR publ., 1929, 152 p.

3 *Грик Н.А.* Советская экономическая политика в 1921–1933 годах (критический анализ). – Томск: изд-во Томского ун-та, 2002. – 334 с.; Grik N.A. *Sovetskaja economicheskaja politika v 1921–1933 godah (criticheskij analiz)* [Soviet economic policy in 1921–1933: A critical analysis]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo Un-ta publ., 2002. 334 p.; *Соколов А.С.* Финансовая политика Советского государства в годы НЭПа (1921–1929 гг.). Дисс… докт. ист. наук. – М., 2006. – 583 с. Sokolov A.S. *Finansovaja politika Sovetskogo gosudarstva v gody NEPa (1921–1929 gg.)* Dis… doct. ist. nauk. [Financial policy of the Soviet state in the days of the New Economic Policy (NEP): 1921–1929. Dr. hist. sci. diss.], Moscow, 2006, 583 p.

4 *Пашин В.П.* Источники по исследованию кадровой политики партии большевиков в 1920-е гг. // Вестник архивиста. – 2013. – № 1. – С. 93–102. Pashin V.P. *Istochniki po issledovaniju kadrovoj politiki partii bolchevikov v 1920-e gg.* [Sources for studying personnel policy of the bolsheviks in the 1920s.] Vestnik archivista, 2013, no. 1, pp. 93–102.

5 Гражданский кодекс РСФСР, утвержденный Постановлением ВЦИК от 11.11.1922 г. «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» // Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. – 1922. – № 71. – ст. 904. *Grazhdanskij kodeks RSFSR utverzhdennyj Postanovleniem VCIK ot 11.11.1922 g. "O vvedenii v dejstvie Grazhdanskogo kodeksa RSFSR"* [The Civil Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic confirmed by the Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 11.11.1922 "On the enacting of the Civil Code of the RSFSR]. *Sobranie Uzakonenij i Rasporjazhenij Rabochego i Krest'janskogo Pravitel'stva RSFSR* [Laws and enactments of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR]. 1922, no 71, art. 904; Постановление ВЦИК от 12.10.1921 г. «Об учреждении Государственного банка» // Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. – 1921 г. – № 72. – ст. 594. *Postanovlenie VCIK ot 12.10.1921 g. "Ob uchrezhdenii Gosudarstvennogo banka"* [Tekst] [Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 10.12.1921 "On Foundation of the State Bank" Sobranie Uzakonenij i Rasporjazhenij Rabochego i Krest'janskogo Pravitel'stva RSFSR [Laws and enactments of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR]. 1921, no. 72, 594 p; «Положение о государственном банке российской социалистической федеративной советской республики» принято ВЦИК 13.10.1921 г. // Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. – 1921. – № 75. – ст. 615. *"Polozhenie o gosudarstvennom banke rossijskoj socialisticheskoj federativnoj sovetskoj respubliki" prinjato VCIK 13.10.1921 g.* ["Statute on the State Bank of the Russian Socialist Federative Soviet Republic" adopted by the All-Russian Central Executive Committee on 13.10.1921]. *Sobranie Uzakonenij i Rasporjazhenij Rabochego i Krest'janskogo Pravitel'stva RSFSR* [Laws and enactments of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR]. 1921, no. 75, 615 p.; Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 18 января 1923 г. «О коммунальных банках» // Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. – 1923. – № 4. – ст. 82. *Dekret VCIK i SNK RSFSR ot 18 janvarja 1923 g. "O kommunal'nyh bankah"* [Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars (SNK) of the RSFSR of 18 January 1923 "On the communal banks"]. *Sobranie Uzakonenij i Rasporjazhenij Rabochego i Krest'janskogo Pravitel'stva RSFSR* [Laws and enactments of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR]. 1923, no. 4, 82 p.; Постановление СТО от 10 ноября 1922 г. «О порядке утверждения уставов и надзоре за деятельностью кредитных учреждений» //Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. – 1922. – № 76. – ст. 943. *Postanovlenie STO ot 10 nojabrja 1922 g. "O porjadke utverzhdenija ustavov i nadzore za dejatel'nost'ju kreditnyh uchrezhdenij"* [Decree of the Council of Labor and Defense of November 10, 1922 "On the procedure of confirmation of foundation and supervision of credit institutions"] *Sobranie Uzakonenij i Rasporjazhenij Rabochego i Krest'janskogo Pravitel'stva RSFSR* [Laws and enactments of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR]. 1922, no. 76, 943 p.; Постановление СНК СССР от 06.11.1929 г. Об утверждении положения о че-

ках // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. – 1930. – № 73. *Postanovlenie SNK SSSR ot 06.11.1929 g. Ob utverzhdenii polozhenija o chekah* [Tekst] [Decree of the Council of People's Commissars (SNK) of the RSFSR of 11.06.1929 "On adoption of regulations on checks"]. *Sobranie Uzakonenij i Rasporjazhenij Rabochego i Krest'janskogo Pravitel'stva RSFSR* [Laws and enactments of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR]. 1930, no. 73.; Постановление СНК «О рационализации краткосрочного кредитования и расчетов с сельско¬хозяйственной и промысловой кооперации» [Текст] // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. – 1930. – № 73. *Postanovlenie SNK «O racionalizacii kratkosrochnogo kreditovanija i raschetov s sel'sko-hozjajstvennoj i promyslovoj kooperacii»* [Tekst] [Decree of the Council of People's Commissars (SNK) of the RSFSR "On the rationalization of short-term loans and payments to agricultural and trade cooperation"]. *Sobranie Uzakonenij i Rasporjazhenij Rabochego i Krest'janskogo Pravitel'stva RSFSR* [Laws and enactments of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR]. 1930, no. 73; Постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 3 января 1930 г. «Об отмене гербового сбора с векселей» // Известия ЦИКа. – 1930. – № 4. *Postanovlenie CIK i SNK Sojuza SSR ot 3 janvarja 1930 g. "Ob otmene gerbovogo sbora s vekselej"* [Decree of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars (SNK) of the RSFSR of 3 January 1930 "On abolition of stamp duty tax on bills" *Izvestija CIKa* [Bulletin of the Central Executive Committee], 1930, no. 4.

6 Например, Устав о Государственном Банке СССР от 12 июня 1929 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. – 1929. – № 38. – ст. 333. *Ustav o Gosudarstvennom Banke SSSR ot 12 ijunja 1929 g.* [Statute of the State Bank of the USSR of 12 June 1929]. *Sobranie Uzakonenij i Rasporjazhenij Rabochego i Krest'janskogo Pravitel'stva RSFSR* [Laws and enactments of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR]. 1929, no. 38, 333 p.; Устав Банка для внешней торговли Союза ССР // Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. – 1925. – № 4. – ст. 7. *Ustav Banka dlja vneshnej torgovli Sojuza SSR* [Statute of the Foreign Trade Bank of the USSR]. *Sobranie Uzakonenij i Rasporjazhenij Rabochego i Krest'janskogo Pravitel'stva RSFSR* [Laws and enactments of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR]. 1925, no. 4, p. 7.; Устав Промышленного банка [Текст] // Государственный архив Курской области, Ф. Р-859. Оп. 1. Д. 24. Л. 7–9 с оборотом. *Ustav Promyshlennogo banka* [Industrial Bank Statute]. Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti [State Archive of the Kursk Region] (GAKO), fond P-859, series 1, file 24, pp. 7–9 verso; Постановление Экономического совещания от 29 ноября 1925 г. «Об утверждении нормального устава коммунальных банков» // Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. – 1925. – № 83. – ст. 620. *Postanovlenie Jekonomicheskogo soveshhanija ot 29 nojabrja 1925 g. "Ob utverzhdenii normal'nogo ustava kommunal'nyh bankov"* [Resolution of the Economic Conference of 29 November 1925 "On approval of model statute of communal banks"]. *Sobranie Uzakonenij i Rasporjazhenij Rabochego i Krest'janskogo Pravitel'stva RSFSR* [Laws and enactments of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR]. 1925, no. 83, 620 p.; Постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР от 01 марта 1923 г. «Об утверждении нормального устава общества сельско-хозяйственного кредита» // Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. – 1923. – № 19. – ст. 234. *Postanovlenie Soveta Narodnyh Komissarov RSFSR ot 01 marta 1923 g. "Ob utverzhdenii normal'nogo ustava obshhestva sel'sko-hozjajstvennogo kredita"* [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of 1 March 1923 "On approval of the model statute of agricultural credit cooperative"]. *Sobranie Uzakonenij i Rasporjazhenij Rabochego i Krest'janskogo Pravitel'stva RSFSR* [Laws and enactments of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR]. 1923, no. 19, 234 p.; Постановление от 16 августа 1928 г. Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об издании нормального устава местных сельско-хозяйственных банков РСФСР» // Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. – 1928. – № 104. – ст. 663. *Postanovlenie ot 16 avgusta 1928 g. Soveta Narodnyh Komissarov RSFSR «Ob izdanii normal'nogo ustava mestnyh sel'sko-hozjajstvennyh bankov RSFSR»* [Tekst] [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of 16 August 1928 "On publication of the model statute for local agricultural banks of the RSFSR"]. *Sobranie Uzakonenij i Rasporjazhenij Rabochego i Krest'janskogo Pravitel'stva RSFSR* [Laws and enactments of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR]. 1928, no. 104, 663 p.; Постановление Экономического совещания от 29 ноября 1925 г. «Об утверждении нормального устава коммунальных банков» // Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. – 1925. – № 83. – ст. 620. *Postanovlenie Jekonomicheskogo soveshhanija ot 29 nojabrja 1925 g. «Ob utverzhdenij normal'nogo ustava kommunal'nyh bankov»* [Resolution of the Economic Conference of 29 November 1925 "On approval of model statute of communal banks"]. *Sobranie Uzakonenij i Rasporjazhenij Rabochego i Krest'janskogo Pravitel'stva RSFSR* [Laws and enactments of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR]. 1925, no. 83, 620 p.; Устав о Государственном Банке СССР от 12 июня 1929 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. – 1929. – № 38. – ст. 333. *Ustav o Gosudarstvennom Banke SSSR ot 12 ijunja 1929 g.* [Statute of the State Bank of the USSR of 12 June 1929]. *Sobranie zakonov i rasporjazhenij raboche-krest'janskogo pravitel'stva RSFSR* [Laws and enactments of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR]. 1929, no. 38, 333 p.

7 Декреты Советской власти. Т. 13. – М.: Политиздат, 1989. – 574 с.; Т. 14. – М.: «Археографический центр», 1997. – 414 с.; Т. 15. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 432 с.; Т. 16. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004. – 592 с.; Т. 17. – М.: РОССПЭН, 2006. – 512 с. *Dekrety Sovetskoj vlasti* [Decrees of the Soviet government], vol. 13, Moscow, Politizdat publ., 1989, 574 p.; vol. 14, Moscow, "Arheograficheskij centr" publ., 1997, 414 p.; vol. 15, Moscow Jeditorial URSS publ., 1999, 432 p.; vol. 16, Moscow, "Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija" publ., 2004, 592 p.; vol. 17, Moscow, ROSSPJEN, 2006, 512 p.

8 Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. Сб. документов в 3-х тт. – М.: Гос. изд-во юрид. лит. 1959–1960 гг. *S'ezdy Sovetov Sojuza SSR, sojuznyh i avtonomnyh sovetskih socialisticheskih respublik. Sb. dokumentov v 3-h tt. M.: Gos. izd-vo jurid. lit. 1959. 1960 gg.* [Congresses of Soviets of the USSR, Union and Autonomous Soviet Socialist republics. Collected documents in 3 vol.] Moscow, gosudarstvennoe izdatel'stvo juridicheskoj literatury publ., 1959–1960.

9 СССР. Госбанк. Сводка сохранивших силу циркуляров по взаимоотношениям и кредитным учреждениям, изданных за время с 23 сентября 1924 по 1 января 1929 г. – М.: Госбанк, 1929. – 56 с. *SSSR. Gosbank. Svodka sohranivshih silu cirkuljarov po vzaimootnoshenijam i kreditnym uchrezhdenijam, izdannyh za vremja s 23 sentjabrja 1924 po 1 janvarja 1929 g.* [The State Bank (Gosbank) of the USSR: Review of standing circulars on relations and credit organizations issued from 23 September 1924 to 1 January 1929]. Moscow, Gosbank publ., 1929, 56 p.; СССР. Госбанк. Сборник циркулярных распоряжений правления Госбанка СССР. – М.: Госбанк, 1929. – 366 с. *SSSR. Gosbank. Sbornik cirkuljarnyh rasporjazhenij pravlenija Gosbanka SSSR.* [The State Bank (Gosbank) of the USSR: Circulars of the State Bank (Gosbank) of the USSR management]. Moscow, Gosbank publ., 1929, 366 p.; Систематическое собрание постановлений, циркуляров и инструкций НКФ Союза ССР на 1 октября 1928 г. – М.: Госфиниздат, 1929. – Т. 1. – 420 с. *Sistematicheskoe sobranie postanovlenij, cirkuljarov i instrukcij NKF Sojuza SSR na 1 oktjabrja 1928 g.* [Digest of resolutions, circular and instructions of the People's Commissariat for Finance of the USSR]. Moscow, Gosfinizdat publ., 1929, vol. 1, 420 p.

10 Инструкция от 7 мая 1923 г. «О порядке Надзора за деятельностью кредитных учреждений» // Вестник Финансов от 16 мая 1923 г. – № 19. Официальный отдел. *Instrukcija ot 7 maja 1923 g. "O porjadke Nadzora za dejatel'nost'ju kreditnyh uchrezhdenij"* [Instruction of 7 May 1923 "Concerning the procedure of credit institutions supervision"]. Vestnik Finansov, 16 May 1923, no. 19. Official department; Техническая инструкция по составлению и публикации балансов и отчетности кредитных учреждений // Вестник Финансов. – 1925 г. – № 28/118. Официальный отдел. *Tehnicheskaja instrukcija po sostavleniju i publikacii balansov i otchetnosti kreditnyh uchrezhdenij* [Technical instruction on preparation and publication of financial statements and reports of lending institutions]. Vestnik finansov, 1925, no. 28/118. Official department; Циркуляр Центроналога от 19 мая 1923 г. № 481 «О сообщении кредитными установлениями сведений для надобностей подоходного обложения» // Вестник Финансов от 12 июля 1923 г. приложение 1 (31) к № 24. Официальный отдел. *Cirkuljar Centronaloga ot 19 maja 1923 g. № 481 "O soobshhenii kreditnymi ustanovlenijami svedenij dlja nadobnostej podohodnogo oblozhenija"* [Circular of the Central Directorate for Taxes and Government Revenues (Tsentronalog) of 19 May 1923 no. 481 "On communication by lending institutions of data for the purposes of income taxation"]. Vestnik Finansov, 12 July 1923, appendix 1 (31) to no. 24. Official department; Циркуляр Центроналога от 28 июня 1923 г. № 641 «О порядке сообщения кредитными установлениями сведений по подоходно-поимущественному налогу» // Вестник Финансов от 3 июля 1923 г. приложение 1/38 к № 27. Официальный отдел. *Cirkuljar Centronaloga ot 28 ijunja 1923 g. № 641 "O porjadke soobshhenija kreditnymi ustanovlenijami svedenij po podohodno-poimushhestvennomu nalogu"* [Circular of the Central Directorate for Taxes and Government Revenues (Tsentronalog) of 19 May 1923 no. 481 "On communication by lending institutions of data for the purposes of income and property taxation"]. Vestnik Finansov, 3 July 1923, appendix 1/38 to no. 27. Official department; Циркуляр НКФ СССР от 13 декабря 1923 г. № 289 «О порядке сообщения кредитными установлениями сведений по подоходно-поимущественному налогу» // Вестник финансов от 18 декабря 1923 г. № 101. Официальный отдел. *Cirkuljar NKF SSSR ot 13 dekabrja 1923 g. № 289 "O porjadke soobshhenija kreditnymi ustanovlenijami svedenij po podohodno-poimushhestvennomu nalogu"* [Circular of the People's Commissariat for Finance of the USSR of 13 December 1923 no. 289 "On procedure for communication by lending institutions of data for the purposes of income and property taxation"]. Vestnik finansov, 18 December 1923, no. 101. Official department.

Список литературы

1. *Грик Н.А.* Советская экономическая политика в 1921–1933 годах (критический анализ). – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. – 334 с.

2. *Соколов А.С.* Финансовая политика Советского государства в годы НЭПа (1921–1929 гг.). Дисс… докт. ист. наук. – М., 2006. – 583 с.

References

1. Grik N.A. *Sovetskaja economicheskaja politika v 1921–1933 godah (criticheskij analiz)* [Soviet economic policy in 1921–1933: A critical analysis]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo Un-ta, publ., 2002. 334 p.

2. Sokolov A.S. *Finansovaja politika Sovetskogo gosudarstva v gody NEPa (1921–1929 gg.). Dis… doct. ist. nauk.* [Financial policy of the Soviet state in the days of the New Economic Policy (NEP): 1921–1929. Dr. hist. sci. diss.], Moscow, 2006, 583 p.

Сведения об авторах

Пашин Василий Петрович, доктор исторических наук, профессор, профессор Курского государственного университета, г. Курск, Российская Федерация, 8-915-514-77-07, pashinvp@mail.ru

About the author

Pashin Vasily Petrovich, PhD in History, professor, professor at the Kursk State University, Kursk, Russian Federation, +7-915-514-77-07, pashinvp@mail.ru

❖ ❖ ❖

Д.А. ШАРОНИН,
г. Самара, Российская Федерация

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДОКУМЕНТОВ ВСЕСОЮЗНОГО ТЕПЛОТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ИМ. Ф.Э. ДЗЕРЖИНСКОГО ПО ИСТОРИИ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ПЕРВЫХ ТРЕХ ПЯТИЛЕТОК

Sharonin D.A.,
Samara, Russian Federation

Information Potential of Documents of the All-Union Dzerzhinsky Thermotechnical Institute for Studying Industrialization in the Kuybyshev Region in the 1st to 3rd Five-Year Plans

Аннотация
С 1928 г. в СССР наметился отход от НЭПа в сторону индустриализации. На страницах газет в освещении первых трех пятилеток проводилась мощная пропагандистская кампания. Интерпретация фактов и событий во многом была политически ангажированной. Тем не менее, изучение массовых источников в комплексе с архивными документами может быть весьма результативным, т.к. позволяет с большей долей объективности рассмотреть ход индустриального строительства со всеми его достижениями и просчетами. В статье на основе сравнительного анализа периодической печати, материалов партийных съездов (конференций) и архивных документов работавшего в 1930-е гг. в сфере электрификации Всесоюзного теплотехнического института им. Ф.Э. Дзержинского (ВТИ), рассматривается ряд вопросов, связанных с индустриализацией Куйбышевской области. В годы Великой Отечественной войны в силу относительной удаленности от линии фронта и пересечения важных железнодорожных путей она была выбрана в качестве удобной площадки для эвакуации многих промышленных предприятий. Во многом такой итог трансформации Куйбышевской области в крупный промышленный центр был закономерным, однако в довоенный период ее промышленному развитию препятствовал энергетический кризис. Его отражением на страницах центральных и местных газет стала мощная «техническая пропаганда», которая связывала экономичное развитие региона с созданием на Волге мощных гидроэлектростанций и массовым использованием местного вида топлива – горючих сланцев. На базе последних планировалось создать сеть крупных теплоэлектростанций. Но осуществление этих проектов таило в себе много проблем: сооружение на Волге плотин требовало больших материальных затрат, а использование горючих сланцев – разработки соответствующей технологии их сжигания и необходимого оборудования. В указанных проектах было слишком много идеологии. Если в результате мощной мобилизационной политики государства строительство Куйбышевской ГЭС им. В.И. Ленина было завершено только к 1957 г., то «большой сланцевый проект», как свидетельствуют документы ВТИ, был неосуществим по вполне объективным причинам.

Abstract
Since 1928 there was a discernible trend away from the New Economic Policy towards industrialization in the USSR. Newspapers propagandized widely in their coverage of the first three five-year plans. Interpretation of the facts and events was shill and partisan in many respects. And yet studying mass sources along with archival documents may prove productive as it allows for greater objectivity in assessing the course of industrialization, its achievements and miscalculations. The article draws on comparative analysis of periodicals, proceedings of party congresses and conferences, as well as archival documents of the All-Union Dzerzhinsky Thermotechnical Institute, which worked in electrification in the 1930s, and addresses issues of industrialization in the Kuybyshev region. In the days of the Great Patriotic War, owing to its relative remoteness from the front and due to its being an important railroad junction, Kuybyshev became a convenient location for evacuation of numerous industrial enterprises. Thus Kuybyshev was transformed into a large industrial center, although in the pre-war period an energy crisis impeded its development. Local and national newspapers responded with “technical propaganda” linking economic development of the region with creation of powerful hydroelectric dams on the Volga and large-scale utilization of local fuel, oil shale. There were plans to create a network of thermoelectric plants on its basis. But implementation of these projects was fraught with many problems: the construction of dams on the Volga was expensive, using oil shale hinged upon the development of appropriate technology and equipment for its burning. The projects were supersaturated with ideology. While mobilization of resources by the state culminated in construction of the V.I. Lenin Volga Hydroelectric Station in 1957, “the great oil shale project" was objectively impracticable according to the papers of the All-Union Dzerzhinsky Thermotechnical Institute.

Ключевые слова
Архивные документы, периодическая печать, индустриализация, Куйбышевская область, энергетический кризис, электрификация, теплоэлектростанции.

Keywords
Archival documents, printed media, industrialization, Kuybyshev region, energy crisis, electrification, thermoelectric plants.

После революционных событий 1917 г. и окончания Первой мировой войны задачи экономического развития стали прямой прерогативой государства. По разработанному в 1920 г. плану ГОЭЛРО за 10–15 лет в стране предполагалось построить сеть электростанций, основу которых, ввиду меньших капитальных затрат, должны были составлять крупные государственные районные теплоэлектростанции (ГРЭС), работающие на местном и зачастую низкосортном топливе – всех видах угля и даже торфе. В целом к концу 1920-х гг. стратегия использования местного низкосортного топлива себя оправдала.

С 1928 г. со свертыванием НЭПа экономика страны стала развиваться по ускоренному пути индустриализации. Однако форсированные темпы экономического развития часто приводили к авариям на производствах и различного рода ошибкам. Для снятия в обществе напряженности власть, с одной стороны, инспирировала процессы о «вредителях», а с другой – начала мощную идеологическую кампанию за индустриализацию на страницах подконтрольных газет. Очень часто, на волне общей технической пропаганды, многие факты преподносились тенденциозно, а реальный ход экономического строительства подменялся ожидаемым, как бы уже запланированным результатом. Подобным образом, на фоне сталинских пятилеток, сложилась ситуация с проектом электрификации Среднего Поволжья на базе горючих сланцев – местного низкосортного топлива, запасы которого, по данным специалистов, исчислялись в регионе миллиардами тонн.

В целом сланцевая проблема, если не учитывать работ Е.В. Воейкова, должным образом не изучалась[1]. В большинстве работ по истории Среднего Поволжья (или более узко – Куйбышевской области) сланцевая промышленность рассматривалась лишь в контексте общеэкономического развития[2]. В советской историографии об энергетическом развитии Среднего Поволжья в основном писали в связи с проектированием и строительством на Самарской луке небывалого по мощности гидроузла[3]. Вместе с тем обзор источников показывает, что с началом 1930-х гг. именно горючие сланцы были провозглашены энергетической базой индустриализации Средней Волги. На их основе в регионе предполагалось построить целую сеть крупных теплоэлектростанций. Однако, как показывает анализ архивных документов работавшего в 1930-е гг. над вопросами электрификации Всесоюзного теплотехнического института им. Ф.Э. Дзержинского, партийная установка на использование горючих сланцев в качестве энергетической базы электрификации оказалась ошибочной.

Карикатура на «вредителей» и «двурушников». Рис. Ю. Ганфа. Газета «Правда», 2 ноября 1930 г.
Editorial cartoons of "saboteurs" and "double agents". Yu. Ganfa. Pravda, 2 November 1930.

До первой пятилетки Самарская губерния была преимущественно сельскохозяйственным регионом со слабым промышленным развитием. Аналогичным образом обстояла ситуация в Пен-

зенской, Ульяновской и Оренбургской губерниях. На их основе в 1929 г. было решено создать Средневолжский край (преобразованный с 1936 г. в Куйбышевскую область). Дальнейшему промышленному развитию края препятствовало отсутствие собственной энергетической базы. Описывая электроэнергетическое хозяйство края накануне первой пятилетки, окружная плановая комиссия отмечала, что «электрификация в округе носит характер кустарничества»[4].

В целом идея создания теплоэлектростанций на горючих сланцах обсуждалась еще в 1900 г. на I Всероссийском электротехническом съезде[5]. В 1919 г. громадными месторождениями сланцев Поволжья заинтересовался В.И. Ленин[6]. Сланцы планировалось использовать как путем химической переработки с извлечением бензина, смазочных масел и медицинского ихтиола, так и непосредственно – путем сжигания на котельных установках и теплоэлектростанциях. По плану ГОЭЛРО в Среднем Поволжье на территории Самарской и соседней с ней Саратовской губерний на базе сланцев предполагалось электрифицировать ряд местных сельскохозяйственных предприятий[7]. Но в 1925 г., после восстановления Донецкого угольного бассейна и разрешения острой фазы топливного кризиса, по решению Президиума ВСНХ РСФСР все районные управления треста Цусланец были ликвидированы, а располагавшийся в Поволжье Кашпирский рудник подлежал консервации[8]. Таким образом, к началу первой пятилетки ни одной крупной теплоэлектростанции на горючих сланцах в Среднем Поволжье построено не было.

Вновь обсуждения о необходимости химического и энергетического использования сланцев на общесоюзном и региональном уровнях начали вестись в конце 1920-х гг. К активному использованию сланцев в 1929 г. на XVI конференции ВКП(б) призывал председатель Госплана Г.М. Кржижановский. По его мнению, в случае успехов в освоении ленинградских сланцев, крупную теплоэлектростанцию необходимо было бы возвести и на Средней Волге[9]. В дальнейшем на съездах ВКП(б) вопрос об энергетическом использовании горючих сланцев поднимался неоднократно. Характерной является полемика, возникшая в 1932 г. на XVII конференции ВКП(б). В докладе председатель Средневолж-

ского крайисполкома А.П. Брыков, говоря о медленном строительстве Кашпирского сланцевого комбината, высказал критику в адрес Союзного сланцевого объединения. В ответ, представлявший на съезде Союзсланец И.И. Шварц, зачитав ряд документов, обвинил его в заморозке сланцевых разработок в середине 1920-х гг., когда тот находился на посту заместителя председателя ВСНХ РСФСР[10].

Во многом бурное обсуждение сланцевой проблемы было результатом завершившегося в 1930 г. процесса по делу «Промпартии». По версии следствия группа «инженеров-вредителей» во главе с директором Всесоюзного теплотехнического института (ВТИ) Л.К. Рамзиным обвинялась в срыве намеченного плана промышленного строительства. В ходе следствия по всей стране было арестовано более двух тысяч человек. Архивные документы ВТИ, хранящиеся в филиале Российского государственного архива научно-технической документации, свидетельствуют, что партийная критика Л.К. Рамзина началась с 1928 г. Из тезисов доклада Теплотехнического института Комитету по топливу при Совете Труда и Обороны от 8 февраля 1931 г. следует, что в вину дирекции института ставилось затягивание решения ряда работ, в частности, по технологии сжигания подмосковных углей, торфа и сланцев[11].

После кадровых чисток и смены руководства ВТИ в 1930 г. специально для решения сланцевой проблемы Средневолжского края в Самаре было образовано Поволжское отделение института (ПОВТИ). Делопроизводственная документация, отложившаяся за его недолгую историю (1930–1933) в Центральном государственном архиве Самарской области, весьма информативна[12]. Представленная приказами, отчетами, выписками постановлений местных органов власти, перепиской и другими материалами, она позволяет сделать вывод, что несмотря на предпринимавшиеся усилия, внедрение сланцев в топливный баланс края было сопряжено с большими трудностями. Главные недостатки горючих сланцев как топлива состояли в их низкой теплотворной способности (от 5 до 25 МДж/кг), большом объеме образующейся при сжигании золы (до 60%) и токсичности, т.к. в процессе горения кашпирские сланцы выделяли сернистый ангидрид. Кро-

ме этого для использования сланцев на котельных предприятий и отопления городских зданий требовалась реконструкция существующих топок. В условиях плотной городской застройки и отсутствия складов под золу, это было невозможно. Тем не менее, местные партийные органы вели активную техническую пропаганду.

С инициативой пересмотра плана первой пятилетки Средневолжского края в сторону тяжелой промышленности активно выступало местное партийное руководство. Итогом послужило постановление ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1930 г., по которому объем капитальных вложений в промышленное развитие края увеличивался, а горючие сланцы провозглашались его энергетической базой[13]. По новому плану на сланцах в Средневолжском крае предполагалось возвести четыре мощных теплоэлектростанции. На страницах вышедшей в июне 1930 г. краевой газеты председатель Крайисполкома А.П. Брыков заявлял: «По новой пятилетке мы считаем необходимым построить целую сеть электростанций на сланцах и угле с таким расчетом, чтобы эта сеть электростанций к концу 1933 г. дала нам в общей сложности 295 тыс. КВт, вместо имеющихся 8,6 тыс. КВт в данный момент»[14]. В целом на всем протяжении 1930-х гг. электрификация Среднего Поволжья рассматривалась в местной периодической печати сквозь призму энергетического освоения сланцев и сооружения на Волге мощного гидроузла. Однако с течением времени, в связи с реальным ходом промышленного строительства, тональность газетных публикаций менялась. Проблемы, связанные с добычей и использованием сланцев, стали отражаться в них жесткой партийной критикой местных и центральных хозяйственных организаций[15]. Результатом первой пятилетки было открытие на кашпирском месторождении сызранского сланцеперегонного завода; темпы освоения других сланцевых месторождений были на порядок ниже.

Анализ архивных документов Поволжского отделения ВТИ позволяет сделать вывод, что вместо сланцев руководителям хозяйственных предприятий гораздо удобней было использовать привозное топливо. Несмотря на партийное давление и активную работу ПОВТИ ввиду несогласованности (а в действительности

скрытого сопротивления) был сорван и проект сооружения первой в СССР экспериментальной ТЭЦ на горючих сланцах, после чего само отделение в скорости было расформировано[16].

К концу второй пятилетки в Куйбышевской области работали арматурно-карбюраторный завод, толерубероидный завод, серный завод и другие предприятия[17]. Растущие энергетические потребности в основном покрывались за счет расширения городской электростанции, которая с 1930 г. была переименована в Самарскую ГРЭС. На 1935 г. ее мощность составляла 24 МВт. В качестве топлива на ней в основном использовали привозной мазут. С ростом промышленности энергетические потребности области неуклонно возрастали, и существующих электроэнергетических мощностей было недостаточно. В планах местного партийного руководства в годы второй пятилетки значилось строительство нескольких мощных ТЭЦ. Использование сланцев снова ставилось в повестку дня[18]. Обзор архивных документов головного отделения ВТИ свидетельствует, что научно-исследовательские работы по использованию сланцев на крупных теплоэлектростанциях продолжались. В 1937–1938 гг. проводились опыты по сжиганию кашпирских сланцев под котлами Саратовской ТЭЦ. Однако заключение специалистов гласило, что для крупных энергетических установок использование горючих сланцев нецелесообразно. В ходе опытов мельницы, на которых дробили сланцы, выходили из строя, а сами сланцы перед сжиганием нуждались в обязательном подсушивании[19].

Мощный импульс индустриализации Куйбышевской области был дан в годы третьей пятилетки. По итогам прошедшего в 1939 г. XVIII съезда ВКП(б) развитие области связывалось со строительством Куйбышевского гидроузла и созданием между Волгой и Уралом новой нефтяной базы – «Второго Баку». В атмосфере мощной идеологической пропаганды и всеобщей трудовой мобилизации Куйбышевскую область предполагалось превратить в ведущий промышленный центр. В ходе масштабного строительства планировалось возвести две крупные теплоэнергоцентрали, мощность которых составляла бы порядка 50–100 МВт. Проектирование и проектно-изыскательские работы велись параллельно. К 1939 г. были выполнены проектные за-

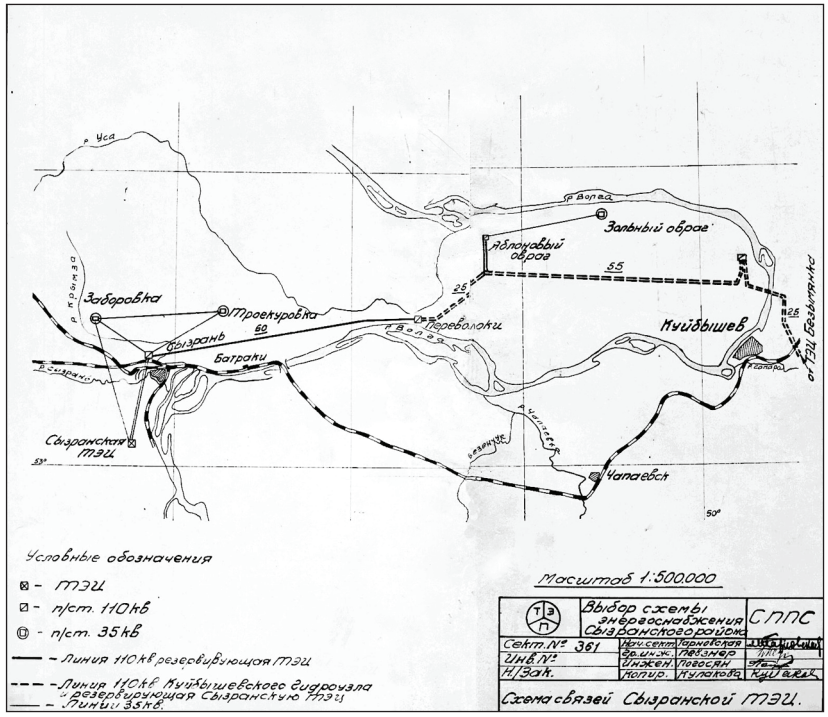
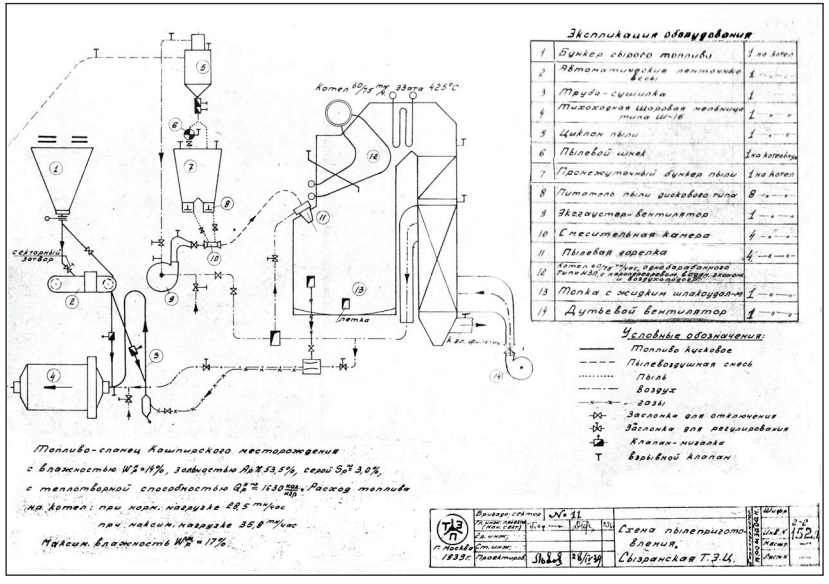


Схема связей Сызранской ТЭЦ.
Проект энергоснабжения Сызранского района.
1939 г. РГАЭ. Ф. 7851. Оп. 1. Д. 593. Л. 14.
Scheme of communications of the Syzran Powerplant.
Project of power supply of the Syzran area.
1939. RGAE, fond 7851, series 1, file 593, p. 14

дания Безымянской и Сызранской ТЭЦ (на 36 и 100 МВт). На излучине Волги шли работы по сооружению Куйбышевского гидроузла, а за городом Безымянской ТЭЦ. В строительных работах широко использовался принудительный труд заключенных. В 1940 г. работы по строительству Куйбышевского гидроузла, в связи с ошибками, допущенными при проектировании, были приостановлены. Официальный пуск Волжской ГЭС им. В.И. Ленина состоялся только в 1957 г. Пуск Безымянской ТЭЦ, напротив, был осуществлен в рекордно короткие сроки: в строй электростан-

ция вступила в октябре 1941 г. От использования горючих сланцев на ней отказались. Вместо них по железной дороге решили поставлять антрацитный штыб. На сланцевом топливе в непосредственной близости от кашпирского рудника решено было оставить только Сызранскую ТЭЦ. Из составленного в 1939 г. проектного задания ТЭЦ следует, что для сжигания горючих сланцев ВТИ была разработана сложная технологическая схема. Перед сжиганием кашпирские сланцы должны были подвергаться подсушиванию и специальному пылеприготовлению. Пуск Сызранской ТЭЦ состоялся в 1947 г., однако, дальнейшая эксплуатации теплоэлектростанции показала, что использование сланцев продолжало создавать немало технических сложностей и неудобств.



Технологическая схема подготовки горючих сланцев
для Сызранской ТЭЦ, разработанная Всесоюзным теплотехническим
институтом им. Ф.Э. Дзержинского. Проектное задание Сызранской ТЭЦ.
1938–1939 гг. РГАЭ. Ф. 7851. Оп. 1. Д. 592. Л. 23.
Technological plan of preparation of oil shale for the Syzran Powerplant,
a project of the All-Union Dzerzhinsky Thermotechnical Institute.
Project specification on the Syzran Powerplant.
1938–1939. RGAE, fond 7851, series 1, file 592, p. 23

В целом, к концу третьей пятилетки индустриализация Куйбышевской области завершилась. Из аграрного региона она превратилась в развитый промышленный центр. В годы Великой Отечественной войны Безымянская ТЭЦ снабжала электроэнергией многие эвакуированные в область предприятия. За предвоенные и военные годы мощное развитие получили авиастроительная, станкостроительная, металлообрабатывающая и нефтедобывающая отрасли промышленности. Но достигнутые успехи явились результатом не столько планомерного прогностического развития, сколько результатом мощной мобилизационной политики государства. Первоначальные планы по индустриализации Куйбышевской области на базе горючих сланцев не оправдались. В центральной газете «Индустрия» за 1940 г. горючим сланцам была посвящена большая статья. Основные причины срыва «большого сланцевого проекта» авторы статьи усматривали в бюрократическом отношении партийных и хозяйственных органов: «Уже добрый десяток лет в различных организациях, имеющих касательство к сланцевому делу, идут нескончаемые дискуссии, ведутся все новые и новые “искания”; составляется бесчисленное множество проектов, докладных записок; созываются конференции, совещания, произносятся многочасовые речи на тему “о пользе сланцев” – а развития этой важной отрасли индустрии почти не заметно»[20]. В действительности, как показал анализ архивных документов Всесоюзного теплотехнического института, проблемы в освоении сланцев были сугубо технологическими и носили вполне объективный характер.

Таким образом, проведенный комплексный анализ неопубликованных архивных документов, а также периодической печати и стенограмм партийных съездов и конференций, позволяет сделать вывод, что по причине допущенных просчетов процесс индустриализации Куйбышевской области существенно запаздывал от запланированных результатов.

Примечания

1 *Воейков Е.В.* Торфяная и сланцевая промышленность Поволжья. 1930–1941 гг. – Самара: Издательство СНЦ РАН, 2011. – 404 с. Voejkov E.V. *Torfjanaja i slancevaja promyshlennost' Povolzh'ja. 1930–1941 gg.* [Peat and oil shale industry of the Volga region: 1930–1941.] Samara: SNC RAN publ., 2011, p. 404; *Воейков Е.В.* Рождение новой топливной отрасли России. Начало добычи горючих сланцев в Поволжье в 1919–1921 гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Серия «Гуманитарные науки». – 2012. – № 27. – С. 540–543. Voejkov E.V. *Rozhdenie novoj toplivnoj otrasli Rossii. Nachalo dobychi gorjuchih slancev v Povolzh'e v 1919–1921 gg.* [Birth of a new fuel-producing industry of Russia: The start of oil shale production in the Volga region in 1919–1921]. Izvestija Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo. Serija “Gumanitarnye nauki” [Proceedings of the Belinsky Penza State Pedagogical University. Social sciences], 2012, no. 27, pp. 540–543.

2 См., например: *Казарин В.Н.* Энергетическое сердце Самары. – Самара, 2000. Kazarin V.N. *Jenergeticheskoe serdce Samary* [Energy producing heart of Samara], Samara, 2000; *Рассохина О.В.* Топливная промышленность Поволжья в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. (по материалам Куйбышевской и Саратовской областей). Дисс. … канд. ист. наук. – Самара, 2002. – С. 20–32. Rassohina O.V. *Toplivnaja promyshlennost' Povolzh'ja v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941–1945 gg. (po materialam Kujbyshevskoj i Saratovskoj oblastej)* [Fuel industry of the Volga region in the days of the Great Patriotic War: 1941–1945: A case-study of Kuybyshev and Saratov regions. Cand. hist. sci. diss.], Samara, 2002, pp. 20–32.

3 См., например, *Козмин И.В., Лукьянов Е.В.* Волжская ГЭС имени В.И. Ленина. – Куйбышев: Куйбышевское книгоиздательство, 1960. – 119 с. Kozmin I.V., Luk'janov E.V. *Volzhskaja GJeS imeni V.I. Lenina* [The Volga V.I. Lenin Volga Hydroelectric Station]. Kuybyshev: Kujbyshevskoe knigoizdatel'stvo publ., 1960, 119 p.

4 Пятилетний план народно-хозяйственного строительства Самарского округа на период 1928/29 – 1932/33 гг. – Самара: Окрплан, 1929. – С. 5. *Pjatiletnij plan narodno-hozjajstvennogo stroitel'stva Samarskogo okruga na period 1928/29 – 1932/33 gg.* [The five-year plan of economic construction of the Samara district for 1928/29–1932/33], Samara: Okrplan publ., 1929, p. 5.

5 10 фактов о ГОЭЛРО. Электронный ресурс. Режим доступа: http://svpressa.ru/post/article/80994 (дата обращения: 05.05.2015). *10 faktov o GOJeLRO* [10 facts on the GOELRO plan]. Available at http://svpressa.ru/post/article/80994 (accessed: 05.05.2015).

6 *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 55 тт. Изд. 5. Т. 37. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 538. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij*. 55 tt. Izd. 5. T. 37 [Complete works. In 55 vol. 5th ed. vol. 37], Moscow, Izdatel'stvo politicheskoj literatury publ., 1969, p. 538.

7 План электрификации РСФСР. Доклад VIII Съезду Советов Государственной Комиссии по электрификации России. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 196. *Plan jelektrifikacii RSFSR. Doklad VIII SJezdu Sovetov Gosudarstvennoj Komissii po jelektrifikacii Rossii* [Plan of electrification of RSFSR. Report of the State Commission on Electrification of Russia to the 8th Congress of Soviets], Moscow, Gospolitizdat publ., 1955, p. 196.

8 Документы о реорганизации Цусланца воспроизводятся в стенограмме XVII конференции ВКП(б). Выписка из протокола № 80 заседания Прези-

диума ВСНХ РСФСР от 9 февраля 1925 г. // XVII конференции ВКП(б). Стенографический отчет. – М.: Партийное издательство, 1932. – С. 107. *Dokumenty o reorganizacii Cuslanca vosproizvodjatsja v stenogramme XVII konferencii VKP(b). Vypiska iz protokola № 80 zasedanija Prezidiuma VSNH RSFSR ot 9 fevralja 1925 g.* [Documents on reorganization of the Central Directorate for Oil Shale Industry are reproduced in the proceedings of the 17th conference of the All-Union Communist Party (bolsheviks). Abstract of record no. 80 of the meeting of the Presidium of the Supreme Soviet of the National Economy of the RSFSR, February 9, 1925.]. XVII konferencii VKP(b). Stenograficheskij otchet [17th conferences of the All-Union Communist Party (bolsheviks): A verbatim record], Moscow.: Partijnoe izdatel'stvo publ., 1932, p. 107.

9 XVI конференция ВКП(б). Стенографический отчет. – М.: Государственное издательство, 1929. – С. 24. *XVI konferenciya VKP(b). Stenograficheskij otchet.* [16th conference of the All-Union Communist Party (bolsheviks): A verbatim record], Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo publ., 1929, p. 24.

10 XVII конференция ВКП(б). Стенографический отчет. – М.: Партийное издательство, 1932. – С. 93–107. *XVII konferenciya VKP(b). Stenograficheskij otchet* [17th conferences of the All-Union Communist Party (bolsheviks): A verbatim record], Moscow.: Partijnoe izdatel'stvo publ., 1932, pp. 93–107.

11 Филиал федерального казенного учреждения «Российский государственный архив научно-технической документации» (Филиал РГАНТД). Ф. Р-277. Оп. 2-6. Д. 1. Filial Rossijskogo gosudarstvennogo arhiva nauchno-tehnicheskoj dokumentacii [Branch of the Russian State Archive of Scientific and Technical Documentation]. (Filial RGANTD), fond P-277, series 2-6, file 1.

12 Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-938. Оп. 1. Д. 10, 12, 14, 17, 20, 28, 36, 40, 43, 47, 48, 50, 74, 84. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Samarskoj oblasti [Central State Archive of the Samara Region] (CGASO), fond P-938, series 1, files 10, 12, 14, 17, 20, 28, 36, 40, 43, 47, 48, 50, 74, 84.

13 *Ге С., Игаев. М.* Пятилетний план индустриализации Средневолжского края (Объяснительная записка к карте индустриализации Средневолжского края). М.; Самара: Государственное издательство «Средневолжское краевое отделение», 1931. – С. 128. Ge S., Igaev. M. *Pjatiletnij plan industrializacii Srednevolzhskogo kraja (Objasnitel'naja zapiska k karte industrializacii Srednevolzhskogo kraja)* [The five-year plan of industrialization of the Middle Volga region: An explanatory note to the industrialization map of the Middle Volga region], Moscow – Samara: State publishing house "Srednevolzhskoe kraevoe otdelenie", 1931. – 128 p.

14 *Брыков А.П.* Новая пятилетка Средне-Волжского края // Волжская Коммуна. – 1930. – 22 июня. – № 142. Brykov A.P. *Novaja pjatiletka Sredne-Volzhskogo kraja* [A new five-year plan of the Middle Volga region]. Volzhskaja Kommuna, 22 June 1930, no. 142.

15 См., например, Сланцы – наша энергетическая база // Волжская коммуна. – 1930. – 5 октября. – № 231. *Slancy – nasha jenergeticheskaja baza* [Oil shale is our power base]. Volzhskaja Kommuna, 5 October 1930, no. 231; Включайтесь в борьбу за сланцы! // Волжская коммуна. – 1930. – 12 октября. – № 237. *Vkljuchajtes' v bor'bu za slancy!* [Join in the campaign for the oil shale!]. Volzhskaja Kommuna, 12 October 1930, no. 237.

16 ЦГАСО. Ф. Р-938. Оп. 1. Д. 12. CGASO, fond P-938, series 1, file 12.

17 Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 656. Оп. 3. Д. 83. Л. 46. Samarskij oblastnoj gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii [Samara Regional State Archive of Socio-Political History] (SOGASPI), fond 656, series 3, file 83. p. 46.

18 Средняя Волга. Социально-экономический справочник / Под общ. ред. С.Н. Крылова. – М.; Самара: Средневолжское краевое издательство, 1934. – С. 17. *Srednjaja Volga. Social'no-jekonomicheskij spravochnik* [Central Volga: A socioeconomic reference book]. Moscow – Samara: Srednevolzhskoe kraevoe izdatel'stvo publ., 1934, p. 17.

19 Филиал РГАНТД. Ф. Р-277. Оп. 2-6. Д. 278, Л. 2; Оп. 1-1. Д. 1042. Л. 5, 6; Оп. 1-1. Д. 1044, Л. 4–6. Filial RGANTD, fond P-277, series 2-6, file 278, p. 2; series 1-1, file 1042, pp. 5, 6; series 1-1, file 1044, pp. 4–6.

20 Создать мощную сланцевую промышленность // Индустрия. – 1940. – 23 марта. – № 68. *Sozdat' moshhnuju slancevuju promyshlennost'* [Creating a powerful oil shale industry]. Industrija, 23 March 1940, no. 68.

Список литературы

1. *Воейков Е.В.* Торфяная и сланцевая промышленность Поволжья. 1930–1941 гг. Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 2011. – 404 с.

2. *Воейков Е.В.* Сланцевые рудники Поволжья в предвоенный период (вторая половина 1930 гг.) // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 12. – 2010. — № 2. – С. 147–154.

3. *Захарченко А.В., Репинецкий А.И.* Использование труда заключенных и индустриализация Куйбышевской области накануне и в годы Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 8. – 2006. – № 3. – С. 789–800.

4. *Казарин В.Н.* Энергетическое сердце Самары. – Самара, 2000. – 198 с.

5. *Стеклов В.Ю.* Развитие электро-энергетического хозяйства СССР. – М.: Энергия. 1979. – 167 с.

References

1. Voejkov E.V. *Torfjanaja i slancevaja promyshlennost' Povolzh'ja. 1930–1941 gg.* [Peat and oil shale industry of the Volga region: 1930–1941.] Samara: SNC RAN publ., 2011, 404 p.

2. Voejkov E.V. *Slancevye rudniki Povolzh'ja v predvoennyj period (vtoraja polovina 1930 gg.)* [Oil shale mines of the Volga region in the pre-war period (second half of the 1930s)]. Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN, 2010, vol. 12, no. 2, pp. 147–154.

3. Zaharchenko A.V., Repineckij A.I. *Ispol'zovanie truda zakljuchennyh i industrializacija Kujbyshevskoj oblasti nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Forced labour and industrialization of the Kuybyshev region on the eve of and in the days of the Great Patriotic War]. Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN, 2006, vol. 8, no. 3, pp. 789–800.

4. Kazarin V.N. *Jenergeticheskoe serdce Samary* [Energy producing heart of Samara], Samara, 2000. 198 p.

5. Steklov V.Ju. *Razvitie jelektro-jenergeticheskogo hozjajstva SSSR* [Development of electrical power economy of the USSR]. M.: Jenergija, 1979. P. 167.

Сведения об авторах

Шаронин Дмитрий Анатольевич, ведущий специалист отдела информационного обеспечения и публикации архивных документов Филиала федерального казенного учреждения «Российский государственный архив научно-технической документации» (филиал РГАНТД), аспирант Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (ПГСГА), г. Самара, Российская Федерация, 8-846-336-24-51, sharonin_iopad@mail.ru

About author

Sharonin Dmitrij Anatolyevich, lead specialist of the information activities and archival documents publication department of the Branch of Federal Government Institution "The Russian State Archive of Scientific and Technical Documentation", graduate student of the Volga Region State Social Studies and Humanities Academy, Samara, Russian Federation, +7-846-336-24-51, sharonin_iopad@mail.ru

❖ ❖ ❖

В.В. КОРОВИН,
г. Курск, Российская Федерация

МИССИЯ ГЕНЕРАЛА ПЕТИ: СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКОЕ ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ПО ДОКУМЕНТАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РФ

Korovin V.V.,
Kursk, Russian Federation

Mission of General Petit: Soviet-French Military Cooperation during World War II in the Documents of the Central Archive of the Russian Ministry of Defense

Аннотация
В статье освещаются актуальные вопросы деятельности Военной миссии Свободной Франции в СССР в годы Второй мировой войны. В отличие от сложившихся в отечественной историографии традиций изложения проблем советско-французского военного сотрудничества через историю истребительно-авиационного полка «Нормандия-Неман», автором анализируются не исследовавшиеся ранее аспекты деятельности Военной миссии «Свободной Франции» в СССР. Основой источниковой базы для публикации стали документы Отдела внешних сношений Генерального штаба Красной армии, находившиеся на секретном хранении в Центральном архиве Министерства обороны РФ до сентября 2010 г. По инициативе автора было проведено выявление и рассекречивание документальных материалов, впервые вводимых данной публикацией в научный оборот. Исследованные документы позволили установить важнейшие направления франко-советского военного сотрудничества периода Второй мировой войны, в инициировании и реализации которых принимал непосредственное участие глава Военной миссии Национального комитета «Свободной Франции» генерал Э. Пети. В их числе: решение вопроса о направлении на советско-германский фронт полностью вооруженной и оснащенной французской дивизии численностью до 8 000 тысяч человек, личный состав которой имел опыт участия в боях на территории Ливии и Сирии; участие французских военных летчиков в боях на советско-германском фронте с последующим расширением их представительства; ознакомительная поездка с 18 по 24 октября 1943 г. главы Во-

енной миссии «Свободной Франции» генерала Э. Пети в войска Воронежского и Степного фронтов; участие в решении судьбы военнопленных эльзасцев и лотарингцев с проработкой вопроса о возможности привлечения их для общей борьбы с фашизмом; постоянный обмен информацией военно-технического и военно-политического характера. На основе использованного комплекса архивных источников автор характеризует большой вклад в развитие франко-советского боевого содружества генерала Э. Пети, взвешенная позиция которого способствовала укреплению дружественных и партнерских отношений между СССР и Францией в условиях борьбы с германским нацизмом.

Abstract
The article addresses significant issues concerning the Free France military mission in the Soviet Union during the Second World War II. The author departs from traditional Russian scholarship describing issues of Soviet-French military cooperation through the history of Normandie-Niemen Regiment to analyze previously unstudied aspects of the Free France military mission activities in the USSR. The article draws mainly on documents of the Foreign Liaison Office of the General Staff of the Red Army, until September 2010 kept under security classification in the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation. The author has identified and elicited declassification of documents, which are herein introduced into scientific use for the first time. The researched documents establish the most important areas of the Franco-Soviet military cooperation during World War II, in the initiation and implementation of which the Head of the Military Mission of the National Committee of the "Free France" General E. Petit was directly involved. Among them were solution of the problem of directing to the Soviet-German front a completely armed and equipped French division numbering up to 8,000 people with fighting experience in Libya and Syria; participation of French military pilots in the fighting on the Soviet-German front with subsequent extension of the mission; the on-the-spot visit of the Head of the Military Mission “Free France” General E. Petit to the military forces of the Voronezhsky and Spepnoy Fronts (18 to 24 October 1943); determining the fate of the prisoners of war (Alsatians and Lorraine) and addressing the issue of enlisting them to join the fight against fascism; constant exchange of military-technical and military-political information. Drawing on archival sources the author assesses the contribution of General E. Petit to the development of the Franco-Soviet military cooperation. Balanced position of E. Petit contributed to the strengthening of friendly and partnership relations between the USSR and France in the context of fight against German Nazism.

Ключевые слова
Вторая мировая война, Военная миссия Свободной Франции в СССР, генерал Э. Пети, военное сотрудничество, Генеральный штаб Красной армии.

Keywords
World War II, military mission “Free France” in the USSR, General E. Petit, military cooperation, General Staff of the Red Army.

В отечественной историографии освещение проблем советско-французского военного сотрудничества в годы Второй мировой войны традиционно сводится к изложению истории создания и боевого пути 1-го истребительно-авиационного полка «Нормандия-Неман» в 1943–1945 гг. Вне поля зрения исследователей остались практически все другие аспекты деятельности Военной миссии Свободной Франции в СССР. Они подробно отражены в документах Отдела внешних сношений Генерального штаба Красной армии, находившихся на секретном хранении в Центральном архиве Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ) до сентября 2010 г.

Исследованные документы дают четкое представление о том, что еще в январе 1942 г. глава Военной миссии Национального комитета Свободной Франции генерал Э. Пети обратился к советскому военному командованию с предложением отправки на Южный фронт французского экспедиционного корпуса, сражавшегося на африканском театре боевых действий. Предполагалось, что в его состав войдут легкая дивизия, включающая разведывательную группу, 4 пехотных батальона, дивизион артиллерии, отряд инженерных войск, отряд радиотелеграфистов, транспортная рота, а также отряд из 40 французских летчиков-истребителей[1].

С января по июнь 1942 г. по указанию генерала Ш. де Голля генерал Пети обсуждал с Отделом внешних сношений Генерального штаба Красной армии вопрос о направлении на советско-германский фронт полностью вооруженной и оснащенной французской дивизии численностью до 8 тысяч человек, личный состав

Генерал Э. Пети
General E. Petit

которой имел полугодовой опыт участия в боях на территории Ливии и Сирии[2].

Как свидетельствуют документы, генерал Пети проявлял личную заинтересованность и особую настойчивость в переговорном процессе, направленном на принятие положительного решения по вопросу об участии французов в боевых действиях на советско-германском фронте. Так, в записях о приемах главы Военной миссии Французского комитета Национального освобождения от 21 марта 1942 г. отмечалось: «Говоря о своей миссии у нас, Пети снова подчеркнул большую политическую значимость, которую будет иметь переброска на наш фронт и борьба вместе с нашими войсками войск Свободной Франции». В связи с этим Пети просил, чтобы авторитетные органы советской военной власти воздействовали соответствующим образом на англичан и просили их принять более энергичные и практические меры по переброске в СССР французской дивизии из Сирии.

При этом Пети добавил, что, поскольку англичане относятся к советским людям с уважением, обращение к ним может значительно ускорить разрешение этой основной задачи его миссии. Пети заявил, что без помощи советских военных властей «дело с переброской дивизии и летчиков может затянуться из-за большой самостоятельности и неповоротливости английских военных аппаратов, которые, имея общее распоряжение от своего Военного министерства об отправке этой дивизии в СССР, могут по-своему истолковать срок его выполнения, мотивируя это недостатком транспортных средств или другими причинами…». Участие военных сил Свободной Франции в совместной вооруженной борьбе против гитлеровской Германии, по мнению генерала Пети, окажет влияние и на условия мира, выгодные как для СССР, так и для освобожденной от гитлеровского ига Франции[3]. Но под предлогом тяжелой обстановки, сложившейся на ливийском фронте, английское военное командование «не разрешило послать эту дивизию в СССР»[4].

В июне 1942 г. было получено согласие Генерального штаба на участие 40 французских военных летчиков в боях на советско-германском фронте. Представляет интерес резолюция по этому вопросу заместителя председателя Государственного Комитета

Обороны В.М. Молотова от 22 июня 1942 г.: «Отказываться нельзя и неправильно политически. Надо ускорить это дело»[5]. 19 ноября 1942 г. глава французской военной миссии посетил штаб ВВС Красной армии, где встретился с заместителем командующего советскими ВВС генерал-лейтенантом авиации Ф.Я. Фалалеевым. Во время этой встречи был одобрен проект соглашения об участии французских авиационных частей в составе советских ВВС в борьбе против общего врага. 25 ноября 1942 г. это соглашение было подписано генерал-лейтенантом Ф.Я. Фалалеевым от имени советского командования и бригадным генералом Э. Пети. Таким образом, было положено начало формированию эскадрильи «Нормандия».

Вопрос использования в составе советских вооруженных сил французской пехотной дивизии не получил разрешения и в 1943 году. В письменном сообщении заместителя начальника Генерального штаба генерал-майора Ф.Е. Бокова, направленном 29 января 1943 г. на имя заместителя председателя СНК СССР В.М. Молотова, содержалась противоречивая информация о миссии генерала Пети. С одной стороны отмечалась значимость проводимых представителем Свободной Франции переговоров, с другой стороны – ставилась под сомнение его компетентность и осведомленность относительно организационного оформления и материально-технического обеспечения планируемого к переброске контингента.

После победоносного завершения Курской битвы в Генеральный штаб Красной армии поступили обращения главы Британской военной миссии генерал-лейтенанта Мартеля, американского военного атташе генерала Микелла, канадского военного атташе генерала Лефебра и генерала Пети о разрешении ознакомительных поездок в войска Действующей армии. Заместитель начальника Генерального штаба Красной армии генерал армии А.И. Антонов докладывал по этому вопросу народному комиссару обороны Маршалу Советского Союза И.В. Сталину, что «теперь можно было бы организовать поездку этих лиц в войска Западного фронта с попутным посещением полей сражения в районах Вязьма, Смоленск, Спас-Деменск, Ельня, Рославль»[6].

15 сентября 1943 г. бригадный генерал Э. Пети был принят И.В. Сталиным[7]. Вскоре руководство Генерального штаба получило указание: «Пети разрешено, остальным не решено»[8]. Во исполнение указания Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина 20 сентября 1943 г. состоялась встреча генерал-майора Н.И. Дубинина и генерала Э. Пети, в ходе которой были подробно обсуждены вопросы предстоящего выезда главы Военной миссии Свободной Франции на фронт. Во время беседы Н.И. Дубинин внес предложение организовать поездку в войска, когда Красная армия «подойдет к Днепру»[9].

По итогам переговоров генералов Дубинина и Пети, заместителем начальника Генерального штаба А.И. Антоновым была составлена докладная записка И.В. Сталину, в которой перечислялись основные пожелания французской стороны: «Разрешить посещение фронта. Ознакомиться с нашим боевым опытом путем собеседований с офицерами основных родов войск (пехота, артиллерия, танки, связь, авиация). Изучить программы и методики краткосрочной боевой подготовки личного состава». Кроме того, генерал Пети просил разрешения систематически знакомиться с советскими данными о немецкой армии (боевое применение и взаимодействие родов войск, перегруппировки, организационные основы, вооружение, людские и материальные ресурсы). Французское командование рассчитывало на предоставление возможности иметь своих офицеров-наблюдателей при частях Действующей армии на фронте сроком 15–20 дней (по 3–4 офицера разных специальностей на дивизию). Еще одна просьба касалась пленных эльзас-лотарингцев, находившихся на территории СССР. После выяснения их количества, французы предлагали сформировать из них часть или подразделение для использования на советско-германском фронте. Генерал Пети просил разрешения посетить лагерь, в котором содержались пленные эльзас-лотарингцы[10].

16 октября 1943 г. генерал армии А.И. Антонов утвердил план поездки генерала Пети на Воронежский фронт. В нем отмечалось, что французам разрешается ознакомление лишь в общих чертах с операциями летнего периода 1943 г., по организационным вопросам давать характеристику оперативных объединений и соединений, но без указания численного и боевого состава. В качестве основной цели поездки указывались ознакомление с обстановкой на Днепровском плацдарме юго-западнее г. Переяслава-Хмельницкого, а также обмен опытом войны по боевому использованию родов войск и по вопросам организации и тактики немецкой армии.

Объектами ознакомления определялись боевые порядки войск; штабы Воронежского фронта, 27-й армии, одного из танковых корпусов и 3-й танковой армии; командные пункты командующего армией, командира корпуса, командующего артиллерией армии или корпуса.

Во время посещения войск во всех штабах предполагались ознакомление с имеющимися сведениями о противнике, беседы с пленными солдатами и офицерами противника, осмотр трофеев. Сведения о своих войсках для уяснения оперативной обстановки разрешалось сообщать в самых общих чертах. Запрещалось показывать резервы[11].

С 18 по 24 октября 1943 г. состоялась поездка генерала Пети в войска Воронежского и Степного фронтов. В этот период армии Степного фронта, участвуя в Нижнеднепровской стратегической наступательной операции, вели ожесточенные бои на правом берегу Днепра южнее Кременчуга. В ходе Пятихатской фронтовой наступательной операции 15 октября 1943 г. они перешли в наступление, прорвали оборону противника на правобережье Днепра, и во взаимодействии с армиями Юго-Западного фронта, сокрушили оборонительный рубеж, именуемый гитлеровцами «Восточным валом». Тем самым было завершено освобождение левобережной Украины на нижнем течении Днепра[12].

В отчете о поездке на фронт главы Военной миссии Французского комитета Национального освобождения, составленном генерал-майором Н.И. Дубининым, с хронологической точностью изложены все обстоятельства пребывания генерала Э. Пети в 38-й армии Воронежского фронта и 7-й гвардейской армии Степного (с 20 октября 1943 г. – 2-го Украинского) фронта.

Заслуживают внимания отдельные детали визита официального представителя Свободной Франции на фронт. Генерала Пети сопровождали переводчик и два офицера. На самолете Дуглас де-

легация вылетела в Прилуки. В связи с осенней распутицей автомобили, высланные штабом Воронежского фронта, приехали за гостями только ночью. Поэтому вторая половина дня прибытия прошла в ожидании транспорта, сопровождавшемся товарищескими обедами и просмотром красноармейской самодеятельности в Прилукском городском театре, что оставило прекрасное впечатление у присутствовавших. Генерал Пети был приглашен на встречу с командиром 202-й авиационной дивизии 2-й воздушной армии полковником С.И. Нечипуренко.

19 октября, в связи с тем, что дороги не подсохли, а на Переяславский плацдарм по указанию командующего фронтом, нельзя было приезжать, «т.к. там сидели в грязи танки, пушки, автотранспорт…», на самолете Дуглас, члены делегации вылетели в 38-ю армию генерал-лейтенанта Н.Е. Чибисова. На Днепровском плацдарме начальник оперативного отделения штаба дивизии показал гостям немецкие позиции, а также единственный трофей – подбитый танк «Пантера» и около десятка убитых вражеских военнослужащих.

Попытка расширить осмотр выездом на один из командных пунктов 38-й армии не увенчалась успехом из-за нежелания подвергать риску жизнь генерала Пети. Сам же командарм полагал, что главу иностранной военной миссии может удовлетворить экскурсионная поездка на автомашине на правый берег Днепра в сопровождении специалиста инженерных войск, который дал пояснения по форсированию Днепра и почти ничего не рассказал о ходе всей операции. От личной встречи с генералом Пети генерал-лейтенант Чибисов уклонился.

Проведенный на передовой день оставил у французского генерала негативное впечатление с деловой точки зрения, поэтому сопровождавшим пришлось настраивать его на то, что с выездом в район Переяславского плацдарма он получит возможность увидеть бой. Оказавшись в штабе Воронежского фронта, делегация получила указание перелететь на Степной фронт для осмотра плацдарма юго-восточнее Кременчуга.

20 октября 1943 г. генерал Пети был принят начальником штаба Степного фронта генерал-лейтенантом М.В. Захаровым. В беседе, продолжавшейся около часа, начальник штаба дал общее представление об операциях, предшествовавших выходу на Днепр, овладению плацдармом с «хода» и боями за его расширение. Выяснив желание генерала Пети, М.В. Захаров предложил на следующий день выехать ему в район Пятихатки, где после осмотра района разгрома немцев, посмотреть бой танкового корпуса.

Генерал Пети интересовался составом немецких войск, наличием среди пленных эльзас-лотарингцев, взаимодействием артиллерии с пехотой, устройством тыла и снабжением боеприпасами массы артиллерии и войск, насыщенных автоматическим оружием. М.В. Захаров рассказал о пополнении немецких войск за счет «выдергивания» отдельных батальонов, полков и просто тысяч военнослужащих из дивизий, расположенных во Франции, а также о полной обеспеченности советских войск артиллерией, автоматическим оружием и отсутствии проблем с устройством тыла и снабжения боеприпасами.

21 октября члены делегации выехали по направлению к Пятихатке. В районе Переволочной им удалось наблюдать за советскими штурмовиками, шедшими на выполнение боевых заданий и возвращающимися обратно. На северной окраине населенного пункта Лиховка пришлось сделать вынужденную остановку, т.к. его центр бомбили шесть Ю-88, которые смогли зажечь несколько домов и разрушить мост. Сопровождаемые начальником оперативного отдела штаба 5-й гвардейской танковой армии, члены делегации выехали в район Пятихатки, где увидели до 20–30 немецких танков разных типов, автомобили, а также железнодорожную станцию, заполненную эшелонами (под разгрузкой танков), убитых.

Штабные офицеры ознакомили Э. Пети с ходом операции по овладению Пятихаткой. Французский генерал интересовался организацией механизированных и танковых корпусов, боевым комплектом и запасом горючего. Особое внимание было уделено маневрам танковых соединений, обеспечивших овладение с небольшими потерями такими крупными узлами, как Пятихатка. На вопрос о качестве советских танков, генерал получил «восторженный» ответ о высоких качествах Т-34, остался доволен верой в свою технику наших командиров (ему показали Т-34 снаружи и дали пояснения о тактико-технических данных).

Как отмечается в документе, «генерал Пети благодарил командование Красной Армии за предоставленную возможность посетить фронт и за хорошую организацию самой поездки»[13].

Исследователь из Франции С.В. Дыбов, посвятивший истории франко-советского военного сотрудничества ряд публикаций, отмечает: «Генерал Пети выдвинул инициативу сформировать французскую дивизию в составе Красной Армии из французских военнопленных Вермахта, которая не породила энтузиазма со стороны советского командования. Генерал де Голль обратился с просьбой в таком случае обеспечить перевод французских пленных во французскую армию. Это была вторая проблема, которой генерал Пети занимался во время войны»[14].

3 ноября 1943 г. глава французской Военной миссии бригадный генерал Пети обратился к заместителю начальника Генерального штаба Красной армии генералу А.И. Антонову с сообщением: «15-го сентября, принимая меня, господин Маршал Сталин благосклонно отнесся к сделанному мною, в порядке принципиального запроса, предложению о возвращении французов мобилизационного возраста, которые окажутся в распоряжении Советских властей, и их использованию на войне в виде французских войсковых соединений, сформированных в Советском Союзе, с тем, чтобы сражаться в рядах Красной Армии». Генерал Пети имел ввиду две категории французов: военнопленных, или мобилизованных на работу в Германию, которые могут быть освобождены при наступлении Красной армии, а также выходцев из Эльзаса и Лотарингии, насильно зачисленных в гитлеровскую армию, добровольно перешедших на сторону советских войск.

По информации французского генерала, во время поездки на фронт, ему представилась возможность допросить двух эльзасцев, добровольно перешедших на сторону Красной армии. Оба допрошенных высказали мнение, что почти все эльзасцы и лотарингцы, призванные насильно в немецкую армию, решили дезертировать из ее рядов, как только представятся для этого благоприятные обстоятельства.

С точки зрения французской Военной миссии, возвращение французских граждан, подлежащих мобилизации, могло бы способствовать их использованию в войне против Германии; кроме того, подобный жест доброй воли в отношении военнопленных свидетельствовал бы об уважении, с которым Советское правительство относится к вопросам целостности французской территории и восстановления государственного суверенитета.

В связи с вышеизложенным генералом Пети были внесены следующие предложения: во-первых, организовать пропаганду посредством листовок и радиопередач, призывающих эльзасцев и лотарингцев оставлять ряды немецкой армии и сдаваться в плен Красной армии, сообщая им при этом о присутствии в Советском Союзе французской Военной миссии, возглавляемой французским генералом.

Во-вторых, осуществлять сбор эльзасцев и лотарингцев в одном или нескольких специальных лагерях, проводя при этом их тщательную проверку, с тем, «чтобы удалить подозрительных и сохранить только надежные элементы». В-третьих, сформировать французские пехотные подразделения из людей, отобранных таким образом, когда число их достигнет примерно 500 человек[15].

В январе 1944 г. в НКВД СССР была направлена информация начальника Управления по делам военнопленных и интернированных генерала И.А. Петрова: «Во исполнение Ваших указаний нами было дано распоряжение всем фронтовым лагерям НКВД о направлении военнопленных французов в Радинский лагерь № 188 Тамбовской обл. На 1 января сего года в указанном лагере уже сосредоточено 915 военнопленных французов из общего количества их в 1454 чел.

Среди них преобладают французы, уроженцы Эльзас-Лотарингии. Из 425 опрошенных жителей Эльзас-Лотарингии 369 чел., уроженцев разных городов Франции 11 чел. и остальные 45 чел. – из Люксембурга, Бельгии, Голландии и др. Абсолютное большинство в возрасте 1920–1924 гг. рождения по роду войск пехотинцы, рядовой состав. В германскую армию были мобилизованы. Большинство из них добровольно перешли на сторону Красной Армии»[16].

В течение сентября-декабря 1943 г. среди военнопленных французов, содержавшихся в лагере № 188, была проведена разъяснительная работа, в результате которой 799 чел. подпи-

сали обращение Французскому комитету Национального Освобождения о зачислении их в армию генерала де Голля и обратились с ходатайством к советскому правительству с просьбой о содействии в осуществлении их желания.

В лагере была отобрана группа из 40 военнопленных французов для антифашистской школы, создан антифашистский актив в количестве 26 чел., содействовавший укреплению дисциплины среди военнопленных французов и помогавший изучению их настроений. Согласно документу, политико-моральное состояние военнопленных оценивалось как здоровое. Оно особенно укрепилось в связи с наступлением Красной армии. К немногим военнопленным французам, проявлявшим профашистские настроения, основная масса военнопленных французов относилась с презрением, бойкотируя их.

«Серый мундир, в который облекли нас немцы, чтобы заставить нас убивать своих друзей-русских и умирать от их руки, позором жжет наши сердца. Воевать вместе с бошами и носить на груди хвостастый крест в когтях хищного грифа, терзающего тело прекрасной Франции – этот позор, который можно смыть только кровью. Месть, беспощадная месть предателям нашей родины», – заявлял военнопленный француз Шмитт Жан.

«Я полон таким отвращением к немцам, что готов удушить каждого из них, кто попадается мне на глаза», – заявил военнопленный Ульмер Отто.

Мысль о вступлении в армию Французского комитета Национального освобождения являлась основой всех побуждений военнопленных французов. Имя генерала де Голля было исключительно популярно среди них, многие военнопленные носили на головном уборе или мундире эмблему генерала де Голля или трехцветную ленточку.

Генерал Петров счел возможным по примеру формируемых воинских соединений из румынских, словацких и других военнопленных сформировать из военнопленных французов воинскую часть для использования ее против немецко-фашистских войск на советско-германском фронте.

12 мая 1944 г. начальник отдела спецзаданий генштаба генерал-майор Н.В. Славин докладывал генералу армии А.И. Антонову о

состоявшейся встрече с главой французской Военной миссии генералом Пети, в ходе которой было сообщено о решении советского правительства передать французских военнопленных военным властям Свободной Франции. Во время беседы был уточнен ряд организационных вопросов. Так, уполномоченным от Французского Национального Комитета Освобождения по приему военнопленных являлся генерал Пети.

Пунктом доставки военнопленных советским транспортом в Иране определялся Тегеран. Установление численности каждой партии военнопленных возлагалось на советское командование. Французской стороной было высказано пожелание отправить всех пленных одновременно, так как для этой цели будет подан пароход, вмещающий всех военнопленных, находившихся в СССР.

Генерал Пети предложил осуществлять прием военнопленных в пункте их сосредоточения на территории СССР, а транспортировку до Тегерана производить в сопровождении их представителей по одному на каждый эшелон. Прозвучала просьба и о предоставлении возможности ознакомиться с готовностью к отправке военнопленных в районе их сбора (именные списки, экипировка, организация партий и т.д.). При этом французский генерал интересовался, как одеты и обуты военнопленные, заявив, что ему не хотелось, чтобы военнопленные в Иране были в немецкой форме и разуты. Он пообещал предупредить свое командование об организации немедленной отправки военнопленных из Тегерана в Алжир, предположив, что военнопленные из Тегерана до Басры будут отправлены по железной дороге, а в Басре их погрузят на французский или английский пароход[17].

В мае 1944 г. советским правительством было принято положительное решение по обсуждаемому вопросу. В лагерь № 188 прибыл глава французской Военной миссии генерал Пети. 6 июля ему были переданы 1 500 военнопленных французов, которых одели в новое летнее красноармейское обмундирование улучшенного качества. На следующий день состоялась отправка. 18 июля военнопленные прибыли в Тегеран, где были переданы французской миссии в Иране[18].

Осенью 1944 г. генерал Пети продолжил координировать вопросы советско-французского военного сотрудничества. Одним

из перспективных проектов в этой связи он считал увеличение числа французских военных летчиков, сражавшихся на советско-германском фронте. В ноябре 1944 г. генерал обратился к командованию ВВС Красной армии с просьбой организовать его поездку в истребительный полк «Нормандия», входивший в состав 1-й воздушной армии. А уже 7 декабря на встрече с генералом Н.В. Славиным Э. Пети сообщил об инициативе французского военного командования добавить к существующему истребительному полку «Нормандия» еще один истребительный полк и один бомбардировочный, вооружив последний советскими самолетами Пе-2.

Экипажи во вновь организуемых полках предполагалось укомплектовать французскими летчиками, технический состав – советскими специалистами, по образцу полка «Нормандия». Кроме того, генерал Пети обратился с просьбой разрешить прибыть в СССР авиационной технической делегации в составе 5 человек для изучения советского опыта самолетостроения и моторостроения[19].

Необходимо отметить, что предложение сформировать в составе ВВС Красной армии дополнительный истребительный полк, аналогичный «Нормандии», было озвучено генералом Пети еще в феврале 1944 г. Представляют интерес комментарии заместителя командующего ВВС генерал-полковника авиации А.В. Никитина, содержащиеся в докладной записке на имя генерала армии А.И. Антонова: «Считаю это предложение приемлемым и целесообразным. Материальная часть у нас имеется, французы, как показал полк «Нормандия», дерутся неплохо… Необходимость этого мероприятия вызывается и тем, что французское командование вынуждено направлять большие группы будущих летчиков на учебу в Англию и США, но они предпочитают проходить подготовку в СССР»[20].

В связи с вышеизложенным, вновь ставился вопрос об организации французского учебного центра в СССР, а точнее о предоставлении французам возможности доучивать свой летный состав, не закончивший летных школ на родине, для последующего пополнения ими французских летных частей в Советском Союзе.

Очередная встреча генералов Пети и Славина состоялась 14 декабря 1944 г. На ней французской стороной был изложен ряд дополнений к вопросам, поставленным начальником штаба Национальной обороны Франции генералом Жуэн. В их числе обмен сведениями о немецкой армии между офицерами французской Военной миссии с представителями Генштаба; вынесение окончательного решения советским военным командованием о составе французской авиационной дивизии; репатриация французских граждан и военнопленных; содействие изучению советского опыта в области авиационной промышленности и другие.

Мнение Генерального штаба по обозначенным вопросам было изложено в докладе, направленном 19 декабря 1944 г. на имя наркома обороны И.В. Сталина и наркома иностранных дел В.М. Молотова. Генерал армии А.И. Антонов предлагал удовлетворить все просьбы и предложения представителей французского военного командования, но с незначительными ограничениями[21].

27 декабря 1944 г. глава французской Военной миссии в СССР дивизионный генерал Э. Пети вынужден был новь обратиться к заместителю начальника Генерального штаба РККА генералу армии А.И. Антонову. В официальном письме была дана подробная характеристика перспективных направлений двустороннего военного сотрудничества, в развитии которых была особо заинтересована французская сторона[22].

Все перечисленные генералом Пети вопросы и предложения неоднократно поднимались и аргументированно обосновывались на многочисленных встречах с представителями советского военного командования, но их практическая реализация, как правило, затягивалась, не получая реального воплощения в конкретных делах, способных повысить эффективность военного сотрудничества, имевшего общую для обеих стран цель победоносного завершения Второй мировой войны.

За большой вклад в развитие франко-советского боевого содружества 4 июня 1945 г. генерал Э. Пети был награжден орденом Красного Знамени. Его взвешенная позиция, направленная на укрепление дружественных и партнерских отношений между СССР и Францией в условиях борьбы с общим врагом, заслуживает высокой оценки и признания не только на родине, где память

о «Маленьком генерале» сохранена в названиях улиц, но и в современной России, столкнувшейся в преддверии 70-летия Великой Победы с угрозой распространения нацизма на своих западных границах.

Примечания

1 Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 40. Оп. 11549. Д. 136. Л. 46. Central'nyj arhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation] (CAMO RF), fond 40, series 11549, file 136, p. 46.

2 Там же. Л. 47-48. Ibid., pp. 47-48.

3 Там же. Л. 48-49. Ibid., pp. 48-49.

4 Там же. Д. 142. Л. 44. Ibid., file 142, p. 44.

5 Там же. Д. 136. Л. 51. Ibid., file 136, p. 51.

6 Там же. Д. 117. Л. 175. Ibid., file 117, p. 175.

Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. 1941–1943 / МИД СССР. – М., 1983. – С. 268–273. *Sovetsko-francuzskie otnoshenija vo vremja Velikoj Otechestvennoj vojny, 1941–1945: Dokumenty i materialy. V 2-h t. T. 1. 1941–1943* [Soviet-French relations during the Great Patriotic War, 1941–1945: Documents and Materials. In 2 vol. Vol. 1. 1941–1943]. Moscow, 1983, p. 268–273.

7 ЦАМО РФ. Ф. 40. Оп. 11549. Д. 117. Л. 175. CAMO RF, fond 40, series 11549, file 117, p. 175.

8 Там же. Д. 136. Л. 195. Ibid., file 136, p. 195.

9 Там же. Д. 117. Л. 186–187. Ibid., file 117, pp. 186–187.

10 Там же. Л. 210–212. Ibid., pp. 210–212.

11 Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин. – М., 2009. – С. 135. *Velikaja Otechestvennaja bez grifa sekretnosti. Kniga poter'. Novejshee spravochnoe izdanie* [The Great Patriotic without security classification: The book of losses: The latest reference book]. Moscow, 2009, p. 135.

12 ЦАМО РФ. Ф. 40. Оп. 11549. Д. 117. Л. 190–200, 206. CAMO RF, fond 40, series 11549, file 117, pp. 190–200, 206.

13 Электронный ресурс. Режим доступа: http://severr.livejournal.com/1123014.html. Available at: http://severr.livejournal.com/1123014.html

14 ЦАМО РФ. Ф. 40. Оп. 11549. Д. 126. Л. 277–278. CAMO RF, fond 40, series 11549, file 126, pp. 277–278.

15 Электронный ресурс. Режим доступа: http://severr.livejournal.com/588476.html. Available at: http://severr.livejournal.com/588476.html.

16 ЦАМО РФ. Ф. 40. Оп. 11549. Д. 204. Л. 44–45. CAMO RF, fond 40, series 11549, file 204, pp. 44–45.

17 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 2. Д. 66. Л. 29. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation] (GARF), fond 9401, series 2, file 66, p. 29.

18 ЦАМО РФ. Ф. 40. Оп. 11549. Д. 204. Л. 131–132. CAMO RF, fond 40, series 11549, file 204, pp. 131–132.

19 Там же. Л. 18. Ibid., p. 18.

20 Там же. Д. 171. Л. 65–68. Ibid., file 171, pp. 65–68.

21 Там же. Д. 204. Л. 150–156. Ibid., file 204, pp. 150–156.

Список литературы

1. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин. – М.: Вече, 2010. – 388 с.

2. Военнопленные в СССР 1939-1956: Документы и материалы / Под ред. М.М. Загорулько. – М.: Логос, 2000. – 1120 с.

3. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. – М.: Олма-Пресс, 2001. – 608 с.

4. Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. 1941–1943 / МИД СССР. – М., 1983. – 430 с.

References

1. *Velikaja Otechestvennaja bez grifa sekretnosti. Kniga poter'. Novejshee spravochnoe izdanie* [The Great Patriotic without security classification: The book of losses: The latest reference book]. Moscow, 2009, 388 p.

2. *Voennoplennye v SSSR 1939–1956: Dokumenty i materialy* [Prisoners of war in the USSR, 1939–1956: Documents and Materials]. – Moscow, Logos, 2000, 1120 p.

3. *Rossija i SSSR v vojnah XX veka: Statisticheskoe issledovanie* [Russia and the USSR in the wars of the 20th century: A statistical study]. – Moscow, Olma-Press publ., 2001, 608 p.

4. *Sovetsko-francuzskie otnoshenija vo vremja Velikoj Otechestvennoj vojny, 1941–1945: Dokumenty i materialy. V 2-h t. T. 1. 1941–1943* [Soviet-French relations during the Great Patriotic War, 1941–1945: Documents and Materials. In 2 vol. Vol. 1: 1941–1943]. Moscow, 1983. 430 p.

Сведения об авторах

Коровин Владимир Викторович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Юго-Западного государственного университета, г. Курск, Российская Федерация, 8-920-738-40-00, vlavikor@yandex.ru

About author

Korovin Vladimir Viktorovich, PhD in History, professor, professor of the Constitutional Law Department of the Southwest State University, Kursk, Russian Federation, +7-920-738-40-00, vlavikor@yandex.ru

С.Г. ВЕРИГИН,
г. Петрозаводск, Российская Федерация

О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К ОЦЕНКЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПАРТИЗАН И ФИНСКИХ ДИВЕРСАНТОВ С ГРАЖДАНСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Verigin S.G.,
Petrozavodsk, Russian Federation

On Approaches to the Assessment of Interactions of Soviet Partisans and Finnish Saboteurs with Civilians during World War II

Аннотация
Вопрос о действиях советских разведывательно-диверсионных подразделений и партизанских отрядов в тылу финских войск и аналогичных действий финских диверсионных отрядов в советском тылу в период военного противостояния на Карельском фронте в 1941–1944 гг., а также взаимоотношение этих спецподразделений с гражданским мирным населением двух стран, до 1990-х гг. практически не изучался в научной литературе. В период существования СССР (с окончания войны и вплоть до перестройки) обе страны старались не затрагивать острых вопросов истории, которые могли бы обострить стабильные и устойчивые отношения между СССР и Финляндией в 1950-е – начале 1990-х гг. Распад СССР, произошедшие в России коренные изменения последних двадцати лет, снятие жестких идеологических рамок, открыли новые возможности для изучения данной темы. Открылись новые документы и материалы, которые показывают, что многие вопросы партизанского движения в Карелии не изучены, а отдельные моменты требуют пересмотра. Только в последние годы исследователи получили доступ к документам ведомственных архивов (АУ ФСБ РФ по РК и Архив МВД РК), которые позволили начать исследование проблемы действий советских разведывательно-диверсионных групп НКВД и армейской разведки в тылу финских войск в период войны 1941–1944 гг. и результативность этих действий. Появляются первые научные работы о действиях финских диверсионных отрядов в советском тылу и их отношение к некомбатантам и мирному гражданскому населению. Проблема исследования международно-правовых аспектов действий разведывательно-диверсионных как советских, так и финских подразделений в отношении гражданского населения и некомбатантов в период Второй мировой войны на Севере, требует дальнейшего изучения. Наибольшие результаты могут быть достигнуты на базе совместных российско-финляндских проектов по данной проблематике.

Ключевые слова
Вторая мировая война, Россия, Финляндия, советские партизаны, финские диверсанты

Abstract
The issue of the activities of the Soviet sabotage/reconnaissance units and partisan parties in the Finnish troops' rear and suchlike activities of the Finnish reconnaissance units in the Soviet rear in the days of military confrontation on the Karelian front (1941–1944), as well as interactions of these two special detachments with civilians of two countries up to the 1990s is virtually unstudied in the scholarship. During the Soviet period (from the end of the war to "perestroika") the countries didn't touch upon these sensitive historical issues for fear of exacerbation of relations between the USSR and Finland. Collapse of the Soviet Union, sweeping changes occurred in Russia in the last 20 years and disappearance of inflexible ideological attitude system gave new opportunities for studying this topic. New documents and materials that have become available show that many issues concerning the partisan movement in Karelia remain unstudied, several points demand reassessment. Only during the recent years researchers gained access to the documents of the departmental archives (Archive of the Federal Security Service (FSB) Directorate for the Republic of Karelia and Archive of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Karelia) and were able to research the activities of the Soviet sabotage/reconnaissance units of the People's Commissariat for Internal Affairs (NKVD) and the military intelligence in the rear of the Finnish troops during the war (1941–1944) and assess its effectiveness. There are new publications on the activities of the Finnish diversionary troops in the Soviet rear and their attitude towards non-combatants and civilians. Further studying of international law aspects concerning the Soviet and Finnish sabotage/reconnaissance units' activities directed to civilians and non-combatants in the days of World War II in the North is needed. Maximum effect can be achieved within the framework of joint Russian-Finnish projects.

Keywords
World War II, Russia, Finland, the Soviet partisans, the Finnish saboteurs

В советский период в отечественной историографии боевая деятельность партизан освещалась как в общих трудах по истории Великой Отечественной войны и истории Карелии, так

и в специальных работах и статьях, в многочисленных журнальных и газетных публикациях[1]. Основное внимание историки уделяли раскрытию своеобразия и трудностей деятельности советских патриотов в тылу противника на Европейском Севере, которые в свою очередь определили специфику этой борьбы в Карелии и Заполярье.

С другой стороны, большинство исследований и мемуаров по истории партизанского движения в Карелии советского периода несли на себе отпечаток идеологизированности и политизированности. Основной упор в них был сделан на показе патриотизма, героизма и мужества партизан, а также на освещении роли партийных органов в организации партизанского движения. Партийно-государственная цензура 1950-х – начала 1980-х гг. принуждала авторов изображать только положительные победоносные стороны партизанского движения, опуская при этом тяжелые и трагические стороны партизанской войны на Севере. К.В. Гнетнев в книге «Тайны лесной войны. Партизанская война в Карелии 1941–1944 годов в воспоминаниях, фотографиях и документах» в этой связи отмечает: «Известен случай, когда из рукописи книги комиссара партизанского отряда Г.А. Герасимова “Партизанские километры” издательством была изъята целая глава о чудовищно трудном летнем походе 1942 года партизанского отряда “Вперед”. Ситуация сложилась так, что при возвращении в свой тыл до линии боевого охранения наших войск из всего отряда сумел доползти в полубессознательном состоянии только один партизан»[2].

Официальная политика 1950-х – начала 1980-х гг., требовавшая отражать только положительные факты в изображении как партизанского движения в военный период, так и в целом истории Великой Отечественной войны, неизбежно приводила не только к возникновению научной цензуры, но и к появлению самоцензуры и у авторов научных работ, и у самих ветеранов, пишущих мемуары. К.В. Гнетнев пишет: «В июне 2005 года бывший разведчик отряда “Боевые друзья” И.А. Комиссаров прямо заявил мне в беседе: “Мы не дали Д.Я. Гусарову[3] написать всю правду о походе бригады летом 42-го в его романе “За чертой милосердия”. Так и сказали: “Брось, Дима. Не надо. Все равно не пропустят”.

Сам писатель так отметил это обстоятельство в дневниковой записи от 10 октября 1970 года: “Партизаны охотно и много рассказывают об этом походе, но у меня сложилось впечатление, что они не хотят, чтобы об этом походе была написана вся правда”»[4].

Стремление «наложить глянец» или, напротив, затуманить, заболтать те или иные факты истории доводили до откровенных глупостей. В первом варианте рукописи книги «За линией Карельского фронта» ее автор – первый секретарь ЦК КП(б) Карело-Финской ССР и член Военного совета Карельского фронта Г.Н. Куприянов утверждал, что в вещевом мешке каждого партизана, уходившего на задание в тыл врага, непременно был томик «Краткого курса истории ВКП(б)» И.В. Сталина. Большого труда партизанам стоило убедить автора в необходимости снять это нелепое утверждение. Летом 2005 года бывший политрук партизанского отряда «Железняк» С.П. Татаурщиков так рассказывал об этом эпизоде: «Еле убедил. Говорю: – Ну не было такого, Геннадий Николаевич! Ведь каждая иголка на счету. Я даже свой кольт в походы перестал носить, а вы с историей партии…». А ведь генерал Куприянов, в числе других, руководил партизанским движением, считался авторитетом в истории войны на территории Карелии и лучше многих знал предмет, о котором писал»[5].

Практически все научные исследования 1950-х – начала 1980-х гг., связанные с карельскими партизанами, были написаны под влиянием официальной политики и базировались на Записке ЦК КП(б) Карело-Финской ССР «Об участии карело-финского народа в Великой Отечественной войне»[6], которая была подписана секретарем ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Г.Н. Куприяновым 3 августа 1944 г. В большинстве работ мы не найдем анализа серьезных недостатков и ошибок в партизанском движении Карелии, просчетов штаба партизанского движения Карельского фронта в организации партизанского движения на Севере. Правда, в начале 1980-х гг. был опубликован роман-хроника Д.Я. Гусарова «За чертой милосердия»[7], где раскрывается горькая правда о походе бригады Григорьева в тыл противника в 1942 г. Но эта правдивая книга носила характер художественной прозы и в большей части была посвящена показу мужества и самоотверженности карельских партизан в борьбе против финских оккупантов.

Одна из сложностей в исследовании проблем партизанского движения в Карелии в годы Великой Отечественной войны в доперестроечный период состояла также в узости источниковой базы: многие архивные документы из фондов советских государственных архивов были закрыты для историков. Советские исследователи в большинстве своем не имели доступа к архивным источникам Финляндии и практически не использовали финляндскую историографию по изучаемой теме.

Распад СССР, произошедшие в России коренные изменения последних двадцати лет, снятие жестких идеологических рамок, открыли новые возможности для изучения данной темы. Открылись новые документы и материалы[8], которые показывают, что многие вопросы партизанского движения в Карелии не изучены, а отдельные моменты требуют пересмотра. Только в последние годы исследователи получили доступ к документам ведомственных архивов (Архив УФСБ РФ по РК и Архив МВД РК), которые позволили начать исследование проблемы действий советских разведывательно-диверсионных групп НКВД и армейской разведки в тылу финских войск в период войны 1941–1944 гг. и результативность этих действий. Появляются первые научные работы о действиях финских диверсионных отрядов в советском тылу и их отношение к некомбатантам и мирному гражданскому населению[9].

Жизнь в настоящее время заставляет нас искать историческую правду, что предполагает, в том числе, и переосмысление событий военных лет. Вместе с тем появились новые проблемы: на наш взгляд, российская общественность не готова к тому, чтобы узнать жестокую правду о партизанах и их действиях, да этого, порой, не хотят знать и оставшиеся в живых участники тех событий. В свою очередь, финляндская общественность не готова к тому, чтобы осознать преступления финских диверсантов в отношении мирного советского населения в советском тылу. До сих пор данные вопросы являются темой острых дискуссий между российскими и финскими историками и юристами.

Партизанское движение на Севере России, и в Карелии, в частности, активно изучается не только в России, но и в Финляндии[10]. Но эта работа в настоящее время имеет четко выраженную спе-

цифику. Прежде всего исследуется деятельность советских партизан на территории Финляндии против гражданского населения в годы Второй мировой войны[11].

Актуальность данного вопроса усиливается тем, что с начала 1990-х гг. в Финляндии эти проблемы вышли за рамки академических дискуссий и стали широко обсуждаться в средствах массовой информации, в широких кругах финляндской общественности. Во многих публичных выступлениях советские партизаны характеризуются как террористы, воевавшие с мирным гражданским населением, совершавшие преступления против человечности и нарушавшие международные законы ведения войны. Даже высказывались предложения потребовать от России признания ветеранов партизанского движения военными преступниками со всеми вытекающими последствиями. Ряд финских организаций и политических деятелей считают, что действия советских партизан в Финляндии могут рассматриваться как военные преступления, подпадающие под положения Гаагской конвенции и не имеющие срока давности. Они обратились в МИД и прокуратуру Финляндии с требованием расследовать деятельность советских партизан против гражданского населения на территории Финляндии в 1941–1944 гг. Своей кульминации антипартизанская компания в Финляндии достигла к началу 2000-х гг.

В 1999 г. в Финляндии даже создали общественную организацию «Гражданское население – ветераны войны-продолжения» (Jatkosodan siviiliveteraanit ry), которую возглавила финская писательница Тююне Мартикайнен. Организация представляет интересы финского мирного гражданского населения, пострадавшего от советских партизан. Она стремится привлечь внимание общественности к рейдам советских партизан в тыл Финляндии, в результате чего, по оценкам этой организации, погибло 176 мирных граждан[12].

Большой общественный резонанс в Финляндии и в Карелии получила книга Вейкко Эрккиля «Замалчиваемая война. Нападения советских партизан на финские деревни», вышедшая в Хельсинки в 1999 г.[13] Данная работа – результат расследования, проведенного автором в 1995–1998 гг. За это время В. Эрккиля совершил 34 поездки в Россию, встретился с 19 бывшими парти-

занами, участвовавшими в рейдах на территорию Финляндии, из которых наиболее важными свидетелями считал бойца отряда «Большевик» Валентина Смирнова, командира группы Николая Дмитриенко, руководителя разведки отряда «Большевик Заполярья» Анатолия Голубева и медсестер Валентину Дерябину и Хельгу Лобух, а также оставшихся в живых командиров карельских партизанских отрядов «Большевик Заполярья» и «Большевик» – Александра Смирнова и Георгия Калашникова.

В. Эркиля утверждает в книге, что партизаны убили 147 мирных финляндских жителей. Основной причиной нападения партизан на гражданские объекты, по его мнению, был страх не выполнить задание[14]. При этом он цитирует слова командира отряда «Полярник» Д. Подоплекина: «Если бы мы вернулись, не выполнив задания, то пошли бы под трибунал», а также Александра Смирнова: «Наше правительство с утра до вечера требовало смерти врагу»[15].

Вторая возможная причина, по мнению В. Эркиля, заключалась в том, что советское правительство стремилось запугать Финляндию и таким образом заставить ее выйти из войны[16].

В 2011 г. крупнейшее финское издательство «Otava» выпустило новую книгу этого автора – «Последнее утро. Замолчанные следы советских партизан»[17]. В ней В. Эркиля продолжает прежнюю тему, рассказывает о трагедии небольших приграничных поселений в Лапландии, которые подверглись нападениям советских партизанских отрядов в 1941–1944 гг. По словам автора, он впервые узнал о жестоких нападениях советских партизан на приграничные финские деревни еще в 1970-е гг., но тогда об этой трагической странице советско-финляндской истории предпочитали не говорить ни в СССР, ни в Финляндии. По его мнению, за годы войны от рук советских партизан погибло около 200 мирных жителей Финляндии[18].

Следует отметить, что представителями финляндской и российской общественности, учеными двух стран предпринимались попытки в более спокойной обстановке совместно обсудить данную проблему. Так, в сентябре 2002 года в г. Соданкюля (Финляндия) прошел международный семинар-примирение по проблемам партизанской войны на Севере, в котором приняли участие историки, юристы, эксперты и общественные деятели Финляндии, России, Швеции, Польши. Участники семинара искали пути примирения в таком сложном вопросе, как результаты деятельности советских партизан на территории Финляндии в 1941–1944 гг.

Эта же проблема была в центре внимания на прошедшей в г. Петрозаводске в октябре 2009 г. международной научной конференции «Россия и Финляндия в многополярном мире: 1809–2009 гг.». Состоялась дискуссия российских и финляндских исследователей, в ходе которой коллегам из соседней страны была предоставлена трибуна для изложения своей позиции по данному вопросу. Выступила и руководитель общественной организации Финляндии «Гражданское население – ветераны войны-продолжения» Тююне Мартикайнен. Общее мнение склонилось к тому, что следует уходить от излишней политизированности данной проблемы и сделать вопрос о рейдах карельских партизан на территорию Финляндии в 1941–1944 гг., а также последствия этих рейдов для мирного гражданского населения, объектом историко-правовых исследований.

В ноябре 2012 г. в Петрозаводском госуниверситете состоялось обсуждение книги В. Эркккиля «Последнее утро. Замолчанные следы советских партизан» с участие автора и других финских коллег. В ходе дискуссии российские историки и юристы изложили свою точку зрения на описываемые события. Они отметили, что в годы войны у финнов были созданы свои диверсионные формирования – так называемые «дальние разведчики», численность которых примерно равнялась численности карельских партизан – около 1,5 тыс. человек. Они уходили в рейды по глубоким советским тылам вплоть до Архангельской и Вологодской областей и совершали большое количество преступлений против советского гражданского населения. После окончания войны значительная часть этих «дальних разведчиков», боясь наказаний за свои преступления, вынуждена была перебраться в США.

Ни в какое сравнение не идут и цифры погибших мирных граждан двух государств. Если число жертв мирных граждан с финской стороны достигает 200 человек, то в годы оккупации только в одном Петрозаводске в концентрационных лагерях содержа-

лось около 22 тыс. советских граждан, и только за лето 1942 г. от голода и болезней умерло более 4 тыс. человек. Причем эти цифры признают и объективные финляндские исследователи.

Автор понимает боль финских граждан, но в нашей стране в годы войны погибли миллионы мирных граждан. И в то же время, вопрос о «виновности» советских партизан, как военных преступников, на наш взгляд, не может ставиться в принципе. В международном праве дан четкий ответ – преступниками Второй мировой войны, совершивших в те годы преступления, являются нацистская Германия и союзные с ней государства.

На наш взгляд, вопрос о партизанах – это исторический вопрос и не надо переводить его в плоскость политики. Это тупиковая проблема. Не следует идти по принципу око за око: жертвы финского мирного населения со стороны партизан, злодеяние финнов на оккупированной территории Карело-Финской ССР, концлагеря в Карелии, малолетние узники войны. Война – эта всегда трагедия.

С учетом того, что в соседней стране при исследовании партизанского движения на Севере упор делается на освещении жертв мирного населения со стороны партизан Карельского фронта, российские исследователи пытаются объективно разобраться в этом вопросе. На наш взгляд, следует выделить ряд причин жестокого отношения советских партизан к гражданскому населению:

во-первых, в первый год войны партизаны старались не вступать ни в какие контакты с местным финским населением. Правила действий разведывательно-диверсионных групп в глубоком вражеском тылу требовали сохранения скрытности. Вместе с тем сложности с продовольствием, вызванные продолжительностью таких рейдов, толкали партизан на заходы в малые отдаленные населенные пункты. Других источников пополнения запасов у них не было. Это неизбежно создавало конфликтные ситуации, которые нередко заканчивались для мирных жителей трагично;

во-вторых, многие жители приграничной полосы Финляндии имели боевое оружие, которое получили от властей для самообороны. Поэтому в глазах партизан они переставали быть просто мирными гражданами и воспринимались как безусловные враги;

в-третьих, в условиях бескомпромиссной ожесточенной войны под воздействием целенаправленной пропаганды у советских людей формировался образ коварного и жестокого врага, не заслуживающего никакой пощады… Призыв “Убей немца!” в условиях Карельского фронта трансформировался в лозунг “Убей белофинна!”;

в-четвертых, с лета 1943 г. действия партизан против мирных жителей в приграничной полосе Финляндии вытекали из установки руководства партизанского движения Карельского фронта на создание невыносимых условий жизни и хозяйственной деятельности в соседней стране, используя для этого любые средства;

в-пятых, в 1942–1943 гг. в связи с острой нехваткой личного состава в партизанских отрядах Карельского фронта, вызванной большими потерями в ходе боевых действий, в качестве пополнения стали прибывать люди из лагерей и тюрем. Они рассматривали партизанские отряды как своего рода «штрафные роты», а пребывание в них как вынужденное, чтобы искупить свою вину кровью. Такие партизаны готовы были, не задумываясь, выполнять любые приказы командиров;

в-шестых, в рейдах против мирных поселений в составе партизанских отрядов принимали участие финны и саамы, жившие в СССР. Нередко они относились к своим соплеменникам даже более непримиримо, чем остальные партизаны.

Всесторонне исследуя данную проблему и не оправдывая имевшие место действия советских партизан по уничтожению мирного населения, рискнем высказать следующее. Если поначалу партизаны, совершая рейды на территорию Финляндии, не уничтожали мирное население, то вскоре они были вынуждены это делать, чтобы спастись самим, так как финские граждане докладывали о партизанах военным властям, которые в свою очередь принимали меры по их уничтожению. Мы сожалеем и скорбим о всех жертвах войны.

Одновременно следует отметить и противоположные примеры. Еще в 1941 г. бойцы партизанского отряда «Вперед» отказывались уничтожить машины с раненными нацистами, аргументируя это тем, что это является нарушением международного пра-

ва[19]. Поэтому этот вопрос, на наш взгляд, следует рассматривать в историко-правовой плоскости, с привлечением ученых – историков и юристов России, Финляндии и Германии, способствуя тем самым укреплению российско-финляндско-германских отношений.

Что касается действий финских разведывательно-диверсионных групп в тылу советских войск на Карельском фронте и их отношения к мирному гражданскому населению, то книга П.Ю. Репникова «Петровский Ям. Запланированная трагедия», вышедшая свет в ноябре 2012 г., является одной из первых в отечественной историографии, затрагивающая данную тему. Она посвящена одному из самых трагических событий советско-финляндского противостояния 1941–1944 гг. – нападению финского диверсионного отряда на тыловой гарнизон Карельского фронта в Петровском Яме, в ходе которого был уничтожен полевой подвижной госпиталь (ППГ) № 2212. Погибли медицинские работники и раненые, находившиеся на излечении, а также гражданское население поселка. Советская сторона заявила о том, что убийство 52 человек, защищенных международными конвенциями, является военным преступлением, а именно – нарушением законов и обычаев войны. Однако финская сторона нарушений не признала, участники рейда были названы героями, командир сводного отряда лейтенант Илмари Хонканен был награжден Крестом Маннергейма, одним из самых почетных орденов Финляндии.

Используя архивные документы, свидетельства очевидцев и воспоминания участников с обеих сторон, автор вышеуказанной книги воспроизвел трагедию Петровского Яма, которая вызвала большой резонанс во время войны и до сих пор остается темой острых дискуссий между российскими и финскими историками. Это первое отечественное исследование по данной теме. Большая часть документов публикуется впервые.

Таким образом, проблема международно-правовых аспектов действий разведывательно-диверсионных как советских, так и финских подразделений в отношении гражданского населения и некомбатантов в период Второй мировой войны на Севере, далеко еще не изучена и требует дальнейшего исследования.

Представляется важной инициатива Исторического общества Финляндии и Карельского регионального отделения Российского военно-исторического общества исследовать силами историков и юристов России и Финляндии действия советских партизан на территории Финляндии в 1941–1944 гг. и финских диверсионных отрядов в этот же период в советском тылу. Хочется выразить надежду, что результаты совместных исследований позволят ответить на многие волнующие нас вопросы и будут способствовать укреплению и развитию двусторонних отношений России и Финляндии.

Примечания

1 См., например: Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Военно-ист. очерк. – М.: Наука, 1984. – 358 с. *Karel'skij front v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.: Voenno-ist. ocherk* [The Karelian Front in the Great Patriotic War of 1941–1945: A military and historical sketch]. Moscow, Nauka publ., 1984, 358 p. *Морозов К.А.* Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). – Петрозаводск: Карелия, 1983. – 237 с.; Morozov K.A. *Karelia v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945)* [Karelia during the Great Patriotic war (1941–1945)]. Petrozavodsk, Karelia publ., 1983, 237 p.; *Куприянов Г.Н.* За линией Карельского фронта. – Петрозаводск: Карелия, 1982 – 272 с. Kuprijanov G.N. *Za liniej Karel'skogo fronta* [Across the Karelian front line]. Petrozavodsk: Karelia publ., 1982, 272 p.

2 *Гнетнев К.В.* Тайны лесной войны: Партизанская война в Карелии 1941–1944 годов в воспоминаниях, фотографиях и документах. – Петрозаводск: Острова, 2007. – С. 4. Gnetnev K.V. *Tajny lesnoj vojny: Partizanskaja vojna v Karelii 1941–1944 godov v vospominanijah, fotografijah i dokumentah* [Secrets of the forest war: The partisan war in Karelia in 1941–1944 in memoirs, photographs and documents]. Petrozavodsk: Ostrova publ., 2007, p. 4.

3 Д.Я. Гусаров – партизан Карельского фронта, известный карельский писатель.

4 *Гнетнев К.В.* Указ. соч. – С. 4–5. Gnetnev K.V. 2007, pp. 4–5.

5 Там же. С. 5. Ibid., p. 5.

6 Архив Управления Федеральной службы безопасности по Республике Карелия (Архив УФСБ РФ по РК). Фонд литерных дел (ФЛД). Д. № 1. Л. 128–140. Arhiv Upravlenija Federal'noj sluzhby bezopasnosti po Respublike Karelija [Archive of the Karelian Federal Security Service Directorate of the Russian Federation for the Republic of Karelia] (Arhiv UFSB RF po RK). Fond of litera files (FLD), file 1, pp. 128–140.

7 *Гусаров Д.Я.* За чертой милосердия. – Петрозаводск: Карелия, 1983. – 440 с. Gusarov D.Y. *Za chertoj miloserdija* [Beyond mercy]. Petrozavodsk: Karelia publ., 1983, 440 p.

[8] См., например: *Куприянов Г.Н.* Война на Севере. Рукопись. Национальный архив Республики Карелия (НАРК), ф. Р-3435. Kuprianov G.N. *Voina na Severe* [War in the North]. Manuscript. Nacional'nyj arhiv Respubliki Karelija [The National Archive of the Rebublic of Karelia] (NARK), fond P-3435.

[9] *Репников П.Ю.* Петровский ям. Запланированная трагедия. СПб: Аврора-Дизайн, 2012. – 240 с. Repnikov P.Y. *Petrovskij jam. Zaplanirovannaja tragedija* [Petrovsky Yam: A scheduled tragedy]. St. Peterburg, Aurora-Design publ., 2012, 240 p.

[10] *Seppälä H.* Neuvostopartisaanit toisessa maailmansodassa. Helsinki, 1971; and others.

[11] *Erkkilä V.* Vaiettu sota. Neuvostoliiton partisaanien iskut suomalaisin kyliin. Helsinki: Arator Oy, 1999; *Martikainen T.* Partisaanien siviiliuhri: Värisuora; Kemi, 2002; and others.

[12] STT – Juha Raippalinna. Partisaanisodassa surmattiin 176 siviiliä. Warkauden lehti. 2002. 16. tammi Kuuta.

[13] *Erkkilä V.* Vaiettu sota. Neuvostoliiton partisaanien iskut suomalaisin kyliin. Helsinki, 1999.

[14] *Erkkilä V.* Vaiettu sota. Neuvostoliiton partisaanien iskut suomalaisin kyliin. S. 20, 54.

[15] Там же. С. 109, 224. Ibid. P. 109, 224.

[16] Там же. С. 224, 266. Ibid. P. 224, 266.

[17] *Erkkilä V.* Viimeinen aamu. Neuvostopartisaanien vaietut jäljet. Helsinki: Otava, 2011.

[18] «МК» в Карелии». 2011. 23–30 ноября. С. 14. "МК" v Karelii. ["МК" in Karelia]. 2011, November 23–30, p. 14.

[19] *Авдеев С.С.* Первый партизанский год: По материалам НКВД // Карелия. – 2002. – 11 июля. – С. 12. Avdeev S.S. *Pervyj partizanskij god: Po materialam NKVD* [The first partisan year in the NKVD data]. Karelia, 2002, July 11, p. 12.

Список литературы

1. *Авдеев С.С.* Первый партизанский год: По материалам НКВД // Карелия. – 2002. – 11 июля.
2. *Гнетнев К.В.* Тайны лесной войны: Партизанская война в Карелии 1941–1944 годов в воспоминаниях, фотографиях и документах. – Петрозаводск: Острова, 2007. – 415 с.
3. *Гусаров Д.Я.* За чертой милосердия. – Петрозаводск: Карелия, 1983. – 440 с.
4. Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Военно-ист. очерк. – М.: Наука, 1984. – 358 с.
5. *Куприянов Г.Н.* За линией Карельского фронта. – Петрозаводск: Карелия, 1982 – 272 с.
6. *Морозов К.А.* Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). – Петрозаводск: Карелия, 1983. – 237 с.
7. *Репников П.Ю.* Петровский Ям. Запланированная трагедия. – СПб: Аврора-Дизайн, 2012. – 240 с.

8. *Erkkilä V.* Vaiettu sota. Neuvostoliiton partisaanien iskut suomalaisin kyliin. Helsinki: Arator Oy, 1999.
9. *Erkkilä V.* Viimeinen aamu. Neuvostopartisaanien vaietut jäljet. Helsinki: Otava, 2011.
10. *Martikainen T.* Partisaanien siviiliuhrit: Värisuora; Kemi, 2002.
11. *Seppälä H.* Neuvostopartisaanit toisessa maailmansodassa. Helsinki: Werner. Söderström Oy, 1971.

References

1. Avdeev S.S. *Pervyj partizanskij god: Po materialam NKVD* [The first partisan year in the NKVD data]. Karelia, 2002, July 11.
2. Gnetnev K.V. *Tajny lesnoj vojny: Partizanskaja vojna v Karelii 1941–1944 godov v vospominanijah, fotografijah i dokumentah* [Secrets of the forest war: The partisan war in Karelia in 1941–1944 in memoirs, photographs and documents]. Petrozavodsk: Ostrova publ., 2007, 415 p.
3. Gusarov D.Y. *Za chertoj miloserdija* [Beyond mercy]. Petrozavodsk: Karelia publ., 1983, 440 p.
4. *Karel'skij front v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.: Voenno-ist. ocherk* [The Karelian Front in the Great Patriotic War of 1941–1945: A military and historical sketch]. Moscow, Nauka publ., 1984, 358 p.
5. Kuprijanov G.N. *Za liniej Karel'skogo fronta* [Across the Karelian front line]. Petrozavodsk: Karelia publ., 1982, 272 p.
6. Morozov K.A. *Karelia v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945)* [Karelia during the Great Patriotic war (1941–1945)]. Petrozavodsk, Karelia publ., 1983, 237 p.
7. Repnikov P.Y. *Petrovskij jam. Zaplanirovannaja tragedija* [Petrovsky Yam: A scheduled tragedy]. St. Peterburg, Aurora-Design publ., 2012, 240 p.
8. Erkkilä V. Vaiettu sota. Neuvostoliiton partisaanien iskut suomalaisin kyliin. Helsinki: Arator Oy, 1999.
9. Erkkilä V. Viimeinen aamu. Neuvostopartisaanien vaietut jäljet. Helsinki: Otava, 2011.
10. Martikainen T. Partisaanien siviiliuhrit: Värisuora; Kemi, 2002.
11. Seppälä H. Neuvostopartisaanit toisessa maailmansodassa. Helsinki: Werner. Söderström Oy, 1971.

Сведения об авторах

Веригин Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, г. Петрозаводск, Российская Федерация, 8-911-400-46-51, verigin@psu.karelia.ru

About author

Verigin Sergey Gennadievich, PhD in History, professor, director of the History, Political and Social Sciences Institute of the Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation, +7-911-400-46-51, verigin@psu.karelia.ru

И.П. ЦУКАНОВ,
г. Курск, Российская Федерация

ИСТОЧНИКИ О СЛУЧАЯХ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА НА ОККУПИРОВАННОЙ ЧАСТИ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОГО РЕГИОНА В 1941–1943 гг.

Tsukanov I.P.,
Kursk, Russian Federation

Historical Sources on Cases of Collaborationism on the Occupied Territory of the Central-Chernozem Region in 1941–1943

Аннотация
В статье проанализированы отдельные случаи коллаборационизма, проявленные советскими гражданами на оккупированной части Центрального Черноземья в 1941–1943 гг. Автором изучены документы Центрального архива Министерства обороны РФ, государственных архивов Курской области, большинство из которых впервые введены в научный оборот. Выявлено, что в этот период в Черноземье в условиях боевых действий развернулось партизанское движение, имелось большое количество лагерей для советских военнопленных. В конце 1941 – начале 1942 г. К.П. Воскобойником и Б.В. Каминским в п. Локоть Орловской области было организовано местное самоуправление, активно боровшееся с партизанами. Немецкое командование создало Локотской округ, с включением в его состав 8 районов нынешних Брянской, Орловской и Курской областей. Для борьбы с партизанами с лета 1942 г. немцы начали формировать русско-германские отряды. Добровольцев оказалось мало, поэтому осенью 1942 г. была объявлена мобилизация, носившая принудительный характер, что дало возможность Каминскому сформировать Русскую освободительную народную армию (РОНА), которая привлекалась к антипартизанской борьбе, охране железных дорог, репрессиям. Весной 1943 г. полки РОНА участвовали в боях против Красной Армии. На большом фактическом материале в статье проанализировано, что игнорирование советской властью в предвоенные годы в ряде национальных территорий специфики культуры и обычаев привело к сотрудничеству выходцев из этих регионов с немцами. Из украинских добровольцев и казаков создавались кавалерийские подразделения, из грузинских военнопленных – «Грузинский легион». В статье показано, что оккупанты, пытаясь решить проблему нехватки личного состава, стали привлекать добровольцев из числа военнопленных и населения для службы в нестроевых и боевых частях. Во время Курской битвы были отмечены факты участия в боях на стороне противника власовцев. В целом, в статье подчеркивается, что немалую роль в том, что часть военнопленных и населения отнеслась терпимо к нацистскому режиму, сыграла антинародная политика Сталина, массовые репрессии. Но всегда народы нашей страны расценивали измену Родине как тягчайшее преступление, которому нет ни прощения, ни срока давности.

Abstract
The article analyses several cases of collaborationism of former Soviet citizens on the occupied territories of the Central Black Earth Region in 1941–1943. The author studies the documents of the Central Archive of the Ministry of Defense and the State Archives of the Kursk Region. Most of them are introduced into scientific use for the first time. The study ascertains that at the time in the Black Earth Region during the course of warfare there spread out a guerrilla movement and there was a large number of Soviet prisoners of war camps. In the end of 1941 – beginning of 1942 Voskoboinikov K.P. and Kaminski B.V. formed a local governance in the settlement of Lokot, and it was busy fighting the guerrilla in the Oryol Region. The German command founded Lokotsky district, which included 8 areas of the current Bryansk, Oryol and Kursk Regions. The Nazi started forming Russian-German troops to fight the guerrilla in summer 1942. As there were few volunteers in autumn 1942 a mobilization was announced. Its coercive nature enabled Kaminski to form the Russian National Liberation Army (*Russkaja osvoboditel'naja narodnaja armija,* RONA) which was used for antiguerrilla operations, protection of railways and punitive measures. In spring 1943 the regiments of the Russian National Liberation Army fought in battles against the Red Army. Analysis of extensive factual data demonstrates that the Soviet government ignoring local sensitivities, culture and customs of national territories in the pre-war years resulted in collaboration of the locals with the Nazis. Ukrainian volunteers and Cossacks formed cavalry units and Georgian prisoners-of-war formed the so-called “Georgian legion”. The article shows that the Nazis dealt with the personnel shortage by attracting volunteers from the number of prisoners of war and the locals for noncombatant and general service. In the Kursk battle among the enemy combatants there were some vlasovtsy. The article argues that Stalin's anti-national policy and mass repressions factored into allowance of the prisoners of war and the locals for the fascist regime. And yet the nation always considered betrayal of the Motherland the worst crime not ever to be forgiven.

Ключевые слова
Архивы, источник, Великая Отечественная война, Центральное Черноземье, военнопленные, коллаборационизм, антипартизанская война.

Keywords
Archives, source, the Great Patriotic War, the Central Black Earth Region, prisoners of war, collaborationism, antiguerrilla operations.

В годы Великой Отечественной войны размах сотрудничества с противником носил широкомасштабный характер. Сопоставление данных разных источников свидетельствует о том, что в различных боевых, охранных, карательных частях, а также «Русской освободительной армии», восточных батальонах и других националистических формированиях могло быть около 200 тыс чел. По данным зарубежных историков, общее число бывших советских граждан, оказывавших поддержку оккупантам, приблизилось за все годы войны к 1 млн чел., что превышало численность партизан, действовавших на оккупированных территориях. Сотрудничавшие с противником служили также в магистратах, полиции, старостами, переводчиками, журналистами, хозяйственниками и т.п.[1]

Социальная база коллаборационизма была наиболее велика в первые месяцы войны, что объяснимо успехами немецкой армии и «свежей» памятью о репрессивной политике сталинского режима в предвоенные годы. К тому же, население оккупированных территорий еще не познало всех прелестей «нового порядка». В последующие годы войны эта база заметно сузилась.

В документе, подписанном 20 ноября 1941 г. командующим тылового района группы армий «Центр», именовавшемся «Обращение с русскими военнопленными, привлекаемыми к борьбе с большевизмом» указано: «Сформированные в подразделения и действующие казачьи и кавалерийские сотни, а также группы саперов, личный состав которых активно участвует в борьбе с большевизмом, отпускаются из плена. Необходимой предпосылкой к этому является, чтобы они отвечали требованиям физического, личного и политического характера и прошли бы соответствующую проверку. Каждый, кто отпускается из плена и зачисляется в

какое-либо вышеназванное подразделение, обязуется принимать непосредственное участие в борьбе против большевизма на весь период войны»[2]. Добровольцы, независимо от звания и должности, становились вольнонаемными немецкой армии с приобретением всех их прав и обязанностей.

В октябре 1941 г., когда германская армия оккупировала часть Орловской и Курской областей, в п. Локоть Орловской области под руководством главы местного самоуправления Константина Воскобойника был сформирован отряд народной милиции численностью в 20 человек. К концу года он вырос до 200 человек, а в близлежащих деревнях были организованы группы местной самообороны. Их контингент составили местные добровольцы, а также оказавшиеся в окружении военнослужащие 3-й и 13-й армий Брянского фронта, которые предпочли немецкому плену службу в этих отрядах[3]. В декабре 1941 г. УНКВД Курской области отмечало, что в тылу у немцев разъезжали с немцами пленные красноармейцы, одетые в красноармейскую форму и имеющие белую повязку на левом рукаве, которые пытались расположить к себе местных жителей и под видом желания примкнуть к партизанскому движению, старались выпытывать у них местонахождение партизан, коммунистов или красноармейцев[4].

После гибели К.П. Воскобойника в бою с партизанами 8 января 1942 г. руководство Локотским самоуправлением принял его заместитель Бронислав Каминский, который развернул настоящую антипартизанскую войну и вскоре очистил от них значительную территорию. Убедившись, что местное самоуправление способно своими силами обеспечить безопасность тыловых районов, командование 2-й немецкой танковой армии реорганизовало Локотской район в уезд, а затем в округ, с включением в его состав 8 районов нынешних Брянской, Курской и Орловской областей[5].

В этих районах постоянно шли боевые действия. На одной стороне были партизаны, на другой – немецкое командование с отрядами коллаборационистов и, периодически, регулярными своими войсками. Для борьбы с партизанами с лета 1942 г. немецкие оккупанты начали формировать из числа местных добро-

вольцев и военнопленных красноармейцев отряды, именовавшиеся «русско-германскими отрядами» или батальонами. Например, из числа военнопленных, содержавшихся в Курском лагере, было отобрано и зачислено в эти батальоны большое количество физически здоровых лиц, которых после обучения военному делу отправили в неизвестном направлении. Производилась вербовка в «русско-немецкие батальоны» и среди населения Верхне-Любажского и Дмитриевского районов Курской области.

Немецкое командование, в целях пропаганды, для этих изменников Родины издавало в Курске специальный фашистский листок «Доброволец», обещало после войны наделить крупными земельными участками и другими благами. Им платили зарплату: рядовые получали 250 руб. в месяц, младшие командиры – 300–350, командиры взводов – 500. Норма выдачи продуктов рядовому на день: 1 кг хлеба, 100 г мяса, картошка без нормы (выдача продовольствия проводилась за счет «местных заготовок»). Кроме этого, обещалось снабжение обмундированием наравне с немецкой армией[6]. Добровольцев пойти на службу оказалось мало, поэтому осенью 1942 г. была объявлена мобилизация мужского населения в возрасте от 17 до 40 лет, которая носила принудительный характер – вплоть до привлечения уклонявшихся к суду по законам военного времени, взятия из семей заложников, выселения из дома и прочих репрессивных мер.

Благодаря этому в распоряжении Б.В. Каминского оказалось несколько тысяч бойцов, что дало ему возможность сформировать подобие регулярной армии, которой было присвоено название – Русская освободительная народная армия (РОНА). К концу 1942 г. в ее составе имелись 14 стрелковых батальонов, бронедивизион, зенитная батарея, истребительная рота и комендантский взвод, объединенные в бригаду общей численностью 9,8 тыс. человек. На вооружении бронедивизиона было 8 танков (1 – КВ-1, 2 – Т-34, 3 – БТ-7, 2 – БТ-5), 3 бронемашины (1 – БА-10, 2 – БА-20), 2 танкетки, автомашины и мотоциклы[7].

Подразделения РОНА привлекались к охране железных дорог, конвоированию эшелонов, репрессивным акциям. Что же касается антипартизанской борьбы, то она велась постоянно. Нападения партизан на небольшие гарнизоны и диверсии на железных дорогах чередовались с карательными экспедициями каминцев против партизан.

Так, в ноябре 1942 г. батальон Дмитровского ополчения РОНА, совместно с немецкими частями, сражался с партизанами в районе Долбенковских лесов Дмитровского района Курской (ныне Орловской) области. В боях было уничтожено до 30 ДЗОТов, 300 землянок, убито и ранено до 50 партизан. При нападении партизан на населенные пункты специальные группы из бригады Б.В. Каминского находились на острие боевых действий. В ночь на 1 января 1943 г. партизаны 1-й Курской бригады атаковали ст. Дерюгино Дмитриевского района Курской области. Встреченные огнем бойцов бригады РОНА, оборонявших станцию, партизаны несколько раз отходили и несли большие потери. В январе-феврале 1943 г. немцами и частями бригады Каминского в районе лесного массива южнее линии Дмитриев–Михайловка против курских партизан была проведена операция «Айсбир» (Eisbeer) – «Белый медведь»[8]. Но необходимо отметить, что даже при центральном руководстве, тщательной разведке, с тактически грамотным проведением, большинство подобных операций, в том числе и указанная, не достигли желаемого результата – очищения армейских тылов от партизан.

Ветеран Великой Отечественной войны Г.М. Роговой так описывает ситуацию, сложившуюся в северо-западных районах Курской области зимой 1942–1943 гг.: «в Курской области было так: одна деревня полицайская – все мужчины служили в немецкой полиции и палили партизан, другая – партизанская, которую палили полицаи, и в таких деревнях не было почти ни одной целой избы, все было сожжено. Тамошние жители были разделены на полицаев и партизан приблизительно поровну, и друг друга ненавидели больше, чем мы немцев»[9].

В феврале 1943 г., когда наступающие советские войска достигли окраин Локотского округа, полки РОНА участвовали в боях против Красной Армии: в середине февраля они занимали оборону восточнее Дмитриева и до прибытия частей 137-й и 707-й немецких пехотных дивизий оказывали главное сопротивление продвижению на запад частей 132-й стрелковой дивизии

13-й армии, а в двадцатых числах февраля были приданы боевой группе «Цехендер» (полк 8-й кавалерийской дивизии СС «Флориан Гейер») и заняли оборону по р. Осмоньке. Южнее г. Комаричи в начале марта 1943 г. части бригады были подчинены 72-й пехотной дивизии.

1 марта 1943 г. – 4-й полк бригады Каминского занимал оборону в районе г. Севск. Когда советские войска подошли к педучилищу, венгерский гарнизон города сдался. Бойцы РОНА «упорно оборонялись, пока не были перебиты из танка, стоящего на площади». Они понесли большие потери в живой силе и технике: погибли командир полка Рейтенбах, начальник штаба полка А.Н. Демин, комбаты М.Н. Драченко и П.А. Константинов, командир батареи Н.А. Косарев, было захвачено три склада с продовольствием, боеприпасами и фуражом. Из 1300 солдат и офицеров, плененных советскими войсками, многие были каминцами[10].

За время боев с 24 февраля по 9 марта 1943 г. части конно-стрелковой группы генерал-майора В.В. Крюкова почти полностью уничтожили 4-й пехотный полк РОНА. Было взято в плен до 600 чел. каминцев и полицейских. При этом многие из них, не принимая боя, дезертировали, а до 700 человек перешло на сторону партизан. Во время наступления частей Брянского и Центрального фронтов большинство мобилизованных в бригаду стали с оружием группами и подразделениями переходить на сторону Красной армии. Например, в феврале 1943 г. 4-й батальон 2-го полка РОНА, убив командира и начальника штаба, ушел к партизанам. Было организовано преследование, в результате которого схвачено 27 чел., из них 20 расстреляно[11].

В сообщении 4-го Управления НКВД СССР от 7 марта 1943 г. отмечалось: «4 февраля с.г. в гг. Унеча и Стародуб с Курского направления прибыли 4 эшелона итальянских солдат и несколько эшелонов солдат русско-немецких формирований, отказавшихся воевать. Несколько итальянских солдат немцы повесили на площади города». Необходимо отметить, что добровольцы, служившие в РОНА и полицейских батальонах до мобилизации осени 1942 г., в большинстве случаев отступали вместе с немецкими частями[12].

В отличие от антипартизанских операций, в которых знание местности давало каминцам и полицаям преимущества по сравнению с немецкими и венгерскими войсками, а выучка и оснащенность противников были примерно равными, столкновение с регулярными частями Красной армии привело к большим потерям в рядах коллаборационистов. Также необходимо учитывать слабую моральную устойчивость бойцов бригады.

Игнорирование советской властью в предвоенные годы в ряде национальных территорий (в первую очередь незадолго до войны присоединенных Латвии, Эстонии, Литвы, Западной Белоруссии и Западной Украины, а позднее – в некоторых регионах Кавказа) специфики национальной культуры и обычаев вело к более тесному сотрудничеству выходцев из этих регионов с немцами, обещавшими возродить национальные культурные традиции с установлением «нового порядка».

Сотрудник УНКВД Курской области В.М. Казаков, засланный в тыл немцев, 2 октября 1942 г. докладывал: «Поступив в лагерь, военнопленные разграничиваются по категориям: летчики, командный состав, русские красноармейцы, украинцы и евреи.

Немецкий представитель из офицерского состава, совместно с русским предателем-переводчиком, вызывают всех военнопленных-украинцев, заставляют их называть по порядку все 12 месяцев на украинском языке. Тех, кто хорошо знает украинский язык, освобождают из лагерей и отпускают по домам, или же сразу предлагают вступить в полицию. Из украинских добровольцев создают кавалерийские подразделения – сотни под названием «Свободное казачество», которые направляются на борьбу с партизанами. Так, например, против брянских, гомельских и курских партизан.

В райцентре Михайловка Курской области находятся 300 таких «свободных казаков», которые охраняют от партизан коменданта, сельхозуправление и другие немецкие учреждения. Военнопленных евреев немедленно расстреливают. Летчиков направляют в особый лагерь под г. Харьковом, с ними обращение лучше, чем с другими военнопленными»[13].

Один из завербованных «добровольцев» (бывший подполковник Красной Армии), взятый в плен партизанами показал: «Нахо-

дился в Брянском лагере № 2, носил украинскую фамилию, мне, как и всем украинцам, было предложено записаться в Украинский батальон немецкой армии. Конечно, мог бы отказаться, но тогда вызвал бы подозрение, т.к. все украинцы дали согласие о записи»[14].

В справке УНКВД по Орловской области от 30 мая 1942 г. отмечалось, что в Орле «в здании бывшего женского монастыря немцы создали пункт переподготовки военных кадров из украинцев и белорусов. Из этих людей комплектуются батальоны для отправки на фронт и в партизанские районы для борьбы с партизанами. Такой батальон уже действует в районе Хвастовичи. Командиры батальонов и рот – немецкие офицеры, а остальной комсостав назначается из военнопленных командиров РККА».

Русско-немецкая дивизия была сформирована в г. Орджоникидзеград Орловской области (ныне Бежицкий район г. Брянска) из кадровых немецких солдат, военнопленных украинцев и русских полицейских и предназначалась для борьбы с партизанами. Немцы и украинцы ходили в немецкой форме, а русские полицейские – в гражданской одежде: «одеты плохо, имеют рваные пальто или пиджаки, большинство обуты в лапти». Немецкий младший и рядовой состав, получал хлеба буханку (до 2 кг) на 3 дня, сливочного масла – 30–40 г, колбасы 60 г и 1 раз в сутки – горячую пищу – первое и второе из русского концентрата.

Украинские солдаты получали продукты такие же, как и немецкие солдаты, но в меньшем количестве, русские полицейские получали меньше, чем украинские, за исключением хлеба (хлеб все получали в равной норме). Деньгами немецкий солдат получал 40–50 марок ежемесячно, украинцы и русские – 25 марок (или советскими деньгами 250 руб.)[15].

Штаб партизанского движения Брянского фронта 5 января 1943 г. информировал командование: «Несостоятельность немецкого командования в деле борьбы с партизанами вызвала решение об организации так называемых «добровольческих» (на Брянском фронте – преимущественно украинских) частей. Решение это базировалось на надежде посеять национальную рознь между украинцами и лицами других национальностей. Создание для военнопленных украинцев лучших условий в лагерях, выделение их из среды военнопленных других национальностей имело целью подготовить украинцев для выполнения предназначенной им роли предателей. Не говоря о незначительной части из антисоветского элемента, подавляющее число их шло в «добровольные» формирования в силу безысходности, бесправности своего положения как военнопленных, а многие из них в надежде получить условия для перехода на сторону партизан или через линию фронта»[16].

Немецким командованием в первой половине 1942 г. из военнопленных, при активной помощи представителей грузинских эмигрантских организаций, в гг. Гадяч и Хорол Полтавской области был сформирован так называемый «Грузинский легион». Туда из лагерей доставлялись пленные грузинской национальности. На протяжении короткого промежутка времени они политически «обрабатывались», затем проходили медицинскую комиссию, и лица от 18 до 35 лет были зачислены в этот легион. В гг. Гадяч и Нойдамм (Германия) солдаты легиона прошли военную подготовку и приняли присягу. Грузинский полевой батальон № 1/1 в мае 1943 г. прибыл на Восточный фронт. В июне 1943 г. он принимал участие в операциях против партизан в Брянских лесах, после чего солдатам заявили, что батальон показал себя как небоеспособный, поэтому участия в боях принимать не будет. Его частично разоружили и стали использовать на работах по устройству лагерей для военнопленных в Орловской области, рытье окопов и конвоировании местного населения[17].

Одной из задач гитлеровской оккупационной политики была попытка не только столкнуть друг с другом различные народы, но и расколоть их. Так, гитлеровские расовые «теоретики» утверждали, что казаки являются отдельной нацией, потомками остготов, то есть принадлежат не к славянской, а арийской расе, поэтому их привлекали к службе. Например, зимой 1942–1943 гг. в борьбе с партизанами, действовавшими на территории Курской, Орловской, Сумской областей, участвовал 57-й казачий полк. 2 и 12 казачьи полки РОНА в конце февраля – начале марта 1943 г. обороняли г. Дмитриев от советских войск[18]. В с. Нижняя Грайворонка Советского района Курской области было установлено,

что два сада, окопы, проходящие по селу, и площадь у сельсовета были заминированы еще с осени 1942 г. Минирование производили русские казаки, состоявшие на службе у немцев, что делалось ими скрытно, под видом учебного занятия. В результате взрыва, произошедшего в марте 1943 г. пострадало 7 детей, из них 1 погиб и 6 было тяжело ранено[19].

Немцы к 1945 г. даже сформировали XV казачий кавалерийский корпус СС во главе с генералом Гельмутом фон Паннвицем. Им удалось привлечь на свою сторону около 20 тыс чел.

В южной части Черноземья немцы, пытаясь решить проблему нехватки личного состава в результате роста боевых потерь, стали привлекать добровольцев из числа военнопленных и гражданского населения для службы в составе рабочих команд, обозов, санитарных частей, а также в боевых подразделениях – в качестве подносчиков патронов, связных и саперов.

В г. Белгороде молодежь 18–19 лет при содействии городской управы мобилизовалась оккупантами в войсковые полицейские охранные части и отряды в 40–50 человек каждый. Часть из них была вооружена винтовками и проходила немецкую военную подготовку. Все они были одеты в черную форму и немецкие пилотки. За время с 10 по 15 февраля 1942 г. по наряду городской управы было отобрано и передано немецкому командованию 3 партии молодежи по 50 человек. Несколько раньше было передано 30 человек, которые были обмундированы и зачислены в немецкий обоз. От каждого из этой группы были «отобраны подписки и заявления о желании добровольно служить немецкой армии». Подразделения, сформированные в Белгороде, участвовали в боях против Красной армии в районе сел Сажное и Ведовское Белгородского района. В Белгороде также действовал карательный отряд, созданный немцами из молодежи.

По Белгородскому району до июня 1942 г. к немцам ушло добровольно из с. Волково – 150, с. Маслова Пристень – 170, из с. Архангельское – 90 чел. Они активно оказывали помощь во время боев, подносили патроны, увозили пушки, уносили минометы, перетаскивали продукты. В с. Маслова Пристень были оставлены немцами дезертиры с автоматами для борьбы с частями Красной армии и для истребления советских работников[20].

Летом 1943 г. путем угроз, запугивания и расстрелов немцы заставляли военнопленных вступать в «добровольческую освободительную армию Власова», а всех, кто вступит в эту армию «немцы обещали кормить, как кормят своих немцев и предоставлять свободное хождение».

По рассказам очевидцев из лагеря с. Кустовое Томаровского района (ныне Белгородской области) «военнопленные, вступившие в «армию Власова», также были голодными, но размещались в двух секциях, не огороженных колючей проволокой и имели доступ ходить в село, спрашивая там кусок хлеба, картошку и молоко». Военнопленных, которые не хотели становиться «власовцами», эсэсовцы мучили голодом и расстреливали[21].

Во время Курской битвы на Воронежском фронте был отмечен ряд эпизодов участия в боях на стороне противника небольших групп из числа изменников Родины. На участке 7-й гв. армии 5 июля 1943 г., при наступлении противника в районе н.п. Ржавец Шебекинского района (ныне Белгородской области), наши бойцы столкнулись с одетыми в красноармейскую форму пятью неизвестными украинцами. После того как неизвестные стали стрелять, был открыт ответный огонь, и все пятеро были уничтожены. В том же районе в этот день наши бойцы слышали команды, подаваемые на русском языке: «По наступающей пехоте противника – огонь!». Немцы, взятые в плен в районе действия 7-й гв. армии, также показывали, что в ротах противника имеются группы, состоящие из 8–10 человек украинцев, кроме того, на отдельных участках действуют группы солдат «Русской освободительной армии», одетые в красноармейскую форму. Такие же случаи имели место и в полосе действий 6-й гв. армии[22].

В заключении отметим, что немалую роль в том, что часть военнопленных и населения на оккупированной врагом территории стала служить фашистам, сыграла антинародная политика Сталина предвоенных лет, принудительная коллективизация, массовые репрессии. Но, принимая это во внимание, мы не должны забывать, что всегда народы нашей страны расценивали измену Родине как тягчайшее преступление, которому нет ни прощения, ни срока давности.

Примечания

1 *Гареев М.* О мифах старых и новых // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 4. – С. 49; Gareev M. *O mifah staryh i novyh* [On the Myths Old and New]. Voenno-istoricheskij zhurnal. 1991. № 4. P. 49; *Ибрагимов М.М.* О коллаборационизме в СССР в годы Великой Отечественной войны // Россия в мировых войнах XX века. Материалы научной конференции. – М., 2002. – С. 432–437. Ibragimov M.M. *O kollaboracionizme v SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [On Collaboration in the USSR during the Great Patriotic War]. Rossija v mirovyh vojnah XX veka. Materialy nauchnoj konferencii. M.. 2002. Pp. 432–437.

2 Цит. по: Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. В 2 кн. Кн. 1. – М., 2002. – С. 694–695. See: *Bitva pod Moskvoj. Hronika, fakty, ljudi. V 2-h kn. Kn. 1.* [The Battle of Moscow. Chronicle, Facts, People. In 2 Books. Book 1]. M., 2002. Pp. 694–695.

3 *Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К.* Иностранные формирования Третьего рейха. – М., 2011. – С. 453. Drobjazko S.I., Roman'ko O.V., Semenov K.K. *Inostrannye formirovanija Tret'ego rejha* [Foreign Waffen-SS of the Third Reich]. M., 2011. P. 453.

4 Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-2. Оп.1. Д. 223. Л. 5–6; Gosudarstvennyj arhiv obshhestvenno-politicheskoj istorii Kurskoj oblasti [The State Archive of Social and Political History of the Kursk Region] (GAOPIKO), fond П-2, series 1, file 223, pp. 5–6.

5 *Дробязко С.И. Романько О.В., Семенов К.К.* Иностранные формирования... – С. 453. Drobjazko S.I., Roman'ko O.V., Semenov K.K. *Inostrannye formirovanija...* [Foreign Waffen-SS]. P. 453.

6 ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп.1. Д.218. Л.14 об. Д. 494. Л. 15; GAOPIKO, fond П-2, series 1, file 218, pp. 15; «Огненная дуга». Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003. – С. 243; *«Ognennaja duga». Kurskaja bitva glazami Lubjanki* ["The Fire Bulge": The Battle of Kursk as Viewed by Lubyanka]. M., 2003. P. 243.

7 *Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К.* Иностранные формирования... – С. 456. Drobjazko S.I.,. Roman'ko O.V., Semenov K.K. *Inostrannye formirovanija...* [Foreign Waffen-SS]. P. 456.

8 *Коровин В.В.* Поднимались воины народа: сопротивление в тылу немецко-фашистских войск на территории областей Центрального Черноземья в 1941–1943 гг. – Курск, 2007. – С. 243–244. Korovin V.V. *Podnimalis' voiny naroda: soprotivlenie v tylu nemecko-fashistskih vojsk na territorii oblastej Central'nogo Chernozemja v 1941–1943 gg.* [The Nation's Soldiers Took Up the Struggle: Resistance in the Rear of the Nazi Troops in the Central Black Earth Region in 1941–1943]. Kursk, 2007, P. 243–244; Антипартизанская война в 1941–1945 гг. – М., 2005. – С. 72–72, 98; *Antipartizanskaja vojna v 1941–1945 gg.* [Antiguerrilla Operations in 1941–1945]. M., 2005. Pp. 72–72, 98.

9 Цит. по: Электронный ресурс. Режим доступа: http://iremember.ru/pekhotintsi/rogovoy-gerts-moiseevich/stranitsa-5.html (Дата обращения 25.03.2012); Available at (accessed 25.03.2012) [URL: http://iremember.ru/pekhotintsi/rogovoy-gerts-moiseevich/stranitsa-5.html].

10 *Ермолов И.Г.* Русское государство в немецком тылу. История Локотского управления.1941–1943. – М., 2009. – С. 210–211; Ermolov I.G. *Russkoe gosudarstvo v nemeckom tylu. Istorija Lokotskogo upravlenija. 1941–1943* [Russian State in the German Rear: The History of the Lokot Government, 1941–1943]. M., 2009. Pp. 210–211; *Ющук И.И.* Одиннадцатый танковый корпус в боях за Родину. – М., 1962. – С. 24; Jushhuk I.I. *Odinnadcatyj tankovyj korpus v bojah za Rodinu* [The Participation of the Eleventh Tank Corps Fighting for the Motherland]. M., 1962. P. 24; Антипартизанская война... – С.151; *Antipartizanskaja vojna...* [Antiguerrilla Operations…] P. 151; *Никифоров С.А.* Немецко-фашистская оккупация и коллаборационизм на территории областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. – Курск, 2012. – С. 399. Nikiforov S.A. *Nemecko-fashistskaja okkupacija i kollaboracionizm na territorii oblastej Central'nogo Chernozemja v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. T. 1* [Nazi Occupation and Collaboration in the Central Black Earth Region during the Great Patriotic War. Vol. 1.]. Kursk, 2012. P. 399.

11 Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 3467. Оп. 1. Д. 31. Л. 19; Central'nyj arhiv Ministerstva oborohy RF [The Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation]. (CAMO RF), fond 3467, series 1, file 31, p. 19; Антипартизанская война... – С. 151; *Antipartizanskaja vojna* [Antiguerrilla Operations…]. P. 151.

12 ГАОПИКО. Ф. П–2. Оп. 1. Д. 479. Л. 190–191. GAOPIKO, fond П–2, series 1, file 479, pp. 190–191; Огненная дуга... – С. 241–242; 245; Ognennaja duga ["The Fire Bulge"]. Pp. 241–242, 245.

13 ГАОПИКО. Ф. П–2. Оп.1. Д. 222. Л. 5. GAOPIKO, fond П–2, series 1, file 222, p. 5.

14 *Коровин В.В., Манжосов А.Н., Немцев А.Д., Цуканов И.П.* Победу приближали как могли. – Курск, 2006. – С. 250; Korovin V.V., Manzhosov A.N., Nemcev A.D., Tsukanov I.P. *Pobedu priblizhali kak mogli* [They Did Their Best to Hastened the Victory]. Kursk, 2006. P. 250.

15 Огненная дуга... – С. 232, 247; *Ognennaja duga* ["The Fire Bulge"]. Pp. 232, 247.

16 ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 309. Л. 30. GAOPIKO, fond П-2, series 1, file 309, p. 30.

17 Огненная дуга. С. 331–332; *Ognennaja duga* ["The Fire Bulge"]. Pp. 331–332.

18 ЦАМО РФ. Ф. 1635. Оп. 1. Д. 199. Л. 6; Ф. 3467. Оп.1. Д. 215. Л. 29; CAMO RF, fond 1635, series 1, file 199, p. 6; fond 3467, series 1, file 215, p. 29.

19 ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 223. Л. 5–6, 98; Ф. П-2161. Оп. 1. Д. 85. Л. 223. GAOPIKO. F. P-2. L. 1. C. 223. P. 5–6, 98; F. P-2161. L. 1. C. 85. P. 223.

20 ГАОПИКО. Ф. П-2, Оп. 1. Д. 223, Л. 5–6, 77, 90, 96, 98; Д. 227. Л. 122 об; GAOPIKO, fond П-2, series 1, file 223, pp. 5-6, 77, 90, 96, 98; file 227, p. 122 verso; *Никифоров С.А.* С. 237. Nikiforov S.A. P. 237.

21 Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 295. Л. 6–6 об., 8–10. Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti [The State Archive of the Kursk Region] (GAKO), fond P-3605, series 1, file 295, pp. 6–6 verso, 8–10.

22 Огненная дуга... – С. 313; *Ognennaja duga* ["The Fire Bulge"]. P. 313.

Список литературы

1. *Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К.* Иностранные формирования Третьего рейха. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 830 с.

2. *Ермолов И.Г.* Русское государство в немецком тылу. История Локотского управления. 1941–1943. – М.: Центрполиграф, 2009. – 272 с.

3. *Коровин В.В., Манжосов А.Н., Немцев А.Д., Цуканов И.П.* Победу приближали как могли. – Курск: КГУ, Славянка, 2006. – 322 с.

4. *Коровин В.В.* Поднимались воины народа: сопротивление в тылу немецко-фашистских войск на территории областей Центрального Черноземья в 1941–1943 гг. – Курск: Славянка, 2007. – 512 с.

5. *Никифоров С.А.* Немецко-фашистская оккупация и коллаборационизм на территории областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. – Курск: РФЭИ, 2012. – 410 с.

References

1. Drobjazko S.I., Roman'ko O.V., Semenov K.K. *Inostrannye formirovanija Tret'ego rejha* [Foreign Waffen-SS of the Third Reich]. M.: AST, Astrel' Publ., 2011. 830 p.

2. Ermolov I.G. *Russkoe gosudarstvo v nemeckom tylu. Istorija Lokotskogo upravlenija. 1941–1943* [Russian State in the German Rear: The History of the Lokot Government, 1941–1943]. M.: Centrpoligraf Publ., 2009. 272 p.

3. Korovin V.V., Manzhosov A.N., Nemcev A.D., Tsukanov I.P. *Pobedu priblizhali kak mogli* [They Did Their Best to Hastened the Victory]. Kursk: KGU, Slavjanka Publ., 2006. 322 p.

4. Korovin V.V. *Podnimalis' voiny naroda: soprotivlenie v tylu nemecko-fashistskih vojsk na territorii oblastej Central'nogo Chernozemja v 1941–1943 gg.* [The Nation's Soldiers Took Up the Struggle: Resistance in the Rear of the Nazi Troops in the Central Black Earth Region in 1941–1943]. Kursk: Slavjanka Publ., 2007. 512 p.

5. Nikiforov S.A. *Nemecko-fashistskaja okkupacija i kollaboracionizm na territorii oblastej Central'nogo Chernozemja v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. T. 1* [Nazi Occupation and Collaboration in the Central Black Earth Region during the Great Patriotic War. Vol. 1.]. Kursk: RFJeI Publ., 2012. 410 p.

Сведения об авторах

Цуканов Игорь Павлович, кандидат исторических наук, руководитель Центра патриотического воспитания молодежи Курского государственного университета, г. Курск, Российская Федерация, 8-471-270-04-08, 8-906-694-61-80, poisk.kursk@mail.ru

About author

Tsukanov Igor Pavlovich, PhD in History, Head of Centre for Patriotic Education of the Youth of the Kursk State University, Kursk, Russian Federation, +7-471-270-04-08, +7-906-694-61-80, poisk.kursk@mail.ru

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ

Museology, Preservation and Restoration of Historical and Cultural Objects

Г.Е. МАЛЫШЕВА,
г. Красногорск, Российская Федерация

ИСТОРИЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО МОНТАЖА КИНОЖУРНАЛОВ СКОБЕЛЕВСКОГО КОМИТЕТА «РУССКАЯ ВОЕННАЯ ХРОНИКА». 1914–1915 гг.

Malysheva G.E.,
Krasnogorsk, Russian Federation

History of Restoration of the Original Assembling of the Skobelev Committee Newsreel "The Russian Military Chronicle:1914–1915"

Аннотация
Статья посвящена истории изучения материалов Российского государственного архива кинофотодокументов и восстановлению первоначального монтажа киножурналов Скобелевского комитета «Русская военная хроника» 1914–1915 гг. В процессе работы были изучены внешние признаки кинодокументов; с помощью текстов титров некоторых серий журнала, напечатанных в кинематографических журналах периода Первой мировой войны, были опознаны и воссоединены разрозненные фрагменты 16-ти серий журнала. Съемки расшифрованы, выяснены операторы ряда серий. В киножурналах сняты: Ставка Верховного главнокомандующего и посещение ее императором Николаем II, смотр императором лейб-гвардии Конного и гусарского полков, лазаретов Барановического и № 3 Александровской общины Красного Креста; взятые русскими

войсками города Львов, Тарнов, Рава-Русская и Галич; движение русских войск по позициям, подготовка пехоты и артиллерии к бою, установка полевого прожектора и телефона, наведение саперами мостов (понтонного и на козлах), пленные немцы, трофеи, оказание медицинской помощи раненым, смотры войск на позиции, религиозные обряды вблизи фронта, солдаты в часы отдыха. Расшифрованы и определены военный корреспондент В.И. Немирович-Данченко, протопресвитер о. Шавельский, генералы Ю.Н. Данилов, П.К. Кондзеровский, Д.Р. Радко-Дмитриев, С.А. Ронжин, Н.А. Рузский, В.А. Сухомлинов, Д.Г. Щербачев, Н.Н. Янушкевич. В статье раскрывается методика и работа архивистов по реконструкции первоначального вида киножурналов Первой мировой войны, что имеет не только методическое значение, но и источниковедческую ценность, поскольку сотрудниками архива на основе сохранившихся документов и негативов были реконструированы киножурналы в том виде, в каком демонстрировались современникам. Проведенная работа имеет также несомненную ценность в контексте изучения истории документального кинематографа, поскольку уточнены режиссеры, операторы сюжетов, а проведенная систематизация единиц хранения с учетом их включенности в монтаж, составление новых описей, внесение информации в ручной и электронный кинокаталоги – все это обеспечивает более удобный режим использования кинодокументов.

Abstract
The article reviews the study of the Russian State Archive of Film and Photo Documents materials and the restoration of the original assembling of the Skobelev committee newsreels from 1914–1915 “The Russian Military Chronicle”. The film documents were inspected visually; subtitles, which had been printed in some cinematographic magazines of the World War I period, helped identify and assemble disjointed fragments of 16 newsreel series. Shootings were identified, operators of some series established. The newsreels feature Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief visited by Emperor Nicholas II, review by Nicholas II of the Leib Guard cavalry and hussar regiments, of infirmaries of the Baranovichy regiment and the 3rd Alexandrov Red Cross community; towns Lviv, Tarnow, Rava-Ruska and Halych taken by Russian troops; the movement of Russian troops on positions; infantry and artillery preparing to battle; installation of the field light and telephone; field engineers launching floating and leg bridges; German prisoners-of-war; salvage items and trophies of war; medical treatment of the wounded; troop reviews; religious rites in the lines, soldiers resting. The following persons have been identified: war correspondent V.I. Nemirovich-Danchenko, archpresbyter fr. Shavelsky, generals Y.N. Danilov, P.C. Kondzerovsky, D.R. Radko-Dmitriev, S.A. Ronzhin, N.A. Ruzsky, V.A. Sukhomlinov, D.G. Shcherbachev, N.N. Yanushkevich. The article details methods and labours of the archivist restoring the original assembling of the newsreels of World War I, which is of great significance both for methodology and for source studies, as the archive staff has succeeded in restoring the newsreels as they were projected and seen by the contemporaries. The work, which resulted in establishing directors, cameramen and film editors, is of great importance for studying the history of nonfiction films. Arranging items according on their place in the assemblage, writing new series descriptions and entering the information in paper and digital catalogue facilitate using film documents.

Ключевые слова
Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД), Первая мировая война, Скобелевский комитет, киножурнал «Русская военная хроника», восстановление и расшифровка кинодокументов, Николай II, Ставка Верховного главнокомандующего, военнопленные немцы, операторы Дж. Эрколь, А.К. Ягельский, П.К. Новицкий.

Keywords
Russian State Archive of Film and Photo Documents (RGAKFD), World War I, Skobelev committee, newsreel “The Russian military chronicle”, restoration and identification of film documents, Nicholas II, German prisoners-of-war, cameramen George Ercole, A. K. Yagelsky, P.K. Novitsky.

В последние годы кинохроника Первой мировой войны Российского государственного архива кинофотодокументов активно используется в проектах телевидения и киностудий. Но мало кто знает, что долгие годы среди этих материалов не было ни одного документа, который сохранился бы в первоначальном варианте и не нуждался бы в научно-техническом восстановлении. Сюжеты фильмов и журналов были рассредоточены по разным учетным номерам[1]. Большое количество разной длины планов-дублей буквально «засоряло» массив хроники войны[2]. Это в полной мере относилось и к киножурналу Скобелевского комитета «Русская военная хроника» (РВХ)[3]. В архивном каталоге на хранении их числилось десять, но при просмотре кинопленки внимание было обращено на то, что только один из указанных роликов имел заголовок с номером серии и три внутренних титра с сюжетами, а остальные фрагменты в нем – совершенно посторонние материалы. В других учетных номерах некоторые сюжеты комментировали лишь внутренние титры, и на каком основании они были причислены к «РВХ», так и осталось непонятным.

С.С. Гинзбург в своей книге писал[4], что журнал «РВХ» был серийным, длиной 120–200 метров и предполагалось, что он будет выходить на экраны 2 раза в неделю. А так как на вопросы об истории создания журнала и первоначальном составе его съемок нам никто ответить не мог, весь комплекс военной кинохроники был пересмотрен, тексты титров переписаны в специальный справочник и предпринята попытка поиска необходимой информации в Российском государственном военно-историческом архиве и прессе 1914–1917 гг.[5] Найти ее удалось в некоторых кинематографических журналах – они разместили на своих страницах не только рекламу ряда серий с названиями и номерами, но и тексты титров восьми выпусков (1-го и с 3-го по 9-й)[6].

В процессе изучения киносъемок был обнаружен в Госфильмофонде машинописный справочник Вен. Вишневского «Документальные фильмы дореволюционной России. 1907–1916 гг.»[7], из которого мы узнали, что сюжеты «РВХ» самим комитетом

Солдат в укрытии заряжает винтовку. Юго-Западный фронт, 1914 г.
Производство Скобелевского комитета. РГАКФД. № 11679.
«Русская военная хроника». Серия 8 («Бой у Белявы. 14 ноября 1914 года»).
A soldier in shelter loading his rifle. South-Western front, 1914.
A Skobelev committee production. RGAKFD, no. 11679 “The Russian
military chronicle”, series 8 (“The battle of Bielawa, 14 November 1914”)

и другими фирмами повторно использовались при монтаже фильмов[8].

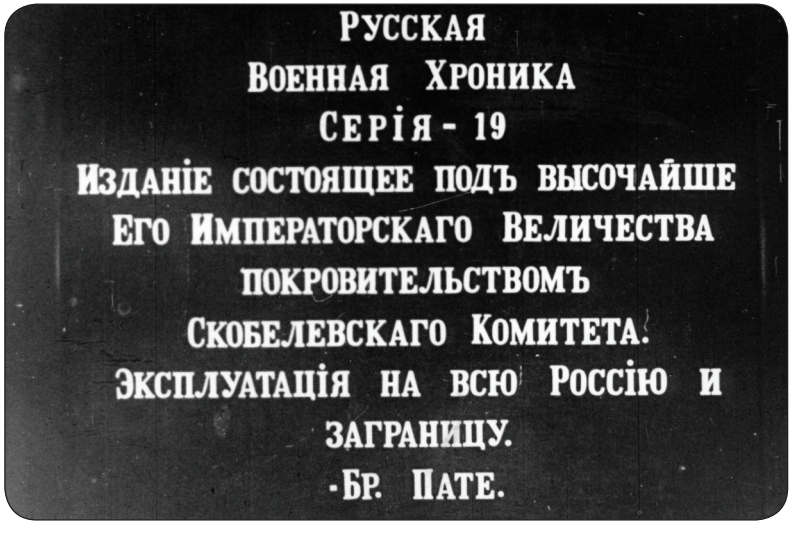
Анализируя титры на кинопленке, архивисты обратили внимание на общее их графическое оформление, фабричные марки и фирменные подписи «РВХ»[9]. По составленному справочнику было выявлено дополнительно 7 (не зафиксированных в описях) заголовков «Русская военная хроника. Издание, состоящее под Высочайшим Его Императорского Величества Государя Императора покровительством Скобелевского комитета. Петроград», с названиями и номерами серий, правда, без дат выпуска. При изучении 1, 2 и 5 серий было замечено, что в начальный период Скобелевский комитет нумеровал титры (с 8-й серии она уже отсутствует), добавлял в них слова «ВХ» (т.е. «Военная хроника») и завершал монтаж призывами смотреть следующие серии (например, «Следите за третьим выпуском военной хроники» или «Следите за шестым выпуском военной хроники»). С 11-го выпуска в

Русские солдаты у блиндажа в лесу. Юго-Западный фронт, 1914 г.
Производство Скобелевского комитета. РГАКФД. № 11679.
«Русская военная хроника». Серия 8 («Бой у Белявы. 14 ноября 1914 года»).
Russian soldier by a dug-out shelter in the forest. South-Western front, 1914.
A Skobelev committee production. RGAKFD, no. 11679 “The Russian
military chronicle”, series 8 (“The battle of Bielawa, 14 November 1914”)

заголовке впервые появляются надписи – «Эксплуатация на всю Россию и заграницу. Бр. Пате», логотипы фирмы во внутренних титрах и в конце, что подтверждает информацию «Сине-фоно» № 8 за 1915 г. о передаче комитетом права проката журнала по стране фирме Бр. Пате.

После сравнения текстов титров на кинопленке с напечатанными в журналах появилась надежда восстановить из разрозненных фрагментов хотя бы приближенный к первоначальному вариант некоторых «РВХ». Работа была очень непростой, но ее итоги достаточно успешны, так как удалось собрать 15 титрованных серий журнала и найти 2 первоисточника (негатив и контратип) для других.

Перед восстановлением детально анализировался состав каждого киноролика, а чужеродные (произвольно объединенные друг с другом) материалы, разъединялись. Так, например, было уста-



Титр «Русская Военная Хроника Серия – 19. Издание состоящее под высочайше Его Императорского Величества покровительством Скобелевского Комитета. Эксплуатация на всю Россию и заграницу. – Бр. Пате».
Subtitles for “The Russian military chronicle”, series 19.
Published by the Skobelev committee being under the imperial aegis.
For Russia and foreign counties. Br. Pathé

новлено, что в 1-й части № 12871 отложились фрагменты 19-й серии «РВХ», ряд сюжетов «Пате-журнала» № 337 и фильм «Посещение Вердена королевичем сербским Александром и президентом Пуанкарэ», а в 4-й части этого номера были вместе склеены копии 19-й серии «РВХ», фрагменты фильмов Скобелевского комитета «Военно-санитарные поезда» и «Генерал-адъютант А.А. Брусилов, его штаб и пленные, взятые в последних боях».

Следующим этапом стало воссоединение разрозненных сюжетов «РВХ». Выбрав из справочника титры, идентичные напечатанным в журналах, после анализа сюжетов мы восстанавливали их последовательный монтаж. В ряде случаев этому способствовала нумерация титров. Например, разметка с 1-го по 14-й номера позволила восстановить порядок сюжетов при реконструкции 2-й серии, текстов титров которой не было найдено в журналах.

Русский солдат и пленный австро-венгерский солдат вместе курят.
Австро-Венгрия, г. Львов, 1914 г. Производство Скобелевского комитета.
РГАКФД. № 1025. «Русская военная хроника». Серия 11.
A Russian and a captured Austria-Hungarian soldier smoking.
Austria-Hungary, Lviv, 1914. A Skobelev committee production.
RGAKFD, no. 1025 “The Russian military chronicle”, series 2

В ходе анализа выявлялись и сопоставлялись друг с другом копии сюжетов, изучалась оригинальная кинопленка (в т.ч. ее марка, наличие склеек – свидетельство утраты фрагментов из-за гидролиза или повреждения перфорации)[10]. Так, было обнаружено, что 15-я серия представляла собой дубли разной длины и полноты, которые как совершенно разные материалы были приняты на хранение с первой по третью части номера 12146. После сравнения и перемонтажа сюжетов удалось вернуть первоначальный вариант серии. При этом укороченные, плохого технического состояния копии снимались с учета, таким образом, материал «очищался»[11].

Одной из наиболее удачных была реконструкция первой серии. Ее удалось собрать из разрозненных фрагментов с заголовком и внутренними титрами в шести учетных номерах[12]. Съем-

Парад войск 9-го армейского корпуса.
Юго-Западный фронт, 1915 г. Производство Скобелевского комитета.
РГАКФД. № 12146. «Русская военная хроника». Серия 15.
A review of the troops of the 9th Army corps.
South-Western front, 1915. A Skobelev committee production.
RGAKFD, no. 12146 “The Russian military chronicle”, series 15

ки были сделаны в Ставке Верховного главнокомандующего (Барановичи) в сентябре 1914 г. Сняты Николай II, великие князья Николай Николаевич, Петр Николаевич и Кирилл Владимирович, генералы, протопресвитер военного и морского духовенства о. Шавельский.

Но вот 10-я («Бомбардировка Перемышля русской артиллерией») и 11-я серии («Под Перемышлем») были найдены склеенными в одном учетом номере 752. При этом, у 11-й серии[13] имелся заголовок с номером, а 10-я серия, дошедшая до нас только в дореволюционном контратипе, вообще никаких титров не имела. Когда же контратип изучили, то обнаружили на нем авторские цифровые разметки, в соответствии с которыми последовательность сюжетов и восстановили, разъединив 10-ю и 11-ю серии.

Часовые у замаскированного под стог наблюдательного пункта. Юго-Западный фронт, январь-март 1915 г. Съемка Эрколя. Производство Скобелевского комитета.
РГАКФД. № 12150. «Русская военная хроника». № 14.
Sentries at the observation post camouflaged as a haystack. South-Western front, January – March, 1915. Filmed by Ercole.. A Skobelev committee production.
RGAKFD, no. 12150 “The Russian military chronicle”, series 14

У 15–16, 18–19 и 21-й серий («Смотр войскам IX-го армейского корпуса Его высочеством принцем П.А. Ольденбургским», «Наши черкесы на войне», «Саперы на нашем фронте», «Лазареты на фронте», «В Тарнове») заголовки с номерами и фабричной маркой Бр. Пате сохранились. Поэтому их принадлежность (несмотря на отсутствие в прессе рекламы) не вызывала сомнений. Исправлен был лишь очевидно нарушенный монтаж сюжетов. Но о том, что «На полях сражений»[14] и «Телефоны и прожекторы в современной войне» (имевшие только названия) – 17-я и 20-я серии, сведения были найдены только в справочнике В.Е. Вишневского. О сюжете «Телефоны и прожектора…» без фамилии оператора и сноски на источник информации отмечалось, что он как 20-я серия «РВХ» демонстрировался в Николаеве[15].

Погрузка раненого в санитарный фургон для отправки в Россию.
1915 г. Производство Скобелевского комитета. РГАКФД. № 12130.
«Русская военная хроника». Серия 19 («Лазареты на фронте»).
A wounded soldier boarded in a sanitary caravan departing for Russia.
1915. A Skobelev committee production. RGAKFD, no. 12130
“The Russian military chronicle”, series 19 (“Frontline hospitals”)

Необходимо отметить, что хотя «Кине-журнал» № 13–14 от 28 июля 1916 г. сообщал о том, что комитет приступает к регулярному выпуску «РВХ» один раз в неделю, выпуск ее явно прекратился. Никаких сведений об их демонстрации на экранах мы не обнаружили, нет таких новых серий и в РГАКФД. Вероятно, военно-кинематографический отдел в этот период основное внимание стал уделять выпуску на экран не журналов, а фильмов, особенно с Кавказского фронта, куда и были откомандированы опытные операторы комитета.

После того, как выявленные титрованные фрагменты серий были воссоединены, проводился поиск их негативов. Если находили, то по ним проверялась правильность проведенного монтажа титрованных позитивных сюжетов, ведь на негативной пленке авторы иногда делали рукописные надписи с названием серии и номерами сюжетов, а однородность пленки и наличие более одного плана на одном негативном куске могли свидетельствовать о первоначальной длине и полноте сюжетов. Позитив с негативом объединяли за общим учетным номером. Большая часть негатива была найдена для первой серии, практически полный его состав второй и отдельные фрагменты для некоторых других серий.

В итоге восстановили (в полном или приближенном к полному монтажу) такие выпуски журналов – №№ 1–2, 5, 8–11, 13–21[16]. К одним из них сохранились заголовки с номерами серий «РВХ»,а к другим – лишь названия серий.

Отсутствующими до недавнего времени в архиве считались пять серий, их титры опубликовал журнал «Кинематограф» № 2–3 за январь 1915 г.: № 3 – «На австрийской границе» (На австрийском фронте), № 4 – «Русская Галиция» со съемками взятия города Немирова в Галиции, № 6 – «Бой под Варшавой», № 7 – «Варшава (В Варшаве)» о пребывании императора в действующей армии, Варшаве и Ивангороде и № 12 – «Новый год на позиции у Тарнова».

Но так как журнал «Кинематограф» разместил титры на третью и четвертую серии «РВХ», верилось, что среди негативных фрагментов удастся идентифицировать их первоисточники. Когда же, работая с документами РГВИА и киносъемками РГАКФД,

кинорежиссер-исследователь Д.В. Федорин выдвинул предположение, что сюжеты негатива № 1038 относятся к 4-й серии, то после детального сравнения их с титрами «Кинематографа» версия нашла свое подтверждение – это действительно первоисточник «Русской Галиции», вышедший на экран в 1914 г.[17] Среди присутствующих Д.В. Федорин опознал военного корреспондента В.И. Немировича-Данченко и кинооператора П.К. Новицкого[18].

В настоящее время проводится анализ съемок для определения их принадлежности к 3-й («На австрийской границе»), 6–7-й («Под Варшавой», «Варшава») сериям, на которые имеются тексты титров[19].

Надо сказать, что в титрах далеко не всегда указываются снятые персоналии, а кинооператоры вообще не упоминаются. Поэтому заключительным этапом работы стала расшифровка и выяснение авторов съемок. С помощью архивных фотоальбомов и журнала «Летопись войны» в Ставке Верховного главнокомандующего дополнительно были опознаны генералы Ю.Н. Данилов, П.К. Кондзеровский, Д.Р. Радко-Дмитриев, С.А. Ронжин, Н.В. Рузский, В.А. Сухомлинов, Д.Г. Щербачев, Н.Н. Янушкевич.

Что же касается операторов[20], то в кинематографических журналах и справочнике В.С. Вишневского удалось выяснить, что первую серию в Ставке сделал придворный фотограф и оператор А.К. Ягельский, а 16-ю серию (возможно) И.Д. Доред и П.В. Ермолов. Но наибольшее количество серий снял английский оператор Дж. Эрколь[21]. Это серии № 3–4, 6–7 в 1914 г.[22], 10–14-ю серии и 18-ю серию[23]. В справочнике В.С. Вишневского Дж. Эрколь указан также возможным оператором 8–9-й серий. В 10-м номере «Сине-фоно» за 1915 г. Дж. Эрколь рассказал, что производил съемки стрельбы батарей по австрийским аэропланам, работы санитаров, постройки русскими саперами понтонного моста и разрыв снарядов. Исследование деятельности Дж. Эрколя в России будет продолжено.

Если характеризовать содержание восстановленных серий «РВХ», то необходимо отметить, что непосредственных боевых действий в хронике нет. Два выпуска смонтированы на основе съемок в Ставке Верховного главнокомандующего, а остальные произведены на Юго-Западном фронте в период с 1914 по

1915 г. и включают в себя виды Львова, Тарнова, Равы-Русской, Галича после взятия их русскими войсками, подготовку пехоты и артиллерии к бою, движение русских войск по позициям, установку полевого прожектора и телефона в районе боевых действий, наведение саперами мостов (понтонного и на козлах), военнопленных немцев, трофеи, оказание медицинской помощи раненым, смотры войск на позиции, религиозные обряды вблизи фронта, отдых солдат (полевая кухня, парикмахерская, выдача денег в полевом казначействе).

После завершения изучения и восстановления киножурналов были составлены новые описи и внесена информация в ручной и электронный варианты архивного кинокаталога, материалы использованы в описи «Кинохроника в России»[24]. Новая информация от исследователей о расшифрованных объектах съемок в обязательном порядке поступает в справочно-информационную базу РГАКФД.

Примечания

1 Материалам без заголовков при приеме на архивный учет присваивалось название «Хроника империалистической войны».

2 В 1928 г. национализированные материалы частных фирм поступили в архив от «Совкино» без описей, поэтому тиражные копии одних и тех же документов и негативы к ним инвентаризировались за разными учетными номерами. Первое кинохранилище архива не в состоянии было поддерживать правильный режим хранения, что привело к гибели части коллекции. Состоянию документов нанесли серьезный вред вырезания фрагментов, которые осуществляли кинорежиссеры вплоть до 1940-х гг. Кроме того, кинолаборатория архива была введена в строй только в 1955 г., а до этого отобранные пользователями фрагменты вырезались из позитивов и только после копирования их на киностудиях вклеивались обратно в кинодокументы. Так как архивисты первоначально обрабатывали и восстанавливали материалы первых лет советской власти, а накопление опыта работы с ранними материалами началось с нуля, при приеме на учет в одних и тех же учетных номерах они ошибочно объединили чужеродные фрагменты.

3 Скобелевский комитет при Николаевской военной академии Генерального штаба основан в ноябре 1904 г., чтобы «призреть и облегчить участь потерпевших на войне». Съемки документальных фильмов из жизни и деятельности войсковых частей комитет по поручению Военного министра начал в 1913 г. Во время войны его операторы вплоть по 1916 г. имели монопольное право съемок военных событий. С декабря 1917 г. он был переименован в Скобелевский просветительный комитет, а 15 апреля 1918 г. упразднен.

4 См.: *Гинзбург С.С.* Кинематография дореволюционной России. – М., 1963. Ginzburg S.S. *Kinematografija dorevoljucionnoj Rossii* [Cinematography of pre-revolutionary Russia]. Moscow, 1963. В работе имеется много фактического материала, основанного на изучении кинодокументов, фильмографических описаний советских историков, а также кинематографических журналов. По результатам архивной работы в книгу было внесено уточнение о количестве серий «РВХ», выпущенных комитетом за 1914–1915 гг. – не 9, а 21 серия. Надо отметить, что историей кинематографической деятельности комитета занимались и другие историки, но киножурналу «Русская военная хроника» никто из них практически никакого внимании не уделил.

5 Газеты 1914–1917 гг. «Время» и «Русские ведомости», журналы «Летопись войны», «Синема», «Кинематограф», «Проектор», «Кине-журнал», «Синефоно», «Пегас», «Вестник кинематографии». См.: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Military Historical Archive] (RGVIA), fond 2003, series 1. В документах переписки Штаба Верховного главнокомандующего имеются сведения о монопольном праве Скобелевского комитета на проведение военных киносъемок, переписка с частными фирмами о возможности производить съемки в прифронтовой полосе, поездке на фронт делегаций русских и иностранных корреспондентов и фотографов.

6 О первой серии (с титрами) в 1914 г. писали «Кине-журнал» № 19–20, «Сине-фоно» № 1–2 и «Вестник кинематографии» № 100. О второй серии – «Кине-журнал» № 21–22. О третьей – девятой сериях (с титрами) – «Кинематограф» № 2–3. В 1915 г. – «Кине-журнал» № 3–6 и «Сине-фоно» № 8 рекламировали 10–14 серии (без титров).

7 Справочник основан на информации газет и кинематографических журналов, которая способствовала подтверждению результатов проведенной архивистами научно-практической работы. В 1996 г. архив и Музей кино справочник издали со сносками на учетные номера сохранившихся в архиве фильмов и журналов, уточнениями и исправлениями ошибок. См.: *Вишневский В.Е.* Документальные фильмы дореволюционной России. 1907–1916 гг. – М., 1996. Vishnevsky V.E. *Dokumental'nye fil'my dorevoljucionnoj Rossii. 1907–1916 gg.* [Documentaries of pre-revolutionary Russia: 1907–1916]. Moscow, 1996.

8 Например, это фильмы, выпущенные комитетом на экран в 1915 г.: «Осада Перемышля» (Осада и бомбардировка Перемышля русской артиллерией), (Бомбардировка и взятие Перемышля), в монтаже использованы съемки 10-й и 11-й серии «РВХ»; «Падение и сдача Перемышля 9 марта 1915 года» (Падение, сдача и вступление русских войск в Перемышль) в 2-х частях, длиной 500 метров; «Рождество на нашем фронте» (использованные фирмой Бр. Пате в своем издании) и ряд других выпусков, шедших на русском экране в 1914–1915 гг.

9 О методике изучения кинодокументов см.: *Баталин В.Н.* О некоторых приемах внешней критики кинодокументов // Советские архивы. – 1986. – № 3. – С. 29–32. Batalin V.N. *O nekotoryh priemah vneshnej kritiki kinodokumentov* [On methods of external criticism of film documents]. Sovetskie arhivy, no. 3, 1986, pp. 29–32.

10 При этом проверялось, не являются ли эти дубли частью других фильмов или материалами «творческой лаборатории», которые советские режиссеры использовали в своих фильмах.

11 Копии большей длины и лучшего технического состояния после сравнения использовались при монтаже серий.

12 РГАКФД. Уч. № 1114, 1523, 1839, 12862, 12331, 13066. RGAKFD, no. 1114, 1523, 1839, 12862, 12331, 13066.

13 Ее перевели на уч. № 11681. RGAKFD, no. 11681.

14 *Вишневский В.Е.* Указ. соч. – С. 249. Vishnevsky V.E., 1996, p. 249.

15 Там же. – С. 260. Ibid., p. 260.

16 «Пребывание Государя Императора в действующей армии» (1-я серия, уч. № 12862), «Русский Львов» (2-я серия, уч. № 1025), «Рава-Русская» (5-я серия, уч. № 1008), «Бой у Белявы» (8-я серия, уч. № 11679), «В Ставке Верховного Главнокомандующего» (9-я серия, уч. № 12236), «Бомбардировка Перемышля русской артиллерией» (10-я серия, уч. № 752), «Под Перемышлем» (11-я серия, уч. № 11681), «Новый год / На позициях у Тарнова» (13-я серия, уч. № 11688), «Пехотный бой на австрийском фронте» (14-я серия, уч. № 12150), «Смотр войскам IX-го армейского корпуса Его высочеством принцем П.А. Ольденбургским» (15-я серия, уч. № 12146), «Наши черкесы на войне» (16-я серия, уч. № 11995), «На полях сражений» (17-я серия, уч. № 11663), «Саперы на фронте» (18-я серия, уч. № 22013), «Лазареты на фронте» (19-я серия, уч. № 12130), «Телефоны и прожекторы в современной войне» (20-я серия, уч. № 11778), «В Тарнове» (21 серия, уч. № 12121). См.: *Малышева Г.Е.* Русская военная хроника 1914–1915 гг. Киножурнал Скобелевского комитета // Киноведческие записки. – 1993. – № 18. – С. 77–97. Malysheva G.E. *Russkaja voennaja hronika 1914–1915 gg. Kinozhurnal Skobelevskogo komiteta* ["The Russian military chronicle" newsreels of 1914–1915: The Skobelev committee newsreel] Kinovedcheskie zapiski, 1993, no. 18, pp. 77–97

17 Этот негатив авторских пометок не имеет.

18 *Федорин Д.В.* В кадре и за кадром // Цейхгауз. – 2015. – № 62. – С. 76–82. Fedorin D.V. *V kadre i za kadrom* [In shot and off-screen]. Cejhgauz, no. 62, 2015, pp. 76–82.

19 Так как в 6-ю и 7-ю серии были вмонтированы съемки в Варшаве и Ставке, есть надежда на их определение.

20 Получив монопольное право на съемки военных действий (см.: Вестник кинематографии. – 1914. – № 101), комитет нанял на работу опытных операторов разных фирм.

21 Георг Эрколь (George Ercole) в начале войны от британского отделения фирмы Бр. Пате проводил съемки на Бельгийском фронте. В России он снимал для «РВХ» в 1914–1915 гг. и в 1916 г. на Кавказском фронте. Был дважды ранен, награжден двумя «Георгиями». В 1917 г. снимал на Румынском фронте. В 1921 г. посетил Советскую Россию вместе с публицистом А. Рэнсоме, снимал голод в Поволжье (См.: Живой экран. – 1916. – № 15/16. – С. 21; Заря. – 1915. – № 11. – С. 6; Луч. – 1915. – № 5. – С. 12; Photoplay magazine, 1915, vol. VIII, no 2, July, 106 p.

22 Кинематограф. – 1915. – № 2–3; Вестник кинематографии. – 1915. – № 102.

23 Кине-журнал. – 1915. – № 3–6; Сине-фоно. – 1915. – № 8.

24 *Баталин В.Н.* Кинохроника в России 1896–1916 гг. Опись киносъемок, хранящихся в РГАКФД. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Batalin V.N. *Kinohronika v Rossii 1896–1916 gg. Opis' kinos'emok, hranjashhihsja v RGAKFD* [Newsreel in Russia: 1896–1916: Description of films from the fonds of the Russian State Archive of Film and Photo Documents (RGAKFD)]. Moscow, 2002.

Список литературы

1. *Баталин В.Н.* Кинохроника в России. 1896–1916 гг. Опись киносъемок, хранящихся в РГАКФД. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
2. *Баталин В.Н.* О некоторых приемах внешней критики кинодокументов // Советские архивы. – 1986. – № 3.
3. *Вишневский В.С.* Документальные фильмы дореволюционной России. 1907–1916 гг. – М., 1996.
4. *Гинзбург С.С.* Кинематография дореволюционной России. – М., 1963.
5. *Малышева Г.Е.* Русская военная хроника 1914–1915 гг. Киножурнал Скобелевского комитета // Киноведческие записки. – 1993. – № 18.
6. *Федорин Д.В.* В кадре и за кадром // Цейхгауз. – 2015. – № 62.

References

1. Batalin V.N. *Kinohronika v Rossii 1896–1916 gg. Opis' kinos'emok, hranjashhihsja v RGAKFD* [Newsreel in Russia: 1896–1916: Description of films from the fonds of the Russian State Archive of Film and Photo Documents (RGAKFD)]. Moscow, 2002.
2. Batalin V.N. *O nekotoryh priemah vneshnej kritiki kinodokumentov* [On methods of external criticism of film documents]. Sovetskie arhivy, no. 3, 1986.
3. Vishnevsky V.E. *Dokumental'nye fil'my dorevoljucionnoj Rossii. 1907–1916 gg.* [Documentaries of pre-revolutionary Russia: 1907–1916]. Moscow, 1996..
4. Malysheva G.E. *Russkaja voennaja hronika 1914–1915 gg. Kinozhurnal Skobelevskogo komiteta* ["The Russian military chronicle" newsreels of 1914–1915: The Skobelev committee newsreel] Kinovedcheskie zapiski, 1993, no. 18.
5. Ginzburg S.S. *Kinematografija dorevoljucionnoj Rossii* [Cinematography of pre-revolutionary Russia]. Moscow, 1963.
6. Fedorin D.V. *V kadre i za kadrom* [In shot and off-screen]. Cejhgauz, no. 62, 2015.

Сведения об авторах

Малышева Галина Евгеньевна, историк, ветеран Российского государственного архива кинофотодокументов, г. Красногорск, Российская Федерация, 8-495-562-23-46, vic_nic_bat@mail.ru

About author

Malysheva Galina Evgenievna, historian, veteran of the Russian State Archive of Film and Photo Documents, Krasnogorsk, Russian Federation, +7-495-562-23-46, vic_nic_bat@mail.ru

М.Ю. КИСЕЛЕВ,
г. Москва, Российская Федерация

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ АРХИВА РАН ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ СОХРАННОСТИ ДОКУМЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Kiselev M.Yu.,
Moscow, Russian Federation

Experience of the Archive of the Russian Academy of Sciences (RAN) in Preservation of Documents while in Use

Аннотация

В статье раскрывается опыт архива РАН по проблемам сохранности документов, в том числе вопросам создания страхового фонда, оцифрования. Внимание уделено также деятельности лаборатории биохимической защиты и реставрации документов, подняты актуальные вопросы, новизна достигается за счет уточнения направлений работы архива по обеспечению сохранности документов и создания условий для их более эффективного использования. По программе фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг. Архив РАН выполняет научно-исследовательскую работу «Сохранение и изучение историко-культурного наследия: выявление, систематизация, научное описание, реставрация и консервация». Одной из тем научных исследований на 2014–2017 гг. является «Сохранение документальных источников Архивного фонда Российской академии наук». Одним из основных способов сокращения использования подлинников документов является создание фонда пользования. В Архиве РАН с 1986 г. функционирует Отдел страхового документального фонда, который в соответствии с планом проводит микрофильмирование документов особо ценных фондов. С 2011 г. Отдел страхового документального фонда с использованием нового современного оборудования приступил к созданию фонда пользования на электронных носителях, что позволяет изготавливать копии документов более высокого качества. Кроме того, созданы полнотекстовые электронные копии шести фондов личного происхождения, размещенные в подразделе «Электронные коллекции» портала Российской академии наук. Вопрос сокращения выдачи документов исследователям в читальный зал и сотрудникам для служебного использо-

вания Архив РАН решает путем организации целенаправленного поиска документов с помощью информационно-поисковых систем. Использование возможностей баз данных «Учет и каталог» и «Каталог файлов» позволяют в автоматизированном режиме исключить повторное сканирование архивных документов. Автор затрагивает одно из наиболее сложных в теоретическом и практическом отношении направлений архивной деятельности, недостаточно разработанное в архивоведении, рассматривает проблему на примере многолетнего опыта постановки микрофильмирования документов особо ценных фондов, накопленного в деятельности Отдела страхового документального фонда Архива РАН. Статья содержит определенные новаторские, теоретически обоснованные практические рекомендации в области сокращения использования подлинных документов для обеспечения их сохранности посредством создания фонда пользования на электронных носителях.

Abstract
The article reviews the experience of the Archive of the Russian Academy of Sciences (RAN) in documents preservation, particularly in creating record copies and digitization. It also touches upon work of the biochemical protection laboratory and document restoration. The article is of some significance, its novelty is associated with redefining the focus areas within the archive's efforts to safeguard the documents and provide a background for their effective use. According to the program of basic scientific research in the state academies of sciences for 2013–2020, the Archive of the Russian Academy of Sciences (RAN) works on a research project "Conservation and study of historical and cultural heritage: the identification, classification, scientific description, restoration and conservation." One topic of scientific research for 2014–2017 is "Preservation of documentary sources of the Archival Fond of the Russian Academy of Sciences." One of the main approaches to reducing use of original documents is creating record copies. Since 1986 the Archive of the Russian Academy of Sciences (RAN) the Record Copies Fond Department has been microcopying the more valuable fonds. In 2011 the Record Copies Fond Department received new equipment and started digitization, which provide higher quality record copies. Moreover, full-text electronic copies of six personal provenance fonds has been published on the 'Digital Collections' page of the Russian Academy of Sciences website. To reduce handling of documents by the researchers in the reading room and by the staff the Archive has organized a system of targeted search of documents in information retrieval systems. Usage of databases "List and Catalogue" and "Files Index" rules out rescan of archival documents using computer-aided procedures. The author touches upon one of the most complex and problematic areas of activity in archiving, which has been little studied in archival science and assesses the issue drawing on many years of experience in microcopying documents from the more valuable fonds accumulated in the Record Copies Fond Department of the Archive of the Russian Academy of

Sciences (RAN). The article offers innovative, theoretically justified practical guidelines for reducing usage of original documents: to safeguard them of it proposes creation of a digitized record copies fond.

Ключевые слова
Обеспечение сохранности, документы, Архив РАН, использование, оцифрование, электронный носитель.

Keywords
Preservation, documents, archives, the Archive of the Russian Academy of Sciences (RAN), use, digitization, electronic media.

Архив Российской академии наук в Москве хранит документы по истории РАН, ее учреждений и организаций, отечественной и зарубежной науки и культуры, российских и иностранных ученых. Одним из основных направлений деятельности архива являются централизованный учет и обеспечение сохранности документов. В настоящее время учтены 1 079 фондов объемом более 510 000 единиц хранения: управленческая и научная документация, документы личного происхождения и по личному составу, фотодокументы.

По программе фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг. Архив РАН выполняет научно-исследовательскую работу «Сохранение и изучение историко-культурного наследия: выявление, систематизация, научное описание, реставрация и консервация». Одной из тем научных исследований на 2014–2017 гг. является «Сохранение документальных источников Архивного фонда Российской академии наук». Архивный фонд Российской академии наук, в который входят документы Архива РАН, является составной частью Архивного фонда Российской Федерации.

Общие вопросы обеспечения сохранности документов отражены в нормативных документах Министерства культуры Российской Федерации[1], исследованиях В.Ф. Привалова[2], В.Д. Банасюкевича[3]. Опыт федерального архива по обеспечению сохранности документов представлен в статье Т.М. Горяевой[4]. Однако, по нашему мнению, опыт архивов по обеспечению сохранности документов в процессе использования недостаточно освещен.

Практика работы Архива РАН показывает постоянный рост востребованности информации, содержащейся в документах архива. Поэтому перед архивистами стоит задача обеспечить сохранность документов не только при их хранении в архивохранилищах, но и в процессе их использования. Увеличение количества выданных дел, работа с различными категориями исследователей, выдача дел во временное пользование учреждениям и организациям, подготовка выставок и публикация документов, предоставление документов для экспонирования на выставках – все это требует комплексного подхода к обеспечению сохранности архивных документов.

Традиционным видом работ по обеспечению сохранности документов является проверка нумерации листов в делах до и после использования документов. В 2014 г. в Архиве РАН после использования проверено около 280 000 листов документов. По заявкам исследователей, в зависимости от физического состояния документов, изготавливаются их ксерокопии. Копирование архивных документов производится только с письменного разрешения руководства архива. Так же с разрешения директора Архива РАН и под контролем сотрудника группы использования документов в рамках совместных исследовательских проектов с архивом производится копирование документов техническими средствами исследователя (фотоаппаратами, видеокамерами). Так как воздействие светового потока при копировании, неоднократные расшивки и подшивки дел ухудшают их физическое состояние, в архиве предпринимается ряд мероприятий по сокращению копирования документов.

Одним из основных способов сокращения использования подлинников документов является создание фонда пользования. В Архиве РАН с 1986 г. функционирует Отдел страхового документального фонда, который в соответствии с планом проводит микрофильмирование документов особо ценных фондов: академиков В.И. Вернадского, С.И. Вавилова, В.Л. Комарова, А.Е. Ферсмана, К.Э Циолковского, Н.А. Морозова, Президиума АН СССР и его структурных подразделений, Коммунистической академии при ЦИК СССР и ее институтов и др. При наличии фонда пользования на микрофишах подлинные документы для использования

не выдаются. С 2011 г. Отдел страхового документального фонда с использованием нового современного оборудования приступил к созданию фонда пользования на электронных носителях, что позволяет изготавливать копии документов более высокого качества. Кроме того, созданы полнотекстовые электронные копии шести фондов личного происхождения, размещенные в подразделе «Электронные коллекции» портала Российской академии наук.

Вопрос сокращения выдачи документов исследователям в читальный зал и сотрудникам для служебного использования в целях обеспечения физической сохранности документов Архив РАН решает путем организации целенаправленного поиска документов с помощью информационно-поисковых систем. В Архиве РАН сложилась система научно-справочного аппарата: путеводитель, справочники, описи, каталоги и картотеки, базы данных к отдельным документальным комплексам: однако она не позволяла исключить ряд проблем. В решении этой задачи наиболее эффективным для Архива РАН являлось создание автоматизированного научно-справочного аппарата, который, реализуя все функции традиционной системы научно-справочного аппарата, предоставляет по сравнению с ней более широкие возможности оперативного и многоаспектного поиска архивных документов и представления его результатов.

В 2004–2006 гг. в Архиве РАН была разработана многофункциональная база данных «Учет и каталог». В распределенной структуре базы данных на описательном уровне «Описи» заложена функция создания и осуществляется хранение графических файлов с оцифрованными изображениями традиционной описи фонда на бумажной основе. На описательных уровнях «Дела» и «Документы» заложена функция создания и осуществляется хранение электронного фонда пользования – полнотекстовых (факсимильных) изображений документов. Таким образом, наряду с автоматизированным поиском информации в базе данных заложена возможность хранения электронного фонда пользования. В 2011 г. Архивом РАН разработана «Информационная система Архива РАН», в которую включен раздел «Каталог файлов» – база данных Фонда пользования. В него включены электронные копии

всех документов, сканирование которых проводилось в архиве, как при выполнении различных видов архивных работ, так и при подготовке публикаций и выставок, исполнении заказов исследователей читального зала.

Использование возможностей баз данных «Учет и каталог» и «Каталог файлов» позволяют в автоматизированном режиме исключить повторное сканирование архивных документов. Кроме того, информационная система Архива РАН размещена в сети Internet на сайте isaran.ru, что позволяет пользователям в режиме удаленного доступа ознакомиться со списком фондов, реестром описей и каталогом к документам Архива РАН. В 2011–2013 гг. в Архиве РАН создана база данных «Электронные описи Архива РАН», включающая графические изображения описей, которая позволяет исследователям читального зала Архива РАН и пользователям сети Интернет просматривать и изучать описи в режиме реального времени.

Для обеспечения сохранности документов при подготовке и проведении выставок архивом приобретено выставочное оборудование, что позволяет использовать подлинные документы на срок не более одного месяца. При длительной экспозиции документов и предоставлении другим организациям подлинники заменяются качественными копиями. В практику работы Архива РАН внедрены подготовка и проведение виртуальных выставок к юбилейным датам ученых: Е.А. Косминского, А.В. Флоровского, Н.С. Курнакова, А.А. Байкова, В.Г. Шухова, А.С. Пушкина, Н.А. Рынина, которые размещены на сайте архива. Там же размещены электронные презентации каталогов к выставкам, проведенным в архиве. Это позволяет исключить подлинные документы из оборота и ознакомиться с экспонатами выставок в режиме удаленного доступа.

С 2009 г. в рамках подпрограммы Президиума РАН «Информационное обеспечение деятельности РАН и взаимодействие со СМИ» Архив РАН принимает участие в подготовке серии электронных коллекций, посвященных научному наследию и истории Российской академии наук: «В.И. Вернадский. К 150-летию со дня рождения»; «Познание прошлого – понимание будущего: вклад Академии наук»; «Музы в храме науки»; «Президент

АН СССР С.И. Вавилов. 120 лет со дня рождения»; «Президент Академии наук СССР М.В. Келдыш. 100 лет со дня рождения»; «Академия наук и космос. К 50-летию полета Ю.А. Гагарина»; «Президенты Академии наук»; «Акварели Марии Сибиллы Мериан»; «Атомная эра: вклад Академии наук»; «Награды Академии наук»; «М.В. Ломоносов и его время». В электронных коллекциях, подготовленных на основе документов архива и размещенных на портале РАН, представлено большое количество копий архивных документов, что исключает их повторное сканирование.

При всем старании сотрудников Архива РАН время и использование архивных документов делают свое дело: ветшает носитель (бумага), выцветает текст и изображения. В составе Центра учета и обеспечения сохранности документов функционирует Лаборатория биохимической защиты и реставрации документов. После проведения реставрационных работ сотрудники лаборатории проводят сканирование документов, что в дальнейшем исключает их копирование. В настоящее время электронные копии отреставрированных документов размещены в специальном модуле, который в дальнейшем будет включен в информационную систему Архива РАН.

Основным путем сокращения использования подлинных документов для обеспечения их сохранности, по нашему мнению, является создание фонда пользования на электронном носителе. Электронная копия документа позволяет получать многократные его экземпляры как на бумажной основе, так и в электронном виде, без использования подлинного документа. Кроме того, наполнение контента базы данных «Учет и каталог» позволит проводить более эффективный поиск информации по документам Архива РАН. Для решения этих задач необходимо проведение трудоемкой и длительной работы по наполнению разделов информационной системы Архива РАН как информационными материалами, так и электронными копиями документов. Это позволит в будущем свести к минимуму использование подлинников архивных документов, сохраняя их для наших потомков. Вышеуказанные мероприятия позволяют решать задачу сохранения документальных источников Архивного фонда Российской ака-

демии наук, как составной части Архивного фонда Российской Федерации.

Примечания

1 Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук. – М., 2007. – 187 с.; *Pravila organizacii hranenija, komplektovanija, ucheta i ispol'zovanija dokumentov Arhivnogo fonda Rossijskoj Federacii i drugih arhivnyh dokumentov v gosudarstvennyh i municipal'nyh arhivah, muzejah i bibliotekah, organizacijah Rossijskoj akademii nauk* [Rules for organization of storage, acquisition, accounting and usage of documents from the Archival Fond of the Russian Federation and of other archival documents from state and municipal archives, museums and libraries, and agencies of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, 2007, 187 p.

2 *Привалов В.Ф.* Обеспечение сохранности архивных документов на бумажной основе: Методическое пособие. – М., 2005. – 112 с.; Privalov V.F. *Obespechenie sohrannosti arhivnyh dokumentov na bumazhnoj osnove: Metodicheskoe posobie* [Preservation of hard copies of archival documents: A study guide]. Moscow, 2005, 112 p.

3 *Банасюкевич В.Д.* Разработки ВНИИДАД в области обеспечения сохранности документов // Вестник архивиста. – 2003. – № 1. – С. 32–38; Banasjukevich V.D. *Razrabotki VNIIDAD v oblasti obespechenija sohrannosti dokumentov* [Developments of the All-Russian Archival Science and Records Management Research Institute in the field of documents preservation]. *Vestnik arhivista* [Herald of an Archivist], 2003, no. 1, pp. 32–38.

4 *Горяева Т.М.* Как сохраняют документы в РГАЛИ // Отечественные архивы. – 2008. – № 3. – С. 35–38.; Gorjaeva T.M. *Kak sohranjajut dokumenty v RGALI* [On document preservation in the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI)] *Otechestvennye arhivy*, 2008, no. 3, pp. 35–38.

Список литературы

1. *Банасюкевич В.Д.* Разработки ВНИИДАД в области обеспечения сохранности документов // Вестник архивиста. – 2003. – № 1. – С. 32–38.

2. *Горяева Т.М.* Как сохраняют документы в РГАЛИ // Отечественные архивы. – 2008. – № 3. – С. 35–38.

3. Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук. М., 2007. – 187 с.

4. *Привалов В.Ф.* Обеспечение сохранности архивных документов на бумажной основе: Методическое пособие. М., 2005 . – 112 с.

References

1. Banasjukevich V.D. *Razrabotki VNIIDAD v oblasti obespechenija sohrannosti dokumentov* [Developments of the All-Russian Archival Science and Records Management Research Institute in the field of documents preservation]. *Vestnik arhivista* [Herald of an Archivist], 2003, no. 1, pp. 32–38.

2. Gorjaeva T.M. *Kak sohranjajut dokumenty v RGALI* [On document preservation in the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI)] *Otechestvennye arhivy,* 2008, no. 3, pp. 35–38.

3. *Pravila organizacii hranenija, komplektovanija, ucheta i ispol'zovanija dokumentov Arhivnogo fonda Rossijskoj Federacii i drugih arhivnyh dokumentov v gosudarstvennyh i municipal'nyh arhivah, muzejah i bibliotekah, organizacijah Rossijskoj akademii nauk* [Rules for organization of storage, acquisition, accounting and usage of documents from the Archival Fond of the Russian Federation and of other archival documents from state and municipal archives, museums and libraries, and agencies of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, 2007, 187 p.

4. Privalov V.F. *Obespechenie sohrannosti arhivnyh dokumentov na bumazhnoj osnove: Metodicheskoe posobie* [Preservation of hard copies of archival documents: A study guide]. Moscow, 2005, 112 p.

Сведения об авторах

Киселев Михаил Юрьевич, кандидат исторических наук, руководитель Центра учета и обеспечения сохранности документов Архива Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация, 8-916-302-14-52, kiss_ran@mail.ru

About author

Kiselev Michail Yuryevich, PhD in History, head of the Documents Preservation Center of the Archive of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, +7-916-302-14-52, kiss_ran@mail.ru

❖ ❖ ❖

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Historical Research

Д.А. БЕЛЮКОВ,
г. Великие Луки, Российская Федерация

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ШКОЛЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Belyukov D.A.,
Velikie Luki, Russian Federation

Physical Education in Russian Schools in the End of the 19th – Beginning of the 20th Century

Аннотация
В статье рассматривается физическое воспитание в России в конце XIX – начале XX в. Отмечается постепенное введение гимнастики в учебных учреждениях, усиление внимания к физическому воспитанию во внеучебное время, роль министерств в проведении государственной политики по физическому воспитанию в российской школе. Активно создавались гимнастические и спортивные организации, причем быстрее других распространялись кружки сокольской гимнастики. Министерство поощряло сокольское движение, устраивая праздники, поддерживая материально, привлекая опытных наставников из Чехии. В целом, физическому воспитанию длительное время не уделялось должного внимания со стороны правительства и Министерства народного просвещения. Инициатива исходила больше от военного ведомства, т.к. физическое воспитание рассматривалось им как основа допризывной подготовки молодежи. В начале XX в. наметилось оживление общественного интереса к проблемам физического воспитания подрастающего поколения. В учебных заведениях стали больше внимания уделять физическому воспитанию, возникли и активно развивались разнообразные формы внешкольной работы, все больше учащихся активно вовлекались в занятия физическими

упражнениями и спортом. Необходимо было организационное оформление единой системы руководства физическим воспитанием на государственном уровне.

Abstract
The article assesses physical education in Russia in the end of the 19th – beginning of the 20th century. The author describes a gradual introduction of gymnastics in educational institutions, growing attention to physical education in extracurricular time, the role of the ministries in the state policy on physical education in Russian schools. Gymnastic and sport organizations sprung up everywhere, especially the Sokol clubs. The ministry promoted the Sokol movement: held fests, provided financial support, brought skilled instructors from Czechia. Overall, the Russian government and the Ministry of Public Instruction for a long while have been paying little attention to physical education. The initiative came from the military departments, as physical education was a basis for preservice training. The beginning of the 20th century saw a growing public interest in the problems of physical education of the youth. Educational institutions now paid more attention to physical education. Various forms of out-of-school work cropped up and were actively developing. More and more pupils became actively involved in sports and physical exercises. Advanced schools, where problems of correct physical development of youth were given considerable attention, appeared. On the state level, institutionalisation of a unified management system of physical education was deemed necessary.

Ключевые слова
Физическое воспитание, Министерство народного просвещения, Военное министерство, учебные учреждения, гимнастика, военно-строевая подготовка, «сокольское движение», потешные.

Keywords
Physical education, Ministry of Public Instruction, Ministry of War, educational institutions, gymnastic, drill training, the Sokol movement, poteshnye.

В истории России конец XIX – начало XX в. является одним из самых насыщенных судьбоносными событиями периодом. Масштабы социально-экономических, политических и культурных преобразований, соответствующие данному этапу отечественной истории, свидетельствуют, что именно в эти десятилетия произошел качественный рывок во всех сферах общественной жизни. Неудивительно, что именно на это время приходится зарождение, становление и развитие отечественного спорта, спортивного и олимпийского движения в России. Серьезное вни-

мание стало уделяться и вопросам физического воспитания учащейся молодежи.

Целью исследования является рассмотрение физического воспитания в России в конце XIX – начале XX в., что достигается путем решения ряда задач: прослеживается роль военного ведомства, а также министерства народного просвещения в развитии физического воспитания; рассматривается постепенное введение в учебные заведения уроков гимнастики, расширение физической активности учащихся во внеурочное время, вовлечение учащейся молодежи в спортивно-гимнастические общества.

Среди работ, посвященных этой теме в 1930–1950-х гг., особое место занимает труд Е.Ю. Зеликсона, написанный на основе анализа архивных документов, в которых затрагиваются проблемы физического воспитания[1]. Большой фактический материал содержится в работе Д.А. Крадмана[2]. В 1960 – начале 1990-х гг. усилиями российских историков физической культуры и спорта была расширена проблематика научного поиска. Изучалось физическое воспитание в школах, генезис отечественного спорта, формирование отечественной науки о физическом воспитании (А.Е. Григорьев, Н.А. Карпушко, К.В. Цуркан, Н.Н. Власова и др.)[3]. В 1990–2000-е гг. российская историография спорта обогатилась целым рядом обобщающих исследований по проблемам развития физического воспитания, спорта и олимпийского движения, в том числе и по дореволюционному периоду. Среди работ этого времени следует выделить труды В.В. Столбова, Л.А. Финогеновой, Н.Ю. Мельниковой, А.Б. Суника, Б.Р. Голощапова, Г.С. Деметера, В.Н. Зуева, В.Е. Петраковой, С.Н. Мягковой, Ю.Н. Мягкова, С.В. Федорина и др.[4]

Обращает на себя внимание появление в последнее время целого ряда исследований, посвященных региональной истории физической культуры и спорта, физического воспитания. Часть из них посвящены рубежу XIX–XX в. В этих работах раскрываются противоречивые процессы начального этапа становления и развития физической культуры и спорта в самых разных регионах нашей страны (В.Г. Волков, С.А. Кашуба, М.А. Солдатова, М.Д. Лагутина)[5].

В статье используются различные источники, и прежде всего неопубликованные архивные. Это нормативные документы государственных органов: уставы организаций, инструкции ведомств, циркуляры и предписания попечителя Санкт-Петербургского учебного округа (1880–1916 гг.), циркуляры и распоряжения управляющего Санкт-Петербургским учебным округом, переписка с ним по учебным вопросам (1910 г.), переписка с попечителем Петербургского учебного округа по учебным и финансовым вопросам (1913 г.), циркуляры Министерства народного просвещения (1915–1917 гг.). Основная часть неопубликованных документов – из фондов Государственного архива Псковской области. Это фонды Псковской губернской мужской гимназии (Ф. № 8), Великолукской женской гимназии (Ф. № 657), Смотрителя Великолукских уездных училищ (Ф. № 809). Привлечение архивных источников позволило сделать обоснованные выводы о развитии физического воспитания в России в конце XIX – начале XX в.

Идеи применения различных физических упражнений, необходимых для воспитания полноценного человека, начинают проникать в Россию из Западной Европы в эпоху Екатерины II. В Россию приглашаются иностранные учителя гимнастики, фехтования и танцев для преподавания в некоторых привилегированных учебных заведениях, где воспитывались дети дворян.

В 1804 г. император Александр I утвердил устав учебных заведений, который предусматривал введение занятий физическими упражнениями. В восьмом параграфе устава говорилось: «Гимназия может также содержать учителей Танцования, Музыки и телесных упражнений (Гимнастики), если то позволят доходы оной»[6]. Заниматься телесными упражнениями предписывалось в середине дня.

В приходских школах и уездных училищах гимнастика не преподавалась, а в университетах и гимназиях предусматривалась как необязательный предмет с оплатой преподавателей из средств, выделяемых директорами. Поэтому в подавляющем большинстве учебных заведений физическое воспитание отсутствовало.

В пореформенной России общественный подъем нашел свое выражение и в вопросах физического воспитания. В 1862 г. было издано официальное постановление Министерства народного

просвещения о введении гимнастики в гимназиях. В ноябре 1864 г. выходит новый устав гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения. В нем предусматривалось введение в штат учебных заведений преподавателя гимнастики, а также приобретение гимнастических снарядов. Кроме того, врач обязан был наблюдать за проведением занятий и правильным физических развитием учащихся. В то же время, гимнастика оставалась необязательным предметом и проводилась только для желающих[7].

В 1870 г. гимнастику ввели в программу учительских семинарий. С 1871 г. она становится обязательной для пансионеров (детей, живущих во время учебы не дома, а при учебных заведениях). А с 1872 г. гимнастика стала одним из обязательных предметов в реальных училищах и преподавалась для всех учащихся бесплатно.

На распространение гимнастики в школе большое влияние оказали военные реформы 1870-х гг. С помощью гимнастики предполагалось решить задачу физической подготовки призывников, поэтому руководители военного ведомства настаивали на обязательности этих занятий во всех видах средних школ. Для преподавания в 1873 г. было издано «Руководство гимнастики для сельских и народных школ», а в 1874 г. – книга «Гимнастическая школа Ниггелера». Она включала раздел «порядковых и вольных» упражнений, в которых большое место отводилось строевым упражнениям, направленным на воспитание дисциплины и организованности учащихся[8].

Вследствие этого почти везде гимнастику вели офицеры и унтер-офицеры, выделенные для этих целей из военного ведомства, поэтому гимнастика очень скоро была фактически заменена военным строем.

Отсутствие необходимого количества квалифицированных преподавателей привело в тому, что в 1876 г., из-за перегруженности учебного плана, в Петербургском учебном округе, а затем и в других округах часы на военную подготовку и гимнастику были сняты, и предложено было проводить ее в большую перемену ежедневно по полчаса. А так как преподаватель не мог обслужить одновременно все классы гимназии, то фактически гимнастику (в основном, конечно, строевые упражнения) проводили в каждом классе по одному разу в неделю[9].

В 1888 г. военный министр П.С. Ванновский вновь инициировал введение гимнастики в мужских учебных заведениях, что и было сделано министром народного просвещения в 1889 г. Была утверждена инструкция и программа преподавания гимнастики. Обязательным предметом гимнастика становилась только в средних учебных заведениях, а в начальных училищах она могла вводиться там, где на это найдутся средства для оплаты преподавателей. Главной целью физического воспитания объявлялось укрепление здоровья и содействие физическому развитию. В инструкции к циркуляру о введении гимнастики все упражнения делились на четыре отдела: вольные движения, приучающие ученика управлять своими частями тела и с укреплением физических сил вырабатывать рациональные движения; упражнения с подвижными снарядами: палками, мячами, деревянными шарами и др.; упражнения на неподвижных снарядах: шесте, канате, наклонной лестнице, имеющие целью отягощением собственного тела исполнять движения с наименьшею затратою сил; отдел строевых упражнений, дающих основы воинской дисциплины.

В апреле 1889 г. была утверждена инструкция к программе преподавания гимнастики в мужских учебных заведениях. В ней указывалось, что «упражняя мальчиков в самых простых движениях и построениях, принятых в русских войсках, гимнастика знакомит детей с первоначальными основаниями воинской дисциплины…». Строевые упражнения занимали около половины всех учебных занятий, предназначенных для физического воспитания в учебных заведениях министерства народного просвещения. Кроме того, отмечалась необходимость, наряду с гимнастикой, проведение подвижных игр, экскурсий, давались указания по их проведению[10].

Однако на практике занятия гимнастикой сводились к строевым упражнениям. Основной контингент преподавателей гимнастики составляли отставные унтер-офицеры, под руководством которых занятия физическими упражнениями превращались в военную муштру. Негативная сторона чрезмерной мили-

таризации физического воспитания была очевидна передовой части военной и педагогической общественности (А.Д. Бутовский, Н.С. Филитис и др.).

В период общественного подъема 1899–1904 гг. реформирование школы вновь затронуло вопросы физического воспитания. Министерство народного просвещения неоднократно в своих циркулярах предписывало начальникам учебных округов обращать должное внимание на физическое воспитание учащихся[11].

В январе 1907 г. попечитель Санкт-Петербургского учебного округа граф А.А. Бобринский констатировал участившиеся жалобы, поступавшие в Министерство народного просвещения на неправильное в гимнастическом отношении и опасное для здоровья учащихся (особенно в зимнее время) назначение занятий физическими упражнениями на последний урок или на послеурочное время перед отпуском учащихся домой. Попечитель просил начальников учебных заведений, чтобы в отношении времени, назначаемого на физические упражнения учащимся, они руководствовались указаниями, изложенными в циркуляре от 15 августа 1902 г. Кроме того, уроками гимнастики воспрещалось занимать перемены, которые могли быть предназначены для свободного отдыха и завтрака учащихся[12].

26 июля 1907 г. вступило в силу «Руководство по исполнению санитарных требований при составлении проектов на устройство зданий средних учебных заведений Министерства народного просвещения». Устройство зданий обязательно должно было включать гимнастический зал, вместе с отделением для переодевания и умывания[13]. В качестве образцового примера для учебных заведений бесплатно предлагалась брошюра «Гимнастический зал, его устройство и оборудование», переведенная с немецкого языка. Она подробно раскрывала такие вопросы, как устройство гимнастического зала и устройство гимнастических площадок (городков). Также в брошюре имелись схемы: «Планы образцов – оборудованных гимнастических залов для учебных занятий», «Список снарядов, нормированный для гимнастических залов в средних и низших учебных заведениях», «План (в разрез) образцовых гимнастических залов для школ», «Внутренность образцово-оборудованного гимнастического зала (фотография)»[14].

Начиная с 1906 г. произошло расширение наряду с учебными занятиями внешкольной работы в форме детского самодеятельного движения. Создаются самодеятельные организации следующих типов: для учащихся начальных школ и училищ (главным образом детей рабочих и крестьян) – организация «потешных» отрядов; для учащихся средних учебных заведений – организации бойскаутов; различные спортивно-гимнастические организации и общества содействия физическому воспитанию молодежи.

«Потешные» занимались изучением военного стоя и гимнастики, изредка использовались упражнения на снарядах. Этой работой в основном занимались отставные унтер-офицеры. Движение «потешных» большой популярностью не пользовалось и широкого распространения не имело, т.к. однообразные военные упражнения были не очень интересны детям. Правительство пыталось поддержать движение «потешных», устраивая царские смотры на Марсовом поле в Санкт-Петербурге (1910–1912 гг.), однако большого интереса они не вызывали. Известие о том, что в 1913 г. смотр «потешных» не состоится, способствовало окончательному прекращению деятельности этих организаций.

В отрядах бойскаутов основное внимание уделялось идейному, духовно-нравственному и физическому воспитанию, причем большее значение придавалось воспитанию активности и самостоятельности детей. И это не случайно, т.к. скаутские отряды считались школой для подготовки будущего командного состава. В скаутских организациях широкое распространение получили сокольская гимнастика, легкая атлетика и подвижные игры, плавание, гребля, велосипед, фехтование, военно-прикладные упражнения, специальные военные игры, приемы защиты и нападения без оружия. Особую популярность скаутское движение в России получило в канун Первой мировой войны 1914–1918 гг.

Активно стали создаваться гимнастические и спортивные организации, причем быстрее других распространялись кружки со-

кольской гимнастики. Министерство поощряло сокольское движение, устраивая праздники, поддерживая материально, привлекая опытных наставников из-за границы, в основном, из Чехии, родины сокольства. В столице, а также целом ряде крупных городов, возникли организации «Сокол», часто при учебных заведениях, что делало доступным участие в них учащейся молодежи. Среди учащихся устраивались соревнования по гимнастике, программы которых состояли из вольных упражнений, опорных прыжков, упражнений на снарядах, бега на 100 м, прыжков в длину и высоту, метания копья, выжимания гири и других видов.

Тем не менее, самодеятельные организации не могли заменить регулярных и обязательных занятий физическими упражнениями для всего контингента учащихся. На гимнастику, как правило, отводилось время между уроками или на большой перемене. Проводилась она не ежедневно, подчас в пыльных рекреационных или актовых залах, под руководством слабо подготовленных учителей.

В программу высших учебных заведений России физическое воспитание не включалось. При вузах могли существовать отдельные студенческие спортивные клубы. Однако их открытие, как правило, тормозилось правительством, которое видело в них потенциальную угрозу общественному спокойствию. Военное ведомство также не проявляло интереса к физическому воспитанию студенчества, т.к. оно фактически освобождалось от военной службы.

Непосредственное влияние на качество физического воспитания оказывало кадровое обеспечение преподавания. Целенаправленной подготовки учителей гимнастики в России не существовало. Передовой русской общественностью периодически возбуждался вопрос об открытии специального высшего учебного заведения для этих целей. Но в дореволюционной России, в силу разных обстоятельств, такой институт так и не был открыт. Преподавателями гимнастики становились лица, имевшие самую разнообразную, подчас, минимальную специальную подготовку. Это и отставные военные, занимавшиеся гимнастикой во время службы, проходившие различные курсы в армии и на

флоте, а также лица, окончившие курсы при различных гимнастических обществах, а иногда просто самостоятельно занимающиеся гимнастикой. Это могли быть также учителя, прошедшие краткосрочные курсы гимнастики, организованные в каникулярное время в учебных округах или при частных учебных заведениях. Кроме того, в период обучения в институтах и семинариях будущие учителя получали некоторые сведения о физическом воспитании и могли преподавать гимнастику. Наконец, кадровый состав преподавателей гимнастики пополнялся за счет приглашенных иностранных специалистов, в основном, чехов-соколов, если это позволяли возможности конкретных учебных заведений.

Единая система подготовки преподавателей гимнастики отсутствовала, что приводило к низкому качеству этой работы в школах. В 1912 г. сокольская система была рекомендована в качестве наиболее приемлемой для русской школы. По данным Министерства народного просвещения за этот год из 1 566 средних учебных заведений в 855 преподавалась сокольская гимнастика, в 296 – шведская, в остальных 415 – немецкая, военная и гимнастика по системе П.Ф. Лесгафта.

Стоит отметить, что особое внимание уделялось вопросам физического воспитания в передовых для своего времени учебных заведениях. К числу таких школ можно отнести гимназии К.И. Мея, М.Н. Стоюниной, Н. и А. Медведниковых, М.Д. Могилянской, школу Е.С. Левицкой, училище В.Н. Тенишева, Петербургское коммерческое училище в Лесном и целый ряд других. Уроки физического воспитания здесь были обязательными, не менее четырех-шести часов в неделю. Многие передовые школы имели собственные программы физического воспитания, составленные опытными отечественными педагогами П.Ф. Лесгафтом, П.Н. Бокиным, А.К. Анохиным. В этих программах в качестве средств физического воспитания присутствовали подвижные игры, различные виды гимнастики, элементы некоторых видов спорта, несложный ручной труд. Особое место в них занимали врачебный и педагогический контроль в виде регулярных медицинских обследований и контрольных испытаний с использованием отдельных упражнений.

В конце XIX – начале XX в. в передовых учебных заведениях активно использовали такие формы внешкольной организации занятий по физическому воспитанию, как детские игровые площадки, экскурсии, походы и т.д. Целью их являлось не только повышение образовательного уровня учащихся, но и содействие их физическому развитию. На достойном уровне решались и задачи материально-технического обеспечения процесса физического воспитания (просторные гимнастические залы, разнообразный инвентарь, несколько площадок для игр)[15].

В целом, можно выделить некоторые особенности развития физического воспитания в России в конце XIX – начале XX в.

Физическому воспитанию длительное время не уделялось должного внимания со стороны правительства и Министерства народного просвещения. Инициатива больше исходила от военного ведомства, так как физическое воспитание рассматривалось им как основа допризывной подготовки молодежи. Поэтому гимнастика в средних учебных заведениях попросту подменялась строевыми упражнениями и элементарной шагистикой. В учебных программах средних школ гимнастике отводилась второстепенное, а подчас и последнее место. Подготовка специальных педагогических кадров для преподавания гимнастики отсутствовала. В начале XX века наметилось оживление общественного интереса к проблемам физического воспитания подрастающего поколения. В учебных заведениях стали больше внимания уделять физическому воспитанию, возникли и активно развивались разнообразные формы внешкольной работы, все больше учащихся активно вовлекались в занятия физическими упражнениями и спортом. Возник целый ряд передовых школ, где вопросам правильного физического развития молодежи уделялось значительное внимание. Необходимо было организационное оформление единой системы руководства физическим воспитанием на государственном уровне.

Примечания

1 *Зеликсон Е.Ю.* Очерки по истории физической культуры в СССР. От отмены крепостного права и развития промышленного капитализма в России до Великой Октябрьской социалистической революции (1861–1917 гг.). М.-Л., 1940.

Zelikson E.Ju. *Ocherki po istorii fizicheskoj kul'tury v SSSR* [An outline of history of physical education in the USSR]. Moscow – Leningrad, 1940.

2 *Крадман Д.А.* Физическая культура в период развития капитализма (вторая половина XIX века). Очерки по истории физической культуры. Вып. 5. – М., 1950. Kradman D.A. *Fizicheskaja kul'tura v period razvitija kapitalizma (vtoraja polovina XIX veka) Ocherki po istorii fizicheskoj kul'tury. Vypusk 5* [Kradman D.A. Physical education in the time of developing capitalism (second half of the 19th century) An outline of history of physical education. Collection of works. No. 5]. Moscow, 1950.

3 *Власова Н.Н.* История велосипеда и велосипедного спорта в России. (1800–1917 гг.) Автореф. дисс… канд. пед. наук. – М., 1969. – 22 с. Vlasova N.N. *Istorija velosipeda i velosipednogo sporta v Rossii. (1800–1917 gg.) Avtoref. diss… kand. ped. nauk* [History of bicycle and bicycle sport in Russia (1800–1917). Cand. ped. sci. diss., author's abstract]. Moscow, 1969, 22 p.; *Цуркан К.В.* Физическое воспитание и спорт в Москве во 2-й половине XIX – начале XX в. (Исторический очерк): автореф. дисс… канд. пед. наук. Москва, 1965. Curkan K.V. *Fizicheskoe vospitanie i sport v Moskve vo 2-j polovine XIX – nachale XX vv. (Istoricheskij ocherk): avtoref. diss… kand. ped. nauk* [Physical education and sport in Moscow in the second half of the 19th – beginning of the 20th century. (An outline). Cand. ped. sci. diss., author's abstract]. Moscow 1965; *Карпушко Н.А.* Историко-теоретический анализ школьных программ по физической культуре: учебное пособие. – М., 1992. Karpushko N.A. *Istoriko-teoreticheskij analiz shkol'nyh programm po fizicheskoj kul'ture: uchebnoe posobie* [Historical and theoretical analysis of school curricula for physical education: A textbook]. Moscow, 1992; *Григорьев А.Е.* Физическое воспитание в России (XIX – начало XX века). Исторический очерк. Санкт-Петербург, 1994. Grigor'ev A.E. *Fizicheskoe vospitanie v Rossii (XIX – nachalo XX veka). Istoricheskij ocherk* [Physical education in Russia (19th – beginning of the 20th century): An outline]. St. Petersburg, 1994.

4 *Столбов В.В., Финогенова Л.А., Мельникова Н.Ю.* История физической культуры и спорта. – М., 2001. Stolbov V.V., Finogenova L.A., Mel'nikova N.Ju. *Istorija fizicheskoj kul'tury i sporta* [History of physical education and sport]. Moscow, 2001; *Суник А.Б.* Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX–XX вв. – М., 2001. Sunik A.B. *Rossijskij sport i olimpijskoe dvizhenie na rubezhe XIX – XX vv.* [Russian sport and the Olympic Movement at the turn of the 20th century]. Moscow, 2001; *Федорин С.В.* Государственная система физического воспитания в русской армии и на флоте (вторая половина XIX в. – 1914 г.): Автореф. дисс… докт. ист. наук. – СПб., 2002. Fedorin S.V. *Gosudarstvennaja sistema fizicheskogo vospitanija v russkoj armii i na flote (vtoraja polovina XIX v. – 1914 g.): Avtoref. diss… dokt. istor. nauk* [The state system of physical education in the Russian Army and Navy (second half of the 19th century – 1914). Dr. hist. sci. diss., author's abstract]. St. Petersburg, 2002; *Деметер Г.С.* Очерки по истории отечественной физической культуры и олимпийского движения. – М., 2005. Demeter G.S. *Ocherki po istorii otechestvennoj fizicheskoj kul'tury i olimpijskogo dvizhenija* [An outline of national history of physical education and Olympic Movement]. Moscow, 2005; *Голощапов Б.Р.* История физической культуры и спорта. – М., 2007. Goloshhapov B.R. *Istorija fizicheskoj kul'tury i sporta* [History of physical education and sport]. Moscow, 2007; *Зуев В.Н., Логинов В.А.* Нормативное правовое регулирова-

ние отечественной сферы физической культуры и спорта (история и современность). – М., 2008. Zuev V.N., Loginov V.A. *Normativnoe pravovoe regulirovanie otechestvennoj sfery fizicheskoj kul'tury i sporta (istorija i sovremennost')* [Regulation in the sphere of national physical education and sport (history and contemporaneity)]. Moscow, 2008; *Петракова В.Е.* Основные тенденции развития спорта в России в конце XIX века: Автореф. дисс... канд. пед. наук. – М., 1999. Petrakova V.E. *Osnovnye tendencii razvitija sporta v Rossii v konce XIX veka: Avtoref. diss... kand. ped. nauk* [Main tendencies in Russian sport in the end of the 19th century. Cand. ped. sci. diss., author's abstract]. Moscow, 1999; *Мягков Ю.Н.* Участие офицерского корпуса в развитии физического воспитания и спортивного движения России во второй половине XIX – начале XX вв. Автореф. дисс… канд. пед. наук. – М., 2010. Mjagkov Ju.N. *Uchastie oficerskogo korpusa v razvitii fizicheskogo vospitanija i sportivnogo dvizhenija Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. Avtoref. diss… kand. ped. nauk* [Participation of the officer corps in the development of physical education and sport movement of Russia in the second half of the 19th – beginning of the 20th century. Cand. ped. sci. diss., author's abstract]. Moscow, 2010.

5 *Волков В.Г.* Становление и развитие физической культуры и спорта в Пензенской губернии в конце XIX–первой четверти XX в. Дисс… канд. ист. наук. – М., 2003. – 199 с. Volkov V.G. *Stanovlenie i razvitie fizicheskoj kul'tury i sporta v Penzenskoj gubernii v konce XIX – pervoj chetverti XX vv. Diss… kand. ist. nauk* [Development of physical education and sport in the Penza province in the end of the 19th – the first quarter of the 20th century. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2003, 199 p.; *Кашуба С.А.* Становление физкультуры и спорта в процессе освоения Приамурья во второй половине XIX – начале XX веков: на материалах Амурской области. Дисс… канд. ист. наук. – М., 2003. – 296 с. Kashuba S.A. *Stanovlenie fizkul'tury i sporta v processe osvoenija Priamur'ja vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vekov: na materialah Amurskoj oblasti: diss… kand. ist. nauk* [Development of physical education and sport over the course of Amur River region reclamation in the second half of the 19th – beginning of the 20th century: A case-study of the Amur region]. Moscow, 2003. 296 p.; *Солдатова М.А.* Развитие общественных спортивных организаций Санкт-Петербурга и их роль в становлении физической культуры и спорта России (конец XIX века – 1917 г.) Дисс… канд. ист. наук. – М., 2004. – 198 с. Soldatova M.A. *Razvitie obshhestvennyh sportivnyh organizacij Sankt-Peterburga i ih rol' v stanovlenii fizicheskoj kul'tury i sporta Rossii (konec XIX veka – 1917 g.). diss… kand. ist. nauk* [Development of non-governmental sport organizations in St. Petersburg and their role in the development of physical education and sport of Russia (end of the 19th century – 1917). Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2004. 198 p.; *Лагутина М.Д.* Развитие физической культуры и спорта в дореволюционное время (на примере г. Омска) // Международное спортивное и олимпийское движение: история, теория, практика. Межвузовский сборник научных материалов. – Воронеж, 1999. – С. 52–60. Lagutina M.D. *Razvitie fizicheskoj kul'tury i sporta v dorevoljucionnoe vremja (na primere g. Omska)* [Development of physical education and sport in Tsarist era: A case-study of Omsk]. Mezhdunarodnoe sportivnoe i olimpijskoe dvizhenie: istorija, teorija, praktika. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh materialov. [International sport and Olympic Movement: history, theory, practice: An interuniversity collection of scientific papers]. Voronezh, 1999, pp. 52–60.

6 Устав учебных заведений, подведомных университетам. – СПб., 1804. *Ustav uchebnyh zavedenij, podvedomnyh universitetam* [Charter of the educational institutions subordinated to universities]. St. Petersburg, 1804; Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 809. Оп. 1. Д. 2. Л. 2. Gosudarstvennyj arhiv Pskovskoj oblasti [The State Archive of the Pskov Region] (GAPO), fond 809, series 1, file 2, p. 2.

7 Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. XXXIX. Отд. II. М., 1864. – С. 170. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. T. XXXIX. Otd. II.* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. XXXIX. Part II]. Moscow, 1864, p. 170.

8 Гимнастическая школа Ниггелера. – СПб., 1874. *Gimnasticheskaja shkola Niggelera* [Niggeler's gymnastic school]. St. Petersburg, 1874.

9 *Зеликсон Е.Ю.* Очерки по истории физической культуры в СССР. – М., 1940. – С. 22–24. Zelikson E.Ju. *Ocherki po istorii fizicheskoj kul'tury v SSSR* [An outline of history of physical education in the USSR]. Moscow – Leningrad, 1940, p. 128; *Крадман Д.А.* Физическая культура в период развития капитализма (вторая половина XIX века). Очерки по истории физической культуры. Сборник трудов. Вып. 5. – М., 1950. – С. 111–112. Kradman D.A. *Fizicheskaja kul'tura v period razvitija kapitalizma (vtoraja polovina XIX veka) Ocherki po istorii fizicheskoj kul'tury. Vypusk 5* [Physical education in the time of developing capitalism (second half of the 19th century) An outline of history of physical education. Collection of works. No. 5]. Moscow, 1950, pp. 111–112; *Карпушко Н.А.* Историко-теоретический анализ школьных программ по физической культуре: учебное пособие. – М., 1992. – С. 8. Karpushko N.A. *Istoriko-teoreticheskij analiz shkol'nyh programm po fizicheskoj kul'ture: uchebnoe posobie* [Historical and theoretical analysis of school curricula for physical education: A textbook]. Moscow, 1992, p. 8; *Григорьев А.Е.* Физическое воспитание в России (XIX – начало XX века). Исторический очерк. – СПб., 1994. – С. 67–69. Grigor'ev A.E. *Fizicheskoe vospitanie v Rossii (XIX – nachalo XX veka). Istoricheskij ocherk* [Physical education in Russia (19th – beginning of the 20th century): An outline]. St. Petersburg, 1994, pp. 67–69; *Столбов В.В., Финогенова Л.А., Мельникова Н.Ю.* История физической культуры и спорта / Под ред. В.В. Столбова. 3-е изд. – М., 2001. – С. 141–142. Stolbov V.V., Finogenova L.A., Mel'nikova N.Ju. *Istorija fizicheskoj kul'tury i sporta* [History of physical education and sport]. Moscow, 2001, pp. 141–142.

10 Инструкция для преподавания гимнастики в мужских учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. – 1889. – № 7. – С. 10–12. *Instrukcija dlja prepodavanija gimnastiki v muzhskih uchebnyh zavedenijah vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshhenija* [Instruction on teaching gymnastics in educational institutions for boys of of the Ministry of Public Instruction]. Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija [Magazine of the Ministry of Public Instruction], 1889, no. 7, pp. 10–12.

11 Циркуляры от 8 июля 1899 г., 2 августа 1900 г., 15 августа 1902 г., 20 сентября 1902 г., 22 марта 1903 г., 10 июня 1904 г., 5 апреля 1909 г. и др.

12 ГАПО. Ф. 657. Оп. 1. Д. 48. Л. 4. GAPO, fond 657, series 1, file 48, p. 4.

13 Там же. Л. 48–50 а. Ibid., pp. 48–50 a.

[14] Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 73. Л. 116–123. Ibid., fond 8, series 1, file 73, pp. 116–123.

[15] *Карпушко Н.А.* Историко-теоретический анализ школьных программ по физической культуре... – С. 10–17. Karpushko N.A. 1992, pp. 10–17; *Григорьев А.Е.* Физическое воспитание в России (XIX – начало XX века)… – С. 70–79. Grigor'ev A.E. 1994, pp. 70–79.

Список литературы

1. *Голощапов Б.Р.* История физической культуры и спорта. – М., 2007.
2. *Григорьев А.Е.* Физическое воспитание в России (XIX – начало XX века). Исторический очерк. – СПб., 1994.
3. *Деметер Г.С.* Очерки по истории отечественной физической культуры и олимпийского движения. – М., 2005.
4. *Зеликсон Е.Ю.* Очерки по истории физической культуры в СССР. – М., 1940.
5. *Зуев В.Н., Логинов В.А.* Нормативное правовое регулирование отечественной сферы физической культуры и спорта (история и современность). – М., 2008.
6. *Карпушко Н.А.* Историко-теоретический анализ школьных программ по физической культуре: учебное пособие. М., 1992.
7. *Крадман Д.А.* Физическая культура в период развития капитализма (вторая половина XIX века) Очерки по истории физической культуры. Сборник трудов. Вып. 5. – М., 1950.
8. *Суник А.Б.* Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX–XX вв. – М., 2001.
9. *Столбов В.В., Финогенова Л.А., Мельникова Н.Ю.* История физической культуры и спорта / Под ред. В.В. Столбова. 3-е изд. – М., 2001.

References

1. Goloshhapov B.R. *Istorija fizicheskoj kul'tury i sporta* [History of physical education and sport]. Moscow, 2007.
2. Grigor'ev A.E. *Fizicheskoe vospitanie v Rossii (XIX – nachalo XX veka). Istoricheskij ocherk* [Physical education in Russia (19th – beginning of the 20th century): An outline]. St. Petersburg, 1994.
3. Demeter G.S. *Ocherki po istorii otechestvennoj fizicheskoj kul'tury i olimpijskogo dvizhenija* [An outline of national history of physical education and Olympic Movement]. Moscow, 2005.
4. Zelikson E.Ju. *Ocherki po istorii fizicheskoj kul'tury v SSSR* [An outline of history of physical education in the USSR]. Moscow – Leningrad, 1940.
5. Zuev V.N., Loginov V.A. *Normativnoe pravovoe regulirovanie otechestvennoj sfery fizicheskoj kul'tury i sporta (istorija i sovremennost')* [Regulation in the sphere of national physical education and sport (history and contemporaneity)]. Moscow, 2008.

6. Karpushko N.A. *Istoriko-teoreticheskij analiz shkol'nyh programm po fizicheskoj kul'ture: uchebnoe posobie* [Historical and theoretical analysis of school curricula for physical education: A textbook]. Moscow, 1992.
7. Kradman D.A. *Fizicheskaja kul'tura v period razvitija kapitalizma (vtoraja polovina XIX veka) Ocherki po istorii fizicheskoj kul'tury. Vypusk 5* [Kradman D.A. Physical education in the time of developing capitalism (second half of the 19th century) An outline of history of physical education. Collection of works. No. 5]. Moscow, 1950.
8. Sunik A.B. *Rossijskij sport i olimpijskoe dvizhenie na rubezhe XIX–XX vv.* [Russian sport and the Olympic Movement at the turn of the 20th century]. Moscow, 2001.
9. Stolbov V.V., Finogenova L.A., Mel'nikova N.Ju. *Istorija fizicheskoj kul'tury i sporta* [History of physical education and sport]. Moscow, 2001.

Сведения об авторах

Белюков Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, декан социально-гуманитарного факультета Великолукской государственной академии физической культуры и спорта, г. Великие Луки, Российская Федерация, 8-911-354-20-82, da197@yandex.ru

About author

Belyukov Dmitry Anatolievich, PhD in History, associate professor, dean of the social sciences and humanities faculty of the Velikie Luki State Academy for Physical Education and Sports, Velikie Luki, Russian Federation, +7-911-354-20-82, da197@yandex.ru

❖ ❖ ❖

В.Г. КУЗЬМИН,
г. Псков, Российская Федерация

«ДЕНЬГИ БРАЛИ ДЕДЫ, А ВЗЫСКИВАЮТ С ВНУКОВ». ЛИКВИДАЦИЯ КРУПНЕЙШЕГО В РОССИИ ГРЕБЕНЕВСКОГО ССУДО-СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО ТОВАРИЩЕСТВА. 1897–1917 гг.

Kuzmin V.G.,
Pskov, Russian Federation

«Grandfathers Received Money – Children Were to Repay»: Liquidation of Russia's Largest Grebeni Loan-saving Partnership, 1897–1917

Аннотация
В статье проанализированы предпосылки возникновения, особенности деятельности и причины неудовлетворительной работы Ликвидационной комиссии (ЛК) крупнейшего в Российской империи Гребеневского ссудо-сберегательного товарищества (ССТ) Псковской губернии. Автором изучены документы архивов России и Эстонии. Материал по истории развития мелкого кредита и, в частности, деятельности Ликвидационной комиссии Гребеневского ССТ содержится в материалах Государственного архива Псковской области, Российского государственного исторического архива и Эстонского исторического архива. Статья отражает малоисследованные аспекты истории кооперативного движения, опирается на архивные источники и современные исследования, содержит интересные выводы и наблюдения. Отмечается, что одним из направлений государственной политики конца XIX–начала XX в. стала экономическая помощь крестьянским хозяйствам, а одним из главных инструментов такой помощи – развитие кредитного кооперативного движения. В 1872 г. в Опочецком уезде Псковской губернии было основано Гребеневское ССТ. За четверть века численность членов товарищества выросла до 9 000 человек, однако необдуманная политика руководства учреждения привела к его краху. После проведения правительственной ревизии товарищества, по распоряжению министра финансов С.Ю. Витте в 1897 г. была образована Ликвидационная комиссия. За 20 лет работы из совокупного долга в 750 000 руб. кредиторам удалось вернуть менее половины суммы. После начала Первой мировой войны возвращение долгов фактически остановилось, однако комиссии еще предстояло собрать более 450 000 руб. Деятельность ЛК на протяжении двух десятилетий практически поставила крест на развитии кредитной кооперации в уезде. За период с начала XX столетия в губернии возникло более 130 кредитных кооперативов, и лишь в Опочецком уезде дело мелкого кредита фактически остановилось. В результате действий ЛК не только многие крестьяне были разорены, но и огромное количество вкладчиков Гребеневского ССТ и их наследники так и не смогли вернуть свои деньги. Существование ЛК продолжалось бы и после Первой мировой войны, однако смена власти в 1917 г. и последовавшее за этим изменение общественно-политического и экономического уклада в стране списали все долги несостоятельных членов.

Abstract
The article analyzes the preconditions for the emergence, activities and causes of poor performance of the Liquidation Commission (LC) of the largest in the Russian Empire loan-saving partnership (LSP), the Grebeni LSP of the Pskov region. The author investigates both Russian and Estonian archival documents. There are materials on the history of development of small loan and, in particular, activities of the Liquidation commission of the Grebeni LSP in the State Archive of the Pskov Region, the Russian State Historical Archive and the Estonian Historical Archives. The article addresses little studied aspects of the co-operative movement history. It draws on archival sources and comes to interesting conclusions. In the late 19th and early 20th century Russian state policy turned to supporting farmers, and credit cooperative movement became one of the most important policy tools. The Grebeni LSP was established in the settlement of Opochka in 1872. Over the course of the next 25 years the number of cooperatives members increased up to 9 thousands, and yet the thoughtless policy of the management caused its collapse. Following the government revision of the partnership, a Liquidation commission was ordered by the Minister of Finance Sergei Y. Witte in 1897. Over the next 20 years the creditors managed to collect less than a half of the total amount of 750 thousand rubles owed to them. After the end of World War I debt collection was virtually put on hold, although the commission was still to collect more than 450 thousand rubles. Over the next two decades the activities of the LC as good as put an end to the development of credit cooperatives in the settlement. The beginning of the 20th century saw the emergence of over 130 credit cooperatives, and only the settlement of Opochka kept back. The LC activities resulted in impoverishment of peasants, many creditors and their heirs failed to collect their money as well. The commission would have carried on its activities, had there not been a revolutionary regime change in 1917, followed by the political and economic changes, in the wake of which all outstanding debts were written off.

Ключевые слова
Архивы, источник, кооператив, крестьянская кооперация, ссудо-сберегательное товарищество, учреждения мелкого кредита.

Keywords
Archive, source, cooperative, peasant cooperation, loan-saving partnership, small loan establishments.

На протяжении многих веков Россия представляла собой аграрно-индустриальную страну с доминирующим крестьянским сословием. От уровня развития основной отрасли экономики – сельского хозяйства – зависело процветание и благосостояние страны. Одним из направлений государственной политики конца XIX–начала XX в. стала экономическая помощь крестьянским хозяйствам, а одним из главных инструментов такой помощи – поддержка развития кредитного кооперативного движения. В нынешних условиях поиска новых инструментов содействия сельскому хозяйству необходимо учитывать ретроспективный опыт и изучать достижения и ошибки прошлого. Кроме того, особого изучения требуют процессы кредитомании, охватившей население нескольких уездов Псковской губернии в конце XIX столетия, когда большая часть полученных ссуд, вопреки логике и здравому смыслу, была потрачена не на производственные, а на потребительские цели.

Приверженцы развития отечественной кооперации во второй половине XIX в. обратили взор на европейский опыт и идею немецкого экономиста Г. Шульце-Делича об организации ссудо-сберегательных товариществ (ССТ). Поскольку для развития своего хозяйства крестьяне постоянно нуждались в денежном обороте, а банки не были заинтересованы выдавать небольшие кредиты, ССТ смогли бы заполнить эту кредитно-финансовую лакуну и обеспечить доступ крестьян к дешевому кредиту на производственные цели.

На территории Псковской губернии первые ССТ появились в 1871 г., а история Гребеневского ссудо-сберегательного товарищества, крупнейшего не только в губернии, но и в Российской империи, началась в 1872 г. На его примере ярко проявились те проблемы, с которыми сталкивались кооперативные учреждения

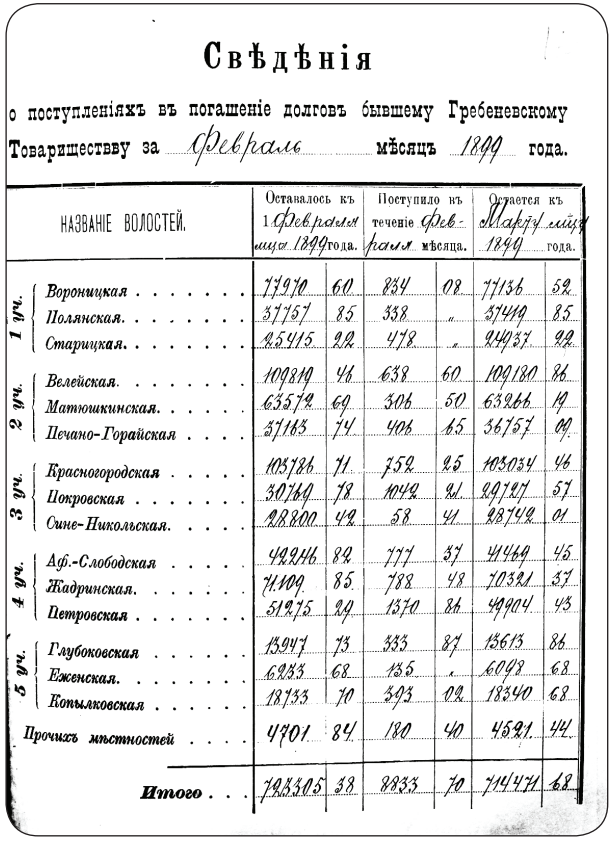
страны последней четверти XIX в. Появившееся по задумке инициативной части дворянской верхушки и развернувшее широчайшую деятельность, громоздкое ссудо-сберегательное товарищество в итоге потерпело крах, похоронив мечты о финансовом благополучии тысяч людей. Причиной тому стали, в частности, амбициозные, граничащие с авантюрными, планы не имевшего необходимого опыта руководства ССТ, и отсутствие какой-либо финансовой грамотности у крестьян. Тяжелым бременем долги ССТ легли на несколько поколений заемщиков.

Гребеневское ССТ было основано в пригороде Гребени уездного города Опочка, и за 25 лет работы имело в своем составе более 9 000 членов, при этом кредитовало практически целый уезд губернии и прилегающие территории. Деятельность товарищества не раз удостаивалась внимания общероссийской печати[1], работу ССТ подробно изучило Императорское Вольное экономическое общество в аспекте борьбы с ростовщичеством, поглотившим к 1870-м гг. Опочецкий уезд[2].

В административно-судебном отношении уезд делился на 5 участков по 3 волости в каждом. Всего в уезде в конце XIX века было 2 326 населенных пунктов, в которых проживало более 130 000 человек. Главное занятие населения – сельское хозяйство, из отраслей которого особо выделялось льноводство: под лен засеивалось 43% ярового поля. Деньги, выручавшиеся крестьянами от продажи льна, делали их кредитоспособными[3]. За более чем два десятилетия Гребеневское ССТ выдало в ссуду 7 480 000 руб. Для сравнения, все товарищества Псковского уезда за этот же период выдали лишь 5 600 000 руб.[4]

К концу XIX столетия товарищество стало испытывать трудности, которые, в случае закрытия ССТ, могли поставить на грань банкротства население целого уезда. В 1895 г. члены объединения практически перестали расплачиваться по долгам, а само товарищество задолжало по вкладам и займам более 200 000 руб.[5] После проведенной в 1896 г. правительственной ревизии, было принято решение о ликвидации Гребеневского ССТ. 7 ноября 1897 г. министром финансов С.Ю. Витте была утверждена «Инструкция для Ликвидационной комиссии, учрежденной от Правительства по делам несостоятельного Гребеневского ссудо-сберегательного то-

варищества», в которой оговаривалась последовательность действий нового учреждения. Так, Ликвидационная комиссия (ЛК) должна была принять книги, документы и ценности ликвидируемого товарищества, составить его баланс, сравнить с балансом, составленным правлением товарищества, и в случае необходимости запросить объяснения правления и обратиться с запросами к кредиторам и должникам ССТ[6].



Свѣдѣнія

о поступленіяхъ въ погашеніе долговъ бывшему Гребеневскому Товариществу за *Февраль* мѣсяцъ *1899* года.

	НАЗВАНІЕ ВОЛОСТЕЙ.	Оставалось къ 1 *Февраля* мца 1899 года.		Поступило въ теченіе *Февраля* мѣсяца.		Остается къ *Маю* мѣсяцу *1899* года.	
1 уч.	Вороницкая	77970	60	854	08	77136	52
	Полянская	37757	85	338	„	37419	85
	Старицкая	25415	22	478	„	24937	22
2 уч.	Велейская	109819	46	638	60	109180	86
	Матюшкинская	63572	69	306	50	63266	19
	Печано-Горайская	37183	74	406	65	36757	09
3 уч.	Красногородская	105786	71	752	25	105034	46
	Покровская	30769	78	1042	21	29727	57
	Сине-Никольская	28800	42	58	41	28742	01
4 уч.	Аф.-Слободская	42246	82	777	37	41469	45
	Жадринская	71109	85	788	43	70321	37
	Петровская	51975	29	1370	86	49904	43
5 уч.	Глубоковская	13947	73	333	87	13613	86
	Еженская	6283	68	135	„	6048	68
	Копыловская	18733	70	393	02	18340	68
Прочихъ мѣстностей		4701	84	180	40	4521	44
Итого		728305	38	8833	70	719471	68

Сведения о поступлениях в погашение долгов бывшему Гребеневскому ссудо-сберегательному товариществу за февраль 1899 г.
ГАПО. Ф. 78. Оп. 2. 1898. Д. 3. Л. 17 а.
Incoming depts payments to the bankrupt Grebeni loan-saving partnership in February 1899.
GAPO, fond 78, series 2. 1898, file 3, p. 17 a.

Далее было необходимо приступить к розыску имущества неисправных должников, и, что самое важное, одновременно со всем вышеперечисленным – безотлагательно начать работу по взысканию долгов, руководствуясь уставом товарищества и существующим законодательством[7]. В случае неуплаты долга сначала списывался внесенный пай, затем обращалось в продажу движимое имущество, затем недвижимое. Не могли подвергаться продаже для оплаты долгов «жилая изба со двором, необходимая домашняя утварь, носимое ежедневно платье, жизненные припасы и дрова, в количестве, нужном на содержание дома в течение месяца, одна лошадь, одна корова, одна телега и одни сани с упряжью, по одной штуке всяких земледельческих орудий и 25 пудов семян»[8].

Ликвидационная комиссия расположилась в Опочке. Первым председателем ЛК министерством финансов был назначен опочецкий податной инспектор А.Е. фон Вилкен, членами – контролер Государственного банка Н.А. Троицкий и опочецкий уездный казначей А.И. Косицкий. По назначению от Опочецкой городской думы членами ЛК стали купец А.А. Плотников и мещанин И.П. Павлов[9]. С 1901 г. председателем ЛК являлся контролер Государственного банка В.В. Краинский. Через несколько лет его сменил А.В. Векслер, который руководил ЛК до конца 1908 г. Состав членов ЛК постоянно менялся, кроме назначаемых от Опочки Плотникова и Павлова[10].

Ежемесячно ЛК отчитывалась о ходе возврата долгов, в результате чего можно проследить результаты двух десятилетий работы. После подсчетов поступивших средств нами было установлено, что наиболее успешное возвращение долгов, доходившее до 10 000 руб. в месяц, выпадало на зимние месяцы. За первые четыре года усилиями комиссии задолженность членов товарищества была сокращена с 715 000 руб. до 555 000 руб.[11]

Одновременно с этой работой проходил розыск имущества несостоятельных должников. Несмотря на положение устава о том, что членами могут быть только полноправные жители Опочецкого уезда, в товарищество принимали жителей соседних террито-

рий. Так, председатель ЛК А.Е. фон Вилкен 2 июня 1898 г. просил Лифляндского губернатора В.Д. Суровцева оказать помощь в розыске имущества должников. Он запрашивал информацию от становых приставов и волостных старшин о том, какие исполнительные листы на должников у них имеются, в каком состоянии находятся взыскания[12]. Губернатор Лифляндской губернии обратился к земским начальникам и комиссарам по крестьянским делам с тем, чтобы подведомственные им должностные лица напрямую отвечали в ЛК. В документе нужно было указать имя должника, название деревни, сумму взысканий, когда, как и чем закончились торги по продаже имущества, а также возможность дополнительных взысканий[13].

Этот период можно назвать наиболее успешным в деятельности ЛК, однако затем начинается спад в выплатах по долгам, и с 1905 г. до конца 1908 г. они практически прекратились. В 1908 г. со всего уезда за целый год было взыскано лишь 376 руб.[14] В конце 1908 г. по решению министра финансов председателем Ликвидационной комиссии был назначен Н.В. Савинов, который после нескольких месяцев работы обратился к губернатору. Он заключал, что в течение четырех лет с 1905 по 1908 гг. волостные старшины, на которых были возложены обязанности по сбору долгов, уклонялись от исполнения каких-либо требований комиссии до пополнения окладов повинностей по всей волости, результатом чего стало полное прекращение платежей со стороны должников товарищества. Кроме того, по его мнению, помощи не оказывали и земские начальники[15].

Исходя из данных поступления долгов, после небольшого всплеска в 1909 г. ситуация вновь вернулась в прежнее русло. Министерство финансов это вряд ли могло устроить, и в 1911 г. на смену Савинову на пост руководителя ЛК пришел инспектор мелкого кредита Псковского отделения Государственного банка С.Е. Плескачевский[16]. Смена руководителя пошла на пользу деятельности ЛК. Так, за период с 1911 г. по январь 1914 г. было взыскано столько же, сколько за предшествующее десятилетие. Впрочем, к началу Первой мировой войны долг членов Гребеневского ССТ все равно оставался огромным – около 460 000 руб.

Деятельность комиссии, широко охватившей уезд, приводила к злоупотреблениям со стороны членов ЛК и представителей волостных правлений, а также к множеству конфликтных ситуаций с должниками, которые совершенно не разбирались в тонкостях законодательства. Так, на члена ЛК К.В. Иванова и волостного старшину И. Матвеева поступила жалоба от крестьян деревни Мялово Опочецкого уезда. Весной 1911 г. они приступили к продаже крестьянского имущества по спорному делу, которое было приостановлено земским начальником до решения суда. «Плати 33 рубля, а не заплатишь, так уведем лошадь», – угрожали указанные лица крестьянину, а когда должники сослались на решение земского начальника, то Иванов заявил, что «бумага земского начальника ничего не стоит»[17]. Подобные многочисленные факты сеяли недоверие к деятельности комиссии.

Опочецкое уездное земство пыталось купировать инициативы комиссии. В канун начала Первой мировой войны был оглашен доклад уездной управы о неудовлетворительном поступлении земских сборов. Члены управы пришли к выводу, что наряду с причинами случайного характера, как, например, годы неурожая, есть причины, носившие постоянный характер. К числу таких причин управа относит и деятельность ЛК Гребеневского ССТ, неблагоприятно отзывавшуюся не только на исправном поступлении земских сборов, но даже подрывавшую благосостояние населения уезда. Среди доводов земцев было то, что должниками комиссии в большинстве случаев состоят уже не те лица, которые воспользовались ссудами, а их дети и внуки. Кроме того, поскольку крестьянское хозяйство находилось в переходном состоянии от общего владения к единоличному, для введения различного рода улучшений необходимо развитие мелкого кредита. Однако, из-за существования комиссии в Опочецком уезде невозможно открыть учреждения мелкого кредита, поскольку одно и то же лицо не может состоять членом двух кредитных учреждений. Поэтому должники комиссии не могут вступать в кредитные товарищества[18].

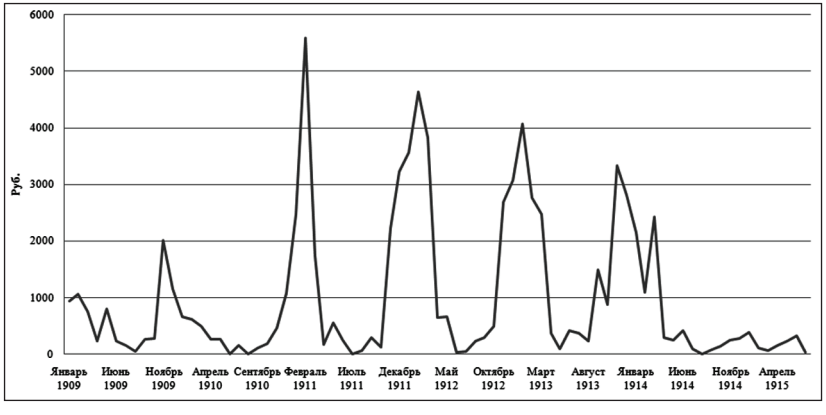
Еще один случай, который не оставил равнодушным земцев, произошел с опочецкой семьей, когда должник-кормилец был призван на фронт, а комиссия выставила на продажу 2,5 десяти-

ны его земли. Управа предложила возбудить ходатайство о том, чтобы деятельность ЛК в отношении взыскания долгов была приостановлена на время войны[19].

Инициативы земства увенчались успехом. В начале октября 1914 г. в губернию из столицы пришло письмо, подписанное министром финансов П.Л. Барком, из которого следовало, что ЛК пошла на уступки и приостановила взыскания с должников, призванных на фронт, и их семей[20].

Как видно из графика поступления долгов в 1914 г. последнее большое поступление пришлось на март 1914 г. – около 2 400 руб. А в период с июля 1914 по июль 1915 гг. поступило всего около 2 100 руб., практически сведя к нулю успешность взыскания.

С первых лет работы ЛК население, как могло, уклонялось от уплаты долгов, и переломить эту ситуацию не удалось. Крестьяне использовали любую возможность, которую предоставляло государство. 27 октября 1912 г. ЛК жаловалась губернатору, что масса крестьян-должников ежегодно переселялась



Погашение долгов членами бывшего
Гребеневского ссудо-сберегательного товарищества в 1909–1915 гг.
Подсчитано по: ГАПО. Ф. 78. Оп. 8. 1909. Д. 89. Там же. Оп. 9. 1912. Д. 213.
Там же. Оп. 10. 1913. Д. 104. Там же. Оп. 10. 1914. Д. 301.
The repayment of debts by the members of the bankrupt
Grebeni loan-saving partnership for 1909–1915.
Calculations based on GAPO, fond 78, series 8. 1909, file 89. Ibid, series 9. 1912,
file 213. Ibid, series 10. 1913, file 104. Ibid. series 10. 1914, file 301.

в Сибирские губернии, не уплатив числящихся за ними долгов. При этом, как указывала ЛК, волостные правления никаких мер по взысканию долгов с переселяющихся не предпринимали, несмотря на рассылаемые им ежегодно списки долгов товариществу[21].

Газета «Псковская жизнь» публиковала жалобы крестьян на действия комиссии, которая, несмотря на военные события, производила взыскание долгов. Более того, эти деньги, по словам жалобщиков, шли исключительно на вознаграждение членов комиссии «за труды» и волостных старшин в размере 10% со взысканных сумм. «Чистое разорение, – говорят крестьяне, – брали деньги наши деды, а взыскивают с внуков. Дед взял сотню руб., а за 30 лет с процентами и пеней наросло до тысячи целковых», – отмечала газета в 1915 г.[22]

Вообще уже к началу 1912 г. ситуацию в Опочецком уезде вряд ли можно было назвать оптимистичной. Управа отмечала, что почти все мелкие хозяйства уезда «настолько неустойчивы, что всякое хозяйственное неблагополучие, даже незначительное, настолько сильно расшатывает их, что для приведения их хотя бы в прежний вид, требуется целый ряд весьма благополучных лет». Неурожаи и отсутствие иного заработка для населения ставили людей на грань нищеты. Кроме того, крестьянское население уезда было серьезным должником: около 200 000 руб. составляли продовольственные долги, около 170 000 руб. – земские сборы, недоимка по выкупным платежам – более 200 000 руб, а всего с учетом долга Гребеневскому ССТ задолженность населения составляла 1 774 256 руб.[23]

В таком состоянии уезд вступил в Первую мировую войну и попал в водоворот революционных событий. Несмотря на то, что в Псковской губернии одновременно проходила ликвидация еще полутора десятков ССТ и КТ[24], нигде больше такие процессы не приводили к настолько разрушающим последствиям. Само возникновение и существование Гребеневского товарищества на протяжении четверти века с 1872 по 1896 гг. при авантюрной, необдуманной политике распорядителя этого товарищества привели к экономической катастрофе целого уезда, а дальнейшая деятельность Ликвидационной комиссии на протяжении двух деся-

тилетий практически поставила крест на развитии кредитной кооперации в уезде.

1 октября 1917 г. в стране насчитывалось 16 477 кредитных кооперативов, охватывая более 1/3 населения[25]. Динамично развивались кредитные кооперативы на всей территории Псковской губернии. За период с начала XX столетия возникло более 130 кредитных кооперативов[26], и лишь Опочецкий уезд оказался не охвачен бумом создания кооперативов. Дальнейшее развитие учреждений мелкого кредита в уезде, судя по всему, было бы мучительно долгим, а деятельность ЛК по сбору еще более 450 000 руб. растянулась бы как минимум до начала новой мировой войны. Трагедия товарищества в том, что не только многие крестьяне были разорены, и постоянно балансировали на грани нищеты, но и то, что огромное количество вкладчиков Гребеневского ССТ и их наследники так и не смогли вернуть свои деньги. От безвыходного сосуществования с бывшим Гребеневским товариществом жителей уезда избавила только смена власти в 1917 г. и последовавшее за этим изменение общественно-политического и экономического уклада в стране.

Примечания

1 *Корольков О.П.* Кооперативное движение в России и Псковской губернии (60-е гг. XIX в. – 1917 г.). – Псков, 2001. – С. 92. Korol'kov O.P. *Kooperativnoe dvizhenie v Rossii i Pskovskoj gubernii (60-e gg. XIX v. – 1917 g.)* [The cooperative movement in Russia and the Pskov region (the 1860s – 1917)]. Pskov, 2001, p. 92.

2 *Сазонов Г.П.* Ростовщичество – кулачество: наблюдения и исследования. – СПб, 1894. – С. 89. Sazonov G.P. *Rostovshhichestvo – kulachestvo: nabljudenija i issledovanija* [Usurocracy and kulaks: Observing and studying]. St. Petersburg, 1894, p. 89.

3 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 582. Оп. 7. Д. 499. Л. 35–39. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), fond 582, series 7, file 499, pp. 35–39.

4 Подсчитано по: РГИА. Ф. 582. Оп. 7. Д. 499. Л. 120–121. Calculations based on RGIA, fond 582, series 7, file 499, pp. 120–121.

5 *Кузьмин В.Г.* Гребеневское ссудо-сберегательное товарищество Опочецкого уезда: возникновение, развитие и крах кооператива // Псков. – 2014. – № 41; Kuzmin V.G. *Grebenevskoe ssudo-sberegatel'noe tovarishhestvo Opocheckogo uezda: vozniknovenie, razvitie i krah kooperativa* [The Grebeni loan-saving partnership of the Opochka uezd: Origin, evolution and collapse of the cooperative]. Pskov, 2014, no. 41.

6 Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 78. Оп 8. 1909. Д. 89. Л. 120. Gosudarstvennyj arhiv Pskovskoj oblasti [State Archive of the Pskov Region] (GAPO), fond 78, series 8. 1909, file 89, p. 120.

7 Там же. Л. 121. Ibid., p. 121.

8 Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 47. Ч. 1. – СПб., 1875. – С. 846–847. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe* [Complete collection of laws of the Russian Empire. 2d collection]. St. Petersburg, 1875, vol. 47, ch. 1, pp. 846–847.

9 Памятная книжка Псковской губернии на 1899 г. – Псков, 1899. – С. 104. *Pamjatnaja knizhka Pskovskoj gubernii na 1899 g.* [Commemorative book of the Pskov region for 1899]. Pskov, 1899, p. 104.

10 Памятная книжка Псковской губернии на 1901 г. – Псков, 1901. – С. 88. *Pamjatnaja knizhka Pskovskoj gubernii na 1901 g.* [Commemorative book of Pskov region for 1901]. Pskov, 1901, p. 88; Памятная книжка Псковской губернии на 1905–1906 гг. – Псков, 1905. – С. 190. *Pamjatnaja knizhka Pskovskoj gubernii na 1905–1906 gg.* [Commemorative book of Pskov region for 1905–1906]. Pskov, 1905, p. 190; ГАПО. Ф. 20. Оп. 4. Д. 385. Л. 9. GAPO, fond 20, series 4, file 385, p. 9.

11 ГАПО. Ф. 78. Оп. 2. 1898. Д. 3. GAPO, fond 78, series 2. 1898, file 3.

12 Эстонский исторический архив (ЭИА). Ф. 296. Оп. 7. Д. 1252. Л. 1. Estonskij istoricheskij arhiv [Estonian Historical Archives] (EIA), fond 296, series 7, file 1252, p. 1.

13 Там же. Л. 2–4. Ibid., pp. 2–4.

14 ГАПО. Ф. 78. Оп. 9. 1912. Д. 213. Л. 2. GAPO, fond 78, series 9. 1912, file 213, p. 2.

15 Там же. Оп. 8. 1909. Д. 89. Л. 29. GAPO, fond 78, series 8. 1909, file 89, p. 29.

16 Там же. Оп. 9. 1912. Д. 213. Л. 9. GAPO, fond 78, series 9. 1909, file 213, p. 9.

17 Там же. Оп. 9. 1911. Д. 278. Л. 5. GAPO, fond 78, series 9. 1911, file 278, p. 5.

18 Там же. Ф. 79. Оп. 2. Д. 1537. Л. 10. GAPO, fond 79, series 2, file 1537, p. 10.

19 Там же. Д. 1541. Л. 7. GAPO, fond 79, series 2, file 1541, p. 7.

20 Там же. Ф. 78. Оп. 10. 1914. Д. 305. Л. 13. GAPO, fond 78, series 10. 1914, file 305, p. 13.

21 Там же. Оп. 9. 1912. Д. 213. Л. 86. GAPO, fond 78, series 9. 1912, file 213, p. 86.

22 Опочка, жалобы // Псковская жизнь. – 1915. – 21 марта. *Opochka, zhaloby* [Opochka, complaints]. Pskovskaja zhizn', 21 March 1915.

23 ГАПО. Ф. 79. Оп. 2. Д. 1405. Л. 7. GAPO, fond 79, series 2, file 1405, p. 7.

24 РГИА. Ф. 582. Оп. 4. Д. 13500. Л. 1–5. RGIA, fond 582, series 4, file 13500, pp. 1–5.

25 *Хейсин М.Л.* Кредитная кооперация в России: исторический очерк и современное положение. – Пг., 1918. – С. 133. Kheysin M.L. *Kreditnaja kooperacija v Rossii: istoricheskij ocherk i sovremennoe polozhenie* [Credit cooperation in Russia: A historical overview and current situation]. Petrograd, 1918, p. 133.

26 Подсчеты сделаны по материалам РГИА. Ф. 528. Оп. 2. и ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. 1890. Д. 72. Calculations based on the materials of RGIA, fond 582, series 2 and GAPO, fond 78, series 1. 1890, file 72.

Список литературы

1. *Корольков О.П.* Кооперативное движение в России и Псковской губернии (60-е гг. XIX в. – 1917 г.). – Псков, 2001. – 256 с.

2. *Кузьмин В.Г.* Гребеневское ссудо-сберегательное товарищество Опочецкого уезда: возникновение, развитие и крах кооператива // Псков. – 2014. – № 41. – С. 50–59.

3. *Сазонов Г.П.* Ростовщичество – кулачество: наблюдения и исследования. – СПб, 1894. – 221 с.

4. *Хейсин М.Л.* Кредитная кооперация в России: исторический очерк и современное положение. – Пг., 1918. – 199 с.

References

1. Korolkov O.P. *Kooperativnoe dvizhenie v Rossii i Pskovskoj gubernii (60-e gg. XIX v. – 1917 g.)* [The cooperative movement in Russia and the Pskov region (1860s – 1917)]. Pskov, 2001, 256 p.

2. Kuzmin V.G. *Grebenevskoe ssudo-sberegatel'noe tovarishhestvo Opochteckogo uezda: vozniknovenie, razvitie i krah kooperativa* [The Grebeni loan-saving partnership of the Opochka uezd: Origin, evolution and collapse of the cooperative]. Pskov, 2014, no. 41, pp. 50–59.

3. Sazonov G.P. *Rostovshhichestvo – kulachestvo: nabljudenija i issledovanija* [Usurocracy and kulaks: Observing and studying]. St. Petersburg, 1894, 221 p.

4. Kheysin M.L. *Kreditnaja kooperacija v Rossii: istoricheskij ocherk i sovremennoe polozhenie* [Credit cooperation in Russia: A historical overview and current situation]. Petrograd, 1918, 199 p.

Сведения об авторах

Кузьмин Валерий Геннадьевич, директор Государственного архива Псковской области, г. Псков, Российская Федерация, 8-953-233-01-99, valerii.kuzmin@ro.ru

About the author

Kuzmin Valery Gennadievich, director of the State Archive of the Pskov Region, Pskov, Russian Federation, +7-953-233-01-99, valerii.kuzmin@ro.ru

❖ ❖ ❖

И.А. АНФЕРТЬЕВ,
г. Москва, Российская Федерация

ПЕРВАЯ ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЧИСТКА ПРАВЯЩЕЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ: ПРИЧИНЫ, ИТОГИ, ПОСЛЕДСТВИЯ. 1920–1924 гг.

Anfertiev I.A.,
Moscow, Russian Federation

The First General Purge of the Ruling Communist Party: Causes, Effects, and Aftermath: 1920–1924

Аннотация
В статье на основе комплекса документов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) исследуются причины проведения в 1921 г. широкомасштабной кампании по очистке правящей партии от различного рода нежелательных элементов, определен механизм принятия решения о чистке рядов партии, создание структурной вертикали проводимой кампании, участие в чистке ОГПУ. Не в последнюю очередь это было связано с тем, что новая экономическая политика партии, направленная на либерализацию экономической деятельности во многих, но далеко не во всех сферах хозяйственной жизни страны, вызвала немало негативных явлений в партийной среде, от злоупотреблений служебным положением до совершения экономических и уголовных преступлений. В статье анализируются материалы, связанные с разбором дел о привлечении членов партии к административной и уголовной ответственности. Выявлено, что правящая коммунистическая партия не была заинтересована в широком обсуждении таких явлений как привилегии, казнокрадство, протекционизм. Тем не менее, меры к выявлению и осуждению провинившихся принимались. При этом в самый расцвет НЭПа, в среде высшего партийного руководства просматривались взаимоисключающие тенденции по данному вопросу. Особое внимание в статье уделено механизму проведения контрольными органами партии периодически проводимых «чисток» в различных сферах государственной деятельности, включая партийные и силовые органы, советские и хозяйственные структуры.

Abstract
Drawing on a document collection from the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI), the article analyses causes of the first repression campaign for purging the ruling party of various undesirable elements that occurred in 1921. It defines the decision-making mechanism involved in the planning of the party purge and reconstructs the top-down operation of the campaign, assesses the State Political Directorate (OGPU) participation in the purge. In no small measure it was triggered by numerous negative developments in the party circles (ranging from abuse of office to economic crime and criminal offense) caused by the New Economic Policy (NEP), a liberalization of some areas of economic activity. The article reviews case materials the party members who were held administratively or criminally liable. It ascertains that the Communist Party had nothing to gain from ventilation of liberties allowed to the elite, embezzlement of state property, and favoritism. Nevertheless, there were measures to detect violations and condemn the culpable. And yet at the noon of the NEP there were in high level party leadership colliding standpoints on the issue. The article focuses on the mechanism of the recurring purges conducted by the control organs in various spheres of state activity, including party and security agencies, Soviet and economic entities.

Ключевые слова
Партийная чистка, Политбюро ЦК РКП(б), Центральная контрольная комиссия (ЦКК) РКП(б), социализм, НЭП, ОГПУ.

Keywords
Party purge, the Political Bureau (Politburo) of the Central Committee of the Russian Communist Party (bolsheviks), the Central Control Commission (CCC) of the Russian Communist Party (bolsheviks), socialism, the New Economic Policy (NEP), the State Political Directorate (OGPU).

Накануне X съезда РКП(б), 2 февраля 1921 г., Политбюро принимает решение о том, что задачей партии должно быть не столько увеличение рядов партии, сколько повышение качества принимаемых членов и чистка партии[1]. Такая постановка вопроса не была спонтанной, скорее ее можно назвать вынужденной. В партии появились признаки расслоения на «верхи» и «низы», последние все решительнее требовали учитывать их мнение в решении крупных общегосударственных задач, пытались доступными в тех условиях методами влиять на политическую линию руководящей партийной группы – Политбюро ЦК. Сформировались внутри РКП(б) оппозиционные группы и целые

течения, лидеры которых заявляли о своем праве участвовать в политической деятельности, управлении промышленностью[2]. Вместе с тем все чаще и рядовые, и высокопоставленные члены партии совершали проступки, злоупотребляли властью, положением, допускали уголовные преступления, выявлялись различного рода проходимцы, обманом проникшие в партию. Однопартийная система порождала безнаказанность партийных и государственных чиновников.

Вскоре после X съезда, 31 мая 1921 г., Политбюро поручает Секретариату ЦК подготовить циркуляр о более осторожном приеме в партию с тем, чтобы не допускать в партию полуменьшевистские и полуэсеровские элементы; Секретариату ЦК в двухнедельный срок разработать вопрос о перерегистрации в партии[3] с целью ее очистки[4]. 4 июня 1921 г. уже в прямой постановке рассматривается вопрос о перерегистрации членов РКП(б). Принимаются и конкретные решения: создать комиссию из Залуцкого, Уншлихта, представителя ЦКК, МК, Михайлова или Молотова, Зиновьева и Гусева; поручить Залуцкому созыв комиссии и разработку вопроса об очистке партии; комиссии выработать план и сроки перерегистрации, предусмотрев до конца перерегистрации прекратить прием в партию новых членов, за исключением рабочих и трудящихся крестьян с особого разрешения ЦК; «разработать план с учетом очистки партии в кратчайший срок от нескольких десятков тысяч членов, пришедших в партию ради советской работы или контрреволюционных целей»[5]. Как видим, пока счет исключаемых идет на «десятки тысяч» затесавшихся в ряды партии скрытых или явных врагов или примазавшихся и дискредитировавших себя руководителей.

Однако 21 июня 1921 г. на заседании Политбюро рассматривается проект постановления ВЦИК об объединении всех революционных трибуналов республики, и выясняется, что за этой важнейшей в переходный период государственной структурой необходимо максимально усилить надзор и назначить особую комиссию по вопросу «о чистке состава и подтягивания работы ревтрибуналов»[6]. Можно предположить, что руководителям правящей партии известны и другие факты, компрометирующие партийные и государственные органы в центре и на местах. Поэто-

му на том же заседании принимается предложение Ленина в качестве директивы комиссии по очистке партии: «Основной ячейкой, производящей регистрацию, должна быть группа старых членов РКП (не менее 5-7 лет в партии) и обязательно из рабочих». Принимаются рекомендации удалить из партии следующие категории сомнительных, ненадежных, не доказавших своей устойчивости членов с правом обратного приема после дополнительной проверки и испытания: вступивших из других партий после октября 1917 г.; вступивших из среды чиновников и должностных лиц, бывших на службе старых правительств; занимавших должности, связанные с какими-либо привилегиями; принадлежащих к советским служащим – опросом трудящихся, как партийных, так и беспартийных, встречавшихся с данным членом партии на его работе; требовать от рекомендующих точной письменной аттестации, причем рекомендующих должно быть несколько человек со стажем 5-7 лет в партии, в том числе обязательно рабочих; свести к минимуму формальности по отношению к рабочим, действительно работающим на своей фабрике, к красноармейцам, к занятым на своем участке земли[7].

Решено было также приостановить прием в члены РКП(б) с 1 июля 1921 г. впредь до особого постановления в виду решения ЦК о перерегистрации с 1 августа[8]; допустить прием в партию в виде исключения только рабочих и трудящихся крестьян, не эксплуатирующих чужой труд; поручить комиссии при проверке кандидатов в члены проверять как анкеты, так и личность кандидата, а также всей его работы, обязательно опрашивать партийных и беспартийных трудящихся, которые встречались с кандидатом по работе. В принятом постановлении ЦК и ЦКК РКП(б) «По вопросу о проверке, пересмотре и очистке партии» от 25 июня 1921 г.[9], со ссылкой на решения X партсъезда, предписывалось произвести «проверку личного состава партии во всероссийском масштабе» с 1 августа по 1 октября 1921 г. 7 июля была создана утвержденная ЦК и ЦКК Центральная комиссия по проверке личного состава партии из 5 членов[10]. Все члены местных комиссий, за исключением уездных, назначались Центрпроверкомом; уездные в количестве 3 членов назначались губернскими комиссиями и утверждались Центральной комиссией. Право выдвигать своих кандидатов за коллективной подписью получили члены партии с 5-летним стажем. Партстаж не менее 7 лет должны были иметь члены Центрпроверкома и областных комиссий; не менее 5 лет – члены губернских комиссий и председатели уездных и районных; для остальных двух членов уездных и районных комиссий – стаж не позднее начала Октябрьской революции. Запрещалось назначать в члены комиссий всех уровней бывших членов других, кроме РКП(б), партий. В период проверки «старый революционный стаж пребывания в других партиях не принимается во внимание, за исключением входивших в организации межрайонцев РСДРП». Принятое Политбюро постановление было разослано по радио[11]. Затем, 27 июля 1921 г. ЦК обратился с письмом «Ко всем партийным организациям. Об очистке партии», в котором были изложены основные задачи, направления и методы чистки[12].

14 октября 1921 г. Политбюро ЦК вновь возвращается к данной проблеме, на этот раз речь идет о предположительном количестве исключенных в ходе чистки из партии и их дальнейшей судьбе[13]. Доклад по ожидаемым результатам чистки поручено сделать не председателю Центральной проверочной комиссии, а заместителю председателя ВЧК И.С. Уншлихту, который отмечает, что «окажутся за бортом примерно около 200 тысяч человек, многие из которых выполняли подчас ответственную работу и играли определенную роль в политической жизни. Является поэтому настоятельной необходимостью учесть вред, который поведет за собой этот факт и определить направление, в котором пойдут многие, не пожелавшие отказаться от политической жизни»[14].

В результате всех исключенных следовало, по мнению докладчика, подразделить на три группы: обывательски настроенные люди, пришедшие в партию случайно, не связанные крепко с партией и ничего не теряющие, выбывая из нее. Эта группа, считал Уншлихт, пассивная, исключение которой не уменьшит в дальнейшем ее общественной полезности. Вторая группа – это связанные подчас с революционной работой исключенные за более мелкие преступления (против партийной этики и проч.), но не являющиеся, однако, сознательными преступниками, для которых

исключение будет некоторым ударом. Они, считал докладчик, не пойдут в ряды врагов, но польза, приносимая ими в общей работе, уменьшится вследствие понижения активности, ограничения круга деятельности, а иногда и бессознательного саботажа. Третья группа – это люди, не приемлющие безропотно исключения из партии, не желающие «политически умереть», может быть честолюбивые, озлобившиеся; они легко могут попасть в ряды врагов советской власти, усилить существующие противосоветские организации, в первую очередь усилить развитие так называемого «красного бандитизма»[15]. Надо полагать, что в представители третьей группы были записаны в том числе, а может быть, и в первую очередь, партийные оппозиционеры, которые не могли смириться с гонениями на них за политические убеждения.

Партия, по мнению Уншлихта, освобождаясь путем чистки от ненужного и вредного для нее балласта, ослабляет, с другой стороны, в некоторых местах довольно чувствительно государственный аппарат, а также усиливает реальные возможности контрреволюции. Чтобы ослабить эту отрицательную сторону намечались следующие меры: самое целесообразное использование исключенных; пресечение в корне всякой возможности усиления контрреволюции.

В результате зампред ВЧК предлагал Политбюро ЦК реализовать следующий проект: все местные партийные организации разбивают списки лиц, исключенных из партии, на три указанные категории; все лица, исключенные из партии, находятся на учете органов ВЧК. Степень наблюдения за ними зависит от категории, к которой они относятся; местные партийные организации обязаны представлять в органы ЧК в копиях все имеющиеся у них материалы – биографии, анкеты и т.д. исключенных из партии; дела лиц, против которых во время чистки собран более серьезный материал уголовного или другого характера, передается немедленно в соответствующие органы ЧК для принятия мер в административном порядке (высылки, заключения, лишение некоторых прав).

Для ведения учета и наблюдения за исключенными, по крайней мере, на первое время, устанавливаются в органах ЧК в центре и на местах особые уполномоченные, концентрирующие

у себя подробные сведения (биографические, анкетные и проч.) об указанном выше элементе, ведут точный учет его, т.е. ведут работу по выявлению и ликвидации активного противосоветского элемента[16].

В ходе обсуждения доклада Уншлихта было принято достаточно компромиссное решение: одобрить в принципе предложения ВЧК по вопросу об исключенных из партии при настоящей чистке и предложить Центральной контрольной комиссии РКП(б) дать свое заключение по этим предложениям в Оргбюро, которому поручить разработать их на предмет окончательного утверждения в Политбюро. Кроме того, поручалось Уншлихту при применении им в отношении исключенных коммунистов административной ссылки вести регистрацию ее и представлять секретарю ЦК раз в два месяца секретно краткие письменные отчеты для осведомления членов ЦК[17].

Предварительные итоги чистки были подведены сначала на XI Всероссийской партконференции в декабре 1921 г., в связи с неоднократным переносом сроков ее окончания кампания продолжалась до XI съезда РКП(б)[18].

Нельзя не отметить в связи с этим, что исключение из партии почти автоматически влекло за собой в той или иной степени применение внесудебных репрессивных мер со стороны ВЧК-ОГПУ, и это не могло не сказываться на моральном состоянии рядовых партийцев. А исключенных из партии, только по неполным официальным данным, было 159 355 человек, в процентом отношении: рабочих – 20,4%; крестьян – 44,8%; служащих – 23,8%; прочих – 11,0%[19]. Всего было исключено 24,1%[20], т.е. почти каждый четвертый член партии. Следует также иметь в виду, что в ходе массовой чистки 1921 г. допускался формальный подход к рядовым членам партии, бдительность перерастала в подозрительность, по личным и зачастую корыстным мотивам сводились личные счеты, зафиксированы случаи клеветничества и необоснованной травли коммунистов.

В.И. Ленин, оценивая итоги кампании, отмечал «гигантский успех чистки в целом, несмотря на довольно многочисленные индивидуальные ошибки»[21]. В связи с тем, что в дискуссионном порядке рассматривался вопрос о дате проведении повторной

чистки, он предлагал воздержаться от конкретного срока, «чтобы не связывать себе руки»[22]. Вместо этого он намечал ужесточить условия приема новых членов в партию, увеличив продолжительность кандидатского стажа как для вновь вступающих, так и для исключенных из партии в ходе чистки[23]. Однако в середине 1922 г. руководство правящей партии вновь поставило задачу ОГПУ «энергичной чистки всех меньшевистских элементов, в том числе и рабочих»[24]. А в октябре 1924 г. в Политбюро рассматривался вопрос об итогах проверки непролетарских рядов партии. Отмечалось, что трудность проверки, предпринятой в 1924 г. по сравнению с происходившей в 1921 г. чисткой всей партии, которая была «проведена в военной обстановке», вызвала на первых порах ряд недочетов и ошибок у контрольных комиссий в связи с недостатком опыта. Эти недочеты были учтены, обращалось внимание на следующее: борясь против кумовства и других антипартийных поступков проверяемых, необходимо разъяснять, что всякие ложные доносы будут преследоваться, как вреднейшие и разлагающие партию явления; освещение в печати и на собраниях результатов проверки должно быть строго объективным; проверочные тройки и губернские контрольные комиссии должны особенно бережно относиться к руководителями хозорганов и профессиональных организаций, выдвинутых на наиболее опасные и трудные посты; обеспечить с самого начала достаточное количество тщательно проверенных работников – членов проверочных комиссий, которые могли бы проверять крупные и важные парторганизации; в отношении вузовцев и комвузовцев обратить серьезное внимание на необходимость самого тщательного подбора, как со стороны партийной выдержанности, так и со стороны социального состава, имея в виду, что вузы и комвузы готовят будущих организаторов и руководителей партии и государства[25].

В декабре 1924 г. в Политбюро был также рассмотрен вопрос о чистке советских учреждений. Отмечалась необходимость пересмотра личного состава госаппарата и удаления чуждого элемента. Однако, в ряде мест массовая чистка сопровождалась и массовыми увольнениями. Следовало, по мнению руководства партии, отличать партийную чистку, проводящуюся для удаления

из партии чуждых элементов от чистки государственного аппарата. Советский государственный аппарат «вынужден использовать интеллигенцию и чуждые элементы», т.к. не может без них обойтись. Отмечалась необходимость подготовки советских кадров специалистов и администраторов, которые, по мере их подготовки, будут «заменять чуждые элементы» в государственном аппарате. Считая массовую чистку излишней, ЦК и ЦКК посчитали необходимым производить проверку личного состава госорганов в порядке плановой работы, оценивать предлагалось с точки зрения уровня квалификации каждого сотрудника и его добросовестности, «огульная чистка государственного аппарата была признана вредной»[26].

Таким образом, последующие проверки, в том числе и с участием ЦКК и ОГПУ, проводились с большей осторожностью и вдумчивым подходом, им не придавался характер специальных кампаний, при этом тщательно проверялись все имеющиеся факты, а члены ЦКК, как правило, старались избегать поспешного обобщения данных, для проведения этой работы подбирали на местах опытных партийных сотрудников, знающих обстановку. Особое внимание, как следует из документов, обращалось на проступки членов партии, однако различного рода проходимцы в составе партии не рассматривались как массовое явление. С установлением в стране однопартийной системы, формированием многочисленного отряда партийных и государственных чиновников появились и возможности для злоупотреблений, а партбилет и революционные заслуги открывали путь к материальным благам. И с этим в рассматриваемый период масштабного социального переустройства страны приходилось считаться Политбюро ЦК и ЦКК в своей повседневной деятельности.

Примечания

1 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 128. Л. 4. RGASPI, fond 17, series 3, file 128, p. 4.

2 Наиболее известные из них: группа «Демократического централизма», «Рабочая оппозиция», сторонники Л.Д. Троцкого в партийной дискуссии о профсоюзах и др.

3 Можно утверждать, что проведению чистки 1921 г. предшествовали партийные перегистрации. В частности, в протоколе Политбюро и Оргбюро ЦК от 19 июля 1919 г. сохранилось постановление о том, что из-за нехватки ответ-

ственных работниках на фронте произвести «немедленную новую перерегистрацию всех партийных работников», всех освобожденных таким образом коммунистов направить в распоряжение ЦК для передачи в политуправление и для распределения по фронтам. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 15. Л. 2. RGASPI, fond 17, series 3, file 15, p. 2.

4 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 172. Л. 6. RGASPI, fond 17, series 3, file 172, p. 6.

5 Там же. Д. 174. Л. 2. Ibid., file 174, p. 2.

6 Там же. Д. 178. Л. 1. Ibid., file 178, p. 1.

7 Там же. Л. 1-2. Ibid., pp. 1-2.

8 Начало чистки было впоследствии перенесено на 15 августа 1921 г.

9 Подробнее см.: Правда. – 1921. – 30 июня. – № 146. Pravda, 30 June 1921, no. 146.

10 Решением Политбюро ЦК утвержден состав пятерки по проверке и очистке партии: члены – Залуцкий, Шляпников, Челышев, Сольц, Шкирятов; кандидаты – Молотов, Преображенский, Лебедев. Протокол № 47 от 6 и 7 июля 1921 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 184. Л. 1. RGASPI, fond 17, series 3, file 184, p. 1.

11 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 179. Л. 1-2, 6-7. RGASPI, fond 17, series 3, file 179, pp. 1–2, 6–7.

12 Правда. – 1921. – 27 июля. – № 163. Pravda, 27 July 1921, no. 163.

13 Присутствовали: члены Политбюро ЦК – Ленин, Троцкий, Молотов, Сталин, Каменев, Калинин; члены ЦК – Орджоникидзе, Ворошилов, Радек, Шляпников, Томский, Рудзутак. См.: Протокол Политбюро ЦК № 67 от 14 октября 1921 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 215. Л. 1–2. RGASPI, fond 17, series 3, file 215, pp. 1–2.

14 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 215. Л. 12. RGASPI, fond 17, series 3, file 215, p. 12.

15 Там же. Ibid.

16 Там же. Л. 13. Ibid., p. 13.

17 Там же. Ibid.

18 XI съезд РКП(б) состоялся в Москве 27 марта – 2 апреля 1922 г. 522 делегата съезда с решающим голосом были избраны от 532 тыс. членов партии. Для сравнения, на предыдущем, X съезде (8–16 марта 1921 г.) 694 делегата с решающим голосом были избраны от 732 521 члена партии.

19 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 44. – М.: Изд-во Политической литературы, 1970. – С. 547. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works], 5 ed., vol. 44. Moscow, Izd-vo Politicheskoj literatury publ., 1970, p. 547.

20 Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 29. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1978. – С. 218. *Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija* [The Great Soviet Encyclopedia], 3 ed., vol. 29. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija publ., p. 218.

21 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 44. – С. 283. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works], 5 ed., vol. 44. Moscow, Izd-vo Politicheskoj literatury publ., 1970, p. 283.

22 Там же. Ibid.

23 Очередные генеральные чистки партийных рядов состоялись в 1929 г. и 1933 г.

24 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 304. Л. 3. RGASPI, fond 17, series 3, file 304, p. 3.

25 Там же. Д. 467. Л. 4, 9–11. Ibid., file 467, pp. 4, 9–11.

26 Там же. Д. 480. Л. 5, 13–14. Ibid., file 480, pp. 5, 13–14.

Список литературы

1. *Вилкова В.П.* РКП (б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. 1923 г. – М.: РОССПЭН, 2004.

2. *Головин С.А.* Членство в РКП(б)-ВКП(б) как основной путь повышения социального статуса (1920–1930-е гг.) // Вопросы истории. – 2008. – № 3. – С. 33–44.

3. *Лютов Л.Н.* Система привилегий членов правящей партии в 1921–1923 годах // Вопросы истории. – 2006. – № 10. – С. 98–107.

4. *Пашин В.П.* Номенклатура 1920-х гг. и привилегии: правда или вымысел? // Клио. – 2013. – № 9 (81). – С. 71–73.

5. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. – М.: РОССПЭН, 2008.

References

1. Vilkova V.P. *RKP (b): Vnutripartijnaja bor'ba v dvadcatye gody: Dokumenty i materialy. 1923 g.* [Intraparty power struggles in the 1920s: Documents and Materials: 1925]. Moscow, ROSSPJeN publ., 2004.

2. Golovin S.A. *Chlenstvo v RKP(b)-VKP(b) kak osnovnoj put' povyshenija social'nogo statusa (1920–1930-e gg.)* [Membership in the (All-)Russian Communist Party (bolsheviks) as a means of social elevation]. Voprosy istorii, 2008, no. 3, pp. 33–44.

3. Ljutov L.N. *Sistema privilegij chlenov pravjashhej partii v 1921–1923 godah* [System of privileges for the ruling party members in 1921–1923]. Voprosy istorii, 2006, no. 10, pp. 98-107.

4. Pashin V.P. *Nomenklatura 1920-h gg. i privilegii: pravda ili vymysel?* [Nomenklatura of the 1920s and its privileges: Fact or fiction?]. Klio, 2013, no. 9 (81), pp. 71–73.

5. Fitzpatrick, Sheila. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s.* Oxford University Press, 1999 (Russ. edition: Ficpatrik Sh. *Povsednevnyj stalinizm. Social'naja istorija Sovetskoj Rossii v 30-e gody: gorod.* Moscow, ROSSPJeN publ., 2008).

Сведения об авторах

Анфертьев Иван Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Российская Федерация, 8-916-252-28-22, vestarchive@gmail.com

About author

Anfertiev Ivan Anatol'evich, PhD in History, associate professor, professor of the department of contemporary history of Russia of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, +7-916-252-28-22, vestarchive@gmail.com

Е.П. СТАРИКОВА, А.Г. ИВАНОВ,
г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД МАРИЙСКОГО КРАЯ В УСЛОВИЯХ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ 1930-х гг. ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Starikova E.P., Ivanov A.G.,
Yoshkar-Ola, Russian Federation

An Orthodox Parish in the Mari Region in the Context of Antireligious Policies of the 1930s: Based on Materials of the State Archive of the Russian Federation

Аннотация
Исследование посвящено проблемам церковно-государственных отношений в 1930-е гг. Предпринята попытка осветить некоторые сюжеты из истории закрытия храмов рассматриваемого периода на региональном срезе. В качестве объекта исследования взята Пектубаевская приходская церковь села Пектубаево Новоторъяльского района Марийской автономной области. Изучение истории этого храма в период 1930-х гг. свидетельствует о сложных и запутанных отношениях верующих с местными органами власти, позволяет выявить незаконные схемы и методы закрытия храмов, реакцией на которые были отчаянные обращения прихожан в органы центральной власти. Конфликт, сложившийся между приходской общиной храма и местными властями нашел отражение в значительном комплексе документов, писем, жалоб и постановлений, большинство из которых хранятся в фондах Государственного архива Российской Федерации и впервые вводятся в научный оборот. Документы позволяют выявить истинные и надуманные причины закрытия храма, рассмотреть, как происходило нарушение религиозного советского законодательства, проанализировать действия местных властей, определить отношение и реакцию прихожан на попытки закрытия их приходской церкви. В результате проведенного исследования авторам удалось в деталях показать механизм закрытия храмов, а также установить, что верующие проявляли большую активность в попытках отстоять свои приходы. В то же время, общегосударственный курс на искоренение религии из общественной жизни, делал бессмысленной борьбу за сохранение храмов.

Abstract
The study addresses issues of church-state relations in the 1930s. The authors relate circumstances of the closing of churches in the Mari region. The object of research is a parish church in the village of Pektubaevo in the Novy Toryal district of the Mari Autonomous Oblast. The history of this parish church through the 1930s speaks of complex and intricate arrangements between the faithful and local authorities, showcases illegal schemes and methods for closure of churches, to which the parishioners responded with appeals to the central authorities. The conflict between the parish and the local authorities was well documented: there is a comprehensive collection of documents, letters, complaints, and resolutions stored mostly in the fonds of the State Archive of the Russian Federation, which are introduced into scientific use for the first time. The documents allow determine true and alleged reasons for the closure of the church, examine how the Soviet legislation was breached, analyze the actions of local authorities, evaluate attitudes and responses of the parishioners to the attempts to close down the parish church. The authors describe the technique of closing churches and contend that the faithful actively defended their parishes. And yet the regime's efforts to eradicate religion stultified all attempts to defend churches.

Ключевые слова
Русская православная церковь, архивные документы, закрытие храмов, антирелигиозная борьба, репрессии, Марийская автономная область.

Keywords
Russian Orthodox Church, archival documents, closing of churches, antireligious campaign, repression, Mari Autonomous Oblast.

Одной из основных форм антирелигиозной политики советского правительства в 1930-е гг. стало массовое закрытие православных храмов по всей стране. Несмотря на упорное стремление верующих отстоять свои приходы, власть рассматривала этот метод как один из самых эффективных в общей концепции борьбы с религией и воспитании нового советского гражданина.

В начале 1930-х гг. церковная политика советского правительства в отношении к действующим приходским храмам и монастырям значительно ужесточается. Начинается массовое закрытие церквей. В 1928 г. Русская Православная Церковь имела немногим более 30 тысяч приходов[1], что составляло две трети от общего числа храмов до революции. В 1928 г. было закрыто

534 храма, а в 1929 – уже 1 119. В 1930 г. упразднение православных общин продолжалось с нарастающим темпом[2].

8 апреля 1929 г. было принято постановление ВЦИК СНК «О религиозных объединениях», которое, наряду с другими ранее вступившими в силу законодательными актами, регламентировало создание и существование приходской общины («религиозного объединения»). Оно было основным законодательным актом, на который ориентировались как местные власти в попытках закрыть церковь, так и верующие в стремлении отстоять свой приход.

В 1920–1930-е гг. все здания и постройки, которые до революции принадлежали церкви, были национализированы. Верующие могли взять в бесплатное пользование «молитвенное здание» после регистрации (постановки на учет) в исполнительных комитетах краевых, областных и городских советов депутатов трудящихся. Для открытия молитвенного здания требовалось участие не менее 20 человек[3]. Право бесплатного использования здания церкви исключительно в целях исполнения религиозных обрядов предусматривало ряд обязательств. В первую очередь, верующие обязаны были платить все необходимые налоги и страховые взносы. Кроме того, им вменялось следить за техническим состоянием здания, проводить за свой счет необходимый ремонт и строительные работы. Эти обязанности верующих были ключевыми моментами, на которые обращалось пристальное внимание в 1930-е гг. в период массового закрытия церквей. И, как показывает анализ источников, чаще всего закрытие сопровождалось грубым нарушением советского законодательства со стороны местных властей.

Нарастающий конфликт между приходскими общинами и местными властями нашел отражение в значительном комплексе документов, писем, жалоб и постановлений, связанных с судьбой конкретных приходов. Многие из них хранятся в фондах ГАРФ. Внимательное прочтение документов открывает исследователю новые исторические сюжеты и проблемы. К их числу следует отнести крайне сложные и запутанные отношения верующих с местными органами власти, незаконные схемы и методы закрытия храмов, реакцией на которые были отчаянные

обращения прихожан в органы центральной власти. Эти и другие сюжеты, связанные с ситуацией вокруг православного прихода 1930-х гг., до сих пор остаются важной, но весьма малоизученной темой.

Авторами настоящей статьи предпринята попытка осветить некоторые сюжеты из истории закрытия храмов в 1930-е гг. на региональном срезе. В связи со значительным комплексом имеющихся архивных материалов, в качестве объекта исследования взята Пектубаевская приходская церковь села Пектубаево Ново-Торъяльского района Марийской автономной области (МАО). Все документы по этому приходу сегодня хранятся в фонде № 5263 ГАРФ (Оп. 1. Д. 206). Они позволяют выявить истинные и ложные причины закрытия храма, рассмотреть, как происходило нарушение религиозного советского законодательства, проанализировать действия местных властей, определить отношение и реакцию прихожан на попытки закрытия их приходской церкви.

К числу официальных причин для закрытия храмов на территории Марийского края в тот период чаще всего относили: плохое техническое состояние молитвенных зданий, отсутствие ремонта; задолженности по выплате налогов и страховых взносов; острую необходимость в помещении под культурные учреждения; массовое распространение различных эпидемий и заболеваний. В целом указанные причины были характерны и актуальны и для других регионов. Однако, необходимо отметить, что в каждой местности имелась своя специфика, которая зависела от ряда факторов, в частности, экономического благосостояния, уровня образования населения, удаленности населенного пункта от центра, уровня православного воспитания и силы антирелигиозной пропаганды. Каждый из этих факторов накладывал определенный отпечаток на реакцию и поведение местного населения, у которого отбирали или закрывали действующий храм.

Наиболее распространенным явлением в повседневной жизни приходской общины была нехватка денежных средств на обслуживание храма. Особенно это явление было характерным для небогатых, экономически отсталых регионов, к которым в большей степени относилась МАО. Несмотря на это, многочисленные приходские общины всеми способами пытались спасти храм от

разрушения и надругательства со стороны враждебно настроенных местных властей и части населения.

Судьба Пектубаевского храма является достаточно типичной для православного прихода, оказавшегося в условиях жесткой антирелигиозной борьбы. Приход храма включал в себя жителей более чем из 50 деревень (около 15 000 человек)[4], которые, несмотря на создаваемые трудности, не отказывались от своей веры.

История противостояния верующих Пектубаевского прихода и местных сельских и областных органов власти началась в 1934 г. В тот год верующие проводили плановый ремонт[5]. За зданием храма ухаживали и поддерживали его в чистоте, порядке и надлежащем состоянии. Год спустя, в июле 1935 г., после очередного обследования состояния здания церкви специальная техническая комиссия потребовала провести новый ремонт в срок с 1 августа по 1 октября 1935 г.[6] Указанное время, в связи с началом сельскохозяйственных работ, было крайне неудобно для сельских жителей, но верующие от выполнения указанных работ не отказались.

Получив заключение технической комиссии о необходимости ремонта, 15 августа 1935 г. прихожане получили разрешение на выполнение работ у Новоторъяльского райисполкома, заключив соответствующее соглашение. Спустя несколько дней, 23 августа, Президиум райисполкома принял это соглашение[7], а Президиум Мароблисполкома его санкционировал[8]. Наконец, 5 сентября решение о проведении ремонта было поддержано Культовой комиссией при Мароблисполкоме[9]. Данное соглашение требовало составление сметы на производство ремонта «с внесением 80% средств, предусмотренных сметой, в Госбанк»[10]. Такое обязательство, было довольно обременительным для бедного сельского населения. На ремонт отводилось четыре месяца, за которые прихожане могли постепенно изыскивать средства и проводить ремонт, а выдать большую сумму сразу было довольно тяжело. Власти сознательно создавали финансовые препятствия, зная, что они могут быть невыполнимыми. Это давало вполне вескую причину для закрытия действующего храма.

Как показали дальнейшие события, указанное здание местная власть хотела использовать под засыпку урожая зерна. Несмотря

на вмененную ему аварийность, здание вполне могло выполнять функции амбара.

В начале сентября, спустя неделю после согласия Культовой комиссии на ремонт, верующие по предложению уполномоченного Заготзерна по НовоТоръяльскому району согласились отдать холодную церковь под засыпку зерна. Одновременно с этим они, выполняя условия договора, закупили часть стройматериалов, устроили две печи, и приступили к окраске полов в теплой церкви. Дальнейшее развитие событий напоминает ситуацию с изъятием церковных ценностей, когда патриарх согласился отдавать неиспользуемые церковные предметы и утварь, а советская власть стала изымать все подряд. В нашем случае председатель Пектубаевского сельсовета Курбатов «обманным образом отняв у старосты Волкова замок и ключ от теплой церкви и ее засыпал хлебом (600 тонн)»[11]. Таким образом, прихожане были лишены возможности выполнять требуемый ремонт и совершать богослужения, а «служить в сторожке не разрешали»[12].

В действиях местной власти наблюдается выраженное пренебрежение к законным правам прихожан. Складывается впечатление, что для председателя сельсовета был не столько важен сам факт хранения зерна, сколько возможность в очередной раз навредить прихожанам церкви. Иными причинами сложно объяснить то, что зерно стали сваливать прямо на вновь крашеный пол, что безусловно повредило и зерну, и храму.

Вредительское отношение со стороны властей было проявлено не только к зданию церкви, но и к хранящемуся в нем церковному имуществу. Поскольку церковь была действующей и в ней находились разнообразные богослужебные предметы, их перед засыпкой зерна необходимо было убрать. Однако ключи от храма у общины отобрали без предупреждения, и потому «все, что находилось в обоих алтарях... и на стенах, а также подсвечники, было сложено особо нанятыми лицами» без участия прихожан. Таким образом, под предлогом аварийности здания и нехватки хозяйственных помещений церковь была изъята и закрыта. Это значительно затрудняло активную церковно-приходскую жизнь, поскольку, как писали жители, «соседние церкви в селах далеко, 15 или 20 верст»[13].

В сложившейся ситуации верующие села начали писать жалобы. 30 сентября они направили письмо в Новоторъяльский райисполком[14], но ответа не получили. После этого церковный совет села Пектубаево обратился за помощью в Постоянную комиссию при Президиуме ВЦИК Комитета по делам культов[15], с указанием ответ «передать подателю сего – гражданину члену нашей религиозной общины; а если почтой, то ... послать непосредственно на имя церковного совета... а не через Ново-Торьяльский райисполком...»[16]. Это примечание ярко свидетельствует о возникшем недоверии населения к собственным органам управления.

Центр обратил внимание на указанное письмо прихожан Пектубаевской церкви и направил запрос в облисполком г. Йошкар-Олы для разрешения сложившейся ситуации[17]. Спустя месяц, 15 декабря 1935 г., верующие направили ходока в Москву для передачи письма лично секретарю ВЦИК[18]. Не дав ответа, в Москве их уверили, что им необходимо обратиться к Новоторъяльскому прокурору. От секретаря Узкова прокурору была направлена копия жалобы верующих «для проверки и принятия решительных мер к ограждению законных прав верующих» и в случае противоправных действий церковь передать верующим[19].

Прихожане, по-видимому, возлагали большие надежды на помощь центра. 28 декабря 1935 г. они обратились за ответом и решением их ситуации к Новоторъяльскому прокурору, однако никакого ответа не получили. В связи с этим верующие полагали, что им «намеренно не говорят... чтобы отнять церковь»[20].

Вскоре верующие села узнали о том, что по приказу председателя сельсовета Курбатова «разломали печь в церковной сторожке», пробили стену в кладовку и всю церковную утварь прямо по рассыпанному зерну перенесли в некий «церковный архив»[21]. Все это было сделано без предупреждения прихожан. Им оставалось лишь наблюдать пробитые стены и полностью разграбленное убранство их прихода. В добавок к этому в тот же день 28 декабря 1935 г. техническая комиссия при райисполкоме, осмотрев здание храма, составила акт, в котором безоговорочно заключила, что решение президиума райисполкома о проведении ремонта от 23 августа 1935 г.[22] не выполнено[23].

Отчаявшиеся прихожане от имени церковного совета направили жалобу в Постоянную комиссию при Президиуме ВЦИК по делам культов с просьбой возвратить храм и «скорее сделать разгрузку» зерна. В письме они отмечали, что никаких законных причин для закрытия храма нет, и что «за церковью никаких задолженностей нет, а, наоборот, еще есть переплата в размере 4 000 рублей»[24].

По сохранившимся письмам известно, что церковь не была открыта. Верующие систематически продолжали писать и жаловаться в центр на действия местных властей. Любопытно, что в жалобах прихожане храма не выражали возмущения действиями Центральной комиссии, а наоборот, считали ее защитником своих интересов. О том, что комиссия М.И. Калинина действительно обращала внимание на письма из Пектубаево, свидетельствуют сами жалобщики. Известно, что решение Центра было направлено в Новоторъяльский райисполком, однако многочисленные обращения туда ни к чему не привели. В Новом Торъяле им рекомендовали обратиться в Пектубаевский райисполком. А последние либо молчали, либо мотивировали закрытие храма разного рода «небылицами»[25].

Одна из ключевых особенностей переписки сельсовета с религиозной общиной состояла в постоянных замечаниях и даже неприкрытой грубости в отношении прихожан[26]. В письме верующим от 1 июня 1936 г.[27], совет задается вопросом: «какую то имеете власть выше верховных органов даже говорить? Какая вам церковь? Какие попы? Это все опиум...»[28]. Подобные ответы, тем не менее, не могли поколебать убежденность сельчан в своей правоте. В одном из писем церковный совет, уверенный в том, что распоряжение о возвращении храма уже готово, а не планируется, просит «дать на руки распоряжение в том, чтобы открыть таковую [церковь]»[29]. В своей следующей телеграмме, направленной в адрес Постоянной комиссии по вопросам культов, верующие также просили как можно скорее «сообщить об открытии Пектубаевской церкви»[30].

Однако спустя два месяца, 13 сентября 1936 г., вместо ожидаемого распоряжения верующие получили постановление Президиума Марийского областного исполнительного комитета[31].

В нем говорилось, что на основании ходатайств граждан общины и постановления Пектубаевского оргкомитета от 1 и 6 августа 1936 г. о закрытии и передаче здания церкви под клуб, Президиум удовлетворяет прошения и передает здание храма под культурно-просветительское учреждение. Здесь наблюдается явное расхождение: в официальных документах говорится, что граждане ходатайствуют о закрытии, в сохранившихся многочисленных письмах обратное – ходатайства об открытии. Причем, если о закрытии упоминается единожды в постановлении Президиума Мароблисполкома, то просьбы о сохранении здания церкви за прихожанами повторяются в каждом письме, которые писались в среднем один раз в месяц. Можно предположить, что на областном уровне не знали полной картины происходящего, а склонялись и принимали решения на основе данных, предоставленных сельсоветом. Последний, как известно, был одним из главных врагов Пектубаевской общины и старался всеми силами закрыть ее храм. Тех, кто просил закрыть храм или не было совсем, или их было слишком мало и в число прихожан храма они не входили.

Таким образом, здание храма, признанное технической комиссией аварийным, оказалось совершенно пригодным для засыпки зерна, а еще через полгода оно стало вполне подходящим для культурно-просветительского учреждения. Последнее постановление Мароблисполкома не могло устраивать прихожан, которые ухаживали за храмом, вкладывали деньги в его ремонт и реконструкцию и не имели возможности проводить богослужения где-либо еще. Многочисленные письменные жалобы, поданные в течении 1935–1936 гг., существенно отсрочили процесс закрытия храма в с. Пектубаево, но отстоять его не смогли. В итоге отчаявшиеся сельчане обратились с письменной жалобой в Постоянную комиссию по делам культов при Президиуме ЦИКа[32].

Жалоба начинается с указания на то, что Пектубаевская церковь закрыта постановлением Мароблисполкома от 13 сентября 1936 г. Далее составители письма подробно описывают действия местной администрации по «незаконному», как они считали, закрытию церкви. Известно, что для закрытия церкви необходимо

было провести сбор подписей и тем показать центральной власти, что сами жители изъявили желание закрыть храм и передать его под культурно-просветительское учреждение. В действительности, как показывают свидетельства верующих, сбор подписей осуществлялся с грубым нарушением советского законодательства, с использованием угроз и принуждения. Согласно письму церковно-приходского совета Пектубаевской церкви, подписавшихся против церкви «значится очень немного»[33]. Местные органы власти собрали нужное количество подписей за закрытие приходской церкви за счет рукоприкладства неверующих, несовершеннолетних, и лиц, вовсе не принадлежащих к приходу, то есть жителей, «живущих совершенно далеко в пределах нашего Пектубаевского прихода».[34] Одновременно с этим верующие указывали на ложь, к которой прибегали местные власти в стремлении прекратить функционирование церковного здания, употребляя соответствующие предлоги: «якобы наши верующие-прихожане отказались от содержания своей церкви и даже сами ходатайствуют о закрытии и передаче молитвенного здания под клуб»[35]. Если такие ходатайства и могли иметь место, то, по мнению сельчан, только «из-за боязни от соседей получить ненависть, зло и упреки»[36].

В своих письмах верующие не ограничивались голословными обвинениями местной администрации. Они приводили вполне конкретные факты и аргументы. Например, наличие в подписном листе имен несовершеннолетних школьников они подтверждают тем, что «подписалась малолетняя девочка ученица Пектубаевской школы Загаинова Тамара Вячеславовна, которая буквально ничего не понимает о церкви»[37]. В другом письме верующие отмечают, что «школьников под страхом лишения школы и права учения»[38] заставляли подписываться за закрытие, «запирая их в классе» и запрещая рассказывать об этом родителям[39].

Ситуация сложившаяся вокруг приходского храма с. Пектубаево была довольно распространена. Она стала весьма ярким примером, с одной стороны, отчаянного стремления прихожан сохранить за собой право пользования зданием храма, с другой – стремления местных властей всеми средствами закрыть храм.

Очевидно, что местные власти активно использовали незаконные методы в решении религиозных проблем населения. Чаще всего центр об этом узнавал именно из писем прихожан. В то же время, общегосударственный курс на искоренение религии из общественной жизни, делал бессмысленной борьбу за храмы как в центре, так и на местах. Как известно, М.И. Калинин призывал к активной просветительской работе среди населения, с той целью, чтобы верующие самостоятельно пришли к мысли о закрытии храма и прекращении церковной жизни. Очевидно, предлагался мирный путь проведения этой политики в жизнь. Однако реальность вынуждала советские власти действовать обманным и даже насильственным путем. Все это свидетельствовало о провале антирелигиозной политики на местах, хотя антирелигиозная политика осуществлялась советским правительством уже не первое десятилетие.

Примечания

1 *Цыпин В., прот.* Русская Православная Церковь. 1925–1938 гг. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 1999. – С. 135. Cypin V., prot. *Russkaja Pravoslavnaja Cerkov'. 1925–1938 gg.* [The Russian Orthodox Church: 1925–1938]. Moscow, Izd-vo Sretensko-go monastyrja publ., 1999, p. 135.
2 Там же. Ibid.
3 Собрание узаконений и распоряжений. – 1929. – № 35. – С. 353. *Sobranie uzakonenij i rasporjazhenij* [Laws and enactments]. 1929. no. 35, p. 353.
4 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5263. Оп. 1. Д. 206. Л. 69. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation] (GARF), fond 5263, series 1, file 206, p. 69.
5 Там же. Л. 70 об. Ibid, p. 70 verso.
6 Там же. Л. 89, 93. Ibid., pp. 89, 93.
7 Там же. Л. 89. Ibid., p. 89.
8 Там же. Л. 92. Ibid., p. 92.
9 Там же. Л. 89, 91. Ibid., pp. 89, 91.
10 Там же. Л. 92. Ibid., p. 92.
11 Там же. Л. 95–95 об. Ibid., pp. 95–95 verso.
12 Там же. Л. 95. Ibid., p. 95.
13 Там же. Л. 95. Ibid., p. 95.
14 Там же. Л. 95. Ibid., p. 95.
15 Там же. Л. 95–95 об. Ibid., pp. 95–95 verso.
16 Там же. Л. 95 об. Ibid., p. 95 verso.
17 Там же. Л. 106. Ibid., p. 106.
18 Там же. Л. 104а. Ibid., p. 104а.

19 Там же. Л. 105. Ibid., p. 105.
20 Там же. Л. 104а. Ibid., p. 104а.
21 Там же. Л. 104а. Ibid., p. 104а.
22 Там же. Л. 92. Ibid., p. 92.
23 Там же. Л. 93. Ibid., p. 93.
24 Там же. Л. 104а об. Ibid., p. 104а verso.
25 Там же. Л. 87. Ibid., p. 87.
26 Там же. Л. 87 об. Ibid., p. 87 verso.
27 Там же. Л. 87–88 об. Ibid., pp. 87–88 verso.
28 Там же. Л. 88. Ibid., p. 88.
29 Там же. Л. 88. Ibid., p. 88.
30 Там же. Л. 87. Ibid., p. 87.
31 Там же. Л. 73. Ibid., p. 73.
32 Там же. Л. 76–79 об. Ibid., pp. 76–79 verso.
33 Там же. Л. 80. Ibid., p. 80.
34 Там же. Л. 80 об. Ibid., p. 80 verso.
35 Там же. Л. 80. Ibid., p. 80.
36 Там же. Л. 80 об. Ibid., p. 80 verso.
37 Там же. Л. 80 об. Ibid., p. 80 verso.
38 Там же. Л. 76. Ibid., p. 76.
39 Там же. Л. 76. Ibid., p. 76.

Список литературы

1. *Вострикова В.Г.* Сопротивление богоборчеству в МАО в 20–30-ые гг. XX века // Христианское просвещение и русская культура. Материалы IV научно-богословской конференции. – Йошкар-Ола, 2001. – С. 33–36.
2. *Кашеваров А.Н.* Государственно-церковные отношения в советском обществе 20-х – 30-х гг. (Новые и малоизученные вопросы). – СПб.: Санкт-Петербургский гос. техн. ун-т, 1997. – 289 с.
3. *Митрофанов Г., прот.* История Русской Православной Церкви 1900–1927 гг. – СПб.: «Сатисъ», 2002. – 444 с.
4. *Фирсов С.Л.* «Власть и огонь»: Церковь и советское государство: 1918 – нач. 1940-х гг.: очерки истории. – М.: ПСТГУ, 2014. – 474 с.
5. *Цыпин В., прот.* Русская Православная Церковь. 1925–1938 гг. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 1999. – 431 с.

References

1. Vostrikov V.G. *Soprotivlenie bogoborchestvu v MAO v 20–30-ye gg. XX veka* [Resistance to anti-religious policies in the MAO in the 1920s–1930s]. *Hristianskoe prosveshhenie i russkaja kul'tura. Materialy IV nauchno-bogoslovskoj konferencii* [Christian education and Russian culture. Proceedings of the IV scientific-theological conference]. Yoshkar-Ola, 2001, pp. 33–36.
2. Kashevarov A.N. *Gosudarstvenno-cerkovnye otnoshenija v sovetskom obshhestve 1920–30 gg. (Novye i maloizuchennye voprosy)* [Church-state relations

and the Soviet society in the 1920s–1930s: New and little-studied aspects]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskij gos. tehn. un-t publ., 1997, 289 p.

3. Mitrofanov G., prot. *Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi 1900–1927 gg.* [The history of the Russian Orthodox Church: 1900–1927]. St. Petersburg: "Satis" publ., 2002, 444 p.

4. Firsov S.L. *"Vlast' i ogon'": Cerkov' i sovetskoe gosudarstvo: 1918 – nach. 1940-h gg.: ocherki istorii* ["Power and fire": The Church and the Soviet state: From 1918 to the early 1940s: Pages of history]. Moscow, PSTGU publ., 2014, 474 p.

5. Cypin V., prot. *Russkaja Pravoslavnaja Cerkov'. 1925–1938 gg.* [The Russian Orthodox Church: 1925–1938]. Moscow, Izd-vo Sretenskogo monastyrja publ., 1999, 431 p.

Сведения об авторах

Старикова Елена Павловна, аспирант кафедры отечественной истории историко-филологического факультета Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация, 8-926-670-52-58, tyulkina.elena@yandex.ru

Иванов Ананий Герасимович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории историко-филологического факультета Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация, 8-836-264-15-41, anani@marsu.ru

About author

Starikova Elena Pavlovna, postgraduate student of Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation, +7-926-670-52-58, tyulkina.elena@yandex.ru

Ivanov Ananiy Gerasimovich, PhD in History, professor, head of the National History Department of the Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation, +7-836-264-15-41, anani@marsu.ru

❖ ❖ ❖

Г.В. АЛЖЕЙКИНА,
г. Чебоксары, Российская Федерация

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАБОТНИКОВ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА ЧУВАШИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Alzheykina G.V.,
Cheboksary, Russian Federation

Efforts of Cultural and Art Workers of Chuvashia in the Days of the Great Patriotic War

Аннотация
Статья поднимает проблему изучения вклада работников культуры и искусства в формирование общественного сознания и морально-психологического настроения населения в годы Великой Отечественной войны. Значительное расширение доступа к архивам, изучение новых материалов позволило объективно и всесторонне исследовать деятельность творческих работников в военные годы, сделать научно обоснованные выводы. Значительная часть материалов по теме исследования представлена архивными источниками, в том числе из фондов, которые недостаточно изучены. В трактовке событий 1941–1945 гг. используется историко-культурный подход. Впервые в научный оборот были введены значительное количество новых архивных материалов. Благодаря этому стало возможным комплексное описание феномена художественной интеллигенции Чувашии в годы Великой Отечественной войны. Данный феномен рассматривается как духовная сфера освоения жизненного пространства, которая в условиях военного времени была наиболее востребована и эффективна. Ценный источниковый материал позволил охарактеризовать динамику творческих выступлений концертных бригад в районных центрах и городах Чувашии; выявить специфические особенности и общие закономерности развития образовательных учреждений, концертных организаций культуры и искусства в Чувашии; проанализировать материальную базу данного профиля, исследовать кадровый по-

Исследование подготовлено при финансовой поддержке проекта РГНФ 14-11-21013/15 «Культура и искусство Чувашии в годы Великой Отечественной войны». The research performed with financial support from the Russian Foundation for Humanities project no. 14-11-21013/15 "Culture and Art in Chuvashia in the Days of the Great Patriotic War".

тенциал отрасли в военные годы. Деятельность работников культуры и искусства Чувашии необходимо рассматривать как историческое явление, один из факторов победы в Великой Отечественной войне. Война не снизила творческой энергии, не сузила размаха поисков работников культуры и искусства Чувашии, которые, несмотря на тяжелейшие условия, жили полноценной творческой жизнью, демонстрируя своей деятельностью активность в общем деле разгрома врага, вторгшегося в пределы нашей Родины.

Abstract
The article poses the problem of contribution of cultural workers to formation of public consciousness, moral and psychological climate among the population in the days of the Great Patriotic War. Greater archives accessibility and studying new data enables the author to explore the work of artists in the wartime objectively and comprehensively and to make well-founded conclusions. Much of the data presented in the article comes from archival sources, some from the yet unstudied fonds. A historical-cultural approach is used to interpret the events of 1941–1945. A significant number of new archival materials has been introduced into scientific use for the first time. A comprehensive analysis of the phenomenon of artistic intelligentsia in Chuvashia in the days the Great Patriotic War is thus made possible. The said phenomenon is regarded as spiritual reclamation of life space, much needed and practical in the wartime. Sources allow characterize the evolution of the concert brigades performances in regional centers and towns of Chuvashia; identify unique and universal trends in evolvement of educational institutions and concert organizations in Chuvashia; describe material and human resources of the wartime cultural sector. The activities of cultural and art workers of Chuvashia should be considered as a historical phenomenon, a factor of victory in the Great Patriotic War. The Great Patriotic War did not stifle the creative energy and quest of cultural and art workers of Chuvashia, who, despite harsh conditions, lived a fulfilled creative life and made their contribution to national efforts to defeat the enemy invading the Motherland.

Ключевые слова
Художественная интеллигенция, Великая Отечественная война, региональная культура.

Keywords
Artistic intelligentsia, the Great Patriotic War, regional culture.

Культура и искусство Чувашии – это сложная, многоуровневая, развивающаяся система. Ее изучение всегда актуально и важно не только для исторической науки, но и для правильного понимания и осмысления многих социальных и культурных проблем. Усилившиеся дискуссии по вопросам Великой Отечественной войны, различного рода измышления, которые настойчиво внушают неуважение к подвигу участников войны, принижают роль СССР во Второй мировой войне, его заслуги в разгроме агрессоров, обусловили необходимость определить ее истинную роль в процессе формирования общественного сознания, выявить вклад работников тыла в победу над нацистской Германией. Значительное расширение доступа к архивам, изучение новых материалов позволяет объективно и всесторонне исследовать культуру и искусство в отдельных регионах, сделать научно обоснованные выводы.

Значительная часть материалов по теме исследования представлена архивными источниками, в том числе из фондов, которые недостаточно изучены. В работе использованы материалы Государственного архива современной истории Чувашской Республики, Государственного архива печати Чувашской Республики, Государственного исторического архива Чувашской Республики, Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Среди документов и материалов Государственного архива современной истории Чувашской Республики особую ценность для исследования представляют постановления, распоряжения Центрального Комитета профессионального союза работников искусства (ЦК Рабис) (Ф. Р-2854/1621). В документах этого фонда находится материал о работниках культуры и искусства, их деятельности в дни войны, приводятся выписки из протоколов заседаний президиума ЦК профсоюза работников искусства. Материалы и документы этого фонда отражают государственную политику в области идеологической работы ВКП(б), дают информацию о военно-патриотической работе среди воинов Красной армии. В документах фонда отражены директивные указания, распоряжения ЦК профсоюза работников искусства по вопросам военно-шефской, оборонно-массовой работы и организации сбора теплых вещей для бойцов. Здесь находятся распоряжения, касающиеся перестройки театрально-зрелищных предприятий в условиях военного времени.

В Государственном архиве печати Чувашской Республики выявлены статьи периода Великой Отечественной войны в газетах «Красная Чувашия» и «Чăваш коммуни». В периодике отражены основные события тех лет: проведение смотров художественной самодеятельности в селах и городах Чувашии, поездка ансамбля песни и пляски на фронт, объявления, касающиеся деятельности художественных учебных заведений Чувашии. Ретроспективный библиографический указатель «Чувашия в годы Великой Отечественной войны», подготовленный сотрудниками архива, содержит перечень статей из газет и журналов, наиболее ярко освещающих трудовой героизм работников тыла[1].

Наибольшее количество документов по нашей теме находится в Государственном историческом архиве Чувашской Республики. Среди материалов фонда Управления по делам искусств при Совете Народных Комиссаров Чувашской АССР (Ф. Р-1581): постановления СНК и указы Президиума Верховного Совета Чувашской АССР, директивы Комитета и Управления по делам искусств при СНК СССР и РСФСР, руководящие материалы (приказы Управления по делам искусств при СНК ЧАССР), приказы, инструкции Главреперткома, протоколы художественного Совета и комиссии по прослушиванию новых произведений композиторов, годовые отчеты, планы, отчеты и заявки по кадрам. Материалы этого фонда были полезны для нашего исследования, так как они всесторонне охватывают деятельность работников культуры и искусства. Изучение документов этого фонда наглядно показывает, как решения правительственных и партийных органов четко и в срок выполнялись на практике. В фонде систематизированы материалы, телеграммы, переписка с центральными и местными партийными органами. Кропотливая работа архивистов дает возможность проследить практическое осуществление директив ЦК ВКП(б), СНК и ГКО СССР по многим вопросам культурной жизни страны в годы войны.

Среди документов Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук особую значимость для нашего исследования представляет VI отдел. Здесь представлены материалы о деятельности композитора, общественного деятеля, заслуженного работника культуры Чувашии В.П. Воробьева в годы

войны. Ценными источниками являются: его докладная записка о перспективах музыкального радиовещания, о создании вокального ансамбля Чувашского радиокомитета, программы выступлений, списки для получения продуктовых карточек артистами ансамбля, а также представленные в Музыкальный фонд Союза советских композиторов музыкальные произведения. Значительный интерес представляют документы об организации шефской помощи в 1942 г., которая осуществлялась работниками культуры и искусства в городах и районах республики. К числу представленных источников также относятся мемуары-воспоминания участников событий тех лет: Ф.М. Лукина, А.Н. Тогаева.

С первых дней войны профсоюзные организации нашей страны вели повседневную агитационно-массовую работу среди населения, проводили борьбу с паникерами, распространителями слухов. ЦК союза работников искусства выражал твердую уверенность в том, что все работники советского искусства смогут быстро перестроить свою работу в интересах Отечественной войны, отдать свой талант, свои знания, энергию и силы на защиту Родины и обеспечение полной победы над фашизмом[2].

Осенью 1941 г. оставшиеся в Чебоксарах коллективы объединил Чувашский государственный академический театр. «Не зная сна и покоя, преодолевая величайшие трудности военного времени, играли актеры на сценах театра и сельского клуба, на вокзалах, в госпиталях, воинских частях», – отмечает Ф.А. Романова[3]. Об интенсивности работы коллективов Чувашского государственного академического театра свидетельствуют следующие данные: во второй половине 1941 г. артистами было дано 233 спектакля, обслужено 52,5 тыс. зрителей, собрано 170 тыс. рублей; в 1942 г. – 533 спектакля, обслужено 201,3 тыс. зрителей, собрано 816 тыс. рублей; в 1943 г. – 438 спектаклей, обслужено 184 тыс. зрителей, собрано свыше 900 тыс. рублей. Для сравнения: в 1940 г. артистами театра было дано 370 спектаклей, обслужено 78 тыс. зрителей, доходы составили 298 тыс. рублей.

Коллективы театра отличились своей военно-шефской деятельностью. За годы Великой Отечественной войны в госпиталях, воинских частях и призывных пунктах было дано 592 шеф-

ских спектакля и концерта. Коллективами театра было внесено в фонд обороны страны свыше 50 тыс. рублей[4].

Значительную работу провело Концертно-эстрадное бюро при Чувашском государственном академическом театре, систематически охватывая культурным обслуживанием колхозы и совхозы в районах республики. Например, за два года войны состоялось 628 концертов, бригады артистов обслужили 148 978 зрителей. Выступления концертных бригад проводились практически на всех концертных площадках столицы Чувашии и районных центров республики. Артистов концертно-эстрадного бюро можно было увидеть в госпиталях, призывных пунктах, часто в учебных заведениях, там, где осуществлялась подготовка командного состава Красной армии. Концертные бригады артистов проводили свои выступлений в клубах воинских гарнизонов. В Чебоксарах в клубе техникума НКПС (Народного комиссариата путей сообщения) 20 июня 1942 г. состоялся концерт бригады артистов под руководством Н.А. Батковского. «Шумное одобрение со стороны присутствующих» вызвали фортепианные произведения в исполнении пианистки И. Молочниковой, песни в исполнении Ф.В. Нусиновой, художественное чтение, представленное Марийкой Янси, мелодичная игра скрипача К.Н. Сковпена и колоритное исполнение песен народностей СССР Н.А. Батковского[5].

В связи с уменьшением финансирования в республике проводились максимальные сокращения всех расходов на предприятиях системы искусства, сокращались штаты как административно-хозяйственные, так и творческого состава. Освобожденные работники искусства по договоренности с местными организациями направлялись на промышленные предприятия Чебоксар и в сельские районы. Преподаватели и студенты вузов и училищ в период летних каникул 1941 г. привлекались к работе в промышленности и сельском хозяйстве, а также в бригадах по обслуживанию частей Красной армии. В учреждениях республики проводились массовые собрания, на которых обсуждались вопросы по сбору теплых вещей для воинов. В одной из сводок о сборе теплых вещей для Красной армии в учреждениях Чувашской АССР говорилось: «Собрано месткомом музыкального училища 600 руб. Куплено 6 шапок-ушанок. Через 3 дня будут куплены валенки.

Кроме того собраны 1 пара теплых носок, 1 пара перчаток. Сбор среди студентов продолжается»[6].

С началом войны концертная жизнь столицы Чувашии не прервалась отчасти благодаря тому, что многие крупные музыканты страны активизировали свою гастрольную деятельность. Спустя три недели после начала войны, 15 июля 1941 г., в Управление по делам искусств при СНК Чувашской АССР в письме Всесоюзного гастрольно-концертного объединения сообщалось об открытии гастрольного сезона в Чебоксарах. Жители столицы могли познакомиться с творчеством известных артистов Москвы и Ленинграда – солиста Большого театра, заслуженного артиста РСФСР Александра Батурина, Клары Милич, Митрофана Днепрова и других[7]. 6 сентября 1942 г. в Чебоксарах выступали солисты Московской государственной филармонии – выдающийся советский пианист Григорий Гинзбург и солистка Московской государственной филармонии певица Лариса Ельчанинова. Концерт состоялся в Доме Красной армии в 9 часов вечера. Участие «лауреата Всесоюзного конкурса музыкантов-исполнителей профессора Григория Гинзбурга» отмечалось в газете «Красная Чувашия»[8]. Не сохранилось афиш того памятного вечера, но, вероятно, концерт состоял из двух отделений: первое – сольное исполнение, второе – камерный ансамбль.

С конца декабря 1941 г. директора и художественные руководители филармонии и концертного бюро формировали концертные бригады (по 5–9 человек) для художественного обслуживания призывных пунктов, частей Красной армии, колхозов, предприятий и населения городов Чувашии. В комплектовании бригад использовались художественные силы Чувашского государственного академического театра. К отдельным бригадам прикреплялись местные композиторы, писатели, художники – для помощи в создании репертуара. Ансамблем песни и пляски, духовыми оркестрами столицы Чувашии подготавливался новый репертуар (военные, боевые, походные песни, марши). Следует отметить, что в соответствии с указаниями Комитета по делам искусств при СНК СССР для подготовки нового репертуара как отдельных исполнителей, так и целых коллективов устанавливались минимальные сроки[9].

Одной из насущных задач, стоящих перед Управлением по делам искусств при СНК Чувашской АССР в 1943 г. и требующих каждодневного решения, стала кадровая политика. Требовалось укрепить руководство предприятий и учреждений искусств проверенными, энергичными, знающими искусство руководителями, правильно использовать творческие кадры, смело выдвигать талантливую молодежь на руководящую административную и творческую работу. Неблагополучной оказалась ситуация в художественных организациях и с рядовыми творческими работниками. Неукомплектованность трупп Чувашского государственного академического театра – русской и чувашской, в состав которых входило по 8–10 человек, способствовала срыву таких постановок, как «Полководец Суворов», «Олеко Дундич» и других. Имелась насущная потребность в специалистах – художниках, пианистах, вокалистах. В течение 1943 г. на руководящую работу в системе искусства были выдвинуты: М.А. Орлова – директор музыкальной школы, Г.С. Лебедев – директор ансамбля песни и пляски, А.Г. Орлов-Шузьм – художественный руководитель филармонии[10].

Управление по делам искусств Чувашской АССР находило возможность подготовки национальных кадров для учреждений искусства Чувашии через стационарные учебные заведения страны. В Государственном институте театрального искусства им. А.В. Луначарского в годы войны обучалось 24 человека из Чувашии, в Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова была вновь организована оперная студия, где получали высшее музыкальное образование 15 наших земляков. Учебный процесс в художественных вузах страны был организован таким образом, что молодые таланты из Чувашии получали возможность постигать основы драматического и вокального искусства, наблюдать процесс работы мастеров, могли оценить уровень их высоких художественных требований. Конечной целью каждой из этих студий являлось становление особой «мастерской», через которую должно было пройти поколение молодых чувашских актеров и певцов. Значение чувашских национальных студий трудно переоценить, именно они на протяжение многих лет по окончании Великой Отечественной войны удовлетво-

ряли потребности творческих коллективов Чувашии в профессиональных кадрах. Так, в 1943–1944 учебном году в чувашской оперной студии при Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова обучалась народная артистка Чувашской Республики С.Н. Михайлова[11]. С именем Б.С. Маркова – выпускника первой чувашской студии Государственного института театрального искусства им. А.В. Луначарского – связано основание в конце 1950-х гг. музыкального театра в Чувашии. «Создание музыкального театра связано с неутомимым трудом целого поколения молодой чувашской интеллигенции», – писал позже Б.С. Марков[12]. Вместе с тем, в годы войны существовала необходимость организации драматической студии в Чебоксарах. В ноябре 1944 г. студия с контингентом 30 человек была сформирована при Чувашском государственном академическом театре[13].

Война вынудила население фронтовых и прифронтовых районов нашей страны временно покинуть родные города и переместиться в восточные районы. В права и обязанности местных Управлений по делам искусств в отношении эвакуированных работников и предприятий искусства входило оказание повседневной помощи в создании условий для нормальной работы эвакуированным специалистам. В сентябре 1941 г. в нашу республику был эвакуирован Украинский театр музыкальной комедии и драмы, который работал в Алатыре, Шумерле, Канаше, Чебоксарах и за 9 месяцев дал более 180 спектаклей и концертов, обслужив 55 000 зрителей[14]. В Чувашию с августа 1941 г. эвакуировались работники искусства из разных регионов нашей страны. Поскольку война приняла долговременный характер, пребывание в эвакуации деятелей музыкальной культуры и искусства в Чувашии затянулось на несколько лет. Так, из эвакуированных композиторов в Чувашии работал М.Б. Дробнер, прибывший из Львова, он создал 5 песен на тексты чувашских и русских поэтов. М.Б. Дробнер работал в Доме Красной армии, оркестровал для духового оркестра произведения П.И. Чайковского, А.С. Даргомыжского, М.И. Глинки. В Чебоксарах находились также композиторы из Ленинграда, но в ноябре 1941 г. они уехали в Ташкент[15].

Деятельность музыкантов, художников, артистов в годы войны – явление, безусловно, историческое, один из факторов по-

беды в Великой Отечественной войне. М.Г. Кондратьев отмечает по этому поводу: «Несмотря на мобилизации, сокращения штатов и другие ограничения, вплоть до закрытия учреждений, в целом профессия музыканта с первых дней войны была одной из востребованных: музыка выполняла важную мобилизующую роль»[16].

В годы Великой Отечественной войны давление цензуры несколько ослабло. Композиторы посредством музыкального творчества (в основном, песен), обращенного к широким массам, выполняли свой патриотический долг, не задумываясь о задачах политической пропаганды. Союз советских композиторов Чувашии, продолживший свое формирование в годы войны, имел в своем составе не более 10 человек. За два года войны чувашские композиторы создали более 70 массовых и эстрадных песен на оборонные темы, в которых «воспевали мужество и героизм советских воинов на фронте и самоотверженный труд советского народа в тылу»[17]. Особенно плодотворно работали заслуженные деятели искусств Чувашии В.П. Воробьев и Г.Г. Лисков, молодые композиторы А.Г. Орлов-Шузьм, Г.С. Лебедев, Ф.М. Лукин. Лучшие песни этих композиторов заняли почетное место в репертуаре Чувашского государственного ансамбля песни и пляски («Белая голубка», «Смерть фашизму», «Сестра», «Песня колхозной девушки» В.П. Воробьева; «Пойдем обратно мы сражаться», «За Сталина, за родину», «Песня героев», «Песня о Сталине», «Смерть фашизму» Г.Г. Лискова, «Походная песня», «Победа будет за нами» А. Орлова-Шузьм; «Боевая песня», «О колхозном коне» Ф.М. Лукина; «Смерть фашизму», «Песня колхозной девушки», «Любимая» Г.С. Лебедева)[18].

Художники Чувашии за время войны создали ряд интересных, актуальных картин. В 1942 г. в Чебоксарах к 25-летию Октябрьской революции по решению обкома ВКП(б) Управление по делам искусств при СНК Чувашской АССР в помещении Чувашского государственного академического театра организовало выставку «Художники Чувашии в дни Отечественной войны»[19]. Эту выставку за два месяца посетило около 10 000 человек. Особым успехом пользовались картины заслуженного деятеля искусств РСФСР и ЧАССР М.С. Спиридонова «Портрет комиссара-

орденоносца Осипова», заслуженного деятеля искусств ЧАССР Н.К. Сверчкова «Бронепоезд имени комсомола Чувашии», известного чувашского художника Ю.А. Зайцева «Волга в 1942 г.», «Портрет летчицы», художника И.М. Рубанова «Пионеры в гостях у раненых бойцов». Героизму советского народа посвящались картины Н.В. Овчинникова «Танкист Киндяков», «Военврач Н. Овчинникова»[20]. В проведении выставки принимали участие эвакуированные в республику из Москвы и других городов страны художники, которые получали немалую поддержку в их творческой работе и помощь со стороны Управления по делам искусств при СНК Чувашской АССР и Союза советских художников Чувашии. Эвакуированные в Чувашию художники – Г.А. Ечеистов, Л.А. Жолткевич, Л.Л. Дойбан, И.М. Рубанов, В.С. Кизевальтер Г.Б. Ингер и другие – создавали новый ресурс для развития культуры и искусства республики[21]. Тематика работ художников главным образом была связана с Великой Отечественной войной. Г.Б. Ингер писал: «Начиная с мая м-ца по август с.г. буду работать над серией акварелей и рисунков на тему: ″Помни о детях фронтовиков″, посвященной детям фронтовиков и сиротам войны. Война наложила неизгладимую печать на личиках этих детей. Моя задача состоит в том, чтобы показать внутренний мир этих детей, которые на всю свою жизнь запомнят людоеда-Гитлера. Эти работы будут выполнены непосредственно с натуры»[22]. Всего за время войны местными, эвакуированными и военными художниками было организовано семь художественных выставок, из них шесть в Чебоксарах и одна – в районном центре Вурнары[23].

Поездки на фронт с выступлениями профессиональных и самодеятельных коллективов стали неотъемлемым атрибутом военных лет. В 1943 г. фронтовая бригада Чувашского государственного ансамбля песни и пляски была командирована в распоряжение Всесоюзного комитета по делам искусств «для направления на фронт по художественному обслуживанию бойцов и командиров Красной армии»[24]. К поездке тщательно готовились, но окончательное одобрение было получено 20 января 1943 г. после прослушивания и просмотра концертной программы в зале Центрального Дома Красной армии[25].

О выступлениях ансамбля на фронте упоминается в книге Ю.А. Илюхина «Композиторы Советской Чувашии»[26]. С 29 января по 1 апреля 1943 г. бригада Чувашского государственного ансамбля песни и пляски побывала на двух фронтах – Брянском и Калининском. За 60 дней пребывания на фронте было дано 128 концертов. Из них: 56 – на Брянском и 72 – на Калининском фронтах. На Калининском фронте ансамбль работал недалеко от передовой линии фронта. Многие концерты, как рассказывали об этом сами участники поездки, проходили под грохот орудий и разрывы снарядов. Нередко после больших пеших переходов в тяжелых условиях ансамблю приходилось давать по 3–4 концерта в день. Программа выступлений ансамбля была разнообразной: она состояла из произведений классиков и советских композиторов, чувашских народных песен и танцев, песен и танцев народов СССР. В исполнении артистов ансамбля звучали песни: «Священная война» А.В. Александрова, «Вася-Василек» А.Г. Новикова, «Шел со службы пограничник» М.И. Блантера, «В землянке» К.Я. Листова, «Уралочка» А.И. Хачатуряна, «Вечер на рейде» В.П. Соловьева-Седого, «Кисет» А.Я. Лепина, «Моя любимая» М.И. Блантера, песни из популярных кинофильмов. На чувашском языке исполнялись песни: «Свадебная» Ф.П. Павлова, «Колхозное поле» А. Егорова, «Самый близкий друг наш Сталин» Г.С. Лебедева и другие[27]. Кроме выступлений на фронте Чувашский государственный ансамбль песни и пляски за период Великой Отечественной войны дал свыше 200 шефских концертов в воинских частях, госпиталях, призывных пунктах, расположенных на территории Чувашской АССР.

Художественная самодеятельность во время Великой Отечественной войны стала одним из средств патриотического воспитания и организации культурного досуга населения республики. К активному участию и помощи в организации смотров художественной самодеятельности привлекались творческие работники театров, филармонии, Дома народного творчества. В 1943 г., когда началась подготовка к республиканскому смотру художественной самодеятельности, широко развернулась кружковая работа как в Чебоксарах, так и в районах Чувашии. Смотры проводились повсеместно – в детских садах, школах, на предприятиях. Процесс подготовки к смотру и сам смотр художественной самодеятельности в районных центрах и столице республики неоднократно освещался газетами «Красная Чувашия» и «Чăваш коммуни». Благодаря проведенным смотрам художественной самодеятельности к февралю 1944 г. количество кружков возросло с 1 059 до 1 388, число участников в них – с 10 702 до 13 907[28]. Участники художественной самодеятельности находили возможность после трудовых будней выступать с шефскими концертами в колхозах, госпиталях и воинских частях. Зачастую платные концерты давались в пользу Фонда обороны, семей фронтовиков. По неполным данным, кружками художественной самодеятельности по Чувашской АССР (в Чебоксарах, Цивильском, Ишлейском районных домах культуры и других) только за 1944 г. было собрано 70 тыс. рублей.

В первые годы войны руководство художественной самодеятельностью республики не осуществлялось, многие кружки в районах распадались, не проводились семинары и курсы по повышению квалификации руководителей сельских кружков художественной самодеятельности, оставшиеся коллективы и кружки не обеспечивались репертуаром. Г.Г. Лисков, будучи директором республиканского Дома народного творчества, отмечал: «Во многих районах смотр проходит довольно неудовлетворительно: плохо выявляются одиночки-исполнители, плохо вовлекается молодежь в существующие кружки, не организовывают новых кружков, не помогают существующим кружкам. Очень плохо обстоит дело во всех районах с освещением: нет керосина в колхозных клубах, избах-читальнях…»[29].

Домом народного творчества Чувашии на 15 мая 1943 г. было выявлено около 400 действующих драматических, более 170 хоровых, музыкальных и хореографических кружков. Все эти коллективы принимали участие в художественном обслуживании бойцов и командиров в военных частях и госпиталях.

В первые месяцы войны из-за сокращения бюджета и передачи помещений военным органам была временно прекращена работа образовательных учреждений, организаций культуры и искусства Чувашии. Так, на основании постановления СНК Чувашской АССР от 23 октября 1941 г. № 1741 в связи со сложив-

шейся обстановкой были законсервированы некоторые учреждения культуры и искусств: театральное, художественное, музыкальное училища и музыкальная школа; художественная галерея; Театр юного зрителя; Первый, Второй (большинство артистов были призваны в ряды Красной армии) и Третий (сохранялся до осени 1942 г.) колхозные театры; Чувашская государственная филармония (объединявшая Чувашский государственный симфонический оркестр; Чувашский государственный ансамбль песни и пляски и хозрасчетные эстрадные коллективы).

Несмотря на все трудности военного времени, художественное воспитание детей и молодежи Чувашии не прекращалось. С 1943 г. началось восстановление Чебоксарской музыкальной школы, немного позднее – музыкального училища. По радио звучала музыка чувашских композиторов, русская и зарубежная классика, работали кружки художественной самодеятельности.

Деятельность коллектива Чувашской республиканской библиотеки им. М. Горького, как и всего советского народа, была направлена на помощь фронту, на скорейший разгром врага. В повседневной работе особое внимание уделялось популяризации сообщений Советского информбюро, героических дел фронта и тыла, Героев Советского Союза, сыновей и дочерей чувашского народа. Работники библиотеки уделяли особое внимание обслуживанию книгой воинских частей, эвакогоспиталей, инвалидов Отечественной войны, военнослужащих и их семей. Целью агитационно-массовой работы было воспитание у населения республики героизма, любви к родине и ненависти к врагам отчизны.

Общее количество книжных фондов библиотеки на 1 января 1944 г. составляло 80 345 экземпляров. Часть литературы была отобрана для фондов отдела выдачи и более 8 000 экземпляров для организации передвижных библиотек для четырех госпиталей и воинских частей[30]. Только за 1943 г. сотрудниками библиотеки было организовано 48 выставок, несколько читательских конференций, литературных утренников и вечеров-лекций. Количество книговыдач за год составило 115 228 экземпляров. В Чувашском государственном академическом театре сотрудники библиотеки проводили музыкально-литературные вечера, участ-

никами которых часто становился ансамбль песни и пляски под управлением Ф.М. Лукина, здесь выступали поэты Я.Г. Ухсай, Н.Н. Шелеби, Н.В. Эльгер[31]. Газета «Красная Чувашия» сообщала: «Во второй части вечера под управлением дирижера Ф. Лукина выступил ансамбль чувашской песни и пляски, исполнивший песни о Сталине, антифашистские песни, песни народов СССР»[32]. Денежные сборы с вечеров передавались в фонд оказания помощи библиотекам освобожденных районов.

В сентябре 1943 г. была восстановлена Чувашская государственная филармония, ставшая самостоятельной художественно-творческой организацией, действующей на хозрасчетных началах. В плане работы филармонии намечалась систематическая работа: лекции, концерты, создание вечерней студии из лучших участников художественной самодеятельности, вокалистов, чтецов, танцоров. Значительной была шефская работа, проводимая для воинских частей Красной армии, а также в госпиталях. В одном из отзывов на выступления артистов филармонии отмечалось: «Командование госпиталя № 3067 г. Алатырь, раненые и больные, личный состав – очень благодарят труппу артистов Чувашской государственной филармонии за прослушанный концерт, данный в эвакогоспитале № 3067 25 мая 1944 г.»[33]. Из 646 концертов, проведенных филармонией во второй половине 1943 г. и в 1944 г., 137 прошли в областных районных центрах, 329 – в колхозах Чувашской АССР, 170 – для Красной армии[34]. Особого внимания заслуживает работа музыкального лектория, основная цель которого заключалась в широкой пропаганде лучших музыкальных произведений русских классиков, популяризации произведений чувашских композиторов и народной песни. Среди тематики лекций-концертов военных лет – юбилеи, знаменательные даты, освещение творческой деятельности чувашских композиторов. Одной из важнейших задач, стоящих перед филармонией весной 1945 г. в связи с подготовкой к 25-летнему юбилею республики, стало отражение в репертуаре коллективов и солистов темы Победы, героики мирного восстановительного труда.

Таким образом, творческие работники, деятели культуры и искусства Чувашии внесли значительный вклад в дело Побе-

ды. Согласно официальной установке, они не должны были допускать ощущения катастрофы в стране, вместе с советским народом они встали на защиту Родины, подчинили свою работу интересам фронта, пересмотрели свой репертуар, создали концертные бригады для выступлений в госпиталях, воинских частях, в частях действующей армии. Одной из главных задач творческой интеллигенции было утверждение в массовом сознании жизнеутверждающей надежды на скорую победу. Великая Отечественная война не снизила творческой энергии, не сузила размаха поисков творческих коллективов Чувашии, которые, несмотря на тяжелейшие условия, жили полноценной творческой жизнью, демонстрируя своей деятельностью активность в общем деле разгрома врага, вторгшегося в пределы нашей Родины.

Примечания

1 Чувашия в годы Великой Отечественной войны: Ретроспективный библиографический указатель публикаций в периодических изданиях за 1941–1945 гг. – Чебоксары: Госархив печати Чувашии, 2005. – 224 с. *Chuvashija v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: Retrospektivnyj bibliograficheskij ukazatel' publikacij v periodicheskih izdanijah za 1941–1945 gg.* [Chuvashia in days of the Great Patriotic War: The retrospective bibliographic index of publications in periodicals for 1941–1945]. Cheboksary, Gosarhiv pechati Chuvashii publ, 2005. 224 p.

2 Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. Р-2854/1621. Оп. 1. Д. 76 Л. 19. Gosudarstvennyiy arhiv sovremennoy istorii Chuvashskoy Respubliki (GASI ChR) [State archive of modern history of the Chuvash Republic], fond P-2854/1621, series 1, file 76, p. 19.

3 *Романова Ф.А.* Театр, любимый народом. Очерки истории Чувашского драматического театра (1918–1968). – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971. – С. 93–94. Romanova F.A. *Teatr, ljubimyj narodom. Ocherki istorii Chuvashskogo dramaticheskogo teatra (1918–1968)* [The theater loved by the people. Sketches of history of the Chuvash drama theater (1918–1968)]. Cheboksary, Chuvash. kn. izd-vo publ., 1971, pp. 93–94.

4 Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-1581. Оп. 2. Д. 19. Л. 22. Gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Chuvashskoj Respubliki [State Historical Archive of the Chuvash Republic] (GIA ChR), fond P-1581, series 2, file 19, p. 22.

5 Там же. Ф. Р-538. Оп. 3. Д. 3 Л. 4. Ibid., fond P-538, series 3, file 3, p. 4.

6 ГАСИ ЧР. Ф. Р-2854/1621. Оп. 1. Д. 71. Л. 37. GASI ChR, fond P-2854/1621, series 1, file 71, p. 37.

7 ГИА ЧР. Ф. Р-1581. Оп. 1. Д. 263. Л. 189. GIA ChR, fond P-1581, series 1, file 263, p. 189.

8 Красная Чувашия. – 1942. – 6 сентября. – № 208 (6714). – С. 4. Krasnaja Chuvashija, 6 September 1942, no. 208 (6714), p. 4.

9 ГИА ЧР. Ф. Р-1581. Оп. 1. Д. 257. Л. 265. GIA ChR, fond P-1581, series 1, file 257, p. 265.

10 Там же. Д. 325. Л. 121. Ibid., file 325, p. 121.

11 *Евсеева И.С.* Из истории Чувашской оперной студии при Саратовской государственной консерватории // Чувашское искусство: история и художественное наследие: сб. статей. – Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1988. – С. 109. Evseeva I.S. *Iz istorii Chuvashskoj opernoj studii pri Saratovskoj gosudarstvennoj konservatorii* [The Chuvash opera studio at the Saratov State Conservatory: Pages of history] *Chuvashskoe iskusstvo: istorija i hudozhestvennoe nasledie: sb. statej.* [Chuvash art: History and artistic legacy: A collection of articles]. Cheboksary: NIIJaLIJe publ., 1988, p. 109.

12 *Марков Б.С.* Рождение музыкального театра Чувашии. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. – С. 16. Markov B.S. *Rozhdenie muzykal'nogo teatra Chuvashii* [Advent of musical theater in Chuvashia]. Cheboksary, Chuvash. kn. izd-vo publ., 1965, p. 16.

13 ГИА ЧР. Ф. Р-1581. Оп. 6. Д. 26. Л. 143. GIA ChR, fond P-1581, series 6, file 26, p. 143.

14 Там же. Оп. 1. Д. 325. Л. 100–101. Ibid., series 1, file 325, pp. 100–101.

15 Там же. Д. 332. Л. 5–6. Ibid., file 332, pp. 5–6.

16 *Кондратьев М.Г.* Композиторы Воробьевы. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. – С. 278. Kondrat'ev M.G. *Kompozitory Vorob'evy* [The Vorobyovs composers]. Cheboksary, Chuvash. kn. izd-vo publ., 2006, p. 278.

17 Культурное строительство в Чувашской АССР: сб. документов / Сост. В.В. Катагощин, В.Л. Кузьмин, А.М. Мурышкина, В.И. Шевнина. Кн. вторая (1938–1967 гг.). – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1968. – С. 16. *Kul'turnoe stroitel'stvo v Chuvashskoj ASSR: sb. dokumentov. Sost. V.V. Katagoshhin, V.L. Kuz'min, A.M. Muryshkina, V.I. Shevnina* [Cultural construction in the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic: A document collection. Comp. V.V. Katagoshhin and others], book 2 (1938–1967). Cheboksary, Chuvash. kn. izd-vo publ., 1968, p. 16.

18 Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. VI. Ед. Хр. 91. Инв. № 184. Л. 7–11. Nauchnyj arhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnyh nauk (NA ChGIGN) [Scientific Archive of the Chuvash State Institute for the Humanities], section VI, item 91, no. 184, pp. 7–11.

19 ГАСИ ЧР. Ф. Р-2718/1527. Оп. 1. Д. 77. Л. 3. GASI ChR, fond P-2718/1527, series 1, file 77, p. 3.

20 *Сергеев Т.С.* Культура Советской Чувашии. К 70-летию автономии республики. –Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. – С. 289. Sergeev T.S. *Kul'tura Sovetskoj Chuvashii. K 70-letiju avtonomii respubliki* [Culture of Soviet Chuvashia. To the 70 anniversary of the autonomy of the republic]. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo publ., 1989, p. 289.

21 ГАСИ ЧР. Ф. Р-2718/1527. Оп. 1. Д. 77. Л. 7. GASI ChR, fond P-2718/1527, series 1, file 77, p. 7.

22 ГИА ЧР. Ф. Р-1581. Оп. 1. Д. 356. Л. 12. GIA ChR, fond P-1581, series 1, file 356, p. 12.

23 Художники Чувашии: Библиографический справочник / Сост. Н.А. Ургалкина. 2 изд. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. – С. 352–353. *Hudozhniki Chuvashii: Bibliograficheskij spravochnik. Sost. N.A. Urgalkina* [Artists of Chuvashia: A who is who. Comp. N.A. Urgalkina.] 2 ed. Cheboksary, Chuvash, kn. izd-vo publ., 1989, pp. 352–353.

24 ГИА ЧР. Ф. Р-538. Оп. 3. Д. 4. Л. 64. GIA ChR, fond P-538, series 3, file 4, p. 64.

25 *Кондратьев М.Г.* Государственный ансамбль песни и танца Чувашской АССР. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. – С. 83. Kondrat'ev M.G. *Gosudarstvennyj ansambl' pesni i tanca Chuvashskoj ASSR* [State Song and Dance Company of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic]. Cheboksary, Chuvash. kn. izd-vo publ., 1989, p. 83.

26 *Илюхин Ю.А.* Композиторы Советской Чувашии. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1978. – С. 150. Iljuhin Ju.A. *Kompozitory Sovetskoj Chuvashii* [Composers of Soviet Chuvashia]. Cheboksary, Chuvash. kn. izd-vo publ., 1978, p. 150.

27 Земляки-фронтовики о концерте Чувашского ансамбля песни и пляски // Красная Чувашия. – 1943. – 21 апреля. – № 85 (6893). – С. 4. *Zemljaki-frontoviki o koncerte Chuvashskogo ansamblja pesni i pljaski* [Fellow countrymen veterans on the concert of the Chuvash Song and Dance Company]. *Krasnaja Chuvashija*. 21 April 1943, no. 85 (6893), p. 4.

28 ГИА ЧР. Ф. Р-1581. Оп. 2. Д. 21. Л. 11. GIA ChR, fond P-1581, series 2, file 21, p 11.

29 Там же. Ф. Р-1615. Оп. 2. Д. 18. Л. 9. Ibid., fond P-1615, series 2, file 18, p. 9.

30 Там же. Ф. Р-779. Оп. 2. Д. 17. Л. 1–7 Ibid., fond P-779, series 2, file 17, pp. 1–7.

31 Вечер, посвященный 50-летию со дня рождения В. Маяковского // Красная Чувашия. – 1943. – 25 июля. – № 149 (6957). – С. 4. *Vecher, posvjashhennyj 50-letiju so dnja rozhdenija V. Majakovskogo* [Soiree in honour of the 50th anniversary of Vladimir Mayakovsky's birth]. *Krasnaja Chuvashija*. 25 July 1943, no. 149 (6957), p. 4.

32 Литературный вечер, посвященный А.М. Горькому // Красная Чувашия. – 1943. – 21 мая. – № 105 (6913). – С. 1. *Literaturnyj vecher, posvjashhennyj A.M. Gor'komu* [Literary soiree in honour of Alexei M. Gorky]. *Krasnaja Chuvashija,* 21 May 1943, no. 105 (6913), p. 1.

33 ГИА ЧР. Ф. Р-1604. Оп. 1. Д. 26. Л. 67. GIA ChR, fond P-1604, series 1, file 26, p. 67.

34 Там же. Ф. Р-1581. Оп. 2. Д. 27. Л. 14. Ibid., fond P-1581, series 2, file 27, p. 14.

Список литературы

1. *Евсеева И.С.* Из истории Чувашской оперной студии при Саратовской государственной консерватории // Чувашское искусство: история и художественное наследие: сб. статей. – Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1988. – С. 100–109.

2. *Илюхин Ю.А.* Композиторы Советской Чувашии. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1978. – 304 с.

3. *Кондратьев М.Г.* Государственный ансамбль песни и танца Чувашской АССР. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. – 159 с.

4. *Кондратьев М.Г.* Композиторы Воробьевы. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. – 335 с.

5. Культурное строительство в Чувашской АССР: сб. документов / Сост. В.В. Катагощин, В.Л. Кузьмин, А.М. Мурышкина, В.И. Шевнина. – Кн. вторая (1938–1967 гг.). – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1968. – 419 с.

6. *Марков Б.С.* Рождение музыкального театра Чувашии. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. – 98 с.

7. *Романова Ф.А.* Театр, любимый народом. Очерки истории Чувашского драматического театра (1918–1968). – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971. – 167 с.

8. *Сергеев Т.С.* Культура Советской Чувашии. К 70-летию автономии республики. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. – 335 с.

9. Художники Чувашии: Библиографический справочник / Сост. Н.А. Ургалкина. – 2 изд. – Чебоксары: Чуваш, кн. изд-во, 1989. – 476 с.

10. Чувашия в годы Великой Отечественной войны: Ретроспективный библиографический указатель публикаций в периодических изданиях за 1941–1945 гг. – Чебоксары: Госархив печати Чувашии, 2005. – 224 с.

References

1. Evseeva I.S. *Iz istorii Chuvashskoj opernoj studii pri Saratovskoj gosudarstvennoj konservatorii* [The Chuvash opera studio at the Saratov State Conservatory: Pages of history] Chuvashskoe iskusstvo: istorija i hudozhestvennoe nasledie: sb. statej. [Chuvash art: History and artistic legacy: A collection of articles]. Cheboksary: NIIJaLIJe publ., 1988, pp. 100–109.

2. Iljuhin Ju.A. *Kompozitory Sovetskoj Chuvashii* [Composers of Soviet Chuvashia]. Cheboksary, Chuvash. kn. izd-vo publ., 1978, 304 p.

3. Kondrat'ev M.G. *Gosudarstvennyj ansambl' pesni i tanca Chuvashskoj ASSR* [State Song and Dance Company of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic]. Cheboksary, Chuvash. kn. izd-vo publ., 1989, 159 p.

4. Kondrat'ev M.G. *Kompozitory Vorob'evy* [The Vorobyovs composers]. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo, publ., 2006, 335 p.

5. *Kul'turnoe stroitel'stvo v Chuvashskoj ASSR: sb. dokumentov. Sost. V.V. Katagoshhin, V.L. Kuz'min, A.M. Muryshkina, V.I. Shevnina* [Cultural construction in the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic: A document collection. Comp. V.V. Katagoshhin and others], book 2 (1938–1967). Cheboksary, Chuvash. kn. izd-vo publ., 1968, 419 p.

6. Markov B.S. *Rozhdenie muzykal'nogo teatra Chuvashii* [Advent of musical theater in Chuvashia]. Cheboksary, Chuvash. kn. izd-vo publ., 1965, 98 p.

7. Romanova F.A. *Teatr, ljubimyj narodom. Ocherki istorii Chuvashskogo dramaticheskogo teatra (1918–1968)* [The theater loved by the people: the Chuvash drama theater (1918–1968): Pages of history]. Cheboksary, Chuvash. kn. izd-vo publ., 1971, 167 p.

8. Sergeev T.S. *Kul'tura Sovetskoj Chuvashii. K 70-letiju avtonomii respubliki* [Culture of the Soviet Chuvashia: To the 70th anniversary of the autonomy of the republic]. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo publ., 1989, 335 p.

9. *Hudozhniki Chuvashii: Bibliograficheskij spravochnik. Sost. N.A. Urgalkina* [Artists of Chuvashia: A who is who. Comp. N.A. Urgalkina]. 2nd ed. Cheboksary, Chuvash, kn. izd-vo publ., 1989, 476 p.

10. *Chuvashija v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: Retrospektivnyj bibliograficheskij ukazatel' publikacij v periodicheskih izdanijah za 1941–1945 gg.* [Chuvashia in the days of the Great Patriotic War: A retrospective bibliographic index of publications in periodicals for 1941–1945]. Cheboksary, Gosarhiv pechati Chuvashii publ., 2005, 224 p.

Сведения об авторах

Алжейкина Галина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент Чувашского государственного института культуры и искусств, г. Чебоксары, Российская Федерация, 8-906-130-31-03, alzheykina@mail.ru

About author

Alzheykina Galina Vladimirovna, PhD in Pedagogics, associate professor at the Chuvash State Institute for Culture and Arts, Cheboksary, Russia, +7-906-130-31-03, alzheykina@mail.ru

❖ ❖ ❖

Иеродиакон ПЛАТОН (С.В. РОЖКОВ),
г. Козельск, Российская Федерация

ДУХОВЕНСТВО РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Hierodeacon Platon (Rozhkov S.V.),
Kozelsk, Russian Federation

Clergy of the Russian Orthodox Church in the Occupied Territories of the USSR in the Days of the Great Patriotic War of 1941–1945

Аннотация
В статье, основанной на изучении опубликованных трудов и впервые выявленных архивных источников, освещается религиозная политика немецкого вермахта на оккупированных территориях СССР в годы Второй мировой войны 1941–1945 гг., стратегические и тактические планы оккупационного режима в отношении Церкви, духовенства и верующего населения на разных этапах войны. Вопрос о пребывании и служении лиц духовного звания на оккупированной территории встал перед Русской Православной Церковью в процессе канонизации новомучеников и исповедников Российских XX столетия. Проведенное церковными исследователями изучение вносит дополнительное знание в проблему, актуальность которой в свете событий на бывших оккупированных в годы войны территориях возрастает. Показано, что сотрудничество людей с оккупационными властями в тех или иных формах было неизбежно. Имело место и явление коллаборационизма – осознанного, добровольного содействия оккупационным властям в ущерб своей стране. На конкретных документально удостоверенных фактах освещаются судьбы духовенства, цели создания немецким командованием «Православной миссии в освобожденных областях России», причастность лиц духовного звания к осуществлению ее деятельности. Отмечается, что рассекреченный в отечественных и зарубежных архивах и доступный для исследования комплекс архивных источников все еще оказался недостаточен для выяснения всей необходимой информации о духовенстве, оказавшемся на оккупированных территориях.

Abstract
The article is based on previously published studies and newly revealed archive sources. It addresses the religious policy of the German Wehrmacht on the occupied territories of the USSR during World War II (1941–1945), as well as strategic and tactic plans of the occupation authorities concerning the Russian Orthodox Church, it's clergy and lay in the different stages of the war. The issue of clergy staying and performing the religious services on the occupied territories came to light in the process of canonization of New Martyrs and Confessors of the Russian Orthodox Church of the 20th century. Previous studies by the church researchers have added to the knowledge of the issue, which grows yet more significant in the light of historical events taking place on the territories that were occupied in the war. It is shown that some collaboration of Soviet people with the occupation authorities was inevitable. But also there was deliberate and purposeful collaboration with the occupants to the disadvantage of the motherland. Documented facts shed light on the lives of the clergy, on purposes of creation by the German command of the "Orthodox mission on the liberated territories" and on involvement of the clergy in its activities. It is also noted that the corpus of declassified and accessible historical sources in Russian and foreign archives turned out inadequate for clarification of all aspects of the life of clergy under the occupation.

Ключевые слова
Архив, источник, Отечественная война 1941–1945 гг., Русская Церковь, духовенство, коллаборационизм, оккупационный режим, Псковская миссия, религиозная политика вермахта.

Keywords
Archive, source, the Great Patriotic War of 1941–1945, the Russian Church, clergy, collaboration, occupation regime, the Pskov mission, religious policy of the German Wehrmacht.

В 1941–1945 гг. густонаселенные территории СССР оказались под властью Третьего Рейха. В советской историографии этот аспект исторического прошлого не получил освещения. Как отмечает известный исследователь религиозной политики советского государства М.С. Шкаровский, «хотя со времени окончания Великой Отечественной войны прошло уже больше 65 лет, существуют ее важные аспекты и темы, которые начали глубоко изучаться лишь относительно недавно, последние 15–20 лет. К числу таких тем относится история Русской Православной Церкви, других конфессий СССР, а также государственная религиозная политика Советского Союза и нацистской Германии в 1941–1945 гг.»[1]. Наше исследование проблемы подтверждает этот вывод.

Патриотическая позиция Русской Православной Церкви, разделившей с народом все тяготы и беды военного времени, хорошо известна. Роль Церкви была оценена государством по достоинству, многие священнослужители были награждены высокими государственными наградами. Эта тема в истории Церкви получила определенное освещение. Но духовенство, оказавшееся в силу обстоятельств на оккупированной территории, оказалось куда в более трудном, неоднозначном и даже трагичном положении. Стремясь к исполнению своего долга, священники были вынуждены исполнять такие требования нацистских органов власти для своей легализации, которые, несомненно, выходили за евангельские рамки. В условиях оккупации духовенство стояло перед тяжелейшим выбором: служить, исполняя требования нацистов, или бросить служение, оставив верующий народ без духовной поддержки. К сожалению, эта «неудобная» тема в истории Церкви не исследована и, в основном, замалчивается.

В связи с изучением проблем канонизации подвижников Русской Православной Церкви XX столетия и необходимостью получения документально удостоверенных данных о служении лиц духовного звания, в том числе на оккупированной территории, нами проводилось всестороннее изучение опубликованных трудов и доступных архивных источников, сохранившихся в архивах УФСБ РФ по Ленинградской, Калужской, Псковской, Московской областей. Установлено, что, несмотря на неполноту источниковой базы, все еще малодоступной для исследователей, а также нередко проявляемый субъективизм и односторонность подхода к анализу проблемы современных исследователей, появившиеся труды в своей совокупности, вводят в научный оборот многие источники, позволяя восстановить ход событий, раскрыть сущностные характеристики фактов, в том числе связанных с истоками, причинами коллаборационизма в среде духовенства и верующих на оккупированных территориях.

К сожалению, архивы учреждений оккупационного периода в спешке вывозились отступающей армией за рубеж. Брошенная часть архивов, оставаясь какое-то время бесхозной, гибла. К

целенаправленным действиям по собиранию документов оккупационного периода архивисты приступили согласно Резолюции от 1–3 июня 1943 г., принятой на конференции историков-архивистов СССР, которая одобрила мероприятия по выявлению и собиранию в государственные архивы документальных материалов фашистских военных и гражданских учреждений на территории бывших оккупированных областей СССР. Оперативные группы архивистов Украины, Белоруссии, Молдавии, Ростовской, Орловской и других областей Российской Федерации спасли от уничтожения многие документы бургомистерств, бирж труда, хозяйственных управлений немецкого командования, военных комендантов. В Харькове, Ворошиловграде удалось собрать значительный объем немецких кинофотоматериалов. Названные комплексы архивных документов содержали ценнейшую информацию, в том числе о проведении религиозной политики среди населения[2].

Изучение показало, что политика немецкого вермахта в отношении религии в годы Великой Отечественной войны осуществлялась планомерно, продуманно, по заранее отработанным схемам и программам с учетом антирелигиозной репрессивной политики советского правительства в отношении Церкви и духовенства, когда разрушение храмов сопровождалось действиями, которые преднамеренно оскорбляли и унижали чувства верующих. Однако, «несмотря на все, русское население, в особенности проживающее в сельской местности, оставалось в большинстве своем религиозным»[3]. В течение подготовительного периода ставка делалась на использование науки и искусства, на воспитательную работу среди молодежи в национал-социалистическом духе, на подрыв Церкви изнутри посредством доверенных лиц в религиозных группах, которые будут сознательно работать в качестве шпионов и агентов.

В связи с организацией действий по проведению операции «Барбаросса» на оккупированных территориях начальник полиции безопасности и СД Гейдрих 2 июля 1941 г. указывал высшим командирам СС и полиции безопасности: «Против устремлений православной церкви распространить свое влияние на массы ничего не предпринимать. Напротив, всячески содействовать

им, причем... избегать единства церкви. Также не препятствовать образованию религиозных сект»[4]. Согласно «Плану национал-социалистической религиозной политики», разработанному ведомством главного идеолога нацистской партии А. Розенберга, предусматривался 25-летний период до вступления в силу на занимаемых территориях исторически обновленной, свободной от христианства, германской религии.

Использовались и иные многочисленные косвенные способы достижения цели. В декабре 1941 г. Гитлер, излагая свои перспективные планы уничтожения христианства, говорил: «Война идет к концу. Последняя великая задача нашей эпохи заключается в том, чтобы решить проблемы Церкви. Только тогда германская нация может быть совершенно спокойна за свое будущее. <...> Нужно подождать, пока Церковь сгниет до конца, подобно зараженному гангреной органу. Нужно довести до того, что с амвона будут вещать одни дураки, а слушать их будут одни старики...»[5].

Таковы были стратегические планы Третьего рейха в отношении Русской Православной Церкви.

В официальных изданиях о Великой Отечественной войне замалчивается тот факт, что одной из основных причин поражения Красной армии в начальный период войны была успешная деятельность немецких спецслужб, в том числе по легализации церковной жизни верующего народа на оккупированных территориях[6]. Игнорируется роль созданного в системе Главного управления имперской безопасности специального церковного отдела, обеспечивающего тотальный контроль и наблюдение за деятельностью религиозных организаций, изучение настроения в среде духовенства и прихожан, а также, на что обращаем особое внимание, *внедрение агентуры в церковные административно-управленческие структуры и вербовка агентов из среды священнослужителей*[7]. В задачи отдела входило также наблюдение за деятельностью религиозных организаций всех конфессий, изучение настроений духовенства и прихожан, внедрение агентуры в церковные административно-управленческие структуры и вербовка агентов из среды священнослужителей, которая рассматривалась как приоритетная[8]. Органы СД и Абвера, подчинив прак-

тическую деятельность духовенства интересам своей разведки и контрразведки, вели через Церковь активную работу против Советского Союза.

В августе 1941 г. перед нацистскими спецслужбами были поставлены следующие тактические задачи: поддерживать развитие религиозного движения (как враждебного большевизму); добиваться дробления религиозного движения на отдельные течения во избежание возможной консолидации «руководящих элементов» для борьбы против Германии; использовать церковные организации для помощи немецкой администрации на оккупированных территориях[9].

Информационно-пропагандистская машина работала с предельной нагрузкой, обращаясь к религиозным чувствам населения. Листовки, фотоплакаты с изображениями бесчинств безбожников, рушивших в 1917–1930-е гг. храмы, православные святыни, сопровождались лозунгами о несовместимости религии, нравственности и советской власти. «Или есть Бог, тогда должны быть уничтожены злодеи-большевики, или есть большевики и будут уничтожены храмы»[10]. Факторы дробления и раскола должны были стать ядром религиозной политики немцев. На переговорах А. Розенберга с Гитлером и Борманом в мае 1942 г. отмечалось, что «на занятых территориях уже возникают «сами собой большие религиозные объединения, которые следует использовать и контролировать»[11].

Оккупационные власти проводили двоякую политику. В оперативных приказах начальника полиции безопасности и СД Р. Гейдриха предписывалось не содействовать в демонстративной форме церковной жизни, организовывать богослужения или проводить массовые крещения, восстанавливать «раннюю патриархальную русскую Церковь» (имелись в виду староверы), но содействовать расколу на отдельные православные группы, не принимать мер против распространения сектантства в советском русском пространстве[12]. Но в то же время, здания церквей предоставлялись для богослужений, создавались условия для успешной работы священнослужителей, при этом, оккупационные власти преследовали свои интересы, держа под контролем церковную деятельность. При огромном стечении народа повсеместно

открывались храмы, вновь зазвенели колокола на русской земле. «Церковь начинает приобретать в народной жизни растущее значение»,– отмечал 26 ноября 1941 г. в отчете «Об отношении к русскому гражданскому населению» командующий тыловой армии северных областей[13]. Служивший на оккупированной территории священник Н.Н. Трубецкой на следствии говорил: «Немцы преследовали цели представить себя перед русским народом в роли освободителей. Они хотели показать русскому народу, что они якобы идут навстречу желаниям народа, восстанавливают ему религию, духовную свободу»[14].

Такая политика приносила свои плоды. Люди возвращали Церкви спрятанные от большевиков иконы, церковную утварь. Народ был дезориентирован, люди готовы были видеть в захватчиках избавителей, которые спасут их от репрессивной диктатуры большевиков. Для усиления подобных настроений оккупанты успешно использовали осуществляемые советской стороной действия по уничтожению населенных пунктов в прифронтовой зоне, что создавало огромные проблемы людям, оставшимся на оккупированной территории без крыши над головой и пропитания.

В условиях возрастающего народного сопротивления гитлеровцы возлагали особую надежду на духовный коллаборационизм. «Если советская власть считала Церковь и священнослужителей своими врагами, нацисты рассматривали их как своих потенциальных союзников»[15]. Оккупационные власти стремились вовлечь в борьбу с партизанами всех лиц, в том числе духовного звания, требовали от них активной совместной работы. Представители гражданской администрации под страхом карательных санкций обязаны были принимать меры, направленные на выявление партизан и предупреждение нападений с их стороны, в том числе формировать сеть осведомителей среди населения и вести пропагандистскую работу[16]. Политически нейтральным в такой обстановке оставаться было практически невозможно.

Сложным, требующим особого подхода для его разрешения, оказался для немецких властей вопрос о кадрах священства для вновь открываемых церквей. К 1941 г. в СССР на свободе почти не осталось священников Русской Православной Церкви. Десят-

ки тысяч были расстреляны в 1920-е – 1930-е гг. Другие продолжали погибать в лагерях и тюрьмах НКВД. Задача решалась зачастую за счет возвращения к церковной деятельности лиц, сложивших с себя священнический сан после установления атеистической власти и перешедших на службу в советские учреждения. При назначении священники подвергались тщательной проверке, их кандидатуры согласовывались с СД, проводилась работа по их вербовке.

Духовенство, как менее всех других социальных групп населения имевшее повод любить советскую власть, состояло из приоритетных кандидатов на вербовку, и немецкие спецслужбы проявляли большую гибкость в способах реализации своих целей. Так, бывший сотрудник немецких спецслужб Д. Каров свидетельствовал: «Абвер пришел к выводу, что всех лиц, участвующих в религиозно-духовной жизни населения, более целесообразно использовать в качестве источников информации, чем как штатных агентов. Там они оказывали ценные услуги, часто даже не отдавая себе отчета в этом»[17]. «Исходя из анализа деятельности завербованных на захваченных на советской территории агентов и пропагандистов, которая отражена в следственных материалах, следует, что под действием угроз, или по каким-либо другим причинам завербованные добросовестно выполняли свои задания. Без их деятельности немецко-фашистским захватчикам было бы крайне сложно вести военные действия, держать под контролем узников лагерей, население оккупированных районов и проводить здесь свои мероприятия»[18].

На Северо-Западе России в середине августа 1941 г., с разрешения немецкого командования, была образована «Православная миссия в освобожденных областях России», так называемая Псковская, с целью восстановления церковной жизни на подведомственной территории. Миссия входила в состав Прибалтийского экзархата РПЦ, главой которого был митрополит Сергий (Воскресенский). В своем первом обращении она призвала народ возрадоваться своему «освобождению»[19]. Начальник канцелярии митрополита Сергия, профессор И. Гримм, фактический идеолог экзархата, давал руководящие указания подчиненному духовенству: «Лояльное отношение к Германии есть предварительное и

непобедимое условие для успешного развития нашей церковной жизни, и отношение это должно выражаться на деле, иначе оно не может иметь никакой практической ценности»[20]. Хотя некоторая часть материалов Псковской миссии до сих пор не рассекречена, изученные архивно-следственные дела убедительно свидетельствуют о коллаборационистском характере деятельности этой религиозной организации.

К настоящему времени выявлено 555 человек, так или иначе связанных с Псковской миссией, во главе которой был поставлен протоиерей Кирилл Зайц, завербованный немецкими спецслужбами в качестве секретного агента. Материалы на девятнадцать членов миссии недоступны исследователю, поскольку они засекречены, а фигуранты не реабилитированы. После изучения доступных архивно-следственных дел в отношении участников Псковской миссии можно полагать, что немецкими спецслужбами было завербовано не только все руководство миссии, но и немалая часть подчиненного духовенства, а все духовенство без исключения, всецело зависимое от немецкой администрации, должно было в той или иной мере сотрудничать с властями. Кто-то и пытался вести двойную игру, как например митрополит Сергий (Воскресенский), но добром это кончалось крайне редко, происходили и перекрестные проверки. Таким образом, возможность осуществлять религиозную деятельность на оккупированной территории, можно было только на условии сотрудничества с оккупационным режимом. Противостоять этому было возможно только разорвав все связи, как поступали некоторые священники, уходя к партизанам вместе с семьями, оставив свое служение, дом и хозяйство. Были случаи крайне рискованного сотрудничества с партизанами-подпольщиками[21].

В рамках контрразведывательной работы в августе 1942 г. в Псковской миссии был распространен секретный циркуляр, подписанный протоиереем Кириллом Зайцем, где давались следующие указания: выявлять партизан и лиц, связанных с ними; среди прихожан выявлять всех тех, кто настроен против немцев и высказывает недовольство немецкими порядками; выявлять... священников-самозванцев; выявлять в своем приходе всех лиц, кто ранее был репрессирован советской властью. Также требо-

валось осуществлять сбор сведений о урожайности, о деятельности сельских и церковных старост и волостных старшин, популяризировать земельную реформу, проводимую немецкими властями[22].

В «Сообщении из оккупированных восточных областей», опубликованном в Информационном бюллетене штаба полиции безопасности и СД № 6 от 5 июня 1942 г., содержатся сведения о том, что «под управлением миссии находятся более 200 общин; в отдельных общинах число членов колеблется от 3 000 до 20 000, общая численность верующих на попечении миссии превышает 2 000 000. <...> Миссия действует в качестве организующей и централизующей движущей силы, необходимой для восстановления разрушенной большевиками церковной жизни. <...> Без миссии едва ли было возможным осуществить это восстановление. Факт восстановления свободной церковной жизни может быть с успехом использован в антикоммунистической пропаганде»[23]. Член Псковской миссии священник Н.Н. Трубецкой в своих показаниях заявил о задачах, стоявших перед духовенством: «примирить русское население оккупированных районов с немецкими оккупантами, сгладить их противоречия… в завуалированной форме представить немцев как восстановителей духовной веры»[24].

Служились молебны о здравии фюрера, немецкое командование регулярно информировалось о всех посторонних и подозрительных лицах. По сведениям Н.А. Ломагина, «помимо ведения активной пропаганды и сбора сведений о политическом и экономическом состоянии районов, «Православная миссия», по предварительным данным, передала в руки немецких контрразведывательных органов 144 партизана и советских патриота, проводивших активную борьбу против немцев»[25]. Конечно, священники миссии выполняли и свой непосредственный долг: проводили богослужения, крестили, венчали, духовно помогали советским военнопленным.

В таком раздвоении проявилась настоящая русская трагедия, которую нельзя было не видеть. Однако иллюзии скоро рассеялись. Народ увидел, что вместо одного тирана пришел другой, еще более страшный. Зверства и ущерб, понесенные стра-

ной на оккупированных территориях, убедительно свидетельствуют о том, что на самом деле принес нацизм народу в годы войны, в связи с чем даже некоторые эмигранты поменяли свои убеждения. Так, в письме митрополиту Сергию (Воскресенскому), датированному 1943 г., есть интересные строчки: «Двоюродный брат моей жены князь Иван Курабин в настоящее время служит во Флоренции священником. Один мой приятель, приехавший оттуда третьего дня мне рассказывал, что Курабин в полном отчаянии от своей паствы, которая молится о здравии раба Божьего Иосифа (Сталина)»[26]. Очевидно, что большинство из числа духовенства, вступившего на путь коллаборационизма, как и эмигрантов, не считали себя врагами русского народа, они становились противниками режима, запятнавшего себя страшными репрессиями.

Учитывая специфику жизнедеятельности лиц духовного звания в реальных условиях оккупационного режима, церковные историки при подготовке материалов для канонизации должны с предельным вниманием анализировать имеющуюся информацию.

Так, например, иеромонах Пафнутьева Боровского монастыря Калужской епархии Тимофей (Мосолов), служивший некоторое время в Благовещенском соборе оккупированного Боровска, после освобождения города советскими войсками Особым совещанием НКВД был приговорен к высшей мере наказания (ВМН) и вскоре был расстрелян[27]. В обычной обстановке, если бы события происходили не в условиях военного времени, исследователь должен был изучить материалы на реабилитированного фигуранта архивно-следственного дела, проверить, не было ли оговоров, самооговоров, отречения, лжесвидетельства, проверить, не лишался ли он сана, не уклонялся ли в обновленчество, проверить дело в епархиальном разрезе на предмет совпадений: не проходил ли отец Тимофей по другим делам, затем провести поиск мемуарных материалов, и после соблюдения всех этих условий подавать материалы в Синодальную комиссию по канонизации святых для дальнейшего изучения.

К материалам военного времени потребовался иной подход. Если имелись контакты с немцами, а этого не могло не быть, то

следовало ответить на вопрос: какого рода были эти контакты? Из материалов дела известно, что отец Тимофей приглашался не раз на чай в немецкую комендатуру. О чем шли беседы – следствием не установлено. Для советских режимных органов достаточно было самого факта совместного чаепития и проведения богослужений на оккупированной территории, что безоговорочно квалифицировалось как предательство интересов Родины. Конечно, это беззаконно, поэтому прокуратура и реабилитировала отца Тимофея. Однако для раскрытия духовного портрета этого мало. Ведь за кадром остались эти беседы в комендатуре. О чем они были? Куратор понимал, что священник многого знать не может, но знает, какой урожай ждать, сколько живности у крестьян (решая вопрос снабжения армии), а если повезет, и они подружатся, можно и через крестьян поспрашивать насчет партизан. В СД был известен факт, когда местное население очень доверяет духовенству, а с органами власти контакты для народа были затруднительны.

В Боровске, в том же храме, вместе с иеромонахом Тимофеем (Мосоловым) служил другой священник – отец Сергий Розанов, который, несмотря на все усилия штатного свидетеля, не был наказан так жестоко, получил лишь пять лет ссылки, а уже через два года был освобожден[28]. Возможно, спецслужбы СССР не стали раскрывать своего агента.

Игумен Псково-Печерского монастыря Павел (Горшков; скончался в заключении в 1950 г.), активно сотрудничал с немецкой администрацией. Когда в 1941 г. немцы заняли Псков, игумен Павел устроил торжественный молебен и крестный ход в честь «освободителей»[29]. В материалах следственного дела есть сведения, что игумен Павел выполнял распоряжения немецкой администрации по выявлению политических настроений жителей г. Печоры и лиц, враждебно относящихся к оккупантам, благословил изменника генерала Власова и возглавляемую им РОА[30]. Канцелярия Адольфа Гитлера благодарила игумена за подарок, посланный им ко дню рождения «вождя», сохранились поздравительные адреса игумена к немецкой администрации[31]. Вместе с отступавшей немецкой армией были вывезены многие ценности древней обители. Понятно, что насельники монастыря, привыкшие к жизни в буржуазной Эстонии, не могли лояльно относиться к советской власти и с наступлением войны должны были сделать свой выбор, однако мотивация многих поступков настоятеля по-прежнему не ясна.

Встречаются примеры вызывающие недоумение: например некоторые обстоятельства жизни архимандрита Лаврентия (Проскуры; 1868–1950), канонизированного Украинской Православной Церковью. Архимандрит служил и при советской власти, несколько лет при немцах, и снова при советской власти. Репрессирован он не был. Почему это стало возможным? Ответа нет, исчерпывающих исследований не проводилось.

Несколько лет служил на оккупированной территории известный протоиерей Николай Гурьянов (скончался в 2002 г.). Его служение во время войны совершенно не исследовано, нет ответа на вопрос, почему его также не коснулись репрессии в послевоенное время в отличии от иных священников, служивших под оккупацией, а одних лишь слов его почитателей недостаточно для составления полного духовного портрета[32].

В феврале 2011 г. Архиерейский собор Русской Православной Церкви подвел итоги изучения судеб духовенства и мирян, пострадавших от антирелигиозного террора в советской России. В соборном докладе Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл обратил внимание на принципиально важную сторону вопроса, сказав, что «одним из недугов нашего времени стало умножение почитания лиц, канонизация которых невозможна. Таким лицам пишутся жития и акафисты, в поддержку их канонизации собираются подписи. Введенный в заблуждение народ недоумевает: почему не прославляют такого-то человека?».

Таким образом, полученные в ходе проведенного исследования данные показали, что общие процессы, происходившие на оккупированных территориях, стратегические и тактические планы оккупационного режима в отношении Церкви и верующего населения на разных этапах войны в основном получили объективное освещение в отечественной историографии последнего десятилетия. Однако доступная в отечественных и зарубежных архивах источниковая база в настоящее время все еще не позво-

ляет выяснить причастность каждого конкретного лица к тем или иным формам сотрудничества с немецкими властями, выявить духовно-нравственную составляющую биографии. Тем не менее, полученные в ходе исследования материалы в определенной мере вносят дополнительное знание в проблему, актуальность которой в свете развернувшихся событий на бывших оккупированных территориях возрастает.

Некоторые исследователи в своих работах о духовенстве в годы войны стараются избегать деликатной и сложной темы религиозного коллаборационизма, но замалчивание этого в условиях определенной доступности архивных материалов, как нам представляется, антиисторично и не может быть оправдано ложным пониманием нравственно-этических ограничений.

Примечания

1 *Шкаровский М.С.* Русская Православная Церковь и другие конфессии Советского Союза в годы Великой Отечественной войны (историографический и источниковедческий обзоры). Часть 1. Электронный ресурс. Режим доступа: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2012/04/19/russkaya_pravoslavnaya_cerkov_i_drugie_konfessii_sovetskogo_soyuza_v_gody_velikoj_otechestvennoj_vojny_istoriograficheskij_i_ist (дата обращения 18.04.2012). Shkarovskij M.S. *Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' i drugie konfessii Sovetskogo Sojuza v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (istoriograficheskij i istochnikovedcheskij obzory)* [The Russian Orthodox Church and other confessions of the Soviet Union in days of the Great Patriotic War: A historiographic and source study review]. Available at: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2012/04/19/russkaya_pravoslavnaya_cerkov_i_drugie_konfessii_sovetskogo_soyuza_v_gody_velikoj_otechestvennoj_vojny_istoriograficheskij_i_ist (accessed 18.04.2012).

2 *Цаплин В.В.* Восстановление архивных фондов в период войны // Советские архивы. – 1969. – № 3. – С. 22–29. Caplin V.V. *Vosstanovlenie arhivnyh fondov v period vojny* [Restoration of archival fonds in the wartime]. *Sovetskie arhivy – Soviet archives*, 1969, no.3, pp. 22–29.

3 *Ковалев Б.Н.* Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. – Великий Новгород, 2009. – С. 245. Kovalev B.N. *Kollaboracionizm v Rossii v 1941–1945 gg.: tipy i formy* [Collaboration in Russia in 1941–1945: types and forms]. Veliky Novogorod, 2009. P. 245.

4 Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов / Отв. сост. О.Ю. Васильева и др. – М., 2009. – С. 520. *Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [The Russian Orthodox Church in the days of the Great Patriotic War of 1941–1945: A documents collection]. Moscow, 2009. P. 520.

5 *Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера. – Смоленск, 1993. – С. 431. Цит. по: *Ковалев Б.Н.* Указ. соч. – С. 246. Piker G. *Zastol'nye razgovory Gitlera* [Hitler's table talk]. Smolensk, 1993. P. 431. Cit. ex Kovalev B.N. 2009, p. 246.

6 *Иоффе Э.Г.* Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «иностранные армии – Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939–1945 гг. – Минск, 2007. – С. 7. Ioffe Je.G. *Abver, policija bezopasnosti i SD, tajnaja polevaja policija, otdel "inostrannye armii – Vostok" v zapadnyh oblastjah SSSR. Strategija i taktika* [Abver, Security Police and SD, Secret Field Police, Foreign Armies East in the western areas of the USSR: Strategy and tactics: 1939–1945]. Minsk, 2007. P. 7.

7 См.: *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. – М., 1999. – С. 138–139. Shkarovskij M.S. *Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' pri Staline i Hrushheve* [The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev]. Moscow, 1999. P. 138–139.

8 *Ковалев Б.Н.* Указ. соч. – С. 247, 249. Kovalev B.N. 2009, pp. 247, 249.

9 Там же. – С. 140. Ibid., p. 140.

10 Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 0-16. Оп. 9. Д. 131. Л. 2. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskih dokumentov Sankt-Peterburga [The Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Peterburg] (CGAIPD SPb), fond 0-16, series 9, file 131, p. 2; Цит. по: *Ковалев Б.Н.* Указ. соч. С. 250. Cit. ex Kovalev B.N. 2009, p. 250.

11 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 5. Л. 23. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [The State Archive of the Russian Federation] (GARF), fond 6991, series 1, file 5, p. 23; Цит по: Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – С. 12. Cit. ex Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. [Russian Orthodox Church in days of the Great Patriotic War of 1941–1945]. P. 12.

12 Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – С. 525. *Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [Russian Orthodox Church in days of the Great Patriotic War of 1941–1945]. P. 525.

13 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 911. Л. 69–70. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii [The Russian State Archive of Social and Political History] (RGASPI), fond 69, series 1, file 911, pp. 69-70. Цит. по: *Ковалев Б.Н.* Указ. соч. – С. 250. Cit. ex Kovalev B.N. 2009, p. 250.

14 Архив управления Федеральной службы безопасности по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Архив УФСБ по СПб и ЛО). Д. П-65522. Л. 19 об. Arhiv upravlenija Federal'noj sluzhby bezopasnosti po g. Sankt-Peterburgu i Leningradskoj oblasti [Archive of the Federal Security Service Directorate for St. Petersburg and Leningrad Region] (Arhiv UFSB po SPb i LO), file П-65522, p. 19 verso.

15 *Ковалев Б.Н.* Указ. соч. – С. 245. Kovalev B.N. 2009, p. 245.

16 *Молодова И.Ю.* Нацистский оккупационный режим на территории Западного региона РСФСР: власть и население: дисс. ... канд. ист. наук. – Брянск,

2010. – С. 162–165. Molodova I.Ju. *Nacistskij okkupacionnyj rezhim na territorii Zapadnogo regiona RSFSR: vlast' i naselenie. Kand. Diss.* [The Nazi occupation regime in the territory of the Western region of RSFSR: power and population. Cand. Diss.]. Bryansk, 2010. Pp. 163–165.

17 *Ковалев Б.Н.* Указ. соч. – С. 252. Kovalev B.N. 2009, p. 252.

18 *Молодова И.Ю.* Указ. соч. – С. 208. Molodova I.Ju. 2010, p. 208.

19 *Ковалев Б.Н.* Указ. соч. – С. 251. Kovalev B.N. 2009, p. 251.

20 Архив УФСБ по Псковской обл. Д. Л-94. Т. 6. Л. 69. Arhiv upravlenija Federal'noj sluzhby bezopasnosti po Pskovskoj oblasti [Archive of the Federal Security Service Directorate for the Pskov Region], file Л-94, vol. 6, p. 69.

21 Например, священник из г. Людиново Калужской области Викторин Зарецкий служил на оккупированной территории и за помощь советской разведке последствии награжден медалью «За отвагу». Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/news/39299. См. также: *Михеенков С.Е.* Остановить Гудериана. 50-я армия в сражениях за Тулу и Калугу. 1941–1942. – М., 2013. – С. 13. Miheenkov S.E. *Ostanovit' Guderiana. 50-ja armija v srazhenijah za Tulu i Kalugu. 1941–1942* [To stop Guderian: The 50th army in battles for Tula and Kaluga: 1941–1942]. Moscow, 2013. P. 13.

22 *Соколова Л.И.* Деятельность Псковской духовной миссии по материалам следственного дела протопресвитера Кирилла Зайца и других членов миссии. XXII Международные Рождественские чтения. Прославление и почитание святых. Материалы конференции. – М., 2014. – С. 51. Sokolova L.I. *Dejatel'nost' Pskovskoj duhovnoj missii po materialam sledstvennogo dela protopresvitera Kirilla Zajca i drugih chlenov missii* [Activities of the Pskov ecclesiastical mission in investigatory records on protopresbyter Kirill Zayts and other members of mission]. *XXII Mezhdunarodnye Rozhdestvenskie chtenija. Proslavlenie i pochitanie svjatyh. Materialy konferencii* [International Christmas Conference: Glorification and veneration of the saints: Proceedings of the conference]. Moscow, 2014. P. 51.

23 Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – С. 579. *Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [Russian Orthodox Church in days of the Great Patriotic War of 1941–1945]. P. 579.

24 Архив УФСБ РФ по СПб и ЛО. П-65522. Л. 17 об. Arhiv UFSB po SPb i LO, file П-65522, p. 17 verso.

25 Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Ф. 260. Оп. 1. Д. 191. Л. 49. Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Novgorodskoj oblasti [The State Archive of Contemporary History of the Novgorod Region] (GANINO), fond 260, series 1, file 191, p. 49.

26 Архив УФСБ РФ по Псковской обл. П-94. Т. 7. Л. 144. Archive of the Federal Security Service Directorate for the Pskov Region, file П-94, vol. 7, p. 144.

27 Архив УФСБ РФ по Калужской обл. П-13949. Л. 44. Arhiv UFSB RF po Kaluzhskoj oblasti [Archive of the Federal Security Service Directorate for the Kaluga Region], file П-13949, p. 44.

28 Архив УФСБ РФ по Калужской обл. П-19673. Archive of the Federal Security Service Directorate for the Kaluga Region, file П-19673.

29 Архив УФСБ РФ по Псковской обл. Д. А-21132. Т. 3. Л. 595. Archive of the Federal Security Service Directorate for the Pskov Region, file A-21132, vol. 3, p. 595.

30 Там же. Л. 715, 715 об. Ibid., p. 715.

31 «Ваше Превосходительство глубокочтимый г. генерал комиссар. Приветствую Вас с Новым Годом и праздниками. Молитвенно желаю Вам милости Божией и пребывании в добром здравии, а самое главное Вашему главному вождю – освободителю нашему А. Гитлеру, скорейшей над большевиками победы… благодарный игумен Павел Горшков». Исх. № 291 31/III-42 г. Архив УФСБ РФ по Псковской обл., А–21132. Т. 3. Archive of the Federal Security Service Directorate for the Pskov Region, file A-21132, vol. 3.

32 Рукоположен был митрополитом Сергием (Воскресенским), экзархом Прибалтики, присутствует на фото среди членов Псковской миссии. Известно единственное архивно-следственное дело, но еще довоенного времени. Центральный государственный архив общественных организаций Украины. Ф. 263. Оп. 1. Д. 11711. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv obshhestvennyh organizacij Ukrainy [The Central State Archive of Non-Governmental Organizations of Ukraine], fond 263, series 1, file 11711.

Список литературы

1. *Иоффе Э.Г.* Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «иностранные армии – Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939–1945 гг. – Минск, 2007. – 384 с.

2. *Ковалев Б.Н.* Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. – Великий Новгород, 2009. – 372 с.

3. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов / Отв. сост. О.Ю. Васильева и др. – М., 2009. – 778 с.

4. *Соколова Л.И.* Деятельность Псковской духовной миссии по материалам следственного дела протопресвитера Кирилла Зайца и других членов миссии // Прославление и почитание святых. Материалы конференции. – М., 2014. – С. 46–61.

5. *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. Материалы по истории Церкви. Кн. 21. – М., 2000. – 423 с.

References

1. Ioffe Je.G. *Abver, policija bezopasnosti i SD, tajnaja polevaja policija, otdel "inostrannye armii – Vostok" v zapadnyh oblastjah SSSR. Strategija i taktika* [Abver, Security Police and SD, Secret Field Police, Foreign Armies East in the western areas of the USSR: Strategy and tactics: 1939–1945].Minsk, 2007. 384 p.

2. Kovalev B.N. *Kollaboracionizm v Rossii v 1941–1945 gg.: tipy i formy* [Collaboration in Russia in 1941–1945: types and forms]. Veliky Novogorod, 2009. 372 p.

3. *Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [The Russian Orthodox Church in the days of the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow, 2009. 778 p.

4. Sokolova L.I. *Dejatel'nost' Pskovskoj duhovnoj missii po materialam sledstvennogo dela protopresvitera Kirilla Zajca i drugih chlenov missii* [Activities of the Pskov ecclesiastical mission in investigatory records on protopresbyter Kirill Zayts and other members of mission]. *XXII Mezhdunarodnye Rozhdestvenskie chtenija. Proslavlenie i pochitanie svjatyh. Materialy konferencii* [International Christmas Conference: Glorifucation and veneration of the saints: Proceedings of the conference]. Moscow, 2014, pp. 46–61.

5. Shkarovskij M.S. *Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' pri Staline i Hrushheve. Materialy po istorii Cerkvi. Kn. 21* [Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev: Materials on the Church history. Book 21]. Moscow, 2000. 423 p.

Сведения об авторах

Иеродиакон Платон (Рожков Сергей Владимирович), Введенский ставропигиальный мужской монастырь, Оптина пустынь, издательский отдел, г. Козельск, Российская Федерация, platon.optina@gmail.com

About author

Hierodeacon Platon (Rozhkov Sergey Vladimirovuch), Publishing department of the Optina Poustin Monastery, Kozelsk, Russian Federation, platon.optina@gmail.com

❖ ❖ ❖

О.А. ЧЕРЕМНЫХ,
г. Томск, Российская Федерация

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ СНАБЖЕНИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Cheremnykh O.A.,
Tomsk, Russian Federation

Subsistence Supply of the Urban Population of Western Siberia in the Days of the Great Patriotic War

Аннотация
В статье раскрываются вопросы продовольственного снабжения населения городов Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. С первых месяцев войны продовольственный вопрос приобрел особую остроту. В связи с потерей важнейших сельхозугодий возросла роль восточных территорий, в том числе Западной Сибири, в обеспечении фронта и тыла продуктами питания. Положение усугубляло еще и то, что численность городского населения в регионе возросла в несколько раз вследствие эвакуации. Органы власти пытались решить проблему продовольственного снабжения путем введения карточной системы, создания системы закрытого распределения через отделы рабочего снабжения (ОРСы), организации общественного питания через сеть столовых, буфетов, закусочных. Эти меры позволяли обеспечить только минимальный уровень потребления. В связи с этим стало развиваться децентрализованное снабжение городского населения в виде подсобных хозяйств предприятий и индивидуальных огородов. Необходимые продукты можно было найти на городских рынках. Торговля на рынке продуктами питания в годы войны была разрешена. Однако цены на них возросли в несколько раз. В этих условиях широкое распространение получил прямой обмен товаров (меновая торговля). Исследование базируется на разнообразных исторических источниках. Отдельные архивные документы впервые вводятся в научный оборот. В работе применены следующие методы исследования: аналитический, конкретно-исторический, сравнительно-исторический, метод обобщения, метод систематизации.

Abstract
The article describes subsistence supply of the population of Western Siberia in the days of the Great Patriotic War. Since the early months of the war

the food supply was an acute problem. Due to loss of farmland, the role of western areas of the USSR, and Western Siberia in particular, increased, as it provided subsistence for both front and rear. Morover, swell of the urban population caused by evacuation worsened the situation in the region. The authorities attempted to solve the problem by introducing ration cards system and establishing closed distribution though the working supply departments (ORS – otdel rabochego snabzhenija), and also by organizing public eating places: canteens, diners, luncheonettes. These measures allowed keep consumption rates very low. As a result, there sprang up a decentralized supplies system basing on industrial subsidiary plots and private vegetable gardens. Required foods could be found at the city markets. Food trading at the markets was authorized in the wartime. Yet the prices increased several-fold. Under the circumstances the exchange of goods (barter trade) was wide spread. The research is based on a variety of historical sources. Several archival documents are introduced into scientific use for the first time. The research is based on analytical, historical, comparative, and generalization methods.

Ключевые слова
Источники, система продовольственного снабжения, децентрализованное снабжение, Великая Отечественная война, Западная Сибирь, городское население.

Keywords
Sources, ration cards system, decentralized supplies system, Great Patriotic War, Western Siberia, urban population.

Продовольственное снабжение является составной частью общей проблемы изучения Великой Отечественной войны, и исследование ее способствует созданию объективной, приближенной к реальности картины действительности, что особенно актуально в условиях мировой нестабильности. Несмотря на огромное количество работ, посвященных минувшей войне, остается много так называемых «пробелов», а то, что кажется давно исследованным, в настоящее время нуждается в детальном изучении, так как исследования советского периода находились под влиянием идеологических догм. В связи с этим возникает необходимость в поиске новых источников. К таковым следует отнести документы, выявленные в Государственном архиве Томской области (ГАТО) в фонде Томского городского совета народных депутатов и его исполнительного комитета. Ценная информация содержится в Центре документации новейшей истории Томской об-

ласти (ЦДНИ ТО) в фондах Томского городского комитета КПСС, первичной партийной организации Томского горпищеторга и первичной партийной организации Томторга.

Проблемы продовольственного обеспечения населения в годы Великой Отечественной войны уже исследовались в трудах историков. Вопросы, связанные с изменением посевных площадей и производством зерна по СССР рассмотрены в работе Н. Вознесенского[1]. В монографии А.В. Митрофановой дана характеристика децентрализованным источникам снабжения населения[2]. Изучению проблемы снабжения населения городов посвятил свое исследование А.Г. Чернявский[3]. Вопросы централизованного и децентрализованного обеспечения продовольствием горожан Сибири проанализированы С.С. Букиным[4].

В данной статье объектом исследование является жизнь населения в военное время, предметом – продовольственное обеспечение. Цель – выявление проблем продовольственного обеспечения горожан Западной Сибири и путей их решения. Хронологические рамки исследования охватывают годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), территориальные – Западную Сибирь в границах того периода.

В годы войны продовольственная проблема в тыловых районах страны превратилась в одну из важнейших. Сельское хозяйство и до войны принадлежало к самым уязвимым местам советской экономики. Ситуация усугублялась еще и тем, что в первый период войны враг оккупировал наиболее богатые в сельскохозяйственном отношении территории СССР. В связи с потерей важнейших сельхозугодий возросла роль восточных территорий, в том числе Западной Сибири, в обеспечении фронта и тыла продуктами питания.

Однако сельское хозяйство Западной Сибири испытывало огромные трудности, вызванные войной. На фронт и частично в промышленность ушла наиболее работоспособная часть сельских тружеников – мужчины призывного возраста. Основная тяжесть сельскохозяйственного производства легла на плечи женщин и подростков. В Новосибирской области, например, в начале 1942 г. мужчины в колхозах составляли в общем числе трудоспособного населения только 18,1%[5]. Подавляющее большинство

опытных механизаторов, руководителей колхозов, значительная часть директоров МТС и совхозов, работников земельных органов, специалистов сельского хозяйства с оружием в руках ушли защищать Родину.

В первые месяцы войны произошло резкое сокращение материально-технической базы сельского хозяйства региона. Для нужд армии были взяты лучшие, наиболее мощные гусеничные тракторы. К началу 1942 г. численность грузовых автомобилей в колхозах и МТС Алтайского края уменьшилась на 71%, в Новосибирской области – на 73%. За первые полгода войны колхозы Западной Сибири дали фронту 24,3% лошадей от общей численности имевшегося конского поголовья[6].

В силу указанных причин и без того невысокая производительность труда в сельском хозяйстве претерпела значительное снижение. Объем сельхозпроизводства резко сократился. Некоторые ценные культуры, например, сахарная свекла, подсолнечник, почти целиком оказались за линией фронта. Весьма тяжелыми были потери и в главной отрасли: производстве зерновых.

Между тем, в результате эвакуации значительно выросло количество населения городов Западной Сибири. В регионе численность рабочих и служащих только с 1940 г. по 1943 г. увеличилась с 1 559 тыс. до 1 918 тыс. чел.[7]

Острота продовольственной проблемы потребовала введения нормированного снабжения. В Москве и Ленинграде карточки были введены уже в июле 1941 г. В Западной Сибири это произошло чуть позднее. В Новосибирске, Анжеро-Судженске, Кемерове, Киселевске, Ленинск-Кузнецке, Прокопьевске, Осинниках, Сталинске, Томске, Тайге постановлением бюро Новосибирского обкома ВКП(б) и исполкома Новосибирского областного совета депутатов трудящихся от 26 августа 1941 г. «О введении карточек на хлеб, сахар и кондитерские изделия» с 1 сентября 1941 г. были установлены 2 категории снабжения населения. В первую категорию входили: рабочие, инженерно-технические работники, служащие и их иждивенцы оборонной, угольной, нефтяной промышленности, черной и цветной металлургии, электростанций, электропромышленности, тяжелого, среднего и общего машиностроения, станкостроения, химической, резиновой, цементной промышленности, железнодорожного и морского транспорта, строек оборонной промышленности, цветной и черной металлургии, станкостроения, железнодорожного строительства и строительства шахт, предприятий, строек Главвоенстроя, также лесной, торфяной, рыбной промышленности, занятые на производстве в период сезонных работ. Вторую категорию составили рабочие, инженерно-технические работники, служащие других отраслей промышленности, транспорта, народного хозяйства, их иждивенцы и остальное городское население. В соответствии с этими категориями вводились нормы снабжения[8]. Дневная норма хлеба рабочим первой категории составляла 800 г, второй 600 г, служащим соответственно 500–400 г, иждивенцам 400–400 г, и детям до 12 лет 400–400 г. Отпуск хлеба в столовых производился по карточкам в счет установленных норм. Норма сахара и кондитерских изделий на сентябрь 1941 г. была установлена: для рабочих первой категории 600 г, второй – 600 г, служащим соответственно 600–600 г, иждивенцам 400–400 г, детям первой категории – 600 г, второй – 400 г[9]. К началу 1942 г. в Сибири на централизованное снабжение были приняты около 5 млн чел. Среди них по первой категории снабжались 2 567 тыс., а по второй – 2 372 тыс. чел. Продукты по карточкам получали 1 484 тыс. рабочих, 400 тыс. служащих, 1 619 тыс. иждивенцев, 1 438 тыс. детей до 12 лет[10].

Карточки на сахар и хлеб по группе рабочих первой категории получали доноры, систематически сдающие кровь (не менее 3 раз за 5 мес.). Например, в Новосибирской области на 1 января 1944 г. насчитывалось 8 100 доноров, в том числе по городу Новосибирску – 7 126. С февраля 1943 г. по 1 января 1944 г. было вовлечено в доноры и взято на персональный учет 970 чел., которые систематически сдавали кровь[11]. При наличии значительного количества доноров было разрешено печатать для них специальные продовольственные карточки. Донорам также выдавался дополнительный разовый паек. Сдавшим полную дозу крови (от 400 до 500 см^3) полагалось по 0,5 кг сливочного масла, сахара, мяса и крупы. Сдавшим половинную норму (от 200 до 250 см^3) по 0,3 кг перечисленных продуктов. Отпуск этих пайков производился по специальным разовым талонам, выдаваемым соответ-

ствующим медицинским учреждением. При отпуске донорских разовых пайков запрещалось заменять животные жиры и сахар другими продуктами[12].

Конечно, карточная система имела огромное количество недостатков. Нарушения при выдаче карточек были массовыми, о чем свидетельствуют архивные документы. В справке по итогам проверки выдачи хлебных и продовольственных карточек и состояния работы карточных бюро по Томску в мае 1942 г. указывалось: «Наблюдаются отдельные случаи выдачи детских карточек детям старше 12 лет»; или «По Горпромсоюзу: карточки рабочих второй категории выданы председателю оргбюро Горпромсоюза, главному инженеру, физоргу, технику-сметчику. Этим категориям работников должны быть выданы карточки служащих второй категории»[13]. Имели место случаи мошенничества в магазинах при отпуске хлеба. Так, в протоколе № 15 закрытого партийного собрания первичной парторганизации Томторга, состоявшегося 4 декабря 1941 г., отмечалось, что в магазине № 46 продавцы брали себе хлеб «до двух килограмм», предназначенный для выдачи по карточкам[14]. В протоколе № 25 закрытого партийного собрания организации Томторга от 6 мая 1942 г. констатировалось: «В магазине № 38 продавец занимался обвесом покупателей, подложив гирю под весы»[15]. Наблюдался отпуск хлеба по так называемым «недействительным талонам» – талонам за истекший месяц, с оторванной датой и т.д. Так, в период с 27 февраля по 24 марта 1942 г. в столовой № 36 г. Томска таких талонов было на 98 кг 300 г[16]. В столовой № 3 при заводе № 266 буфетчица вырезала у рабочих талоны за будущие дни, оставляя рабочих без хлеба, чтобы скрыть недостачу[17].

Были распространены случаи хищения карточек и их незаконной скупки у граждан. В докладной записке Томского горотдела НКВД секретарю горкома ВКП(б) от 2 февраля 1944 г. говорилось: «у Березнякова обнаружено и изъято 6 лишних хлебных карточки, расследованием установлено, что Березняков систематически на рынке скупал хлебные карточки»[18]; или из протокола № 42 закрытого партсобрания организации Томторга от 26 января 1943 г.: «в магазине воруют хлеб, из рук вырывают карточки и хлеб»[19].

Еще одной формой снабжения населения продовольствием стала система закрытого распределения. По решению правительства на крупных предприятиях создавались отделы рабочего снабжения (ОРСы), задача которых заключалась в распределении нормированных продуктов, а также изыскании дополнительных источников продовольствия, главным образом за счет расширения сети подсобных хозяйств предприятий. Активное участие в налаживании работы ОРСов приняли профсоюзы. Секретариат ВЦСПС 4 мая 1942 г. принял специальное постановление о деятельности профсоюзных организаций в связи с организацией отделов рабочего снабжения. Этим постановлением профсоюзы обязаны были установить систематический контроль за работой торговой сети и предприятий общественного питания. При ВЦСПС и ЦК профсоюзов были созданы отделы рабочего снабжения, а при фабрично-заводских комитетах – комиссии по рабочему снабжению. Долгое время этот отдел в ВЦСПС возглавлял Г.Н. Петелин[20]. В 1942 г. на предприятиях СССР было организовано около 2 тыс. ОРСов. Уже к 1 июля 1945 г. их стало свыше 7 700. Доля ОРСов в городских рыночных фондах важнейших непродовольственных товаров равнялась 56%[21]. Функции ОРСа заключались в торговом, бытовом обслуживании и питании занятых на производстве работников и членов их семей. Большинство ОРСов привлекали децентрализованные ресурсы.

Однако и у ОРСов также были свои недостатки, о чем свидетельствуют архивные документы. В справке о состоянии быта рабочих Томского подшипникового завода говорилось о том, что рабочие систематически не дополучают установленную норму продуктов питания. Это объяснялось тем, что ОРС завода из месяца в месяц не добирал положенную норму от снабжающих организаций. Например, в июле 1942 г. было недополучено: крупы и макаронных изделий – 1 т, мяса, колбасных изделий – 0,7 т, масла животного – 0,05 т, растительного – 0,37 т. В августе: крупы, макаронных изделий – 1 т, мяса, колбасных изделий –1,3 т, рыбы – 1,4 т[22]. В июле 1943 г. секретариат ВЦСПС рассмотрел жалобы коллектива одной из шахт комбината Кузбассуголь. Проверка жалобы подтвердила, что при наличии достаточного количества продуктов на базах начальник ОРСа и заведующий городским от-

делом торговли в Прокопьевске распорядились продукты по карточкам продавать только в конце месяца. Это привело к образованию больших очередей, причем многие рабочие даже лишились продуктов, поскольку в начале нового месяца карточки аннулировались[23].

Все это приводило к тому, что за хлебом выстраивались большие живые очереди, которые не регулировались. Известны случаи, когда очередной номер писался прямо на руке у человека. Очереди могли устанавливаться с 2–3 часов ночи. Люди простаивали по 7–8 часов, даже на морозе с маленькими детьми. В документах Томторга регулярно говорилось, о том, что очереди в магазинах растут[24], из-за этого люди просто не успевали получить хлеб за текущий день и теряли право на его получение на следующий день[25].

Продовольственную проблему органы власти пытались решить и посредством системы общественного питания через сеть столовых, буфетов, закусочных. Качество такого питания было низким, что отражено в архивных документах. В спецсообщениях Томского городского отдела НКГБ Новосибирской области секретарю томского городского комитета ВКП(б) говорилось, что через цензуру проходит множество писем с жалобами: «В столовой иногда дают суп, состоящий из поваренки воды и несколько в ней плавающих мерзлых картофелин»[26]; или: «Работаем по 10 часов. Питание здесь очень плохое, суп из крапивы, второго не дают»[27] и т.д.

Средняя калорийность обеда, таким образом, была довольно низкой. В этих условиях важное значение для тружеников тыла имело установление дополнительных видов питания сверх карточек для передовиков производства. Оно стало вводиться с весны 1942 г. и было различным в зависимости от характера производства (вторые горячие обеды, сухие пайки, усиленное диетическое питание и т.д.). Так, на железнодорожном транспорте членам выездных бригад выдавались хлеб, колбаса, сахар. В 1942 г. дополнительное питание в СССР получал 1 млн чел., а в начале 1945 г. – почти 6 млн граждан[28].

Необходимые продукты можно было найти на городском рынке, однако цены делали их недоступными для большинства граждан. За первый военный месяц цены на муку выросли более чем на 20%, на молоко – 25%, на яйца – 21%. Рост рыночных цен происходил неравномерно по районам страны. Западная Сибирь оказалась зоной интенсивного роста цен[29].

Выпуск некоторых видов продукции пищевой промышленности сократился в среднем в 2 раза, что привело к тому, что рыночные цены в городах значительно превышали закупочные, а это, в свою очередь, весьма затрудняло проведение государственных закупок. Так, в Новосибирской области в начале 1942 г. цены на мясо говяжье достигли 55–60 руб. за кг. Свинина стоила 75–85 руб. за кг, картофель до 6–7 руб. за кг, молоко 15–17 руб. за литр. Такие продукты как масло животное и растительное на рынке были редким явлением, а при появлении стоимость их составляла от 135 до 150 руб. за кг[30]. В Томске в 1944 г. стакан муки на рынке можно было приобрести за 15–20 руб., а хлеб 120–150 руб. за кг[31].

Рост цен привел к тому, что продавать товар стало просто невыгодно. Широко распространился товарообмен. Для этих целей горожане ездили в близлежащие деревни и обменивали все то, что было накоплено в мирное время (украшения, одежду, обувь, белье и пр.) на продукты питания.

В этих условиях немаловажную роль в обеспечении населения питанием играли подсобные и личные хозяйства. Многие промышленные и торговые предприятия организовывали теплицы, парники, огороды. В системе отделов рабочего снабжения в конце 1944 г. имелось 30 тыс. подсобных хозяйств. В системе Наркомторга их было организовано за время войны около 3 тыс.[32] С каждым годом их сеть в Западной Сибири росла. В Омске численность подсобных хозяйств предприятий увеличилась с 55 га в 1940 г. до 204 га в 1944 г. Валовый сбор зернофуража возрос в 9 раз и достиг 9 118 т, картофеля – в 7 раз (23 875 т), овощей – в 10 раз (22 365 т). Посевная площадь подсобных хозяйств Барнаула в 1944 г. по сравнению с 1943 г. увеличилась на 16,5% и составила 14 460 га. На предприятиях Новосибирска посевная площадь увеличилась с 6 560 га в 1941 г. до 45 186 га в 1944 г. В 1943 г. предприятия Новосибирска получили с подсобных хо-

зяйств 13 000 т зерновых, 2 673 т крупяных, 63 400 т картофеля, 29 000 т овощей[33].

В развитии децентрализованного снабжения городского населения важное значение в военное время приобрело индивидуальное огородничество. В 1943 г. 16 000 га картофеля и овощей посадили трудящиеся Новосибирска на своих огородах. Это было почти в два раза больше, чем в 1942 г. Весной 1944 г. участвовало в посадках на индивидуальных огородах 217 690 трудящихся города. В Омске в 1944 г. 103 768 горожан посадили 9 860 га огородов. В Барнауле в этом же году площадь под индивидуальные огороды возросла по сравнению с 1943 г. в 2,4 раза и составила 5 012 га[34]. В Томске в апреле 1942 г. бюро Томского горкома ВКП(б) постановило: «Обязать каждого коммуниста иметь в текущем году индивидуальный огород не менее 70 кв. метров. Обязать ГК ВЛКСМ обсудить на бюро вопрос о необходимости каждому комсомольцу иметь индивидуальный огород»[35]. В связи с этим исполнительный комитет городского совета разрешил посадку овощей на участках земель, прилегающих к следующим улицам: на склонах Источной улицы; на склонах правой и левой сторон Учебной улицы; на пологих склонах вдоль реки Ушайки и других свободных городских территориях[36]. Уже за период с начала войны и до конца 1942 года в городе было образовано свыше 80 подсобных хозяйств с посевной площадью 7 800 га[37]. В 1943 г. посевная площадь по индивидуальным огородам увеличилась уже на 29%[38], а к 1944 г. она увеличилась еще на 789 га по сравнению с 1943 г.[39]

Горожане изыскивали и дополнительные источники пропитания. Нередко охотились на голубей и собак. С завода они приносили хлопковое масло, которое выдавалось для приготовления эмульсии, используемой при вытачивании деталей. На этом масле в бараках жарили картошку. В общежитиях или прямо в цехах облепляли железные печи картофельными очистками и пекли их, парили кисель из овсяной шелухи, готовили супы из крапивы[40]. В связи с этим 25 сентября 1942 г. ГКО принял постановление «Об усилении борьбы с разбазариванием и расхищением продовольственных и промышленных товаров». Ужесточились наказания лиц, виновных в хищении государственного имущества. Приговоры суда были суровыми (смертная казнь, тюремное заключение, лагеря) и далеко не всегда справедливыми. Из спецсообщений Томского городского отдела НКГБ Новосибирской области: «Я все покушаюсь воровать, ворую потому что мне никакого выхода нет или с голоду пропадай, или в тюрьму иди (отправитель Тимохина спичфабрика «Сибирь»)»[41]; «все свои вещи за это время продали, остались разутые и раздетые, вшивые, грязные, поневоле приходится воровать, все равно в тюрьме так будем жить (отправитель Громова)»[42].

Часть граждан была осуждена за спекуляцию по статье 107 Уголовного кодекса РСФСР. Так, в докладной записке Томского горотдела НКВД секретарю горкома ВКП(б) от 2 февраля 1944 г. «О проведении оперативных мероприятий на рынках гор. Томска по изъятию уголовно-спекулятивного элемента» говорилось, что за январь 1944 г. в результате проведенных операций за спекуляцию, нарушение правил торговли и другие преступления было задержано 106 чел.[43] Всего же за 1944 г. по г. Томску за хищение и спекуляцию было возбуждено 911 уголовных дел, заключено под стражу 363 чел.[44]

Таким образом, на протяжении всего военного времени обеспечение продовольствием городского населения оставалось одной из основных проблем. Введение карточной системы и создание отделов рабочего снабжения позволили обеспечить минимальное снабжение населения продовольствием и не допустить массового голода. Однако эти меры создавали широкое поле для мошенничества и спекуляции. Попытки самостоятельного поиска дополнительных источников пропитания не всегда заканчивались успехом в связи с ужесточением законодательства. Главным средством для восполнения ресурсов продовольствия стали подсобные и индивидуальные хозяйства.

Примечания

1 *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. – М.: Госполитиздат, 1948. Voznesenskij N. *Voennaja ekonomika SSSR v period Velikoj Otechestvennoj vojny* [Defense economics in the USSR in the days of the Great Patriotic War]. Moscow, Gospolitizdat publ., 1948.

2 *Митрофанова А.В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. – М.: Наука, 1971. Mitrofanova A.V. *Rabochij klass SSSR v gody Velikoj*

Otechestvennoj vojny [The working class of the USSR in the days of the Great Patriotic War]. Moscow, Nauka publ., 1971.

3 *Чернявский А.Г.* Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941–1945 гг.). – М.: Наука, 1964. Chernjavskij A.G. *Vojna i prodovol'stvie. Snabzhenie gorodskogo naselenija v Velikuju Otechestvennuju vojnu (1941–1945 gg.)* [War and supply. Supply of the urban population in the Great Patriotic War: 1941–1945].Moscow, Nauka publ., 1964.

4 *Букин С.С.* Обеспечение продуктами питания городского населения // Сибирь в годы Великой Отечественной войны (Сборник научных трудов). – Новосибирск: б.и., 1986. – С. 66–81. Bukin S.S. *Obespechenie produktami pitanija gorodskogo naselenija* [Subsistence supply of the urban population]. Sibir' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (Sbornik nauchnyh trudov) [Siberia in the days of the Great Patriotic War: A collection of studies]. Novosibirsk, 1986, pp. 66–81.

5 *Шевляков А.С.* Политотделы МТС и совхозов Сибири в годы Великой Отечественной войны. – Томск: Издательство Томского университета, 2000. – С. 28. Shevljakov A.S. *Politotdely MTS i sovhozov Sibiri v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Political departments of machine and tractor station and sovkhozes of Siberia in the days of the Great Patriotic War]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta publ., 2000, p. 28.

6 Там же. С. 27. Ibid., p. 27.

7 Подвиг земли богатырской (Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). – М.: Мысль, 1970. – С. 74. *Podvig zemli bogatyrskoj (Sibir' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.)* [Feat of the heroic land: Siberia in the Great Patriotic War, 1941–1945]. Moscow, Mysl' publ., 1970, p. 28.

8 Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 80. Оп. 3. Д. 13. Л. 8. Centr dokumentacii novejshej istorii Tomskoj oblasti [Documentation Center for Contemporary History of the Tomsk Region] (TsDNI TO), fond 80, series 3, file 13, p. 8.

9 Там же. Л. 9. Ibid., p.9.

10 *Букин С.С.* Указ. соч. – С. 68. Bukin S.S. 1986, p. 68.

11 Доблестный труд рабочих, крестьян, интеллигенции Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1964. – С. 338. *Doblestnyj trud rabochih, krest'jan, intelligencii Novosibirskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Valiant labour of workers, peasants and intelligentsia of the Novosibirsk region in the days of the Great Patriotic War: 1941–1945]. Novosibirsk, Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo publ., 1964, p. 338.

12 Советская повседневность и массовое сознание 1939–1945. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 188. *Sovetskaja povsednevnost' i massovoe soznanie 1939–1945* [Soviet daily life and collective consciousness, 1939–1945]. Moscow, ROSSPJEN publ., 2003. p. 188

13 ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 159. Л. 32. TsDNI TO, fond 80, series 3, file 159, p. 32.

14 Там же. Ф. 427. Оп. 1. Д. 10. Л. 84. Ibid., fond 427, series 1, file 10, p. 84.

15 Там же. Д. 11 .Л. 40. Ibid., file 11, p. 40.

16 Там же. Оп. 3. Д. 154. Л. 54. Ibid., series 3, file 154, p. 54.

17 Там же. Д. 159. Л. 24. Ibid., file 159, p. 24.

18 Там же. Д. 328. Л. 13. Ibid., file 328, p. 13.

19 Там же. Ф. 427. Оп. 1. Д. 14. Л. 3. Ibid., fond 427, series 1, file 14, p. 3.

20 *Зинич М.С.* Будни военного лихолетья 1941–1945. – М.: Ин-т российской истории, 1994. – С. 42. Zinich M.S. *Budni voennogo liholet'ja 1941–1945* [Daily routine of wartime troubled years, 1941–1945]. Moscow, Institut rossijskoj istorii publ., 1994, p. 42.

21 Там же. – С. 41. Ibid., p. 41.

22 ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 158. Л. 14. TsDNI TO, fond 80, series 3, file 158, p. 14.

23 *Зинич М.С.* Указ. соч. – С. 42. Zinich M.S. 1994, p. 42.

24 ЦДНИ ТО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 11. Л. 19. TsDNI TO, fond 427, series 1, file 11, p. 19.

25 Там же. Ф. 80. Оп. 3. Д. 160. Л. 2. Ibid., fond 80, series 3, file 160, p. 2.

26 Там же. Д. 327. Л. 6. Ibid., file 327, p. 6.

27 Там же. Л. 43. Ibid., p. 43.

28 *Зинич М.С.* Указ. соч. – С. 24. Zinich M.S. 1994, p. 24.

29 Советская повседневность и массовое сознание 1939–1945... – С. 174–175. Soviet daily life and collective consciousness…, pp. 174–175.

30 ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 158. Л. 2. TsDNI TO, fond 80, series 3, file 158, p. 2.

31 Там же. Д. 328. Л. 13. Ibid., file 328, p. 13.

32 Там же. Л. 80. Ibid., p. 80.

33 *Шумилов В.Н.* Создание оборонной промышленности Новосибирской области (1941–1945 гг.). – Новосибирск, 2000. – С. 91. Shumilov V.N. *Sozdanie oboronnoj promyshlennosti Novosibirskoj oblasti (1941–1945 gg.)* [Defence industrialization of the Novosibirsk region: 1941–1945] Novosibirsk, 2000, p. 91.

34 Там же. – С. 92. Ibid., p. 92.

35 *Бабушкин В.* Боевые задачи стахановцев подсобных хозяйств // Красное знамя. – 1942. – 19 апреля. Babushkin V. *Boevye zadachi stahanovcev podsobnyh hozjajstv* [Operational mission for Stakhanovites of the personal subsidiary plots]. Krasnoe znamja, 19 April 1942.

36 Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 813. Л. 119. Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti [State Archive of the Tomsk Region] (GATO), fond P-430, series 1, file 813, p. 119.

37 Там же. Д. 788. Л. 67. Ibid., file 788, p. 67.

38 Там же. Д. 854. Л. 15. Ibid., file 854, p. 15.

39 Там же. Л. 22–23. Ibid., pp. 22–23.

40 *Романов Р.Е.* Условия и механизмы социокультурной адаптации молодежи индустриальных районов Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 17–18 ноября 2008 г.). – Новосибирск, 2008. – С. 117. Romanov R.E. *Uslovija i mehanizmy sociokul'turnoj adaptacii molodezhi industrial'nyh rajonov Zapadnoj Sibiri v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)* [Conditions and tools

for sociocultural adaptation of young people in industrial areas of Western Siberia during the Great Patriotic War]. *Adaptacionnye mehanizmy i praktiki v tradicionnyh i transformirujushhihsja obshhestvah: opyt osvoenija Aziatskoj Rossii: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Novosibirsk, 17–18 nojabrja 2008 g.)* [The Adaptation mechanisms and practices in traditional and transit societies: Experience of exploration of Asiatic Russia: Materials of the Russian national research and application conference (Novosibirsk, 2008, November 17–18)]. Novosibirsk: NSU publ., 2008, p. 117.

41 ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 327. Л. 27. TsDNI TO, fond 80, series 3, file 327, p. 27.

42 Там же. Л. 48. Ibid., p. 48.

43 Там же. Д. 328. Л. 12. Ibid., file 327, p. 48.

44 Там же. Д. 494. Л. 26. Ibid., file 494, p. 26.

Список литературы

1 Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 17–18 ноября 2008). – Новосибирск: НГУ, 2008. – 153 с.

2 Доблестный труд рабочих, крестьян, интеллигенции Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): сборник документов. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1964. – 394 с.

3 *Зинич М.С.* Будни военного лихолетья 1941–1945. – М.: Ин-т российской истории, 1994. – 143 с.

4 Подвиг земли богатырской (Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). – М.: Изд-во «Мысль», 1970. – 363 с.

5 Советская повседневность и массовое сознание 1939–1945. – М.: РОССПЭН, 2003. – 470 с.

6 *Шумилов В.Н.* Создание оборонной промышленности Новосибирской области (1941–1945 гг.). – Новосибирск, 2000. – 202 с.

References

1. *Adaptacionnye mehanizmy i praktiki v tradicionnyh i transformirujushhihsja obshhestvah: opyt osvoenija Aziatskoj Rossii: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Novosibirsk, 17–18 nojabrja 2008 g.)* [The Adaptation mechanisms and practices in traditional and transit societies: Experience of exploration of Asiatic Russia: Materials of the Russian national research and application conference (Novosibirsk, 2008, November 17–18)]. Novosibirsk: NSU publ., 2008. 153 p.

2. *Doblestnyj trud rabochih, krest'jan, intelligencii Novosibirskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Valiant labour of workers, peasants and intelligentsia of the Novosibirsk region in the days of the Great Patriotic War: 1941–1945]. Novosibirsk, Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo publ., 1964, 394 p.

3. Zinich M.S. *Budni voennogo liholet'ja 1941–1945* [Daily routine of wartime troubled years, 1941–1945]. Moscow, Institut rossijskoj istorii, 1994, 143 p.

4. *Podvig zemli bogatyrskoj (Sibir' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.)* [Feat of the heroic land: Siberia in the Great Patriotic War, 1941–1945]. Moscow, Mysl' publ., 1970, 363 p.

5. *Sovetskaja povsednevnost' i massovoe soznanie 1939–1945* [Soviet daily life and collective consciousness, 1939–1945]. Moscow, ROSSPJEN publ., 2003, 470 p.

6. Shumilov V.N. *Sozdanie oboronnoj promyshlennosti Novosibirskoj oblasti (1941–1945 gg.)* [Defence industrialization of the Novosibirsk region: 1941–1945]. Novosibirsk, 2000, 202 p.

Сведения об авторах

Черемных Ольга Алексеевна, аспирант исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск, Российская Федерация, 8-952-807-75-60, olqga375@mail.ru

About author

Cheremnykh Olga Akekseevna, postgraduate of the Historical faculty of the Tomsk State University, +7-952-807-75-60, olqga375@mail.ru

❖ ❖ ❖

МУЗЕЙНЫЕ И АРХИВНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

Museum and Archival Collections

Е.М. БОЛТУНОВА,
г. Москва, Российская Федерация

«ПРОДАНА ВСЯ АННЕНГОФСКАЯ РОЩА, РУКОМОЙНИК, ТРОСТЬ И КАКИЕ-ТО КРЕСЛЫ ЦАРСКИЕ...». ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАЧАЛА 1800-х гг. ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ СТРАНЫ

Boltunova E.M.,
Moscow, Russian Federation

"The Whole Grove of Annenhof, a Hand basin, a Cane and Some Great Chairs of the Tsars, All Sold...": the Notions of Russia's Historical Heritage in the Early 1800s

Аннотация
Статья посвящена исследованию процесса формирования представлений о таком понятии как историческое наследие страны. Хронологическим периодом выбрано – начало 1800-х гг., период, когда, с одной стороны, потребность в осознании собственного прошлого была очевидна (в 1806 г. был создан первый в России исторический музей – Оружейная палата Московского Кремля), а с другой, профессиональные институции, призванные хранить национальное наследие (архивы, библиотеки, музеи) не были до конца отстроены или же вовсе не существовали. Автор анализирует архивные документы Кабинета Его Императорского Величества и Экспедиции Кремлевского строения, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Ф. 1239, то есть учреждений, связанных с хранением ценных предметов, принадлежащих правящей династии и стремится показать формы, которые принимало определение, осмысление и закрепление границ культурной памяти. Особое внимание

уделяется случаям, связанным с обвинением чиновников в продаже вещей, принадлежавших некогда представителям императорской фамилии. Автор рассматривает пути выхода из сложившейся ситуации, которые искали оказавшиеся в центре скандала руководитель Кабинета Его Императорского Величества И.А. Тизенгаузен и Главноначальствующий Кремлевской Экспедицией П.С. Валуев. В статье показано, как формирование новых, но еще не в полной мере артикулированных представлений приводило к возникновению неоднозначных ситуаций, а также то, как именно чиновники Александровской эпохи принимали решения в условиях резкой смены оценок, когда функциональность предметов, хранящихся в фондах учреждений, отходила на второй план, а их символическая роль, напротив, приобретала исключительно значение.

Abstract
The article discusses the emergence of the Russian historical heritage concept in the 1800s. The period in question was marked with evoking of conscious interest in the national past (the first Russian historical museum – the Moscow Kremlin Armory – was opened in 1806). However, that was the period when professional institutions intended to store national heritage (archives, libraries, museums) either had not yet been built or did not yet comply with modern rules and perceptions. The author analyses archival documents of His Imperial Majesty's Own Office (*Kabinet Ego Imperatorskogo Velichestva*) and the Expedition of Kremlin Buildings (*Ekspeditsia Kremlevskovo stroeniya*) stored in the Russian State Archives of Old Acts (*Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov – RGADA*), fond 1239. Among other things, these institutions were responsible for safeguarding valuable objects belonging to the ruling dynasty and, consequently, participated in shaping of the historical and cultural memory of the early 19th century Russian society. The author closely researches several cases of heads of these institutions (Ivan Tizengauzen and Piotr Valuyev) being accused of selling off some of the Romanov property. The ways they chose to fight the scandal greatly differed. The top officials of early Alexander I rule made their decisions in an ambiguous situation that arose from a mentality shift in estimating the value of such objects. The matter of functionality was still a priority, while the notion of symbolism seemed to play a significant role.

Ключевые слова
История памяти, историческое наследие, Петр I, Лефортово, Оружейная палата Московского Кремля, И.А. Тизенгаузен, Д.П. Трощинский, П.С. Валуев.

Keywords
History of memory, national heritage, Peter I, Lefortovo, Moscow Kremlin Armory, I.A. Tizengauzen, D.P. Troshchinskiy, P.S. Valuev.

В современной историографии процессы, связанные с формированием представлений о прошлом, изучаются активно и плодотворно[1]. Однако направление гуманитаристики, занятое исследованиями такого рода – «история памяти» – в своих изысканиях, как правило, обращается к новейшему периоду. Это вполне объяснимо: XX в. представляет собой хронологический отрезок, когда память, как категория, оказалась институционально оформленной. Структуры, функцией которых являлось поддержание и воспроизведение исторической и культурной памяти (архивы, библиотеки, музеи), уже были созданы и активно действовали.

Значительно сложнее анализировать историю памяти периода раннего нового времени, когда профессиональные институции, призванные хранить национальное наследие, не были до конца отстроены или же вовсе не существовали, а процессы, описанные на примере истории XX в. не обязательно принимали идентичные или даже схожие формы.

Интересной в этом отношении оказывается ситуация в России начала XIX в., когда империя, осознав себя, подошла к важному рубежу – потребности осмыслить вопрос о том, что является наследием предков, достойным храниться вечно и – шире – желанию реализовать просвещенческую идею, открыв для обозрения «хранилища памяти».

Начало Александровского царствования стало переломным в этом отношении. В 1806 г. был создан первый в России исторический музей – Оружейная палата Московского Кремля. «Самодержавнейший музей» хранил и экспонировал, в первую очередь, «наследственные сокровища и движимое богатство русских государей»[2], т.е. предметы, связанные, в первую очередь с династией и дискурсом власти в целом.

История организации этого музея хорошо известна. Говоря о годах, предшествующих его открытию, историки традиционно проблематизируют два круга вопросов. С одной стороны, изучаются условия хранения и размещения ценных предметов (ремонт здания Казенной палаты в царствование Петра I, строительство Галереи Оружейной палаты в годы правления Елизаветы Петровны, планирование и строительство первого здания Оружейной палаты в царствование императора Александра I[3]). С другой стороны, исследуется вопрос публичного доступа в стены сокровищницы: упоминаются исключительно популярные временные выставки царских регалий после коронаций 1742 и 1762 гг.[4], уделяется внимание первому предложению о создании на базе Мастерской и Оружейной палаты музея, которое еще в 1750-х гг. высказал ректор Московского университета А.М. Аргамаков[5].

Вместе с тем очевидно, что идея национального наследия оформлялась не только в кругах, непосредственно заинтересованных и связанных с будущим музеем в Москве. Определение, осмысление и закрепление границ культурной памяти могло принимать характер дискуссии, которая, в свою очередь, затрагивала более широкие общественные круги. При этом процесс выработки представлений, их конкретизация и последующее позиционирование находило свое отражение в делопроизводственных документах госучреждений, причастных к решению задач такого рода. Исследование последнего вопроса и является задачей статьи, в центре которой находится рассмотрение двух показательных случаев (кейсов), произошедших в начале 1800-х гг.

В конце августа 1801 г., спустя всего несколько месяцев после восшествия на престол императора Александра I, в Кабинете Его Императорского Величества разразился скандал. Против ведомства, управлявшего личным имуществом правящей династии, было выдвинуто обвинение в незаконной распродаже вещей представителей императорской фамилии. В центре разбирательства оказался И.А. Тизенгаузен, руководивший в то время Кабинетом Его Императорского Величества.

Граф Иван Андреевич Тизенгаузен (1745–1815), действительный тайный советник, обер-гофмейстер двора в историографии известен мало. Он происходил из остзейских немцев и, начав служить при Екатерине II, сделал придворную карьеру, пик которой пришелся на краткое царствование Павла[6]. За быстрым взлетом, впрочем, последовала отставка от дел, возможно, не случайно совпавшая с переходом престола к Александру I. Помимо этого известно, как кажется, лишь о его семейной драме. Сын графа Ивана Андреевича – Федор – женатый на дочери М.И. Кутузова и бывший его флигель-адъютантом, погиб при Аустерлице. Сохра-

нилось письмо Кутузова жене, в котором он, прилагая пакет для Тизенгаузена, просит сообщить ему о печальной новости «с осторожностию»[7].

Скандал в Кабинете начался 23 августа 1801 г. В этот день учреждением было получено письмо от сенатора Д.П. Трощинского. Дмитрий Прокофьевич Трощинский (1754–1829), надо отметить, находился в этот момент в совсем иной жизненной ситуации, нежели Иван Андреевич Тизенгаузен. В эти дни он переживал взлет карьеры. Достигнув высот статской службы он, в отличие от графа Тизенгаузена, подвергся опале при императоре Павле I. Однако содействуя Александровскому перевороту – Трощинский был автором манифеста о восшествии на престол нового императора – он вернул себе прежние должности и, став сенатором и членом новообразованного Госсовета, укрепил свой статус. Позже, в 1814 г. Трощиский будет назначен министром юстиции и генерал-прокурором.

Однако и за полтора десятилетия до этого присланное в Кабинет Его императорского величества письмо за подписью Трощинского стало для Тизенгаузена знаком монаршей немилости и возможным предвестником будущих бед. Трощинский сообщал, что императору стало известно о том, что Кабинет продал с аукциона вещи, принадлежавшие некогда Петру Великому, в частности, часы и табакерки. При этом сенатор, ссылаясь на волю монарха, запрашивал ведомость о том, какие именно вещи были отправлены на аукцион, какая сумма была выручена, а также требовал объяснить – «по какому повелению приступлено к продаже»[8].

Выдвинутое обвинение показалось настолько существенным, что ответ на письмо был составлен в тот же день. Граф Тизенгаузен писал: «... имею честь уведомить вас, милостивый государь, что Кабинет не имел даже и в намерении приступить к продаже с аукциона таких самых вещей, кои... бывших в собственном употреблении императорскои фамилии». Вместе с тем граф указывал, что «прочие вещи», которые «накопились[9] от прошедших времен по разным случаям», действительно, были проданы. Предметы датировались периодом царствования императрицы Елизаветы Петровны.

При этом Тизенгаузен, с одной строну, отмечал, что аукционы такого рода проводились и прежде, а, с другой, указывал на то, что предметы, выставленные на продажу, находились в чрезвычайно плохом состоянии и были «неупотребительными»[10].

Как следует из документов, Кабинет продал вещей на сумму 38 407 рублей 29 копеек. Вся сумма без малого (более 36 тыс.) уже была выплачена покупателями.

Примечательно, что в архиве не сохранилась полная опись проданного, хотя ее прямо запрашивал будущий генерал-прокурор. Содержание письма графа Тизенгаузена от 23 августа 1801 г. указывает на то, что, скорее всего, такой список и не был составлен. Не ясно, почему Кабинет мог проигнорировать предписание, но желание умолчать в таком случае, конечно, рождает мысль о небрежении или даже злоупотреблениях.

Кабинет, однако, все же смог описать предметы, не оплаченные и потому еще не востребованные новыми владельцами, примерно пятая доля проданного[11]. При получении соответствующего распоряжения, эти вещи могли быть оставлены во владении династии.

В списке значатся гребни, ножевые черенки, фаянсовая посуда, замки и скобы для дверей, свинцовые накладки, яшмовые и сердоликовые ложки. Есть здесь и более ценные предметы: жирандоли, хрустальная посуда, бархат, табакерки, зеркала, золотые часы, несколько картин (на одной – ястреб с добычей, на другой – Ахиллес с Центавром). Судя по списку, дороже всего стоили покупателям ювелирные украшения (перстень с янтарем и бриллиантами – 171 рублей), а также предметы мебели («комод разных дерев с зеркальными стенами» – 110 рублей), «комод с золотом... наверху с часами» – 436 рубля)[12].

Показателен выбор языка описания предметов. С одной стороны, кроме упоминания о елизаветинском периоде, перечисленные предметы не были датированы; не зафиксирован и источник их поступления. С другой, заметна частота использования таких слов, как «маленькое», «небольшое», «попорченное», «испорченное». Обобщенное описание и указание на плохое качество предметов были призваны указать на незначительность проданного.

Предположение о том, что некоторые из вещей могли принадлежать кому-то из монархов, не лишено основания. В списке есть статусные и относительно редкие для середины XVIII в. предметы – «23 портрета восковых» и «2 бюста бронзовыя… на мраморных пиедесталах»[13].

Уже 26 августа, т.е. спустя всего несколько дней после первого обмена письмами Трощинского и Тизенгаузена последовал высочайший указ, в котором император объявлял «присутствующим в Кабинете… неудовольствие» и требовал «впредь от подобных самовольных поступков воздержаться и есть ли бы когда встретилась надобность в продаже излишних или ненужных вещей, то наперед представлять… роспись оным с оценкою и ожидать… приказания». Опись вещей должна была подаваться лично государю.

За указом императора последовал приказ Трощинского о судьбе оставшихся в Кабинете вещей: их надлежало «покупщикам отдать» для «сохранения доверия к публичной продаже»[14]. Через месяц, в сентябре 1801 г., граф Иван Андреевич Тизенгаузен вышел в отставку. История с продажей вещей из Кабинета Его Императорского Величества, возможно, сыграла в его решении не последнюю роль. Механизм смены административной верхушки, особенно в начале царствовании, зачастую сводился к столкновению двух чиновников, один из которых двигался по карьерной лестнице вверх, а второй – вниз.

Вместе с тем этот случай – не единичный. Напротив, он знаменует собой новый тренд, обозначившийся в начале XIX в.: продажа (или угроза продажи) вещей, принадлежавших кому-то из членов правящей династии все чаще попадает в поле зрения правительства.

Через несколько лет, в 1804 г., в схожей ситуации едва не оказалась Экспедиция Кремлевского строения и возглавлявший ее П.С. Валуев. Петр Степанович Валуев (1743–1814), также как и Тизенгаузен выбрал для себя придворную карьеру, успешно пройдя путь от камер-юнкера до обер-церемониймейстера, став при Екатерине II сенатором. Однако, как и в случае с Трощинским, дела его пошатнулись при Павле I, в краткое царствование которого Петр Степанович был уволен со службы. Впрочем, Валуев восстановил свой статус при Александре I, назначившем его главой Экспедиции Кремлевского строения.

В 1804 г. Валуеву стало известно о распространявшихся слухах относительно продажи Кремлевской Экспедицией некоторых романовских вещей.

Следует отметить, что Петр Степанович Валуев имеет в историографии сложную репутацию. С одной стороны, его традиционно аттестуют как известного любителя древностей, инициатора создания музея Оружейная палата. Именно он возглавил «эвакуацию кремлевских сокровищ в 1812 году, что сыграло решающую роль в сохранении российской сокровищницы»[15]. С другой стороны, в литературе есть также мнение, что Валуев, хотя и «содействовал сохранению некоторых старых памятников, но многие из них уничтожил»[16].

Бесспорно, что глава Кремлевской Экспедиции был человеком ловким и способным видеть конъюнктуру. Показательны, например, его действия в таком непростом деле, как размещение членов Грузинского дома в Москве за год до описываемых событий. Столкнувшись с необходимостью, с одной стороны, обеспечить достойным жильем немалое число особ царского дома, а, с другой, не имея в своем распоряжении достаточного количества площадей, он вел с петербургскими чиновниками переписку, стремясь получить информацию, кого из приезжающих «должно поместить лучше и кого можно поместить потеснее или похуже, кого с кем можно поместить вместе и кого необходимо должно поместить розно, кого в город и кого за городом»[17].

В деле со слухами Валуев действовал четко. Он постарался как можно скорее их опровергнуть. Очевидно зная о печальном деле Кабинета Его императорского величества и посчитав необходимым упредить возможные обвинения, Валуев подал императору Собственноручную записку, которую имеет смысл привести целиком:

«Уведомясь, что разглашено здесь, якобы продана вся анненгофская роща, рукомоиник, трость и какие-то креслы царские, обязанностию почитаю донести Вашему Императорскому Величеству. Первое: анненгофская роща не продана, а удалена от казарм и вычищена двумя просеками по Высочайшему утверж-

дению, которая [с] помощию нанятных караульщиков из лесников предохраняется от повреждения, от грабежа, смертоубийства и самоубийства, которыя происходили в ней ежегодно, о чем известна Московская полиция. Второе: ни рукомойника, ни трости, ни кресел царских никаких в приеме не стояло, о чем известна придворная кантора; а имеются в Кладовых Кремлевских и Запасного дворца образа с окладами, так называемое соболье одеяло Петра Великого, два из простого дерева погребца с штофам. Один под названием Евангелия другой под названием Апостола, кои во время славления наполнялись водками... и бокалы хрустальные к сему празднику принадлежащия, которые и поныне сберегаются.

Петр Валуев

17 февраля 1804 г.»[18]

В объяснении Валуева интересно перечисление того, что именно, согласно слухам, было продано: «вся анненгофская роща, рукомойник, трость и какие-то креслы царские…». Отрицая факт продажи, глава Кремлевской Экспедицией, в свою очередь, считает необходимым указать на, казалось бы, не имеющий отношения к делу факт, а именно на то, что в Кладовых хранятся соболье одеяло и стекленная посуда. Таким образом, Собственноручная записка построена на противопоставлении двух рядов – описания якобы проданного и реально хранящегося. При этом в последнем случае речь идет о предмете, которым, возможно, владел Петр I. Примечательно, что первый российский император оказывается единственным упомянутым в тексте монархом.

Такое построение текста неслучайно, напротив, аргументация здесь четко продумана. Анализ последней позволяет увидеть суть проблемы, с которой столкнулся Главноначальствующий Кремлевской Экспедицией. Бесспорно, самым тревожным для Валуева было обвинение в том, что вверенное ему учреждение утратило значимые предметы, связанные с монаршим домом. Ведь формулировка «креслы царские» содержало в себе явную отсылку к царскому трону. Возможно, именно поэтому «креслы царские» указаны в списке в последнюю очередь. Такая попытка снижения, впрочем, едва ли была способна ввести в заблуждение. Очевидно, что и слово «царский» могло распространяться на весь список якобы проданных вещей, а, скорее всего, в устной передаче, открывало описание беззакония, чинимого Кремлевской Экспедицией.

Появление же в этом ряду трости и, особенно, анненгофской рощи могли стать опасной отсылкой к образу монарха, память о котором не бережет Кремлевская Экспедиция. Речь, конечно, не об императрице Анне Иоанновне, московский дворец которой – Анненгоф – дал имя известному парку. Для массового сознания – напомним: речь идет о распространившихся слухах – образ императрицы Анны существенного значения не имел, тогда как место, на котором в 1730-х гг. была разбита роща, напротив, апеллировало к самой персонификации императорской власти – Петру Великому. Ведь Анненгофская роща, как все Лефортово – это петровская Москва, район расположения Немецкой слободы и императорских (с точки зрения функционального использования) Лефортовского (Петровского) и Головинского дворцовых комплексов. Эта столичная периферия превратилась в начале правления Петра I в центр власти. В Лефортово, подчеркивая свою преемственность основателю империи, останавливались при посещении Москвы российские монархи XVIII в.; здесь же они возводили свои резиденции, к числу которых относился упомянутый Анненгоф, а также Екатерининский дворец. Этот район, хоть и заброшенный к началу XIX в., был неотъемлемой частью московского образа императорской власти. Продажа анненгофской рощи, безотносительно ее плачевного состояния, превращалась, таким образом, в акт символического разрушения, направленного против самого основателя империи.

Чуткий Валуев противопоставляет вредоносным слухам текст, также апеллирующий к образу Петра I. Рассказывая – казалось бы, излишне – об имеющихся предметах (штофы и одеяло) и, упоминая в этом контексте Петра I, он подчеркивает: в целости и сохранности находятся, в первую очередь, петровские вещи. Он также прикладывает усилия, чтобы деятельность Кремлевской Экспедиции в районе анненгофской рощи была представлена как полная противоположность тому, что ей вменяли слухи, то есть являла собой акт созидания.

Действия Валуева, очевидно, оказались оправданными. Судя по материалам РГАДА, инцидент сочли исчерпанным; в начале 1800-х гг. обвинения такого рода против Кремлевской Экспедиции не выдвигались.

В историях с Тизенгаузеном и Валуевым или – шире – в деле с Кабинетом Его Императорского Величества и Кремлевской Экспедицией – много схожего: резкие, а в случае с Валуевым, вероятно, еще и необоснованные, обвинения в продаже вещей, принадлежащих Романовым, отсылка к эпохе начала империи и даже упоминание имени Петра I.

Показательно, что для Тизенгаузена ситуация оказывается неожиданной и не до конца понятной. Он прямо говорит, что аукционы по продаже вещей, содержавшихся в Кабинете, бывали и прежде[19]. Очевидно, что как для Кабинета Его Императорского Величества, так и для Кремлевской Экспедиции, к которой спустя всего год после инцидента присоединилась Мастерская и Оружейная палата[20], циркуляция вещей была нормой. Конечно, речь не шла и не могла идти о продаже или дарении предметов особой важности, таких, например, как регалии Московских царей или особо значимые предметы из алмазного фонда. Да и Тизенгаузен был не так уж далек от понимания важности определенной группы хранимых им вещей: в ответном письме сенатору Трощинскому он указывал на имеющуюся у него «особую записку»[21], содержавшую список самых ценных вещей[22].

Однако оборот предметов менее значимых был явлением вполне традиционным. Так, собрание Оружейной палаты постоянно пополнялось тем, что создавалось в Кремлевских царских мастерских, а также посольскими дарами. Равным образом вещи, хранившиеся здесь (ткани, оружие, посуда), на протяжении столетий выдавались разным лицам в виде наград или жалованья[23]. Архивные фонды Кабинета Его Императорского Величества (РГАДА. Ф. 468) также содержат большое число дел о пожаловании подарками. Иными словами, до начала XIX в. понимание значимости отдельных исторических предметов сосуществовало с активной ротацией всего остального, что находилось в хранении. Критерии, по которым такая шкала значимости устанавливалась, были произвольными и зависели во многом от позиции того или иного чиновника, который вполне мог предпочесть старым вещам деньги.

Но в начале XIX в. ситуация стала меняться. Еще до Отечественной войны 1812 г., которая дала начало новой эпохе в формировании коллективной памяти, вопрос о национальном наследии и необходимости его сохранения оказался актуальным. Свидетельством тому может служить упомянутый выше указ Александра I, присланный в Кабинет к Тизенгаузену. Помимо выражения «неудовольствия» произошедшим, император четко определил здесь свою позицию. Он не исключал, что предметы, проданные Кабинетом с аукциона, были функционально непригодны и не годились для одаривания («к употреблению в подарки не были способны»). Но, при этом император, прямо демонстрируя разрыв с прежней традицией, заявлял: стоимость данных предметов не определялась возможностью их использования, они просто «заслуживали… сохранения»[24]. Символика заменила функциональность и «негодные» старые вещи превратились в экспонаты будущих музейных коллекций. И это была не просто декларация: судя по описям упомянутого архивного фонда Кабинета Его Императорского Величества, в это время число ценных подарков значительно уменьшилось; их заменили денежные пожалования.

Интересно здесь и обращение к XVIII столетию. К удивлению многих, родившихся в царствование Елизаветы Петровны или Екатерины II, век их еще незаконченной жизни сделался особой исторической эпохой, уже отходившей в прошлое. При этом память о ней надлежало хранить. Это было не похоже на то, как век XVIII проводил век XVII, не все оказались способны оценить этот новый поворот, ощутить иной «дух времени». С другой стороны, в обоих документах история ограничивалась лишь достаточно кратким на тот момент периодом империи. И Тизенгаузен, и Валуев, т.е. и тот, кто был далек от этого понимания, и тот, кто понял суть происходящих перемен, равным образом резко среагировали на появление имени Петра I. Оба они боялись, в первую очередь, утратить то, что принадлежало или могло принадлежать именно первому императору. В начале XIX в. русская история, как и память о ней, уже была петро-центричной.

Примечания

1 *Хальбвакс М.* Социальные классы и морфология. – М.; СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 2000. Hal'bvaks M. *Social'nye klassy i morfologija* [Social classes and morphology]. Moscow, St. Petersburg: Aletejja publ., 2000; *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. – Новое литературное обозрение – 2005. – № 2–3 (40–41). Электронный ресурс. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html (Дата обращения – 20.01.2015); Nora P. *Vsemirnoe torzhestvo pamjati* [Worldwide triumph of memory]. Neprikosnovenny zapas. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2005. no 2–3 (40–41). Available at http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html (accessed 20.01.2015); *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004; Assman Ja. *Kul'turnaja pamjat': Pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural memory: writing, remembrance and political identity in high ancient cultures]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury publ., 2004; *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. Assman A. *Dlinnaja ten' proshlogo. Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika* [Long shadows of the past: memorial culture and historical politics]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie publ., 2014.

2 *Вельтман А.* Московская Оружейная палата. – М., 1860. – С. 3. Vel't-man A. *Moskovskaya Oruzheynaya palata* [The Moscow Armory]. Moscow, 1860, p. 3.

3 См., например: *Николаева А.С.* Становление и развитие Оружейной палаты как музейного учреждения, 1806–1918 гг. Дисс… д-р ист. наук. – М., 2000. Nikolaeva A.S. *Stanovlenie i razvitie Oruzheyjnoy palaty kak muzejnogo uchrezhdenija, 1806 – 1918. Diss… d-r ist. nauk* [Formation of the Armory as a museum, 1806–1918. Dr. hist. sci. diss.]. Moscow, 2000; *Щербина Е.В.* Временные экспозиции музеев Московского Кремля XIX–XX вв.: проблематика и исторический анализ. – М., 2003. Shcherbina E.V. *Vremennye jekspozicii muzeev Moskovskogo Kremlja XIX–XX vv.: problematika i istoricheskij analiz* [Temporary exhibitions of the Moscow Kremlin museums in the 19th – 20th centuries: a problematic and historical analysis]. Moscow, 2003; *Смирнова Е.И.* Оружейная палата. XIX век // Сокровищница России: Страницы исторической биографии Музеев Московского Кремля / Отв. редактор Н.С. Владимирская. – М.: Московский Кремль, 2002. – С. 30–47. Smirnova E.I. *Oruzhejnaja palata. XIX vek* [The Armory: 19th century]. *Sokrovishchnitsa Rossii: Stranitsy istoricheskoy biografii Muzeev Moskovskogo Kremlya)*. [Russian treasures: The Moscow Kremlin museums: Pages of history]. Moscow, Moskovskiy Kreml' publ., 2002, pp. 30–47.

4 *Щербина Е.В.* Указ соч. – С. 39. Shcherbina E.V. 2003, p. 39; *Гаврилова Л.М.* Роль императрицы Екатерины II в развитии русского медальерного искусства // Филимоновские чтения. Вып. 2. – М.: Московский Кремль, 2004. – С. 227. Gavrilova L.M. *Rol' imperatritsy Ekateriny II v razvitii russkogo medal'ernogo iskusstva* [Catherine II and her role in the development of medal art]. Filimonovskie chteniya, part 1. Moscow, Moskovskiy Kreml' publ., 2004, p. 227.

5 *Щербина Е.В.* Указ. соч. – С. 11. Shcherbina E.V. 2–3, p. 11; *Николаева А.С.* Указ. соч. – С. 119. Nikolaeva A.S. 2003, p. 119.

6 О личности Тизенгаузена известно мало. Информация о его деятельности при дворе императора Павла I также немного. (Русская Старина. Т. 5. – СПб., 1872. – С. 251–252. *Russkaya Starina* [Russian Antiquity]. St. Petersburg, 1872, vol. 5, pp. 251–252; *Головкин Ф.Г.* Двор в царствование Павла I. Портреты и воспоминания. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. Golovkin F.G. *Dvor v tsarstvovanie Pavla I. Portrety i vospominanija* [Royal court under the rule of Paul I: Portraits and memoirs]. Moscow: OLMA-PRESS publ., 2003.

7 Письмо М.И. Голенищева-Кутузова к жене от 30 ноября 1805 г. // Русская Старина. Т. 3. – СПб., 1871. – С. 54–55. Pis'mo M.I. Golenishcheva-Kutuzova k zhene ot 30 noyabrya 1805 [M.I. Golenishchev-Kutuzov's letter to his wife on November 30, 1805]. *Russkaya Starina* [Russian Antiquity]. St. Petersburg, 1872, vol. 3, pp. 54–55.

8 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1239. Оп. 3. Д. 62006. Л. 1. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Early Acts] (RGADA), fond 1239, series 3, file 62006, p. 1.

9 В Кабинете Его Императорского Величества.

10 РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 62006. Л. 2–3. RGADA, fond 1239, series 3, file 62006, pp. 2–3.

11 Там же. Л. 7. Ibid., p. 7.

12 Там же. Л. 8–9. Ibid., p. 8–9.

13 Там же. Л. 8. Ibid., p. 8.

14 Там же. Л. 4–5. Ibid., pp. 4–5.

15 *Николаева А.С.* Указ. соч. – С. 78. Nikolaeva A.S. 2003, p. 78.

16 Валуев, Петр Степанович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 3. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1993. – С. 32. *Valuev, Petr Stepanovich* [Valuev, Petr Stepanovich]. *Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona* [The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary], vol. 3, Moscow: Bol'shaja Rossijskaja Jenciklopedija publ., 1993, p. 32.

17 РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 56339 Л. 8–9. RGADA, fond 1239, series 3, file 56339, pp. 8–9.

18 Там же. Д. 57924. Л. 1. Ibid., file 57924, p. 1.

19 Там же. Д. 62006. Л. 2–3. Ibid., file 62006, pp. 2–3.

20 *Николаева А.С.* Указ. соч. – С. 75. Nikolaeva A.S. 2003, p. 75.

21 Этот документ в архивном деле не значится [The document is not registered in the archive].

22 РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 62006. Л. 2–3. RGADA, fond 1239, series 3, file 62006, pp. 2–3.

23 *Вельтман А.* Указ. соч. – С. 13. Vel'tman A. 1860, p. 13.

24 РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 62006. Л. 9. RGADA, fond 1239, series 3, file 62006, p. 9.

Список литературы

1. *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2014.

2. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004.

3. Валуев Петр Степанович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 3. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1993. – С. 32.

4. *Вельтман А.* Московская Оружейная палата. – М., 1860.

5. *Гаврилова Л.М.* Роль императрицы Екатерины II в развитии русского медальерного искусства // Филимоновские чтения. Вып. 2. – М.: Московский Кремль, 2004. – С. 210–229.

6. *Головкин Ф.Г.* Двор в царствование Павла I. Портреты и воспоминания. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

7. *Николаева А.С.* Становление и развитие Оружейной палаты как музейного учреждения, 1806–1918 гг. Дисс… д-р ист. наук. – М., 2000.

8. *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. – Новое литературное обозрение – 2005 – № 2–3(40–41). Электронный ресурс. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html.

9. *Смирнова Е.И.* Оружейная палата. XIX век // Сокровищница России: Страницы исторической биографии Музеев Московского Кремля / Отв. ред. Н.С. Владимирская. – М.: Московский Кремль, 2002. – С. 30–47.

10. *Хальбвакс М.* Социальные классы и морфология. – М.; СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 2000.

11. *Щербина Е.В.* Временные экспозиции музеев Московского Кремля XIX–XX вв.: проблематика и исторический анализ. – М., 2003.

References

1. Assman A. *Dlinnaja ten' proshlogo. Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika* [Long shadows of the past: memorial culture and historical politics]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie publ., 2014, 328 p.

2. Assman Ja. *Kul'turnaja pamjat': Pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural memory: writing, remembrance and political identity in high ancient cultures]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury publ., 2004, 368 p.

3. Valuev, Petr Stepanovich [Valuev, Petr Stepanovich]. *Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona* [The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary], vol. 3, Moscow: Bol'shaja Rossijskaja Jenciklopedija publ., 1993, p. 32.

4. Vel'tman A. *Moskovskaya Oruzheynaya palata* [The Moscow Armory]. Moscow, 1860, 288 p.

5. Gavrilova L.M. *Rol' imperatritsy Ekateriny II v razvitii russkogo medal'ernogo iskusstva* [Catherine II and her role in the development of medal art]. Filimonovskie chteniya, part 1. Moscow, Moskovskiy Kreml' publ., 2004, pp. 210–229.

6. Golovkin F.G. *Dvor v tsarstvovanie Pavla I. Portrety i vospominanija* [Royal court under the rule of Paul I: Portraits and memoirs]. Moscow: OLMA-PRESS publ., 2003, 478 p.

7. Halbwachs, Maurice. *Classes sociales et morfologie.* Paris, 1972, 463 p. (Russ. ed.: Hal'bvaks M. *Social'nye klassy i morfologija* [Social classes and morphology]. Moscow, St. Petersburg: Aletejja publ., 2000, 509 p.)

8. Nikolaeva A.S. *Stanovlenie i razvitie Oruzheyjnoy palaty kak muzejnogo uchrezhdenija, 1806–1918. Diss… d-r ist. nauk* [Formation of the Armory as a museum, 1806–1918. Dr. hist. sci. diss.]. Moscow, 2000, 273 p.

9. Nora P. *Vsemirnoe torzhestvo pamyati* [Worldwide triumph of memory]. Neprikosnovennyj zapas. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2005, no. 2–3 (40–41). Available at http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html (accessed 20.01.2015).

10. Smirnova E.I. *Oruzhejnaja palata. XIX vek* [The Armory: 19th century]. *Sokrovishchnitsa Rossii: Stranitsy istoricheskoy biografii Muzeev Moskovskogo Kremlya).* [Russian treasures: The Moscow Kremlin museums: Pages of history]. Moscow, Moskovskiy Kreml' publ., 2002, pp. 30–47.

11. Shcherbina E.V. *Vremennye jekspozicii muzeev Moskovskogo Kremlja XIX–XX vv.: problematika i istoricheskij analiz* [Temporary exhibitions of the Moscow Kremlin museums in the 19th – 20th centuries: a problematic and historical analysis]. Moscow, 2003.

Сведения об авторах

Болтунова Екатерина Михайловна, кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, г. Москва, Российская Федерация, 8-903-171-76-61, boltounovaek@gmail.com

About author

Boltunova Ekaterina Mikhailovna, PhD in History, associate professor at the National Research Institute Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, +7-903-171-76-61, boltounovaek@gmail.com

❖ ❖ ❖

М.В. КАТАГОЩИНА,
г. Москва, Российская Федерация

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ Л.А. ГРИНБЕРГА В ГОСУДАРСТВЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ МУЗЕЕ. К ИСТОРИИ ПОСТУПЛЕНИЯ

Katagoshchina M.V.,
Moscow, Russian Federation

Documentary Monuments of the L.A. Greenberg Collection from the State Historical Museum: The History of Acquisition

Аннотация
В статье рассматривается специфика поступления в архивохранилища СССР документов из частных собраний российских эмигрантов на примере приобретения Государственным Историческим музеем (ГИМ) документальных реликвий у Л.А. Гринберга – известного парижского антиквара и коллекционера, библиофила, деятеля культуры российского зарубежья. Автором освещен вклад Л.А. Гринберга в интеллектуальную и художественную жизнь российской эмиграции в 1930–1960-е гг. и его взаимодействие с музеями и архивами СССР. Статья подготовлена на основе изучения переписки коллекционера с сотрудником ГИМ И.И. Астафьевым за 1965–1966 гг., хранящейся в Отделе письменных источников (ОПИ ГИМ) и материалов научного учета фондов Государственного Исторического музея. В 1966–1972 гг. во время визитов А.Л. Гринберга в Москву ГИМ были приобретены у него более 100 автографов представителей дома Романовых и российских государственных деятелей XVIII–начала XX в., включая письма царевича Алексея Петровича, письма Николая II, великого князя Сергея Александровича, министра иностранных дел Д.С. Сазонова и другие документы, имеющие высокую научную и музейную ценность. В статье освещены особенности бытования данных материалов за рубежом, проанализированы организационные и финансовые проблемы, возникавшие в процессе передачи их в СССР. Автором введен в научный оборот ряд новых данных о процессе комплектования фондов Отдела письменных источников ГИМ в советский период и о развитии сотрудничества коллекционеров и меценатов российского зарубежья с музеями и архивами на Родине.

Abstract
The article reviews the circumstances of acquisition of documents from the private collections of Russian émigrés by the archives of the USSR. It is a case-study of the acquisition by the State Historical Museum (GIM) of documentary relics from the collection of L.A. Greenberg, a well-known Parisian antiquarian, collector and cultural figure of the Russian diaspora. The author assesses L.A. Greenberg's contribution to the intellectual and artistic life of Russian émigrés in the 1930s–1960s and his interactions with Soviet museums and archives. The article is based on correspondence between the collector and I.I. Astafyev, a GIM employee, dated 1965–1966, stored in the Manuscript Section of the State Historical Museum. In 1966–1972, during L.A. Grinberg's Moscow visits, the Museum acquired from him more than 100 chirographs of members of the Romanov family and Russian statesmen of the 18th – beginning of the 20th century, including letters of Tsarevich Alexei Petrovich, letters of Nicholas II, Grand Duke Sergei Alexandrovich, Minister of Foreign Affairs D.S. Sazonov, and others. These documents are of high scientific and historical value. The article reviews the circumstances of retaining these documents abroad, as well as organizational and financial problems encountered in the process of their transfer to the USSR. Drawing on study of correspondence between L.A. Greenberg and the GIM employee I.I. Astafiev, the author introduces into scientific use new data on Soviet time acquisitions by the Manuscript Section of the State Historical Museum, as well as cooperation between collectors from the Russian émigré community and national museums and archives.

Ключевые слова
Государственный Исторический музей, Отдел письменных источников, российское зарубежье, россика, частное коллекционирование, исторические архивы

Keywords
State Historical Museum, Manuscript Section, Russian émigré community, rossica, private collecting, historical archives

Одним из традиционных источников комплектования фондов Государственного Исторического музея являются культурно-исторические и художественные собрания частных лиц – коллекционеров, ученых, деятелей искусства. Так, основу отдела письменных источников (ОПИ ГИМ) составили широко известные, уникальные по своей ценности и объему документальные коллекции А.С. Уварова, И.Е. Забелина, П.И. Щукина и других дарителей конца XIX – начала XX вв.

В советский период фонды ОПИ ГИМ периодически пополнялись архивными комплексами и отдельными документами различного времени и тематики, полученными в дар или приобретенными музеем у частных коллекционеров. Изучение истории этих поступлений, судеб и деятельности собирателей является актуальной научной задачей в контексте современного видения роли отечественного коллекционирования и меценатства в общественной жизни, науке и культуре России. В том числе, представляют интерес примеры сотрудничества Исторического музея с миром российского зарубежья, где в 1960-е – 1970-е гг. активизируется общественное движение, направленное на установление контактов с культурными и научными учреждениями СССР, возвращение на родину историко-культурных и художественных ценностей[1]. В этот период среди российских эмигрантов – дарителей советских музеев и архивов преобладали представители старшего поколения послереволюционной эмиграции, на отношение которых к Советскому Союзу оказали положительное воздействие события Великой Отечественной войны и затем хрущевской «оттепели». Наряду со стремлением возвратить на родину оказавшиеся за рубежом памятники отечественной культуры и искусства, для многих эмигрантов, находившихся в преклонном возрасте в затруднительных материальных обстоятельствах, была актуальна также финансовая мотивация: в ряде случаев исторические документы и предметы из частных коллекций приобретались у владельцев-эмигрантов на коммерческой основе. В частности, в конце 1960-х гг. предложение о покупке Государственным Историческим музеем коллекции автографов российских политических деятелей и ряда других документальных памятников XVIII – начала XX в. поступило из Франции от Л.А. Гринберга, имя которого было широко известно в мире коллекционеров, библиофилов и деятелей искусства зарубежной России.

Лев (Леон) Адольфович Гринберг (3 мая 1900, Киев – 1981, Париж) являлся совладельцем и администратором киевской антикварной фирмы Золотницких, которой в 1920–1930-е гг. принадлежала популярная у собирателей икон и русского прикладного искусства галерея «A la Vieille Russie» (в русском варианте – «У матушки-России», буквальный перевод – «В старой России») в

Париже на улице Fabourg St Honore[2]. Галерея «A la vieille Russie» являлась официальным поставщиком королевских домов Швеции и Египта. Ее постоянными посетителями и клиентами в довоенный период были представители европейской аристократии, а также Серж Лифарь, С.П. Дягилев, Ф.И. Шаляпин и другие выдающиеся деятели русской культуры и искусства за рубежом.

В 1934 г. А. Невахович в статье «Русские коллекционеры» характеризовал Л.А. Гринберга как одного «из наиболее часто приглашаемых французами экспертов по вопросам русского искусства и старины» и владельца ценного собрания книг по русской истории и искусству, включая редкие издания, посвященные иконописи[3]. Следует отметить, что Л.А. Гринберг входил в круг интеллектуальной элиты русского Парижа, объединявший либеральную интеллигенцию и деятелей искусства. Его супруга, Софья Максимовна Гринберг-Винавер (1904–1964), дочь выдающегося российского правоведа, адвоката и политика, одного из основателей и члена ЦК кадетской партии М.М. Винавера, активно занималась научной и общественной деятельностью. С.М. Гринберг окончила юридический факультет Парижского университета, имела степень доктора юридических наук и входила в парижское адвокатское барро. В годы Второй мировой войны она состояла юридическим советником при Комитете французского движения Сопротивления.

В послевоенный период, когда Гринберги жили в Нью-Йорке, Софья Максимовна играла видную роль в международном женском движении, в том числе, как глава «Комиссии по статуту женщин» при ООН[4]. Ее отец, находясь в изгнании, не только оставался одним из авторитетных лидеров кадетской партии, но и вел огромную научную и просветительную работу, войдя в число основателей и профессоров Русского университета при Сорбонне, а также в редколлегии ведущих периодических изданий эмигрантского Парижа – «Последние новости» и «Еврейская трибуна». Примечательно, что М.М. Винавер разделял интерес своего зятя к искусству: еще в петербургский период он собрал небольшую коллекцию картин, в которой были представлены, в том числе, полотна И. Левитана, а также материально поддерживал молодых художников, включая Марка Шагала[5].

Собирательские и научные интересы Л.А. Гринберга были сосредоточены вокруг старинной книги и исторических документов. Так, он являлся одним из создателей и казначеем парижского Общества друзей русской книги. В частности, в фонде П.А. Бурышкина в ГАРФ имеется письмо Л.А. Гринберга от 29 февраля 1929 г. с просьбой сделать в кассу Общества взнос за 1928–1929 гг. в размере 20 франков[6]. В 1936 г. он выступил на заседании Общества с докладом о русских жалованных грамотах. В довоенный период Л.А. Гринберг фигурирует также в числе устроителей нескольких крупных выставок, организованных деятелями культуры российского зарубежья. Так, П.П. Муратов в заметке, посвященной открытию выставки русского искусства в Брюсселе весной 1928 г., упоминает «неутомимых в хлопотах сотрудников А.А. Зилоти и Л.А. Гринберга». Кроме того, Муратов сообщает, что основная часть представленных на выставке предметов древнерусского искусства (икон, церковной утвари и лицевых рукописей) была представлена парижским антикварiатом «A la vieille Russie», т.е. галереей Л.А. Гринберга[7]. В 1937 г. Лев Адольфович участвовал также в организации выставки «Пушкин и его эпоха», ставшей знаковым событием в культурной жизни русской Франции этого периода.

Во второй половине 1930-х гг. коммерческая активность галереи «A la Vieille Russie» была перенесена в Нью-Йорк, куда в 1940 г. выехал и Лев Адольфович, однако впоследствии возвратился в Париж, где еще многие годы оставался одним из наиболее авторитетных специалистов по русскому искусству. Эксперт Русского отдела Sotheby`s Иван Самарин, в одной из своих статей, опубликованных на сайте журнала «Русское искусство», называет Л.А. Гринберга «самым заметным дилером Парижа середины XX столетия»[8]. «Знаменитый антиквар Лев Адольфович Гринберг» упоминается также в воспоминаниях Ариелы Сеф о жизни русско-французской богемы 1960-х гг.[9] Его советами и услугами пользовались Мстислав Ростропович и Галина Вишневская, создававшие в эмиграции свою уникальную коллекцию русского искусства; в том числе у Л.А. Гринберга ими были приобретены портреты Екатерины II кисти Д. Левицкого и Николая II работы В. Серова.

Профессионально действуя на антикварно-художественном рынке, Л.А. Гринберг сохранял верность своим библиофильским интересам и занятиям. Так, в 1950-е гг. он оказывал содействие Александру Бенуа в поиске издательства для публикации воспоминаний художника, в том числе, вел переговоры с издательством имени Чехова[10], а в 1975 г. помог антиквару-книжнику И.М. Лемперту (1920–2009) открыть хорошо известный любителям искусства и старины парижский магазин «Санкт-Петербург».

Особую страницу в биографии Л.А. Гринберга составляют его поездки в Москву: первая была предпринята в 1961 г. совместно со старшим сыном Мишелем, директором фирмы «Gilette» и начинающим писателем, впоследствии известным французским драматургом, вторая – в сентябре 1965 г. Посещения А.Л. Гринбергом СССР имели и профессиональную составляющую: одна из принадлежавших ему картин была приобретена Государственной Третьяковской галереей. Побывал он и в Государственном Историческом музее, где встречался с сотрудниками различных отделов, в том числе со специалистом в области внешней политики России И.И. Астафьевым[11]. В ходе этих встреч, по-видимому, обсуждался вопрос о возможном приобретении музеем ряда имевшихся у антиквара исторических документов.

Осенью 1965–весной 1966 г. Л.А. Гринберг ведет переговоры о продаже в ГИМ ценного эпистолярного комплекса из архивов московского губернатора, затем министра внутренних дел А.Г. Булыгина за 1893–1905 гг. и посла России во Франции А.П. Извольского за 1910-1916 гг. В данную группу документов вошли письма Николая II, великого князя Сергея Александровича и великой княгини Елизаветы Федоровны, К.П. Победоносцева, С.Д. Сазонова, докладная записка С.Ю. Витте (1905 г.) и ряд других материалов, отражающих различные аспекты внутренней и внешней политики Российской империи на рубеже XIX–XX вв.

Л.А. Гринберг предлагал Историческому музею приобрести также небольшую коллекцию исторических документов, которую составляли фрагменты служебной переписки графа П.А. Румянцева-Задунайского за 1776–1783 гг. (в том числе собственноручное письмо А. Безбородко с описанием пожара в его канцелярии, подлинные письма Н. Репнина, Г.А. Потемкина,

П. Зубова), а также отдельные документы XVIII – начала XIX в.: список указа от 13 сентября 1738 г. о мерах против распространения эпидемии, письмо цесаревича Павла Петровича прусскому королю от 14 февраля 1780 г., письмо императора Павла I князю Гика 1800 г. и письмо Александра I курфюрсту Майнцскому от 13 марта 1801 г. с уведомлением о кончине Павла I и своем вступлении на престол и ряд других автографов.

Общая стоимость реликвий, по мнению владельца, должна была составить 2 тысячи руб. (впоследствии она была снижена до 1600 руб.). Для совершения продажи антиквар предполагал летом 1966 г. приехать в Москву в сопровождении своей невестки Катрин.

В Отделе письменных источников хранится переписка Л.А. Гринберга с И.И. Астафьевым, который активно поддерживал идею приобретения коллекции. В письмах Л.А. Гринберга содержится ценная информация о бытовании документальных памятников отечественной истории в российском зарубежье и об обращении исторических документов на антикварном рынке в 1920–1950-е гг. В том числе, он приводит сведения о материалах, предложенных Историческому музею. Так, письма А.Г. Булыгину в начале 1920-х гг. находились у его вдовы Ольги Николаевны (урожденной Булыгиной) и ее сына от первого брака П.А. Хвощинского; в 1940 гг. они были приобретены Гринбергом у его супруги [С.Г.] Хвощинской, проживавшей за границей. «Для людей, которые в свое время мне их предложили купить, – писал он И.И. Астафьеву, – эти письма были не просто любопытными документами, а семейными реликвиями, частью их жизни, драгоценностями более дорогими, чем броши и браслеты с бриллиантами. Эти старые бумажки были облаком, на которое они иногда садились, предаваясь мечтам и воспоминаниям. Мне пришлось заплатить не только за документы, но и за сантименты, любовь, ностальжи и слезы. Вышло дорого… Впрочем, русские исторические автографы здесь очень редки; эмигранты рисковали головой, беря их с собой, и чаще всего, перед отъездом из России все уничтожали. О том, что у меня есть, прослышал Harvard (Гарвардский университет) и хотел приобрести; но у меня не было охоты отдавать эти бумаги американцам. Им место в Вашем музее»[12]. Таким

образом, возвращение исторических документов в Россию было принципиальным решением владельца.

28 февраля 1966 г. Гринберг писал И.И. Астафьеву из Парижа:

«Уважаемый Игорь Игоревич!

Сердечно благодарю Вас за быстрый и положительный ответ. Я чрезвычайно рад, что документы попадут туда, куда им полагается быть[13] – это громадное удовлетворение. Если бы я мог, то передал бы их Вам без всякой уплаты. Также великая радость снова приехать и показать нашу дивную страну человеку, который давно об этом мечтает»[14].

Еще до приобретения документов И.И. Астафьев как сотрудник 5-го экспозиционного отдела ГИМ (функцией которого было создание экспозиций по отечественной истории периода капитализма), высказывал предположение о возможности экспонирования в музее некоторых фотокопий, присланных Гринбергом, в частности, письма С.Д. Сазонова к А.И. Извольскому от 20 августа 1916 г. о своей отставке с поста министра иностранных дел России, содержащего характеристику общего положения в стране и оценку деятельности Совета Министров. «С удовольствием благословляю Вас на помещение письма Сазонова в экспозицию», – писал Л.А. Гринберг 7 ноября 1965 г.[15]

Параллельно с вопросами о пересылке и оценке вышеназванных документов И.И. Астафьев и Л.А. Гринберг обменивались сведениями о различных рукописных источниках, книгах и исторических артефактах. Так, Астафьев интересовался местонахождением подлинников писем А.П. Извольского, которые были опубликованы за рубежом его вдовой в конце 1930-х гг.[16] В свою очередь, Гринберг, в парижском магазине которого имелось немало фарфоровых и серебряных вещиц, изготовленных фирмой Фаберже, в письме от 21 марта 1966 г. писал об одном из таких предметов:

«Пожалуйста, помогите. У меня есть коробочка, фотографию которой прилагаю. Собачьим нюхом чую, что это подарок Николай Николаевича. Наверное, у Вас имеются документы с его подписью – росчерк должен быть такой же. Внутри таинственные музики-бузики. «У» очень характерное, легко опознать. Если это действительно наш Верховный Главнокомандующий, то короб-

ка, вероятно, была дана им Потоцкой, которой он состоял верховным и главным (но не единственным) покровителем. Фотография мне не нужна. Может быть, она заинтересует ММПЛ, которой прошу передать привет»[17]. По всей вероятности, речь идет об М.М. Постниковой-Лосевой – выдающемся специалисте в области древнерусского ювелирного искусства. Соответственно, можно сделать вывод о том, что в круг интеллектуальных контактов Л.А. Гринберга в этот период входили представители различных направлений советской исторической науки и музейного дела. В том числе в Париже он встречался с И.С. Зильберштейном, который, по словам Гринберга, «оказался опытным археологом: он выкапывает интереснейшие литературные документы»[18].

Представляют интерес и отразившиеся в переписке нюансы посещения СССР иностранцами, включая предварительное согласование времени визита, маршрутов поездок по туристическим объектам, выбора гостиницы и т.п. Само согласие Гринберга на оплату покупки в рублях (иных возможностей у Исторического музея не было), являлось своего рода жертвой с его стороны, поскольку полученные деньги следовало потратить, находясь в СССР. По сути, он окупал свою поездку на родину, не получая прибыли. Полушутливые комментарии на эту тему, содержащиеся в одном из писем антиквара, показывают его готовность смириться с советской спецификой, ради решения основной задачи: передачи документальных реликвий в Исторический музей в Москве:

«Пожалуйста, примите во внимание, что продажа в рублях заставляет меня предпринять новую поездку в Союз; причем за дорогу из Парижа до Москвы я должен уплатить франками; чтобы потратить деньги, мне придется пригласить кого-нибудь из семьи сопровождать меня. И надо будет есть много икры… Поездка очень приятна, слов нет, а икра ой как вкусна, но из денег, кот[орые] я получил бы, ничто в кармане у меня не останется, к себе я вернусь не богаче, чем я сейчас, и удовольствие, которое я получу, обойдется мне чрезвычайно дорого – настоящий суперлюкс, на который я, собственно говоря, не имею права»[19].

Знаком доверия коллекционера к советским дипломатам и деятелям культуры явилась предварительная пересылка в СССР (по посольским каналам) подлинников предлагаемых документов. Реликвии передавались двумя «порциями» полуофициально через МИД и несколько месяцев путешествовали по различным инстанциям. Наконец, в мае 1966 г. закупочная комиссия ГИМ вынесла положительное решение о приобретении документов у Л.А. Гринберга, и музей направил соответствующее письмо в Управление внешних сношений Министерства культуры СССР, однако оформление нового поступления в фонды ОПИ ГИМ было осуществлено только в 1967 г. Материалы из собрания Л.А. Гринберга вошли в состав Ф. 424 (Коллекция по истории буржуазных революций) ОПИ ГИМ[20], куда традиционно включались небольшие архивные комплексы личного происхождения, тематически связанные с историей общественно-политической и культурной жизни России начала XX века и с российской послереволюционной эмиграцией.

В последующие годы Л.А. Гринберг сохранил дружеские контакты с коллективом Государственного Исторического музея и свое стремление содействовать возвращению на родину памятников отечественной истории. В 1972 г. через Министерство культуры РСФСР Государственным Историческим музеем был приобретен у Л.А. Гринберга комплекс подлинных писем царевича Алексея Петровича, в том числе, 4 письма Петру I, 116 писем А.Д. Меншикову и 12 писем – Д.М. Меншиковой. За исключением двух писем, которые были только подписаны царевичем, все письма являются собственноручными. Они датируются 1704–1713 гг. и отражают основные вехи юношеской биографии царевича Алексея, включая выполнение им поручений отца по укреплению московского гарнизона, сбору рекрутов и провианта для армии в период Северной войны. В письмах упоминаются также различные аспекты административных реформ начала XVIII в., повседневная жизнь царского двора, раскрываются нюансы взаимоотношений царевича Алексея с семьей Меншиковых и другими приближенными Петра I[21].

Письма представляют собой фрагмент архива (домовой канцелярии) А.Д. Меншикова, к проблемам научного описания и изучения которого неоднократно обращались отечественные археографы и источниковеды, отмечавшие в том числе, утраты ряда документов в процессе многократного разделения и перемещения архива[22]. При передаче писем царевича Алексея в Исторический му-

зей Л.А. Гринберг также сообщил ряд сведений об истории их бытования в частных коллекциях в России и за рубежом, основываясь на изучении внешних особенностей документов и информации, полученной от предыдущих владельцев раритетов.

Письма искусно вмонтированы в голубую бумагу, переплетены и снабжены внутренней описью. Эта работа была произведена в первой четверти XIX века, о чем свидетельствует бумага, использованная для переплета писем, с филигранями Угличской фабрики Лаврентия Попова и датой «1813». Соответственно, не ранее этого времени на кожаном переплете были вытиснены золотом гербовый экслибрис и надпись, свидетельствующие об их принадлежности семье Строгановых: «Книг – хран. графа Строганова». Л.А. Гринберг предполагал, что речь идет о собрании известного библиофила, директора Императорской Публичной библиотеки в Петербурге и Президента Академии художеств А.С. Строганова (1733–1811), частично перешедшем по наследству к его третьему сыну, Г.С. Строганову (1829–1910) – также коллекционеру и меценату, во дворце которого в Риме размещались уникальные художественные коллекции, собрание древностей и библиотека. После революции все эти сокровища были распроданы вдовой внука коллекционера, князя В.А. Щербатова, княгиней Еленой Петровной (урожденной Столыпиной, во втором браке – княгиней Волконской). «Факт тот, – писал Л.А. Гринберг в начале 1970-х гг., – что письма очутились в Англии, где около сорока лет тому назад их приобрел Павел Гаврилович Криволай, род[ившийся] в 1900 г. в Херсоне моряк и библиофил. Жил он в Гааге, где и скончался 6.12. 1969. Продал он письма нынешнему владельцу за год до смерти»[23]. (О П.Г. Криволае известно также, что он являлся участником белого движения и эвакуировался с Русской эскадрой в Бизерту; впоследствии закончил естественный факультет Сорбонны и стал инженером-геологом. В 1949 г. он входил в состав Комитета по сооружению памятника философу М.М. Федорову. П.Г. Криволай, помимо книг и рукописей, коллекционировал русскую живопись. Летом 2004 г. потомок российских морских офицеров-эмигрантов Александр Плотто, дальний родственник П.Г. Криволая, выполняя его последнюю волю, передал в дар России акварель с изображением зимнего Петербурга работы Александра Бенуа. Несомненно, поступление писем царевича Алексея Петровича в Государственный Исторический музей в Москве также соответствовало бы устремлениям покойного собирателя).

В записке Л.А. Гринберга отразилось также его трепетное отношение к памятникам русской старины: «Осторожно! – восклицал он, обращаясь, вероятно, к должностным лицам, сотрудникам МИД и Министерства культуры РСФСР, через которых происходила передача писем в музей. – Этим письмам больше 250 лет! Бумага почти истлела. Если кто-либо пожелает перелистывать эту книгу (до того как она попадет в руки специалистов – историков и архивистов) надо это делать с особой осторожностью»[24].

Следует отметить, что приобретение писем вызвало определенный резонанс в культурной жизни Москвы, в том числе, о них упоминалось в газете «Правда» в статье, посвященной 100-летнему юбилею музея[25]. Возможно, что передача писем была предпринята Л.А. Гринбергом именно в связи с этой датой. В последующие годы к данным материалам неоднократно обращались исследователи, работающие по проблемам отечественной истории и источниковедения Петровского времени, а также специалисты в области истории и реставрации памятников архитектуры Москвы XVIII века.

Сотрудничество Л.А. Гринберга с Государственным Историческим музеем не ограничивалось только коммерческими сделками. Его имя встречается в картотеке дарителей ГИМ. Так, в феврале 1962 г. в дар от Л.А. Гринберга была получена акварель с изображением Емельяна Пугачева, в 1965 г – автограф Николая I, а в 1970 г. – рукопись детских воспоминаний Александра Маршака – представителя знаменитой семьи киевских ювелиров, выдающегося мастера стиля Ар-Деко[26].

Таким образом, благодаря Л.А. Гринбергу, собрание Отдела письменных источников ГИМ пополнилось документальными материалами, имеющими несомненную научную и экспозиционную ценность. При этом основной массив документальной коллекции Л.А. Гринберга, включая и письма царевича Алексея Михайловича, и эпистолярные комплексы начала XX века, до настоящего времени остается не опубликованным, что позволяет говорить о

перспективности археографической работы с данными источниками.

История поступления в Государственный Исторический музей исторических документов из коллекции Л.А. Гринберга дополняет существующие представления о мире частного коллекционирования и антикварного дела в российском зарубежье, в том числе, в сфере сотрудничества представителей послереволюционной эмиграции с учреждениями культуры СССР. Данные материалы позволяют сделать вывод о том, что личные контакты зарубежных коллекционеров с советскими музейными работниками, архивистами, литераторами и искусствоведами, установленные в 1960–1970-е гг., стали первыми шагами на пути к восстановлению единства двух ветвей отечественной культуры на рубеже XX–XXI веков.

Примечания

1 *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. – М., 2008. – С. 415-416. Pivovar E.I. *Rossijskoe zarubezh'e. Social'no-istoricheskij fenomen, rol' i mesto v kul'turno-istoricheskom nasledii* [The Russian emigration: The sociohistorical phenomenon, its role and place in the cultural and historical Legacy.]. Moscow, 2008, pp. 415–416.

2 Игорь Грабарь. Письма 1917–1941. – М.: Наука, 1977. – С. 225. *Igor Grabar. Pis'ma. 1917–1941* [Letters. 1917–1941]. Moscow, Nauka publ., 1977, p. 225.

3 *Невахович А.* Русские коллекционеры // Для Вас. (Рига) – 1934. – № 23. – 3 июня. – С.8. Nevahovich A. *Russkie kollekcionery* [Russian collectors]. Dlja Vas [For you]. Riga, 1934, June 3, no 23, p. 8 (in Russ.).

4 Российское зарубежье во Франции (1919–2000) / Под общ. Ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. Т. 1. – М., 2008. *Rossijskoe zarubezh'e vo Francii (1919–2000)* [Russian émigré community in France], vol. 1. Moscow, 2008, p. 169.

5 *Шагал Марк.* Памяти М.М. Винавера // Рассвет (Париж) – 1926. – 24 октября. – С. 6. Chagall Marc. *Pamjati M.M. Vinavera* [In memory of M.M. Vinaver]. Raszviet. Paris, 24 October 1926, p. 6 (in Russ.).

6 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5885. Оп. 1. Д. 113. Л. 39. Gosudarstvenny arhiv Rossijskoj Federacii [State archive of the Russian Federation] (GARF), fond 5885, series 1, file 113, p. 39.

7 *Муратов П.* Брюссельское кружево // Возрождение (Париж). – 1928. – 17 мая. – № 1080. – С. 2. Muratov P. *Brjussel'skoe kruzhevo* [Brussels lace]. La Renaissance. Paris, 17 May 1928, no. 1080, p. 2.

8 Русский отдел Sotheby`s. Начало // Русское искусство. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.russiskusstvo.ru/news/a2094/ (Дата обращения 03.02.2015). *Russkij otdel Sotheby`s. Nachalo* [Sotheby's Russian Art Department: The beginning]. *Russkoe iskusstvo* [Russian Art]. Available at http://www.russiskusstvo.ru/news/a2094/ (accessed 03.02.2015)

9 *Сеф Ариела.* Рожденная в гетто. – М.: Издательство «Астрель», 2011. – С. 103. Sef Ariela. *Rozhdennaja v getto* [Born in ghetto]. M.: "Astrel'" publ., 2011, p. 103.

10 *Александр Бенуа.* Письма к современникам. Письма к Льву Гринбергу. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.benua-memory.ru/pismakgrinbergu (Дата обращения 23.01. 2015). Benois Alexandre. *Pis'ma k sovremennikam. Pis'ma k L'vu Grinbergu* [Letters to contemporaries. Letters to Lev Greenberg]. Available at http://www.benua-memory.ru/pismakgrinbergu (accessed 23.01. 2015).

11 *Астафьев И.И.* Русско-германские дипломатические отношения 1905–1911 гг. (От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 305 с. Astaf'ev I.I. *Russko-germanskie diplomaticheskie otnoshenija 1905–1911 gg.* (Ot Portsmutskogo mira do Potsdamskogo soglashenija) [Russia-Germany diplomatic relations, 1905–1911. (From Treaty of Portsmouth to Potsdam Agreement)]. Moscow, The Moscow university publ., 1972, 305 p.

12 Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 439. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 80–80 об. Otdel pis'mennyh istochnikov Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeja [Manuscript Section of the State Historical Museum] (OPI GIM), fond 439, series 2, item 2, pp. 80–80 verso.

13 Так в тексте.

14 ОПИ ГИМ. Ф. 439. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 87. OPI GIM, fond 439, series 2, item 2, p. 87.

15 Там же. Л. 80. Ibid., p. 80.

16 Au service de la Russie [In the service of Russia]. Paris, 1939, no. 1–2 (in Fr.).

17 ОПИ ГИМ. Ф. 439. Оп. 2. Ед. хр. 2. С. 92. OPI GIM, fond 439, series 2, item 2, p. 92

18 Там же. Л. 94 об. Ibid., p. 94 verso.

19 Там же. Л. 84 об. Ibid., p. 84 verso.

20 Там же. Ф. 424. Оп. 2. Ед. хр. 301–302. Ibid., fond 424, series 2, items 301–302.

21 *Самгина Е.И.* Письма царевича Алексея (новые поступления Государственного исторического музея) // Археографический ежегодник за 1984 год. – М., 1986. – С. 158–159. Samgina E.I. *Pis'ma carevicha Alekseja (novye postuplenija Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja)* [Letters of tsarevitch Alexei (Recent acquisitions of the State Historical Museum)]. Arheograficheskij ezhegodnik za 1984 god [Archaeographical year-book for 1984]. Moscow, 1986, pp. 158–159.

22 *Андреева Е.А.* Фонды А.Д. Меншикова. Общий обзор и история формирования // Александр Данилович Меншиков. Первый губернатор и строитель Санкт-Петербурга: Каталог выставки. – СПб., 2003. – С. 47–51. Andreeva E.A. *Fondy A.D. Menshikova. Obshhij obzor i istorija formirovanija* [A.D. Menshikov archival fonds: An Overview and genesis] *Aleksandr Danilovich Menshikov. Pervyj gubernator i stroitel' Sankt-Peteburga: Katalog vystavki* [Alexander Danilovich Menshikov. First governor and designer of St. Petersburg: An exhibition catalog]. St. Petersburg, 2003, pp. 47–51.

23 ОПИ ГИМ. Ф. 439. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 3. OPI GIM, fond 439, series 2, item 2, p. 3.

24 Там же. Л. 6. Ibid., p. 6.

25 *Капустин М.* Из глубины веков // Правда. – 1972. – 11 февраля. – С. 4. Kapustin M. Iz glubiny vekov [From time immemorial]. *Pravda*. 11 February 1972, p. 4.

26 Ювелирная фирма «Русского Картье» Иосифа Маршака была основана в Киеве в 1878 году, а после революций 1917 г. его сыновья успешно работали во Франции.

Список литературы

1. *Андреева Е.А.* Фонды А.Д. Меншикова. Общий обзор и история формирования // Александр Данилович Меншиков. Первый губернатор и строитель Санкт-Петербурга: Каталог выставки. – СПб., 2003. – С. 47–51.

2. Грабарь Игорь. Письма 1917–1941. – М.: Наука, 1977.

3. *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. – М., 2008. – 545 с.

4. Российское зарубежье во Франции (1919–2000) / Под общей редакцией Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. Т. 1. – М., 2008. 794 с.

5. *Самгина Е.И.* Письма царевича Алексея (новые поступления Государственного исторического музея) // Археографический ежегодник за 1984 год. – М., 1986. – С. 158–159.

References

1. Andreeva E.A. *Fondy A.D. Menshikova. Obshhij obzor i istorija formirovanija* [A.D. Menshikov archival fonds: An Overview and genesis] *Aleksandr Danilovich Menshikov. Pervyj gubernator i stroitel' Sankt-Peteburga: Katalog vystavki* [Alexander Danilovich Menshikov. First governor and designer of St. Petersburg: An exhibition catalog]. St. Petersburg, 2003, pp. 47–51.

2. *Grabar Igor. Pis'ma. 1917–1941* [Letters. 1917–1941]. Moscow, Nauka publ., 1977, 422 p.

3. Pivovar E.I. *Rossijskoe zarubezh'e. Social'no-istoricheskij fenomen, rol' i mesto v kul'turno-istoricheskom nasledii* [The Russian emigration: The sociohistorical phenomenon, its role and place in the cultural and historical Legacy.]. Moscow, 2008, 545 p.

4. *Rossijskoe zarubezh'e vo Francii (1919–2000)* [Russian émigré community in France (1919–2000)], vol. 1. Moscow, 2008, 794 p.

5. Samgina E.I. *Pis'ma carevicha Alekseja (novye postuplenija Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja)* [Letters of tsarevitch Alexei (Recent acquisitions of the State Historical Museum)]. *Arheograficheskij ezhegodnik za 1984 god* [Archaeographical year-book for 1984]. Moscow, 1986, pp. 158–159.

Сведения об авторах

Катагощина Мария Всеволодовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела письменных источников Государственного исторического музея, г. Москва, Российская Федерация, 8-916-194-76-07, congress@fromru.com

About author

Katagoshchina Mariya Vsevolodovna, PhD in History, senior researcher at Manuscript Section of the State Historical Museum, Moscow, Russian Federation, +7-916-194-76-07, congress@fromru.com

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

Official Department

Н.А. БУРАВЧЕНКО,
г. Москва, Российская Федерация

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

Buravchenko N.A.,
Moscow, Russian Federation

Federal Archival Agency Update

Аннотация
В информационном сообщении содержится анализ научной и методической деятельности Федерального архивного агентства и федеральных архивов. Рассмотрены проблемы создания «Единого электронного читального зала федеральных архивов» с использованием биллинговой системы; внедрения электронного взаимодействия архивных органов и учреждений Сибири с территориальными органами Пенсионного фонда России; двусторонних отношений и сотрудничества российских и румынских архивистов и историков, включая вопрос о «румынском золоте», перспективы поиска в архивах России документов о судьбе золотого запаса румынского Национального банка, который был вывезен на хранение в Российскую империю в 1916 г.; публикации документов «СССР и союзники. Документы Архива МИД России о внешней политике и дипломатии ведущих держав антигитлеровской коалиции» 1941–1945 гг. из фондов Народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова, отделов (референтур) Народного комиссариата иностранных дел, в ведении которых находились отношения Советского Союза с Великобританией, США и Францией, посольств СССР в Лондоне, Вашингтоне и Париже, Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ); «Государственный Комитет Обороны СССР 1941–1945»; модернизации сайта «Победа. 1941–1945»; проведения конкурса работ в области архивоведения, документоведения и археографии, выполненных в 2012–2014 гг.; обновления и технической поддержки общеотраслевой ИС «Архивный фонд» (программного комплекса приложений «Архивный фонд», «Фондовый каталог» и «Центральный фондовый каталог»).

Abstract
The Federal Archival Agency Update offers an analysis of scientific and methodological activities of the Federal Archival Agency and of the federal archives. It addresses problems of setting up “Unified Digital Search Room for Federal Archives” incorporating a billing system; of introducing electronic interaction of archival institutions and agencies of Siberia with regional offices of the Pension Fund of the Russian Federation. It discusses issues of bilateral relationship of and cooperation between Russian and Romanian archivists and historians, and the ‘Romanian gold’ issue in particular: it assesses prospects of finding in Russian archives documents on the fate of the Romanian National Bank gold reserve brought for custody in the Russian Empire in 1916. It describes the publication of documents from 1941–1945 from the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF) (fonds of People’s Commissar of Foreign Affairs Vyacheslav M. Molotov, administrative offices of the People’s Commissariat of Foreign Affairs in charge of relations of the USSR with Great Britain, the USA, and France, and of Soviet embassies in London, Washington, and Paris) in source-books “The USSR and its allies: Documents of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation on foreign policy and diplomacy of the leading powers of the Anti-Hitler Coalition” and “The State Defence Committee (GKO): 1941–1945”. It reports organization of a Studies in Archival Science, Document Science, and Archaeography Competition for 2012–2014; upgrade and technical support of the archival information system “Archival Fond” (software package of applications “Archival Fond”, “Fond Catalogue”, “Central Fond Catalogue”).

Ключевые слова
Архив, Музей Берлин-Карлсхорст, комплектование документов Архивного фонда Российской Федерации, Федеральное архивное агентство, сайт «Победа», электронные документы, электронный читальный зал, предательство А.А. Власова, Романовы и Гримальди.

Keywords
Archive, German-Russian Museum Berlin-Karlshorst, documents acquisition in the Archival Fond of the Russian Federation, Federal Archival Agency, “Victory” web-site, digital documents, digital search room, defection of Andrey A. Vlasov, Romanovs and Grimaldi.

6 мая 2015 г. Федеральное архивное агентство представило модернизированный сайт «Победа. 1941–1945». Модернизация сайта, созданного к 60-летию Великой Победы, выполнена с целью обновления программного обеспечения и оптимизации работы сайта.

11–13 мая 2015 г. директор РГАКФД Калантарова Н.А. приняла участие в праздновании 20-летнего юбилея германо-российского музея Берлин-Карлсхорст. До мая 1995 г. на этой территории находился музей

Советской Армии и имел название «Музей безоговорочной капитуляции». После объединения Германии германо-российская экспертная комиссия приняла решение в стенах мемориального здания создать «германо-российский Музей Берлин-Карлсхорст».

12 мая 2015 г. Федеральное архивное агентство сообщило о том, что Историко-документальным департаментом МИД России (ИДД МИД России) подготовлен Интернет-проект «СССР и союзники. Документы Архива МИД России о внешней политике и дипломатии ведущих держав антигитлеровской коалиции» (веб-сайт http://agk.mid.ru). Для публикации были отобраны несекретные и рассекреченные документы 1941–1945 гг. из фондов Народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова, отделов (референтур) Народного комиссариата иностранных дел, в ведении которых находились отношения Советского Союза с Великобританией, США и Францией, посольств СССР в Лондоне, Вашингтоне и Париже, Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Оцифровано 3 900 архивных дел общим объемом более 370 000 листов.

14 мая 2015 г. Федеральное архивное агентство сообщило о выходе в свет сборников документов, подготовленных федеральными архивами при финансовой поддержке «Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»: сборник документов «Из истории российско-грузинских отношений: К 230-летию заключения Георгиевского трактата»[1]; сборник документов «Оборонно-промышленный комплекс СССР накануне Великой Отечественной войны (1938 – июнь 1941)» Т. 4[2].

16 мая 2015 г. в г. Вена (Австрийская Республика) состоялось открытие организованной Министерством культуры Российской Федерации, Росархивом, ГАРФ историко-художественной выставки «Вена. 70-летие освобождения – 60-летие Государственного договора», посвященная освобождению австрийской столицы от нацизма. Выставка приурочена к празднованию юбилейных дат общей истории двух стран – 70-летию освобождения Австрии от нацизма и 60-летию подписания Государственного договора о воссоздании независимой и демократической Австрии от 15 мая 1955 г.

В экспозиции представлено более 200 подлинных документов, фотографий, произведений живописи и графики, плакатов, мемориальных предметов, киноматериалов из Государственного архива Российской Федерации, Государственной Третьяковской галереи, Архива внешней политики МИД России, Центрального архива Минобороны России, Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации, Государственного исторического музея, Государственного музейно-выставочного комплекса «РОСИЗО», Российского архива кинофотодокументов и Студии военных художников имени М.В. Грекова. Многие документы только недавно рассекречены, опубликованы и введены в научный оборот. Президент Австрии Х. Фишер, выступая на открытии, подчеркнул, что освобождение восточной Австрии, этого региона – Вены, Бургенланда, Нижней Австрии, было завоевано солдатами Советского Союза ценой невероятных жертв. По нашим цифрам, только в битве за Вену погибло 18 тысяч советских

солдат. Говорить об этом снова и снова важно», – подчеркнул Фишер. Выставка же, по его словам, поможет не только рассказать, но и показать этот, «один и самых драматических периодов новейшей истории».

20 мая 2015 г. под председательством руководителя Росархива, председателя коллегии при Росархиве А.Н. Артизова состоялось заседание коллегии Федерального архивного агентства. Коллегия приняла к сведению информацию директора ГАРФ С.В. Мироненко об исполнении положений федеральных законов от 22.10.2004 № 125 «Об архивном деле в Российской Федерации» и от 08.05.2010 № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» и соблюдении бюджетного законодательства Российской Федерации. Коллегия рассмотрела и одобрила План работы коллегии Росархива на II полугодие 2015 г.

20 мая 2015 г. руководителем Федерального архивного агентства А.Н. Артизовым подписано письмо № 3/1106-А руководителям федеральных архивных учреждений и уполномоченным органов субъектов Российской Федерации в области архивного дела «О порядке представления наградных материалов о награждениях государственными наградами, ведомственными наградами Министерства культуры Российской Федерации и Федерального архивного агентства».

21–22 мая 2015 г. в г. Варшава (Польская Республика) состоялась 15-я международная конференция архивов стран Центральной и Восточной Европы «Архив в социальной среде в XXI веке» из цикла «Сковронековские чтения». В работе конференции приняли участие 115 представителей архивных учреждений из 22 стран. На открытии конференции со вступительным докладом «Новые времена, новые отношения» выступили генеральный директор государственных архивов Польши В. Стемпняк и его заместитель А. Бернет. От российской стороны в конференции приняли участие и выступили с докладами заместитель начальника управления Росархива Т.Г. Занина – «Актуальные вопросы использования документов Архивного фонда Российской Федерации» и заведующая отделом архивоведения ВНИИДАД Е.А. Романова – «Справочно-поисковые средства к документам российских архивов в сети Интернет».

22 мая 2015 г. руководителем Федерального архивного агентства А.Н. Артизовым подписан приказ № 38 «Об объявлении конкурса работ в области архивоведения, документоведения и археографии, выполненных в 2012–2014 гг.».

26–28 мая 2015 г. в г. Ростове-на-Дону состоялось совместное заседание Научно-методических советов (НМС) архивных учреждений Южного, Северо-Кавказского и Крымского федеральных округов на тему: «Актуальные проблемы использования архивных документов в интересах общества, государства и граждан». В мероприятии принял участие губернатор Ростовской области В.Ю. Голубев. Выступая с приветственным словом перед участниками совместного заседания советов, он отме-

тил особую роль архивистов в сохранении российской истории, правды о событиях Великой Отечественной войны, их вклад в проведение, ставшей поистине всенародной, акции «Бессмертный полк». В работе советов также приняли участие заместитель губернатора А.В. Ищенко, глава Администрации г. Ростова-на-Дону С.И. Горбань. Руководитель Федерального архивного агентства А.Н. Артизов на заседании НМС выступил с докладом «Актуальные проблемы использования архивных документов в интересах общества, государства и граждан», в котором, в частности отметил, что наличие в руках архивистов такого уникального по количеству и качеству информации документального потенциала не только открывает широкие возможности для научного познания прошлого, но и налагает на них серьезные обязанности по обеспечению его пополнения и всестороннего использования в интересах граждан, общества и государства. В работе НМС приняло участие более 300 человек, в их числе: представители архивных органов и учреждений Республик Дагестан, Северная Осетия – Алания, Адыгея, Калмыкия, Крым, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской Республик, Ставропольского и Краснодарского краев, Ростовской, Астраханской, Волгоградской областей, а также архивисты Московской области, г. Санкт-Петербурга.

27 мая-5 июля 2015 г. в Выставочном зале федеральных архивов (г. Москва, ул. Б. Пироговская, 17) экспонировалась историко-документальная выставкаи «Возвращенная история. Документы по истории российской эмиграции. Выставка новых поступлений. 2012–2014 гг.». Выставка – своеобразный очередной отчет о реализации целенаправленной государственной политики по собиранию и изучению наследия русской эмиграции и деятельности Государственного архива Российской Федерации по возвращению на родину зарубежной архивной Россики. Прошедшие через аукционы и частные собрания, многие документальные свидетельства российской истории возвращаются на Родину. На открытии выставки выступили директор ГАРФ С.В. Мироненко, заместитель руководителя Федерального архивного агентства В.П. Тарасов, член правления группы компаний «Ренова», официальный представитель фонда «Связь времен» и В.Ф. Вексельберга А.А. Шторх, протоиерей, куратор архива Свято Троицкой семинарии в Джорданвилле о. Владимир (Цуриков), доктор политических наук, генерал-лейтенант А.Н. Карпов, заместитель директора ГАРФ Л.А. Роговая Все выступавшие отметили, что собирание документов и изучение истории эмиграции способствует более полному знанию истории XX века.

27 мая 2015 г. в Доме приемов МИД России состоялась презентация книги «Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем в годы Великой Отечественной войны» (Т. 1-2., М.: Олма Медиа Групп, 2015), подготовленной МГИМО (У) МИД России при участии Федерального архивного агентства и федеральных архивов. В состав редакционного совета издания вошли руководитель Росархива А.Н. Артизов и директор РГАСПИ А.К. Сорокин. В мероприятии приняли участие и выступили министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров, посол США в Россий-

ской Федерации Джон Тефft, ректор МГИМО (У) МИД России, академик А.В. Торкунов, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО (У) МИД России В.О. Печатнов.

28 мая 2015 г. под председательством заместителя руководителя Росархива, председателя ЦЭПК при Росархиве О.В. Наумова состоялось заседание Центральной экспертно-проверочной комиссии при Федеральном архивном агентстве. ЦЭПК согласован проект новой редакции подраздела 1.5 «Внутриведомственный контроль» Перечня документов, образующихся в деятельности Федеральной налоговой службы, ее территориальных органов и подведомственных организаций, с указанием сроков хранения. Рассмотрев вопрос об экспертизе ценности документов греческого происхождения, перемещенных в Россию в результате Второй мировой войны, ЦЭПК решила, что указанные документы не относятся к категории особо ценных (уникальных) дел и представляют научную ценность для изучения истории Греции и других европейских и ближневосточных государств.

29 мая 2015 г. руководитель Федерального архивного агентства А.Н. Артизов принял участие в III Межрегиональном научно-общественном форуме «Елисаветинское наследие сегодня. Крым», проходившем в Ливадийском дворце (Республика Крым) и выступил на торжественном закрытии форума.

2–3 июня 2015 г. в г. Калининграде состоялось заседание Научно-методического совета (НМС) архивных учреждений Северо-Западного федерального округа. В заседании приняли участие руководители и специалисты архивных органов и учреждений всех 11 субъектов Российской Федерации, входящих в Северо-Западный федеральный округ. Впервые после долгого перерыва на заседании НМС был представлен Ненецкий автономный округ, полномочия которого в области архивного дела ранее исполнялись Архангельской областью. С приветственным словом к участникам заседания НМС обратился заместитель председателя Правительства Калининградской области А.Н. Силанов. Заместитель руководителя Росархива В.П. Тарасов представил нового председателя НМС архивных учреждений Северо-Западного федерального округа С.А. Соколова, председателя Архивного комитета Санкт-Петербурга, являющегося базовым органом НМС. На пленарном заседании основной темой стало «Современное состояние и проблемы использования документов в архивных учреждениях Северо-Западного федерального округа». С докладом «Актуальные проблемы использования документов Архивного фонда Российской Федерации» выступил заместитель руководителя Росархива В.П. Тарасов. С сообщениями по теме заседания выступили заместитель директора ВНИИДАД Н.И. Химина и представители архивных учреждений Северо-Западного федерального округа, поделившиеся опытом своей работы в области использования архивных документов. Участники заседания НМС посетили Государственный архив Калининградской области и ознакомились с его работой. Им была предоставлена также возможность ознакомиться с достопримечательностями города и его окрестностей.

2–4 июня 2015 г. в г. Гродно (Республика Беларусь) состоялись совместное заседание коллегий Федерального архивного агентства и Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь и профессиональная встреча архивистов России и Белоруссии. В состав российской делегации, которую возглавлял руководитель Росархива А.Н. Артизов, входили начальник управления Росархива А.В. Юрасов, заместитель начальника управления–начальник отдела комплектования и документационного обеспечения управления Росархива Т.А. Мещерина, директор Государственного архива Российской Федерации С.В. Мироненко, директор Российского государственного архива экономики Е.А. Тюрина, директор филиала Российского государственного архива научно-технической документации (г. Самара) И.Н. Давыдова, директор ВНИИДАД М.В. Ларин, председатель Комитета по делам архивов при Правительстве Удмуртской Республики Н.В. Тойкина, заместитель директора Департамента культуры Брянской области А.И. Шендрик. Делегацию белорусских архивистов возглавлял директор Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь В.И. Адамушко. В рамках культурной программы обе делегации осмотрели достопримечательности Гродно и его окрестностей, в частности, связанные с Первой и Второй мировыми войнами.

С 4 по 5 июня 2015 г. в г. Челябинске состоялось очередное заседание Научно-методического совета архивных учреждений Уральского федерального округа (УФО), в работе которого участвовали руководители и специалисты архивных органов и учреждений всех регионов, находящихся в пределах УФО, а также начальник Управления Росархива А.В. Грошев и заведующая сектором ВНИИДАД И.В. Сабенникова. Основными из рассмотренных вопросов стали влияние сложившейся экономической ситуации на деятельность уральских архивов и их кадровое обеспечение. В целом, по результатам обсуждения признано, что, несмотря на снижение бюджетного финансирования, у архивных учреждений, как казенных, так и бюджетных, имеются определенные ресурсы, а также опыт преодоления возникших в настоящее время трудностей.

8-11 июня 2015 г. по приглашению Генеральной дирекции государственных архивов Турции делегация российских архивистов в составе руководителя Федерального архивного агентства А.Н. Артизова и заместителя директора Российского государственного архива древних актов Ю.М. Эскина посетила Турцию, где приняла участие в открытии российско-турецкой историко-документальной выставки «Москва-Стамбул: история отношений в архивных документах XV – начала XVIII вв.», состоявшемся в здании Османского архива в Стамбуле 9 июня 2015 г. Основу экспозиции составили документы Османского архива и РГАДА. Среди представленных на выставке материалов РГАДА большой интерес у ее посетителей вызвали такие уникальные документы как послание великого князя Московского Ивана III султану Баязету II 1492 г., материалы посольства Михаила Андреевича Плещеева в Царьград 1496 г., грамоты турецких султанов Ахмеда I, Мурада IV, Мехмеда IV рус-

ским царям Михаилу Федоровичу и Алексею Михайловичу, портрет султана Мехмеда IV работы русских художников 1672 г., документы постоянного российского посольства, находившегося в столице Турции с 1702 г., которое возглавлял предок великого русского писателя Льва Толстого Петр Андреевич Толстой. Турецкая часть выставки была представлена документами о российско-турецких отношениях с 1559 по 1730 г. На церемонии открытия выставки выступили руководитель Росархива А.Н. Артизов, генеральный директор государственных архивов Турции У. Унал, генеральный консул Российской Федерации в Стамбуле А.И. Кривенко. В соответствии с достигнутой договоренностью в сентябре 2015 г. выставка будет демонстрироваться в Москве. В ходе пребывания в Стамбуле делегация посетила Османский архив и ознакомилась с работой и составом документов этого учреждения.

10 июня 2015 г. состоялась встреча заместителя руководителя Федерального архивного агентства В.П. Тарасова с сопредседателем российско-румынской совместной комиссии по изучению вопросов, связанных с историей двусторонних отношений, включая вопрос о «румынском золоте», Иоанном-Аурелом Попом. Во время беседы стороны обсудили вопросы сотрудничества российских и румынских архивистов и историков, а также перспективы поиска в архивах России документов о судьбе золотого запаса румынского Национального банка, который был вывезен на хранение в Российскую империю в 1916 г. В беседе приняли участие Чрезвычайный и Полномочный Посол Румынии в Российской Федерации Василе Соаре и заместитель директора Института всеобщей истории РАН В.В. Ищенко.

17 июня 2015 г. в Государственном центральном музее современной истории России прошла презентация электронного ресурса «Государственный Комитет Обороны СССР 1941–1945». На презентации выступил и представил его руководитель Федерального архивного агентства А.Н. Артизов. Более 240 тысяч образов из хранящегося в Российском государственном архиве социально-политической истории архивного фонда Государственного Комитета Обороны (ГКО), в руках которого в годы войны была сосредоточена вся полнота власти, теперь открыты для свободного бесплатного доступа. Электронный ресурс «Государственный Комитет Обороны СССР 1941–1945» размещен на сайте «Документы советской эпохи» портала «Архивы России» (электронный адрес: http://sovdoc.rusarchives.ru). После презентации ведущие российские и международные эксперты приняли участие в заседании круглого стола «Вторая мировая война: новые источники, новые подходы к публикациям и исследованиям», организованном Федеральным архивным агентством, Российским государственным архивом социально-политической истории и Российским историческим обществом. В ходе заседания собравшимся было презентовано новое издание РГАСПИ «Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945 гг. Т. 1: 1941–1943. Аннотированный каталог в двух томах. (РОССПЭН). 2015. – 1222 с.

21–23 июня 2015 г. делегация российских архивистов в составе заместителя руководителя Росархива В.П. Тарасова и заместителя директора Российского государственного архива экономики Е.Р. Кураповой посетила г. Ташкент по приглашению Агентства «Узархив» при Кабинете Министров Республики Узбекистан. 22 июня в Художественной галерее Академии художеств Узбекистана состоялось открытие совместной российско-узбекской историко-документальной выставки на тему «Вклад Узбекистана в победу во Второй мировой войне», посвященной 70-летию Победы над фашизмом. Документы для экспозиции предоставили пять федеральных государственных архивов Российской Федерации и пять архивов Узбекистана. Головными организациями при подготовке выставки являлись Российский государственный архив экономики и Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Республики Узбекистан. В церемонии открытия выставки приняли участие и выступили В.П. Тарасов, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Узбекистан В.Л. Тюрденев, генеральный директор Агентства «Узархив» при Кабинете Министров Республики Узбекистан А.Х. Абдуллаев, заместитель директора Дирекции художественных выставок Академии художеств Узбекистана Л.М. Кодзаева, узбекские ветераны.

24 июня 2015 г. Федеральное архивное агентство сообщило о том, что руководитель Федерального архивного агентства, член Президиума Российского исторического общества (РИО) А.Н. Артизов принял участие и выступил на встрече Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председателя Российского исторического общества С.Е. Нарышкина с белорусскими историками в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы (г. Гродно, Республика Беларусь), состоявшейся в ходе рабочего визита С.Е. Нарышкина в Республику Беларусь. В рамках встречи состоялось обсуждение основных направлений взаимодействия российских и белорусских ученых в изучении истории Первой мировой войны и Великой Отечественной войны. Достигнута договоренность о презентации промежуточных результатов работы по оцифровке картотеки «Бюро учета потерь на фронтах Первой мировой войны» (http://archives.ru/press/30-01-2014-tobolsk.shtml) 15 сентября 2015 г. в связи со столетием начала боев под г. Сморгонь (Республика Беларусь).

25–26 июня 2015 г. в г. Кызыл (Республика Тыва) прошло очередное заседание Научно-методического совета архивных учреждений Сибирского федерального округа с участием представителей всех регионов округа (за исключением Республики Алтай), начальника управления Росархива А.В. Грошева и руководителя Департамента по архивному делу Республики Саха (Якутия) А.А. Захаровой. В ходе пленарного заседания Совета состоялось обсуждение путей улучшения качества предоставления государственных и муниципальных услуг в установленной сфере деятельности во исполнение планов мероприятий («дорожных карт»), направленных на повышение эффективности архивного дела в соответ-

ствующих субъектах Российской Федерации. По итогам дискуссии признано необходимым всемерно расширять практику внедрения электронного взаимодействия архивных органов и учреждений Сибири с территориальными органами Пенсионного фонда России, позволяющую значительно сократить сроки исполнения социально-правовых запросов, а также уменьшить число непосредственных обращений граждан в архивы.

1 июля 2015 г. в пресс-центре информационного агентства России ТАСС состоялась пресс-конференция руководителя Федерального архивного агентства, доктора исторических наук А.Н. Артизова. В пресс-конференции, в ходе которой был представлен сборник документов «Генерал Власов: история предательства»[3], подготовленный по инициативе Росархива при финансовой поддержке «Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)», приняли участие члены редколлегии сборника: директор Государственного архива Российской Федерации С.В. Мироненко, начальник Управления регистрации и архивных фондов ФСБ России В.С. Христофоров.

7 июля 2015 г. Федеральное архивное агентство сообщило, что объявленный Росархивом открытый конкурс «Выполнение научно-исследовательской работы "Концепция и проект технического задания на создание информационной системы "Единый электронный читальный зал федеральных архивов" (с использованием биллинговой системы")», выиграло акционерное общество «НПО Опыт». Основным назначением научно-исследовательской работы является расширение спектра архивных услуг и пользовательской аудитории за счет обеспечения доступности архивных информационных ресурсов федеральных архивов в сети Интернет. В результате выполнения первого этапа работы должна быть разработана Концепция единого электронного читального зала федеральных архивов. В случае одобрения Концепции в качестве второго этапа предполагается разработка проекта технического задания на создание информационной системы Единого электронного читального зала федеральных архивов (с использованием биллинговой системы).

8–10 июля 2015 г. в Москве находилась делегация Национального архива Республики Индонезия (НАРИ) во главе с его руководителем Мустари Ираваном. В состав делегации входили генеральный секретарь НАРИ Гина Масудах Хусни и директор по обеспечению сохранности фондов НАРИ Кандар. 8 июля делегацию принял и.о. руководителя Росархива В.П. Тарасов. В ходе беседы были обсуждены вопросы согласования Меморандума о сотрудничестве в области архивов между двумя ведомствами, возможные совместные проекты, в частности, подготовка памятного издания о российско (советско)–индонезийских отношениях. Индонезийские архивисты посетили также федеральные архивы РГАДА, ГАРФ, РГАНТД, где ознакомились с основными направлениями их деятельности, а также документами по истории Индонезии.

10 июля 2015 г. в Российской академии наук состоялось XVIII заседание Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений, в котором принял участие заместитель руководителя Федерального архивного агентства В.П. Тарасов. Заседание вели сопредседатели комиссии А.О. Чубарьян, директор Института всеобщей истории РАН, и А. Виршинг, директор Института современной истории, Мюнхен-Берлин. В рамках заседания состоялся научный коллоквиум «Империи, нации, регионы: имперские концепции в России и Германии в начале XX века».

13 июля 2015 г. для широкого круга посетителей открылась и продлится до 6 сентября 2015 г. выставка «Романовы и Гримальди. Три века истории (XVII–XIX вв.)». Выставка проходит в рамках проведения в Монако Года России, решение о котором принято в октябре 2013 г. в ходе государственного визита Князя Альбера II в Москву. Организаторы выставки Министерство культуры Российской Федерации, Федеральное архивное агентство, Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Архив княжеского дворца Монако. В экспозиции представлены подлинные документы из фондов ГАРФ и РГАДА об отношениях между династиями Романовых и Гримальди. 9 июля в помещении библиотеки Княжеского дворца Монако состоялось торжественное открытие историко-документальной выставки «Гримальди и Романовы. Три века истории (XVII–XX)». В официальной церемонии открытия выставки принял участие Князь Монако Альбер II. На церемонии выступил руководитель Федерального архивного агентства А.Н. Артизов, который передал Архиву Княжеского дворца копию морской карты одной из экспедиций известного ученого, океанографа и гидрометеоролога князя Альбера I и ряд связанных с ними документов из российских архивов. В ходе мероприятия подписан Меморандум о сотрудничестве между Федеральным архивным агентством и Архивом и библиотекой Княжеского дворца Монако.

20 июля 2015 г. Федеральным архивным агентством в качестве государственного заказчика подписан с ООО «АДАПТ» Государственный контракт на оказание услуг в рамках федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)» по технической поддержке общеотраслевой ИС «Архивный фонд» (программного комплекса приложений «Архивный фонд», «Фондовый каталог» и «Центральный фондовый каталог»).

22 июля 2015 г. заместитель руководителя Росархива В.П. Тарасов и заместитель начальника Управления Росархива Т.Г. Занина приняли участие в совещании по подготовке российско-германской историко-документальной выставки «Россия – Германия: от конфронтации к сотрудничеству. К 70-летию окончания Второй мировой войны», проходившем в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). В совещании также приняли участие руководящие работники ГАРФ. Германскую сторону представляли директор Российско-германского музея «Берлин-Карлсхорст» Й. Морре и сотрудники музея. На заседании согласованы организационные вопросы подготовки выставки, каталога, других мероприятий в рамках проведения выставки. Открытие выставки в Берлине в Музее им. М. Гроппиуса запланировано на 28 октября 2015 г., в Москве в Государственном историческом музее – на 10 ноября 2015 г.

30 июля 2015 г. министр культуры Российской Федерации В.Р. Мединский провел совещание по актуальным вопросам развития архивной отрасли. На совещании выступили заместитель министра культуры Российской Федерации Г.П. Ивлиев, и.о. руководителя Федерального архивного агентства В.П. Тарасов, директор Государственного архива Российской Федерации С.В. Мироненко и директор Российского государственного архива экономики Е.А. Тюрина. Были обсуждены вопросы развития архивного дела в Российской Федерации, финансирования отрасли, оплаты труда ее сотрудников, а также стоящие перед федеральными архивами задачи и пути их решения. На совещание были приглашены руководящие сотрудники Росархива и директора федеральных архивов, расположенных в г. Москве.

Примечания

1 Из истории российско-грузинских отношений: К 230-летию заключения Георгиевского трактата. – М., Древлехранилище, 2014. *Iz istorii rossijsko-gruzinskih otnoshenij: K 230-letiju zakljuchenija Georgievskogo traktata* [Russian-Georgian relations: Pages of history: To the 230th anniversary of the Treaty of Georgievsk]. Moscow, Drevlehranilishhe publ., 2014. Издание подготовлено специалистами Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного архива древних актов, Архива внешней политики Российской империи МИД России и Института российской истории РАН. В сборнике опубликованы хранящиеся в фондах российских архивов 400 документов, из них 287 впервые, о подготовке и заключении в 1783 г. Георгиевского трактата между Российской империей и Восточно-Грузинским царством, политических и военных событиях на Кавказе и в Закавказье в 1769–1796 гг., предшествовавших заключению этого договора и явившихся его следствием, о влиянии соглашения на дальнейшую историю российско-грузинских отношений.

2 Оборонно-промышленный комплекс СССР накануне Великой Отечественной войны (1938 – июнь 1941)». Т. 4. История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1901–1963 гг. / Под ред. А.К. Соколова. Отв. сост. Т.В. Сорокина. – М.: ТЕРРА»–Книжный Клуб Книговек, 2015. *Oboronno-promyshlennyj kompleks SSSR nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny (1938 – ijun' 1941). T. 4. Istorija sozdanija i razvitija oboronno-promyshlennogo kompleksa Rossii i SSSR. 1901–1963 gg.* [Defence industry complex of the USSR on the eve of the Great Patriotic War: 1938 – June 1941. Vol. 4. History of formation and development of the defence industry complex of Russia and the USSR: 1901-1963]. Moscow, TERRA–Knizhnyj Klub Knigovek publ., 2015. В четвертый том серии: вошли не публиковавшиеся ранее 205 архивных документов по истории оборонно-промышленного производства в предвоенные годы. Это документы из архивных фондов учреждений, руководивших оборонной промышленностью – СНК, Комитета обороны, Политбюро ЦК ВКП(б), секретариатов И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, Госплана, Наркомата оборонной промышленности, наркоматов вооружений, боеприпасов, авиапромышленности, судостроительной промышленности.

3 Генерал Власов: история предательства. Сборник документов. / Под ред. А.Н. Артизова. В 2 т. 3 кн. – М.: РОССПЭН, 2015. *General Vlasov: istorija predatel'stva. Sbornik dokumentov. Pod red. A.N. Artizova. V 2 t. 3 kn.* [General Vlasov: The history of defection: A collection of documents. Ed. A.N. Artizov. In 2 vol., 3 books]. Moscow. ROSSPJEN publ., 2015. В состав издания включены свыше 700 документов из 14 российских и зарубежных архивов. Первый том сборника «Нацистский проект «Aktion Wlassow» посвящен истории предательства генерала А.А. Власова и так называемому «власовскому движению». Во втором томе «Из следственного дела А.А. Власова», книга первая, представлены документы из архивно-следственного дела А.А. Власова и 11 активных участников КОНР, находящегося на хранении в Центральном архиве Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Во второй книге второго тома представлены итоговые документы следствия, протест в порядке надзора Генеральной прокуратуры Российской Федерации по делу А.А. Власова и его сообщников, а также воспоминания современников Власова, содержащие различные мнения о его личности и «власовском движении».

Список литературы

1. Генерал Власов: история предательства. Сборник документов. / Под ред. А.Н. Артизова. В 2 т. 3 кн. – М.: РОССПЭН, 2015.

2. Из истории российско-грузинских отношений: К 230-летию заключения Георгиевского трактата. – М., Древлехранилище, 2014.

3. Оборонно-промышленный комплекс СССР накануне Великой Отечественной войны (1938 – июнь 1941). Т. 4. История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1901–1963 гг. / Под ред А.К. Соколова. Отв. сост. Т.В. Сорокина. – М.: ТЕРРА–Книжный Клуб Книговек, 2015.

References

1. *General Vlasov: istorija predatel'stva. Sbornik dokumentov. Pod red. A.N. Artizova. V 2 t. 3 kn.* [General Vlasov: The history of defection: A collection of documents. Ed. A.N. Artizov. In 2 vol., 3 books]. Moscow. ROSSPJEN publ., 2015.

2. *Iz istorii rossijsko-gruzinskih otnoshenij: K 230-letiju zakljuchenija Georgievskogo traktata* [Russian-Georgian relations: Pages of history: To the 230th anniversary of the Treaty of Georgievsk]. Moscow, Drevlehranilishhe publ., 2014.

3. *Oboronno-promyshlennyj kompleks SSSR nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny (1938 – ijun' 1941). T. 4. Istorija sozdanija i razvitija oboronno-promyshlennogo kompleksa Rossii i SSSR. 1901–1963 gg.* [Defence industry complex of the USSR on the eve of the Great Patriotic War : 1938 – June 1941. Vol. 4. History of formation and development of the defence industry complex of Russia and the USSR: 1901–1963]. Moscow, TERRA–Knizhnyj Klub Knigovek publ., 2015.

Сведения об авторах

Буравченко Нина Александровна, консультант (пресс-секретарь) Федерального архивного агентства, Российская Федерация, г. Москва, 8-495-606-23-29, buravchenko_na@gov.ru

About the author

Buravchenko Nina Alexandrovna, consultant (press secretary) of the Federal Archival Agency, Russian Federation, Moscow, 8-495-606-23-29, buravchenko_na@gov.ru

ГЕНЕАЛОГИЯ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Genealogy: Domestic and Foreign Experience

Д.И. ПЕТИН,
г. Омск, Российская Федерация

ВСЕВОЛОД ОССОВСКИЙ: БЫВШИЙ БЕЛЫЙ ОФИЦЕР В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Petin D.I.,
Omsk, Russian Federation

Vsevolod Ossowsky: Ex-White Guard Officer in Soviet Russia

Аннотация
В статье представлено историко-биографическое исследование, цель которого – раскрыть на примере отдельно взятого человека положение представителей бывшего белого офицерства в советской России, начиная с первых десятилетий после окончания Гражданской войны и вплоть до предвоенных лет. В качестве предмета исследования рассматривается судьба поручика Всеволода Борисовича Оссовского – именно рядового участника Гражданской войны, каковых было много. Работа подготовлена на основе обширного комплекса неопубликованных исторических источников, находящихся на постоянном хранении в Историческом архиве Омской области и архиве Управления ФСБ России по Омской области. Среди выявленных источников информационное преимущество было отдано учетным документам советского военного ведомства и гражданских учреждений, а также различным документальным материалам органов государственной безопасности. Среди документов, использованных для написания статьи – формулярные списки, анкеты, а также материалы дела бывшего белого офицера и следственная документация ВЧК–ОГПУ. Данная публикация может представлять интерес для широкого круга читателей – исследователей отечественной военной истории, истории советских спецслужб, истории советского общества, а также для практикующих генеалогов.

Abstract
The article features a historical and biographical study, a case-study of one person, which aims to reconstruct the circumstances of ex-White Guard officers in Soviet Russia from the first decades following the Civil War till pre-war years. The research subject is the fate of senior lieutenant Vsevolod Borisovich Ossovsky, who was an ordinary participant in the Civil War, one of many. The article is based of a wide array of unpublished historical sources permanently stored in the Historical Archive of the Omsk Region and those from the Archive of the Federal Security Service (FSB) Directorate for the Omsk Region. Among all uncovered sources, the author emphasizes the filing documents of Soviet military and civil institutions and various documentary materials of the state security. The article draws on records of service, questionnaires, as well as case materials of the ex-White Guard officer and investigatory files of the Cheka–OGPU. The publication is aimed for scholars of the Russian military history, history of the Soviet special services, history of the Soviet society and for practicing genealogists.

Ключевые слова
Биографические источники, практическая генеалогия, Гражданская война, РККА, белое движение, офицерство, репрессии.

Keywords
Biographical sources, practical genealogy, Civil War, Red Army, White Movement, officers, repression.

Окончание военных действий на фронтах Гражданской войны не означало окончание ежедневных «боев» представителей проигравшей стороны за право быть полноценным членом советского общества. Историки доказывают тезис о притеснении белогвардейцев советским обществом, или, напротив, отстаивают мнение, что большинство из бывших деятелей антибольшевистского движения органично вписались в новую систему, адаптировавшись в ней. Оба вывода научны и подкреплены источниками и статистикой, хотя и содержат в себе противоречие.

В данном случае истинным мерилом исторической правды может выступить только судьба человека. Поэтому в качестве наглядного примера для рассмотрения положения бывших белых офицеров в советской России в первые десятилетия после окончания Гражданской войны выбран ее рядовой участник, каковых были массы – Всеволод Борисович Оссовский. Он родился 11 июня 1896 г. в Ташкенте. Его отец – Борис Александрович

Оссовский (1864–1916 гг.) – происходил из старинного рода потомственных дворян Минской губернии, получивших свой титул за военную службу. Мать Всеволода – Мария Ивановна Оссовская (урожденная Дмитриева) (1870–не уст.) была дочерью преподавателя Оренбургской военной прогимназии[1]. Младенца Всеволода крестили 29 июня 1896 г. в Ташкентском военном Спасо-Преображенском соборе; обряд произвел священник Андрей Богословский. Восприемниками были коллежский советник Алексей Николаевич Ильинский и жена врача Наталья Николаевна Кринкова[2].

В момент появления Всеволода на свет его отец служил в звании сотника в 5-м Оренбургском казачьем полку, расквартированном тогда в Ташкенте. Всеволод был вторым ребенком в семье (первенец семьи Бориса и Марии Оссовских – дочь Вера – родилась 26 декабря 1892 г.). После рождения Всеволода в семье Оссовских на свет появились еще четверо детей – сыновья Николай (6 ноября 1898 г.) и Павел (29 июня 1901 г.), дочери Надежда (1903 г.) и Мария (22 марта 1907 г.)[3]. Однако Вера, Павел и Надежда умерли в октябре 1908 г. от скарлатины. Следуя по месту нового назначения главы семьи, Оссовские в 1898–1902 гг. жили в Оренбурге, в 1902–1906 гг. – в Каркаралинске, с 1906 г. – обосновались в Петропавловске, где Б.А. Оссовский получил должность Петропавловского уездного начальника и звание подполковника[4].

В 1910 г. Всеволод поступил в третий класс Омского кадетского корпуса. Но, как он отмечал позднее в одной из автобиографий, «не имея с детства расположения к военной службе», ему «сразу не понравился режим закрытого военно-учебного заведения»[5]. Поэтому на следующий год он был переведен в Петропавловское уездное реальное училище. Экзамены за шестой класс Всеволод сдал экстерном в 1914 г. Но закончить 7-классное обучение ему помешала начавшаяся Первая мировая война. 7 августа 1915 г. В.Б. Оссовский добровольно пошел в армию вольноопределяющимся в расквартированный в Петропавловске 33-й Сибирский пехотный запасной полк. В середине мая 1916 г., окончив двухмесячный курс подготовки в полковой учебной команде, вольноопределяющийся Оссовский был направлен продолжать военное обучение в 1-ю Омскую школу прапорщиков. Здесь 20 августа 1916 г. он был произведен в младшие унтер-офицеры, а 10 сентября 1916 г., пройдя учебный курс школы, приказом войскам Омского военного округа Всеволод Оссовский получил чин прапорщика пехоты. Через 5 дней В.Б. Оссовский был назначен в 1-ю Омскую школу прапорщиков помощником курсового офицера. Затем некоторое время служил курсовым офицером[6].

15 августа 1916 г. Оссовских постигла тяжелая утрата: на 53-м году скоропостижно ушел из жизни глава семьи. Его вдова и дочь на некоторое время оказалась в крайне тяжелом финансовом положении, но вскоре МВД назначило семье усиленную пенсию с учетом заслуг и эмеритальных отчислений подполковника Б.А. Оссовского[7].

В 1-й Омской школе прапорщиков Всеволод Оссовский служил около полугода. 17 января 1917 г. его перевели в 33-й Сибирский пехотный запасной полк; а 5 июля того же года – направили на Юго-Западный фронт в распоряжение командира 259-го пехотного полка. В полку 22 июля 1917 г. прапорщик Оссовский получил должность младшего офицера 12 роты. Но в боях В.Б. Оссовский не участвовал из–за болезни. 27 ноября 1917 г. его направили на лечение в Шепетовку в 57-й тыловой эвакогоспиталь, оттуда – в Киев, затем – в Уфу, а после уже – в Омск. Комиссия врачей при Омском военном госпитале 16 декабря 1917 г. признала В.Б. Оссовского годным к несению только нестроевой службы[8].

В стране в этот момент уже происходило установление советской власти. Большевистское правительство планировало как можно скорее выйти из войны. Армейские части стали постепенно расформировывать. Приказом войскам Омского военного округа от 24 января 1918 г. прапорщика Оссовского, как и многих других, демобилизовали. С декабря 1917 г. до лета 1918 г. Всеволод жил мирной жизнью: работал в управлении Кулундинской железной дороги таксировщиком, а затем конторщиком службы контроля сборов. Планировал продолжить обучение. Перемены произошли и в личной жизни: 12 ноября 1917 г. Всеволод обвенчался с 17-летней Елизаветой Михайловной Гомбинской, дочерью потомственного дворянина, подполковника М.К. Гомбинского. 22 августа 1918 г. у Всеволода с женой родилась дочь Вера[9].

Но политические события лета 1918 г. вернули В.Б. Оссовского в армию. Через месяц после Чехословацкого мятежа, 30 июня 1918 г., к власти в Омске пришло Временное Сибирское правительство. Оно начало активную мобилизацию. Как указывал В.Б. Оссовский позже, антисоветский июньский переворот вновь сделал его офицером. Согласно приказу войскам Омского военного округа от 13 июня 1918 г. В.Б. Оссовский прибыл в штаб округа. Так начались будни Всеволода Оссовского в белой армии, но большую часть этой службы (с июня 1918 г. по ноябрь 1919 г.) он провел в Омске. Врачи Омского военного госпиталя вновь признали его годным к нестроевой службе. Прапорщик Оссовский 24 июня 1918 г. получил назначение в караульную команду при начальнике Омского гарнизона на должность младшего офицера. 1 августа 1918 г. Всеволод был переведен в 1-й Степной Сибирский запасной полк (впоследствии – 51-й Сибирский Степной стрелковый полк) помощником полкового адъютанта, а затем командиром 6 роты (на запасном основании).

Ввиду переформирования полка в трехбатальонный состав и расформирования роты, В.Б. Оссовский некоторое время занимал должность младшего офицера 7 роты полка. С 8 декабря 1918 г. он недолго служил адъютантом в школе подготовки ротных командиров при штабе 2-го Степного корпуса. 20 января 1919 г. прапорщик Оссовский был вновь переведен в штаб 1-й Степной Сибирской кадровой дивизии (впоследствии 11-я Сибирская стрелковая дивизия) старшим адъютантом по строевой части штаба дивизии. Вскоре штаб и строевые части дивизии отправились на фронт. Но приказом по дивизии прапорщик Оссовский был оставлен в Омске в распоряжении начальника дивизии для осуществления наблюдения за правильностью движения тыловых частей дивизии, после чего в феврале 1919 г был назначен офицером для поручений штаба той же дивизии. Приказом Верховного правителя и Верховного главнокомандующего от 22 марта 1919 г. Всеволод Оссовский получил очередное звание подпоручика (со старшинством с 22 февраля 1919 г.). Но в знак поощрения приказом Верховного правителя и Верховного главнокомандующего от 14 июля 1919 г. старшинство в звании подпоручика Всеволоду Оссовскому было определено с 14 июля 1917 г. «за Германскую войну»[10] – так, в разного рода источниках и разговорной речи до 1940-х гг., именовалась война, позже получавшая в историографии название «Первой мировой».

Но поскольку штаты дивизии не утвердили, В.Б. Оссовского в феврале 1919 г. перевели в расквартированный в Омске 18-й Павлодарский полк Отдельной Сибирской стрелковой бригады, где до осени 1919 г. он и прослужил. Находясь в этом полку, приказом Верховного правителя и Верховного главнокомандующего от 12 августа 1919 г. Всеволод Оссовский получил звание поручика. Затем (вплоть до ноября 1919 г.) Оссовский продолжил служить при штабе 1-й Сводной дивизии. С 7 сентября 1919 г. – он был обер-офицером для поручений по строевой части штаба дивизии, находился в распоряжении начальника дивизии и был прикомандированным к ее штабу. 12 ноября 1919 г., накануне ухода белых армий из Омска, расформировали штаб Омской отдельной группы войск, где в отделении Дежурного генерала на тот момент служил поручик Оссовский. До получения особого указания В.Б. Оссовского откомандировали в Новониколаевск (ныне – Новосибирск), в распоряжение Дежурного генерала штаба 2-й армии Восточного фронта[11].

В конце 1919 г. поручик Оссовский оказался с отступающими деморализованными колчаковскими войсками в Восточной Сибири. Не доезжая Красноярска, эшелону, где ехал Оссовский, стало известно, что город контролируют красные партизаны, а значит, следовать туда было уже нельзя. Офицерам, ехавшим с семьями, было предложено объехать Красноярск не на лошадях обходом, а с проходившими на восток санитарными поездами, которые пропускались партизанами беспрепятственно. Оссовский, следовавший вместе с женой, использовал эту возможность, однако, не поехал дальше, а добровольно остался в Красноярске. В первые дни января 1920 г. в город зашли части РККА, и установилась советская власть. Поручик Оссовский 20 января 1920 г. явился к военному коменданту города Красноярска и встал на учет, как бывший белый офицер[12]. Это сделали тысячи других колчаковских офицеров, в противном случае, за скрытие факта службы в белой армии этим людям грозил ревтрибунал. Позже В.Б. Оссовский о полутора годах службы в белой армии лаконично ука-

зывал: «На фронте не был, в боях не участвовал, ранен и контужен не был, наград не имею»[13].

9 марта 1920 г., особым отделом штаба 5–й армии Всеволод Оссовский был взят на учет и направлен в дивизию имени III-го Интернационала старшим делопроизводителем отдела связи. Привлечение на службу в ряды РККА бывших белых офицеров из-за острого кадрового дефицита было тогда вполне объяснимо. Дивизию, где служил Всеволод Оссовский, передислоцировали из Красноярска в Омск, но 23 апреля 1920 г. расформировали. В.Б. Оссовского откомандировали в распоряжение штаба Западно–Сибирского военного округа. А с 20 апреля 1920 г. он стал начальником строевой части курсов Всевобуча. В апреле 1920 г. курсы из Омска перевели в Томск. Но Оссовский пожелал остаться в Омске, и его назначили командиром роты, а затем старшим военруком на Окружные военные командно-инструкторские курсы. Здесь же машинисткой служила его жена[14]. С момента поступления на службу в РККА Всеволод Оссовский, как бывший белый офицер, состоял на учете в особых отделах ВЧК–ОГПУ по месту военной службы, а затем – Омском уездном военкомате[15]. По службе в РККА В.Б. Оссовский положительно характеризовался руководством. Одна из его характеристик сообщает, что он, «состоя на службе, нес таковую исправно, и за все время в высшей степени честно и добросовестно, со знанием дела выполнял возложенные на него обязанности, и в поведении своем ни в чем предосудительном замечен не был»[16].

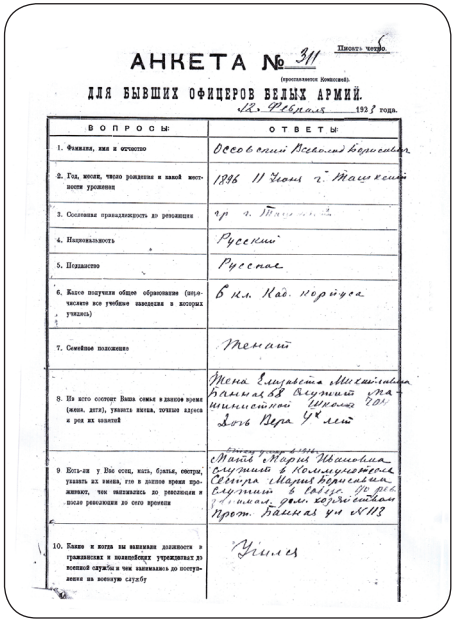
Когда Всеволод уже служил в РККА, погиб его младший брат Николай Оссовский (1898–1920 гг.). Он окончил Омский кадетский корпус, а в период Гражданской войны в чине прапорщика служил в белой армии. Николая Оссовского арестовали и доставили в Иркутск. В октябре 1920 г. Иркутский губернский ревтрибунал обвинял Н.Б. Оссовского как активного участника свержения советской власти в Петропавловске в мае 1918 г., служившего в отряде генерала Волкова. Николая Оссовского по решению суда расстреляли в Иркутской тюрьме в октябре 1920 г.[17]

Но в начале 1921 г. Всеволода Оссовского и его семью ждало новое испытание. 12 февраля 1921 г. Всеволода арестовали чекисты. Повлекло арест служебное недоразумение. При обыске на

квартире Оссовских нашли чистые бланки служебных документов. Ранее начальство неоднократно заставляло В.Б. Оссовского брать работу на дом. В день обыска и ареста Всеволод на службе не был, находясь по болезни дома. Как он сообщил на допросе, начальник курсов Панин приказал накануне Оссовскому привести делопроизводство в порядок. Всеволод 10 февраля 1921 г. взял работу на дом. Среди бумаг он обнаружил чистые бланки со штампом и печатями, а также бланки со штемпелем. На следующий день Панин с вестовым прислал Всеволоду записку, где потребовал срочно вернуть бумаги обратно. Дела Оссовский передал вестовому, но бланки документов, исходя из опасений, оставил у себя, чтобы лично их передать комиссару курсов Н.Н. Макарову. Придя на службу в 4 часа дня того же дня, Всеволод не застал комиссара, а когда вернулся домой – его уже ждали чекисты с ордером на обыск и арест[18].

На допросах Всеволод Оссовский категорично отрицал свою вину, равно как и то, что ему было что-либо известно об участии его брата Николая в антисоветском подполье в Петропавловске в 1918 г.[19] При этом надо оговориться, что весной 1918 г. в Петропавловске действительно функционировала тайная офицерская организация. Поднятый заговорщиками мятеж привел к падению в городе советской власти 31 мая 1918 г.[20] Николай Оссовский мог быть причастен к этой организации, и в силу ее конспиративного характера родственники могли быть не осведомлены о его членстве в ней. Но расстрел Н.Б. Оссовского и служба в белой армии его брата Всеволода были для последнего поводами к подозрению со стороны ЧК и окружения. Военком курсов Н.Н. Макаров на допросе в Омской губернской ЧК, в частности, показал, что за Оссовским никогда ничего подозрительного не замечалось, хотя к нему, как к бывшему колчаковскому офицеру, испытывалось недоверие[21].

Но в ходе следствия чекисты так и не нашли обвинительных свидетельств в отношении В.Б. Оссовского, и 10 сентября 1921 г. освободили арестанта за недоказанностью вины. Проведя полгода в тюрьме, Оссовский вышел на свободу с правом продолжить службу, и прослужил еще три месяца делопроизводителем в Сибирской школе ЧОН. 20 декабря 1921 г. его демобилизовали из



АНКЕТА № 311

(проставляется Комиссией)

ДЛЯ БЫВШИХ ОФИЦЕРОВ БЕЛЫХ АРМИЙ.

12 Февраля 1923 года.

ВОПРОСЫ:	ОТВЕТЫ:
1. Фамилия, имя и отчество	Оссовский Всеволод Бернгардович
2. Год, месяц, число рождения и какой местности уроженец	1896 11 Июня г. Ташкент
3. Сословная принадлежность до революции	пр. г. Ташкента
4. Национальность	Русский
5. Подданство	Русское
6. Какое получили общее образование (перечислить все учебные заведения в которых учились)	6 кл. Кад. корпуса
7. Семейное положение	Женат
8. Из кого состоит Ваша семья в данное время (жена, дети), указать имена, точные адреса и род их занятий	Жена Елизавета Михайловна Ташкент Вокзальная ул. Начальная школа 2 кл. Дочь Вера 4 лет
9. Есть-ли у Вас отец, мать, братья, сестры, указать их имена, где в данное время проживают, чем занимались до революции и после революции до сего времени	Мать Мария Николаевна служит в Коммунотделе Сестра Мария Бернгардовна служит в Райзо. Ранее служила в Ташкентском Прот. Банная ул. №13
10. Какие и когда Вы занимали должности в гражданских и военных учреждениях до военной службы и чем занимались до поступления на военную службу	Учился

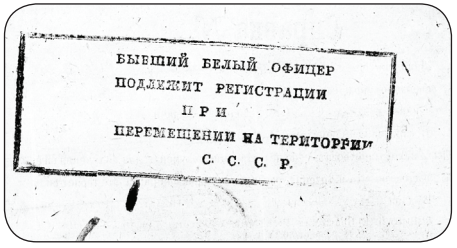
Титульный лист анкеты бывшего офицера белых армий, заполненной В.Б. Оссовским. Омск. 12 февраля 1923 г. Из фондов архива Управления ФСБ России по Омской области.
Front page of the questionnaire of an ex White Guard officer filled in by V.B. Ossovsky. Omsk. 1923. From the Archive of the FSB Directorate for the Omsk Region.

рядов РККА, как и многих других бывших белых офицеров. Хотя начальство возбуждало ряд ходатайств об оставлении Всеволода на службе, но ни одно из них не удовлетворили[22]. Здоровье Всеволода Оссовского к концу 1921 г. уже не позволяло ему служить в армии. Сам он признавал себя годным только к штабной или канцелярской работе[23].

Так, Всеволод Оссовский стал советским служащим, но за короткий срок неоднократно поменял место работы. С 23 декабря 1921 г. по 24 марта 1922 г. он работал помощником секретаря, а затем старшим делопроизводителем в Омском губернском исполкоме. С весны 1922 г. до 5 ноября 1922 г. был таксировщиком, делопроизводителем и счетоводом Сибирского округа путей сообщения. На рубеже 1922–1923 гг. Всеволод Оссовский, являясь безработным, состоял на Омской бирже труда. Недолго работал фотографом-лаборантом в частном омском фотоателье. С 26 мая 1923 г. он был принят счетоводом–делопроизводителем в финансово-коммерческий отдел Омского губернского совета народного хозяйства. Будучи советским служащим, Оссовский занимался и общественной работой в культурной комиссии по военизации комсомола. Проживая в Омске, Всеволод, как бывший белый офицер, находился под подпиской о невыезде без

санкции органов ОГПУ. На воинском учете РККА Оссовский значился как рядовой[24].

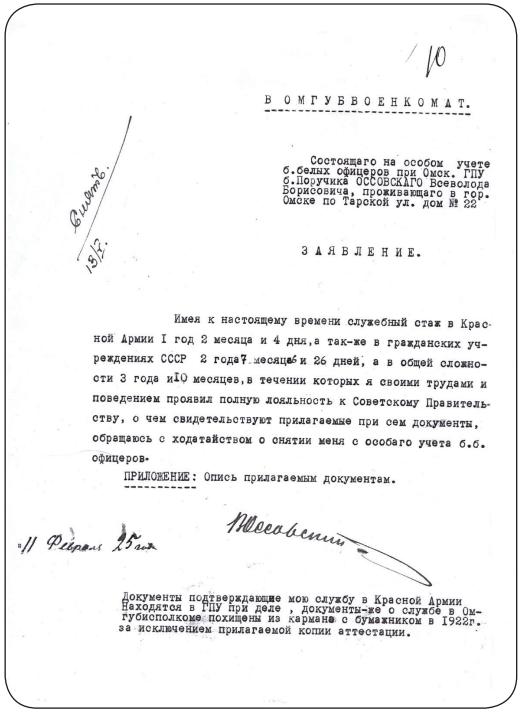
Приказ РВС СССР № 191 от 19 февраля 1925 г. снимал с особого учета всех находящихся к этому моменту в рядах РККА и РККФ бывших белых офицеров и военных чиновников. 19 марта 1925 г. ОГПУ издало соответствующий циркуляр о порядке снятия с особого учета бывших офицеров и военных чиновников. Оставить на учете рекомендовалось только действительно вредный и враждебный советской власти элемент, активно участвовавший в белом движении и способный в дальнейшем проявить свою активность[25].



Пример регистрационного штампа органов ГПУ, ставившегося на оборотной стороне вида на жительство бывших белых офицеров. Омск. Не ранее 1923 г. Из фондов Исторического архива Омской области.
A registration stamp of the GPU, as on the back-page of a residence permit of ex-White Guard officer. Omsk. After 1923. From the fonds of the Historical Archive of the Omsk region.

Накануне появления этих нормативных актов, 11 февраля 1925 г., Всеволод Оссовский обратился в Омский губернский военкомат с ходатайством о снятии себя с особого учета бывших белых офицеров в Омском городском отделе ОГПУ. В заявлении он указывал о себе, что своими трудами и поведением проявил полную лояльность к советскому правительству. Комиссия по пересмотру ходатайств бывших белых офицеров и чиновников военного времени, состоящих на особом учете органов ОГПУ, ходатайство В.Б. Оссовского удовлетворила 15 мая 1925 г.[26]

Снятие с особого учета органами ОГПУ большого числа бывших белых офицеров произошло в течение второй половины 1920-х гг. Тем не менее, неформальная «принадлежность» этих граждан к «неблагонадежной» категории общества за ними сохранялась. Она выливалась на практике в негласное, а порой и официальное подозрение, игнорирование и отторжение обществом и советской системой.



В ОМГУБВОЕНКОМАТ.

Состоящего на особом учете
б.белых офицеров при Омск. ГПУ
б.Поручика ОССОВСКАГО Всеволода
Борисовича, проживающаго в гор.
Омске по Тарской ул. дом № 22

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Имея к настоящему времени служебный стаж в Красной Армии 1 год 2 месяца и 4 дня,а так-же в гражданских учреждениях СССР 2 года7 месяцев и 26 дней, а в общей сложности 3 года и10 месяцев,в течении которых я своими трудами и поведением проявил полную лояльность к Советскому Правительству, о чем свидетельствуют прилагаемые при сем документы, обращаюсь с ходатайством о снятии меня с особаго учета б.б. офицеров.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Опись прилагаемым документам.

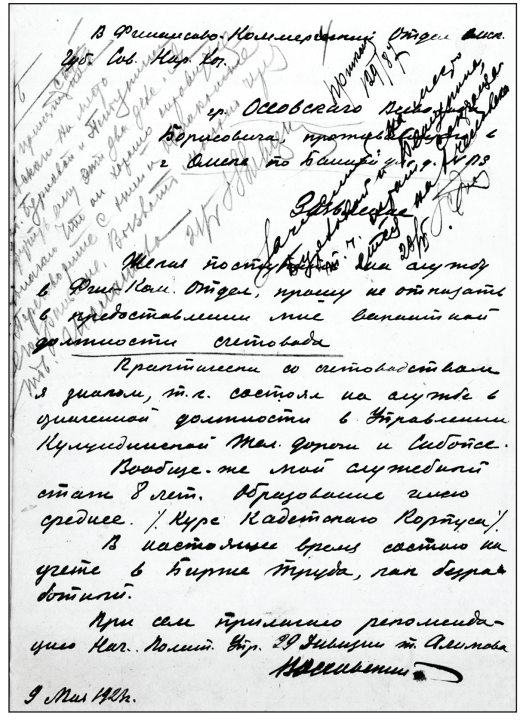
11 Февраля 25 год.

Документы подтверждающие мою службу в Красной Армии Находятся в ГПУ при деле , документы-же о службе в Омгубисполкоме похищены из кармана с бумажником в 1922г. за исключением прилагаемой копии аттестации.

Ходатайство В.Б. Оссовского в Омский губернский военкомат о снятии его с особого учета бывших белых офицеров. 11 февраля 1925 г. Из фондов архива Управления ФСБ России по Омской области.
Petition V.B. Ossovsky to the Omsk province military commissariat to de-register from on the special register on former White Guard officers. Omsk. February 11, 1925. From the Archive of the FSB Directorate for the Omsk Region.

Неоднократно заполняя в течение 1920-х гг. анкеты советских учреждений, Всеволод Оссовский в ответах на отдельные вопросы, вероятно, лукавил: «политикой не интересуюсь, отношение к советской власти – лояльное, с известными мне декретами советской власти согласен. Отношение к революции по свержению самодержавия – самое восторженное. Не будучи политически подготовлен, к Октябрьской революции относился как к должному политическому течению. Вполне разделяю и сочувствую заданиям советского правительства в деле укрепления СССР. За все время службы в белой армии на фронте против советской власти ни одного дня не был, каких-либо наград за Гражданскую войну не получал»[27]. Текстуальный анализ большого количества анкет, заполненных бывшими белыми офицерами, наглядно показывает, что подобная тенденция «клишированного» мнения массово прослеживалась в ответах на «политический блок» вопросов анкеты.

Сталинский тезис 1929 г. об обострении классовой борьбы активизировал деятельность ОГПУ по выявлению всевозможных «врагов». Повсеместно были «вскрыты» и стали ликвидироваться сотни «контрреволюционных» организаций, ставивших перед собой цель свержения советской власти. Создание «заговора» в Сибири в 1933 г. явилось очередным звеном этой цепи. В рамках раскрытия «Белогвардейского заговора» в 1933 г. в Омске репрессировали 296 человек. В основной массе арестованных приговорили к заключению в лагерь на пять и десять лет, условным срокам и высылке[28].

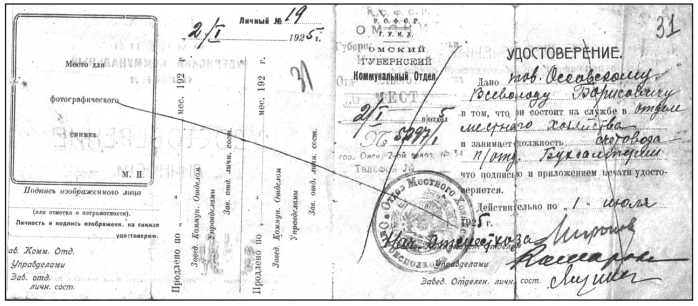


Заявление В.Б. Оссовского о принятии его на работу в Омский губернский совет народного хозяйства. 9 мая 1923 г. Омск. Из фондов Исторического архива Омской области.
V.B. Ossovsky's employment application form for the Omsk Regional Economic Soviet. Omsk. May 9, 1923. From the fonds of the Historical Archive of the Omsk region.

Одним из тех омичей, кто попал под репрессии в 1933 г. в рамках фальсифицированного антисоветского заговора, был и Всеволод Оссовский. Тогда он работал старшим бухгалтером районной конторы «Союзсеменовод». Его арестовали 17 апреля 1933 г., предъявив обвинение по статье 58 пунктам 2–11 Уголовного кодекса РСФСР. В частности, Оссовскому вменялось участие в «контрреволюционной повстанческой бело-

Омский Губернский
СОВЕТ
Народного Хозяйства.
Удостоверение.
Предъявитель сего Оссовский
Всеволод Борисович
состоит на службе в Омском Губернском
Совете Народного Хозяйства [Губсовнархозе]
в должности ситовода-дилотроизводителя Р.К.О.
Специальность и стаж ситовод-дилотроизводитель
Время поступления 20 Мая 1923 г.
Действительно по 1 Августа 1923 г.
Подпись владельца
Срок действия сего удостоверения продлен:
1. По 1 Сентября 1923 г.
2. По 1 Октября 1923 г.
3. По 1 Ноября 1923 г.
4. По 1 Декабря 1923 г.
5. По 1 Января 1924 г.
6. По ... 192 г.
7. По ... 192 г.
8. По ... 192 г.

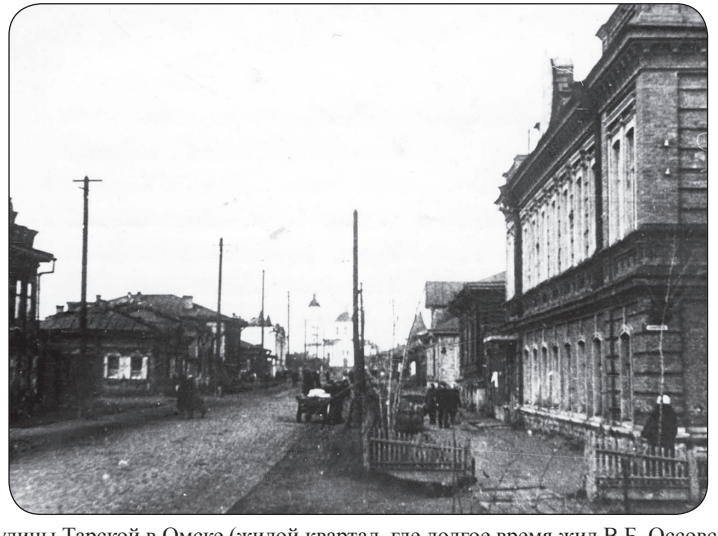
Удостоверение личности, выданное В.Б. Оссовскому в период его работы в Омском губернском совете народного хозяйства. 27 июня 1923 г. Из фондов Исторического архива Омской области.
Identity card issued to V.B. Ossowski during his work in the Omsk Province Economics the Omsk Regional Economic Soviet. June 27, 1923. From the fonds of the Historical Archive of the Omsk region.


Личный № 19
2/I 1925 г.
Место для фотографического снимка.
М. П.
Подпись изображенного лица
Личность и подпись изображенн. на снимке удостоверяю.
Губернский Коммунальный Отдел
УДОСТОВЕРЕНИЕ.
Дано нач. Оссовскому Всеволоду Борисовичу
в том, что он состоит на службе в отделе местного хозяйства
и занимает должность ситовода
что подписью и приложением печати удостоверяется.
Действительно по 1 июля 1925 г.
Продлено по ... 192 г.

Удостоверение личности, выданное В.Б. Оссовскому в период его работы в отделе местного хозяйства Омского губернского исполнительного комитета. 2 января 1925 г. Из фондов Исторического архива Омской области.
Identity card issued to VB Ossowski during his work in the department of the local economies of Omsk Gubernial Executive Committee. January 2, 1925. From the fonds of the Historical Archive of the Omsk region.

гвардейской казачьей организации, которая ставила своей задачей свержение советской власти, приурочив свое активное действие к началу интервенции с востока со стороны Японии». Как показал на допросе Оссовский (причем оговорив под давлением следствия не только себя), его в эту организацию «завербовал» бывший поручик белой армии В.П. Скоробогатов. Через месяц после ареста, 17 мая 1933 г., особой тройкой при полномочном представительстве ОГПУ по Западно-Сибирскому краю следствие в отношении В.Б. Оссовского было окончено: арестованный полностью признал вину и был приговорен к 10 годам исправительно–трудовых лагерей. Отбывать наказание его направили в один из лагерей Бамлага[29]. Всеволод Оссовский, полностью отбыв лагерный срок, вернулся в Омск, но затем уехал в Амурскую область, в город Свободный. Точная дата и обстоятельства смерти В.Б. Оссовского остались неизвестны.

В 1956–1957 гг. в ходе дополнительной внутренней проверки органами госбезопасности материалов уголовного дела 1933 г. и



Вид улицы Тарской в Омске (жилой квартал, где долгое время жил В.Б. Оссовский). 1932 г. Из фондов Исторического архива Омской области.
View of the Tarskaya Street in Omsk (residential area, where V.B. Ossowsky lived for a while). 1932. From the fonds of the Historical Archive of the Omsk region.

передопроса части его фигурантов было установлено, что арестованные лица оклеветали себя, дав в ходе предварительного следствия заведомо ложные признательные показания о своей антисоветской деятельности. Все это явилось результатом грубых нарушений закона и различных процессуальных норм: обмана, угроз и других недозволенных методов следствия со стороны сотрудников ОГПУ[30].

По итогам проверки уголовного дела прокурором Омской области был поставлен вопрос об отмене постановления особой тройки при полномочном представительстве ОГПУ по Западно-Сибирскому краю от 17 мая 1933 г., а также о прекращении уголовного дела (в том числе в отношении В.Б. Оссовского). Решением президиума Омского областного суда от 10 мая 1957 г. (по делу 1933 г.) и Прокуратуры Омской области от 26 декабря 2013 г. (по делу 1921 г.) Всеволод Оссовский был полностью реабилитирован за отсутствием состава преступления[31].

Судьба поручика Всеволода Оссовского, который, хотя и служил в белой армии, но непосредственно не участвовал в боевых действиях против советской власти, демонстрирует, что бывшие участники белого движения лишь формально в 1920-е гг. встроились в систему советского государства. Даже после добросовестной службы в РККА и советских учреждениях судьба значительной части этих людей сложилась трагично. Ведь советская власть во многом действовала на упреждение. Борясь изнутри со своими идеологическими противниками, она определила бывших белых офицеров в качестве жертв для отпущения «грехов», осуществив вскоре то самое «жертвоприношение». Многие бывшие белогвардейцы в конце 1920-х гг. сначала попали в число лиц, лишенных избирательных прав (правда, В.Б. Оссовского эта процедура не затронула), а в 1930-е гг. представители данной категории советского общества (уже будучи лишенцами) оказались среди первых претендентов на репрессии.

Система учета бывших белых офицеров, инициированная для своих нужд советской властью в военной и гражданской сферах, оставила большое по своему объему и ценности историко-документальное наследие. Эти свидетельства прошлого, являясь содержательным материалом для практической генеалогии, мо-

гут также продемонстрировать особенности процесса адаптации «антисоветского элемента» в первые десятилетия после окончания Гражданской войны, многократно подтверждая особую остроту этого вопроса на практике. Офицерство для изучения российского общества в военно-революционный период 1914–1922 гг. и последующее время представляет собой особую категорию, которая с одной стороны была активным участником военно–политических и социальных процессов, и с другой стороны – представители офицерства сполна ощутили на себе все последствия коллизий той беспощадной эпохи[32].

Примечания

1 Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-1617. Оп. 1. Д. 450. Л. 37–37 об., 56 об., 79. Istoricheskij arhiv Omskoj oblasti [Historical Archive of the Omsk Region] (IAOO), fond P-1617, series 1, file 450. pp. 37–37 verso, 56 verso, 79. Здесь и далее даты событий до 1918 г. приведены по юлианскому календарю [Hereinafter dates of events before 1918 are given according to the Julian calendar].

2 Там же. Ф. Р-1277. Оп. 2. Д. 1. Л. 58. Ibid., fond P-1277, series 2, file 1, p. 58.

3 Там же. Ф. Р-1617. Оп. 1. Д. 450. Л. 56–56 об., 79. Ibid., fond P-1617, series 1, file 450, pp. 56–56 verso, 79; *Ганин А.В., Семенов В.Г.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945: Биографический справочник. – М.: Русский путь, 2007. – С. 421. Ganin A.V., Semenov V.G. *Oficerskij korpus Orenburgskogo kazach'ego vojska. 1891–1945: Biograficheskij spravochnik* [The officer corps of the Orenburg Cossack troops. 1891–1945: A who was who]. Moscow: Russkij put' publ., 2007, p. 421.

4 ИАОО. Ф. Р-1617. Оп. 1. Д. 450. Л. 37, 39 об. IAOO, fond P-1617, series 1, file 450, pp. 37, 39 verso.

5 Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 34. Д. 54580. Т. 1. Л. 12. Arhiv UFSB Rossii po Omskoj oblasti [Archive of the Federal Security Service (FSB) Directorate for the Omsk Region], fond 34, file 54580, vol. 1, p. 12.

6 Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. Д. П-5746. Л. 47об.–48; Archive of the FSB Directorate for the Omsk Region, fond 4, file P-5746, pp. 47 verso–48; Там же. Ф. 34. Д. 54580. Т. 1. Л. 14 об. Ibid., fond 34, file 54580, vol. 1, p. 14 verso; ИАОО. Ф. Р-217. Оп. 3. Д. 42. Л. 48, 49, 52, 53; Там же. Р-1617. Оп. 1. Д. 450. Л. 54 об., 55, 55 об., 58. IAOO, fond P-217, series 3, file 42, pp. 48, 49, 52, 53. Ibid., fond P-1617, series 1, file 450, pp. 54 verso, 55, 55 verso, 58.

7 ИАОО. Ф. Р-1617. Оп. 1. Д. 450. Л. 16, 16 об. IAOO, fond P-1617, series 1, file 450, pp. 16, 16 verso.

8 Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. Д. П-5746. Л. 48, 54. Archive of the FSB Directorate for the Omsk Region, fond 4, file П-5746, pp. 48, 54; Там же. Ф. 34. Д. 54580. Т. 1. Л. 12. Ibid., fond 34, file 54580, vol. 1, p. 12.

9 Там же. Л. 53 об. Ibid., p. 53 verso; Там же. Ф. 34. Д. 54580. Т. 1. Л. 2 об., 12. Ibid., fond 34, file 54580, vol. 1, p. 2 verso, 12; ИАОО. Ф. Р-223. Оп. 2. Д. 338.

Л. 2, 2 об., 4, 8 об.; IAOO, fond P-223, series 2, file 338, pp. 2, 2 verso, 4, 8 verso; Там же. Ф. Р-1277. Оп. 2. Д. 1. Л. 54, 55. Ibid., fond P-1277, series 2, file 1, pp. 54, 55; Общий список офицерских чинов русской императорской армии. – СПб.: Военная типография, 1909. – Ст. 537. *Obshhij spisok oficerskih chinov russkoj imperatorskoj armii* [General list of officer ranks of the Russian Imperial Army]. St. Petersburg: Voennaja tipografija publ., 1909, p. 537.

10 Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. Д. П-5746. Л. 48 об. Archive of the FSB Directorate for the Omsk Region, fond 4, file П-5746, p. 48 verso; Там же. Ф. 34. Д. 54580. Т. 1. Л. 12. Ibid., fond 34, file 54580, vol. 1, p. 12.

11 Там же. Л. 51, 111. Ibid., pp. 51, 111; Там же. Ф. 34. Д. 54580. Т. 1. Л. 12 об. Ibid., fond 34, file 54580, vol. 1, p. 12 verso; ИАОО. Ф. Р-223. Оп. 2. Д. 338. Л. 9 об., 112. IAOO, fond P-223, series 2., file 338, p. 9 verso.

12 Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 34. Д. 54580. Т. 1. Л. 12 об. 31. Archive of the FSB Directorate for the Omsk Region, fond 34, file 54580, vol. 1, pp. 12 verso, 31; ИАОО. Ф. Р-223. Оп. 2. Д. 338. Л. 1об., 9. IAOO, fond P-223, series 2, file 338, pp. 1 verso, 9.

13 Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. Д. П-5746. Л. 48 об. Archive of the FSB Directorate for the Omsk Region, fond 4, file П-5746, p. 48 verso; Там же. Ф. 34. Д. 54580. Т. 1. Л. 7, 12. Ibid., fond 34, file 54580, vol. 1, pp. 7, 12.

14 ИАОО. Ф. Р-217. Оп. 3. Д. 42. Л. 50, 54. IAOO, fond P-217, series 3, file 42, pp. 50, 54; Там же. Р-223. Оп. 2. Д. 338. Л. 1 об., 8, 9 об. Ibid., fond P-223, series 2, file 338, pp. 8, 9 verso; Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. Д. П-5746. Л. 11, 12, 21, 22, 34, 38. Archive of the FSB Directorate for the Omsk Region, fond 4, file П-5746., pp. 11, 12, 21, 22, 34, 38.

15 ИАОО. Ф. Р-223. Оп. 2. Д. 338. Л. 9 об., 34. IAOO, fond P-223, series 2, file 338, pp. 9 verso, 34; Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. Д. П-5746. Л. 20, 67. Archive of the FSB Directorate for the Omsk Region, fond 4, file П-5746, pp. 20, 67.

16 Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. Д. П-5746. Л. 2, 7 об., 37, 38, 50, 127. Archive of the FSB Directorate for the Omsk Region, fond 4, file П-5746, pp. 2, 7 verso, 37, 38, 50, 127; ИАОО. Ф. Р-223. Оп. 2. Д. 338. Л. 8 об., 9 об. IAOO, fond P-223, series 2, file 338, pp. 8 verso, 9 verso.

17 Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. Д. П-5746. Л. 37, 37 об., 68, 81. Archive of the FSB Directorate for the Omsk Region, fond 4, file П-5746, pp. 37, 37 verso, 68, 81; Там же. Ф. 34. Д. 54580. Т. 1. Л. 12 об., 13. Ibid., fond 34, file 54580, vol. 1, pp. 12 verso, 13.

18 Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. Д. П-5746. Л. 38, 38 об. Archive of the FSB Directorate for the Omsk Region, fond 4, file П-5746, pp. 38, 38 verso.

19 Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. Д. П-5746. Л. 69. Archive of the FSB Directorate for the Omsk Region, fond 4, file П-5746, p. 69.

20 *Клавинг В.* Гражданская война в России: Белые армии. – М.: «АСТ», 2003. – С. 412. Klaving V. *Grazhdanskaja vojna v Rossii: Belye armii* [The Civil War in Russia: The White Armies]. Moscow: "AST" publ., 2003, p. 412.

21 Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. Д. П-5746. Л. 82. Archive of the FSB Directorate for the Omsk Region, fond 4, file П-5746, p. 82.

22 ИАОО. Ф. Р-223. Оп. 2. Д. 338. Л. 1 об. IAOO, fond P-223, series 2, file 338, p. 1 verso; Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 34. Д. 54580. Т. 1. Л. 10, 12 об., 26, 27. Archive of the FSB Directorate for the Omsk Region, fond 34, file 54580, vol. 1, pp. 10, 12 verso, 26, 27.

23 Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. Д. П-5746. Л. 17, 33. Archive of the FSB Directorate for the Omsk Region, fond 4, file П-5746, pp. 17, 33; ИАОО. Ф. Р-217. Оп. 3. Д. 42. Л. 52 об., 53 об. IAOO, fond P-217, series 3, file 42, pp. 52 verso, 53 verso.

24 ИАОО. Ф. Р-223. Оп. 2. Д. 338. Л. 2 об., 4, 19, 31. IAOO, fond P-223, series 2, file 338, pp. 2 verso, 4, 19, 31; Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 34. Д. 54580. Т. 1. Л. 4, 6, 9. Archive of the FSB Directorate for the Omsk Region, fond 34, file 54580, vol. 1, pp. 4, 6, 9; Там же. Ф. 4. Д. П-101300. Т. 1. Л. 129 об. Ibid., fond 4, file П-101300, vol. 1, p. 129 verso.

25 *Зданович А.А.* Органы государственной безопасности и Красная Армия: Деятельность органов ВЧК–ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). – М.: ООО «Кучково поле», 2008. – С. 594–596. Zdanovich A.A. *Organy gosudarstvennoj bezopasnosti i Krasnaja Armija: Dejatel'nost' organov VChK–OGPU po obespecheniju bezopasnosti RKKA (1921–1934)* [The state security bodies and the Red Army: Efforts of the Cheka-OGPU of to ensure security of the Red Army (1921–1934)]. Moscow: "Kuchkovo pole" publ., 2008, pp. 594–596.

26 Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 34. Д. 54580. Т. 1. Л. 10, 25. Archive of the FSB Directorate for the Omsk Region, fond 34, file 54580, vol. 1, pp. 10, 25.

27 ИАОО. Ф. Р-217. Оп. 3. Д. 42. Л. 48об., 49 об., 52 об., 54 об. IAOO, fond P-217, series 3, file 42, pp. 48 verso, 49 verso, 52 verso, 54 verso; Там же. Ф. Р-223. Оп. 2. Д. 338. Л. 8 об., 9. Ibid., fond P-223, series 2, file 338, pp. 8 verso, 9; Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 34. Д. 54580. Т. 1. Л. 3, 6, 13. Archive of the FSB Directorate for the Omsk Region, fond 34, file 54580, vol. 1, pp. 3, 6, 13.

28 *Уйманов В.Н.* Карательная операция против бывших белых офицеров в Западной Сибири в 1933 году // Вестник ТГПУ. – Томск. – 2012. – № 6. – С. 243, 248. Ujmanov V.N. *Karatel'naja operacija protiv byvshih belyh oficerov v Zapadnoj Sibiri v 1933 godu* [Punitive operarion against ex-White Guard officers in Western Siberia in 1933]. Vestnik TGPU, Tomsk, 2012, vol. 6, pp. 243, 248.

29 Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. Д. П-101300. Т. 1. Л. 129 об., 130; Там же. Т. 25. Л. 223. Archive of the FSB Directorate for the Omsk Region, fond 4, file П-101300, vol. 1, pp. 129 verso, 130. Ibid., vol. 25, p. 223.

30 Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. Д. П-101300. Т. 27. Л. 534, 535. Archive of the FSB Directorate for the Omsk Region, fond 4, file П-101300, vol. 27, pp. 534, 535.

31 Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. Д. П-5746. Л. 85, 86; Там же. Д. П-101300. Т. 27. Л. 536, 541. Archive of the FSB Directorate for the Omsk Region, fond 4, file П-5746, pp. 85, 86. Ibid., file П-101300, vol. 27, pp. 536, 541.

32 Автор работы выражает благодарность за помощь в подготовке статьи Антону Владимировичу Оссовскому, кандидату исторических наук Юлии Николаевне Ефремовой, магистру истории Наталье Александровне Коноваловой, Управлению ФСБ России по Омской области [The author thanks A.V. Ossowsky,

Ph.D. in History Ju. N. Efremova, Master in History N.A. Konovalova and the FSB Directorate for the Omsk Region for their help in preparing this article].

Список литературы

1. *Ганин А.В., Семенов В.Г.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945: Биографический справочник. – М.: Русский путь, 2007. – 676 с.

2. *Зданович А.А.* Органы государственной безопасности и Красная Армия: Деятельность органов ВЧК–ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). – М.: ООО «Кучково поле», 2008. – 800 с.

3. *Клавинг В.* Гражданская война в России: Белые армии. – М.: «АСТ», 2003. – 656 с.

4. *Уйманов В.Н.* Карательная операция против бывших белых офицеров в Западной Сибири в 1933 году // Вестник ТГПУ. – Томск. – 2012. – № 6. – С. 238–246.

References

1. Ganin A.V., Semenov V.G. *Oficerskij korpus Orenburgskogo kazach'ego vojska. 1891–1945: Biograficheskij spravochnik* [The officer corps of the Orenburg Cossack troops. 1891–1945: A who was who]. Moscow: Russkij put' publ., 2007, 676 p.

2. Zdanovich A.A. *Organy gosudarstvennoj bezopasnosti i Krasnaja Armija: Dejatel'nost' organov VChK–OGPU po obespecheniju bezopasnosti RKKA (1921–1934)* [The state security bodies and the Red Army: Efforts of the Cheka-OGPU of to ensure security of the Red Army (1921–1934)]. Moscow: “Kuchkovo pole” publ., 2008, 800 p.

3. Klaving V. *Grazhdanskaja vojna v Rossii: Belye armii* [The Civil War in Russia: The White Armies]. Moscow: “AST” publ., 2003, 656 p.

4. Ujmanov V.N. *Karatel'naja operacija protiv byvshih belyh oficerov v Zapadnoj Sibiri v 1933 godu* [Punitive operarion against ex-White Guard officers in Western Siberia in 1933]. Vestnik TGPU, Tomsk, 2012, vol. 6, pp. 238–246.

Сведения об авторах

Петин Дмитрий Игоревич, кандидат исторических наук, главный архивист Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области, старший преподаватель кафедры Отечественная история Омского государственного технического университета, г. Омск, Российская Федерация, 8-381-237-05-58, 8-950-333-56-81, dimario86@rambler.ru

About author

Petin Dmitriy Igorevich, PhD in History, chief archivist of the Centre for Studying the History of the Civil War of the Historical Archive of the Omsk Region, senior lecturer of the National History Department of the Omsk State Technical University, +7-381-237-05-58, +7-950-333-56-81, dimario86@rambler.ru

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Criticizm and Bibliografy

М.В. ЗЕЛЕНОВ,
г. Москва, Российская Федерация
К.В. ПЕТРОВ,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ИСТОРИЯ НОВОСИБИРСКА В СОБРАНИИ ДОКУМЕНТОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Zelenov M.V.,
Moscow, Russian Federation
Petrov K.V.,
St. Petersburg, Russian Federation

The History of Novosibirsk in Collections of Personal Provenance Documents

Аннотация
В рецензии проводится анализ Тематического путеводителя «Новосибирском связанные судьбы», в котором дается характеристика документов личного характера, фондов личного происхождения и коллекций Государственного архива Новосибирской области. Обзор Тематического путеводителя позволяет прийти к выводу, что уже почти столетие в Государственном архиве Новосибирской области ведется работа по комплектованию документами личного происхождения. Это направление работы архива было заложено основателем архивного дела в Сибири В.Д. Вегманом, благодаря деятельности которого были сформированы уникальные коллекции Сибистпарта по истории революционной деятельности и гражданской войны. В последующем эта работа была продолжена, что привело к появлению обширного собрания архивных коллекций и личных фондов. Их состав имеет большое значение не только для истории Новосибирска и Сибири, но и истории России советского периода. Например, в составе коллекций Военно-исторического общества содержатся документы о участии воинов-сибиряков в Первой мировой, Граждан-

ской, Великой Отечественной войнах, о выполнении интернационального долга в Демократической Республике Афганистан. В составе личного фонда члена-корреспондента Академии архитектуры СССР Е.А. Ащепкова содержится обширная коллекция рисунков и фотографий русского деревянного зодчества европейской России и Сибири, а также рисунки и фотографии архитектуры Китайской Народной Республики. Коллекция фольклорных материалов, собранных под руководством профессора М.Н. Мельникова, содержит не только записи фольклора, но и фонозаписи, собранные на территории Сибири в 1962–1990 гг. Описание документов в Тематическом путеводителе проведено не только на уровне отдельных фондов и коллекций, но и комплексов архивных документов отдельных выдающихся личностей, а также единиц хранения. Путеводитель включает два обширных приложения и четыре обзора архивных коллекций и личных фондов. В заключение рецензии делается вывод о том, что работа по подготовке Тематического путеводителя проведена на высоком научно-методическом уровне в соответствии с действующим законодательством и рекомендациями Росархива.

Abstract
The thematic guide “Fates interlinked by Novosibirsk” characterizes personal provenance documents and fonds, as well as other collections of the State Archive of the Novosibirsk Region. The review of the thematic guide concludes that the State Archive of the Novosibirsk Region has been working on acquisition of personal provenance documents for almost a century. The foundations had been laid by one of the first Siberian archivists V.D. Vegman, who had assembled an unique collection of the Siberian Commission for Studying the History of the October Revolution and the Russian Communist Party (bolsheviks) (Sibistpar) on the Russian revolution and Civil War. His undertaking was followed by others, which resulted in assembling of vast archival collections and personal provenance fonds. For instance, collections of the Military Historical Society include documents on participation of Siberian soldiers in the World War I, Civil War, Great Patriotic War, as well as their discharging of international duty in the Democratic Republic of Afghanistan. The personal provenance fond of E.A. Ashchepkov, corresponding member of the Academy of Architecture of the USSR, contains an extensive collection of drawings and photographs of the Russian wooden architecture of both European part of Russia and Siberia, as well as drawings and photographs picturing architecture of the People's Republic of China. The folklore collection of the professor M. N. Melnikov contains folklore records and audio recordings collected in Siberia in 1962–1990. Description of documents in the thematic guide goes below fonds and collections level and covers several complexes of archival documents of individuals, and even items. The guide contains two extensive appendices and four synopses of archival collections and personal provenance fonds. The review concludes that the thematic guide attains high

scientific and methodological level and is in accordance with the current legislation and Federal Archival Agency guidelines.

Ключевые слова
Тематический путеводитель, государственный архив, Новосибирская область, личные фонды, архивные коллекции.

Keywords
Thematic guide, State Archive of the Novosibirsk Region, personal provenance fonds, archival collections

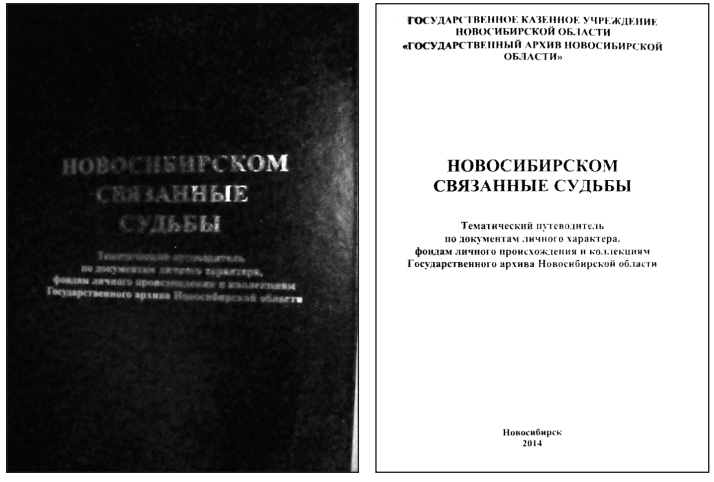
Общеизвестна ценность нарративных исторических источников, которые отражают судьбы отдельных людей и семей в различные периоды истории России и ее регионов, существенно дополняют источники официального характера, доминирующие в общем объеме Архивного фонда Российской Федерации. Документы личных фондов и коллекций свидетельствуют о процессе и результатах творческой деятельности фондообразователей, позволяют проследить повседневную жизнь людей и их личный вклад в развитие России.

Путеводитель по личным фондам и коллекциям Государственного архива Новосибирской области (ГАНО)* содержит сведения об одном из самых крупных собраний личных фондов и архивных коллекций региональных архивов России. Истоки формирования этого собрания были заложены в 1920 г. В.Д. Вегманом при организации Сибархива. Под его руководством была проведена грандиозная работа по разысканию и приему на государственное хранение документов и воспоминаний по истории революционного движения, двух революций 1917 г., истории Гражданской войны в Сибири.

Объективным основанием для формирования столь обширного собрания документов личного происхождения является

* Новосибирском связанные судьбы. Тематический путеводитель по документам личного характера, фондам личного происхождения и коллекциям Государственного архива Новосибирской области / Отв. ред. М.О. Акишин. – Новосибирск: ГКУ НСО «ГАНО», 2014. – 764 с., 22 ил.

Fates interlinked by Novosibirsk: A thematic guide to personal documents, personal provenace fonds and collections of the State Archive of the Novosibirsk Region. Ed. M. O. Akishin. Novosibirsk: GANO publ., 2014, 764 p.



Обложка и титульный лист книги.
Book cover and front page

значение Новосибирска в истории Сибири и России. В 1920–1930-х гг. он являлся центром Сибирского и Западно-Сибирского края, с 2000 г. – Сибирского федерального округа. Новосибирск возник как важнейший узел железнодорожного, речного и автомобильного транспорта, а в годы Отечественной войны стал и индустриальным центром России. Наконец, в середине XX в. в городе были размещены Сибирские отделения Академии наук, Академии медицинских наук и Академии сельскохозяйственных наук. Содержание путеводителя позволяет заключить, что собранные в ГАНО документы личного происхождения далеко выходят за краеведческие рамки и имеют общероссийское значение.

Обширность собрания документов личного происхождения в фонде ГАНО и обусловили выбор темы для путеводителя –необходимость обобщения документальных данных о людях, сыгравших значительную роль в становлении и развитии Новосибирска. Путеводитель содержит систематизированный перечень характеристик личных фондов, архивных коллекций и их частей ГАНО по теме описания документов личного происхождения. Его назначение заключается в информировании о местах хранения документов о жизни и деятельности государственных и общественных деятелей, работников транспорта, промышленности, образования, науки и культуры, определявших развитие Новосибирской области.

Объектом описания в тематическом путеводителе является документная информация о личных фондах и коллекциях ГАНО, а также о группах единиц хранения, отражающих жизнь и деятельность отдельной личности, и отдельных единицах хранения (уникальных и ценных документах) по избранной теме. Схема построения тематического путеводителя отражает информацию о становлении и развитии Новосибирска в документах личного происхождения. Выбор схемы внутреннего построения тематического путеводителя обусловлен его целевым назначением – предоставлением полноценного комплекса информации по указанной теме. При разработке схемы тематического путеводителя был учтен «Единый классификатор документной информации Архивного фонда РФ» (М., 2007).

В соответствии с указанной целью в первый раздел путеводителя вошли описания личных фондов, во вторую – архивные коллекции, отражающие различные сферы жизни и деятельности новосибирцев. При подготовке путеводителя составители учли, что в ГАНО хранятся не только личные фонды и коллекции, но и обширные комплексы личных документов отдельных личностей, сыгравших выдающуюся роль не только в истории Новосибирска, но и Советского Союза, России. Отсюда, наряду с описаниями личных фондов в путеводителе содержится богатая информация об этих личных комплексах, которая органично включена в состав путеводителя и позволяет утверждать, что на рецензию представлен именно тематический путеводитель по нарративным источникам архива, а не просто справочник по личным фондам и коллекциям. Наибольший объем описания комплексов документов личного происхождения приходится на разделы о руководителях исполнительных и законодательных органов государственной власти Сибири и Новосибирска.

Личные фонды и комплексы классифицированы по следующим тематическим группам: руководители исполнительной и законодательной власти Сибирского и Западно-Сибирского края, Новосибирской области; главы местного самоуправления

и исполнительных органов Советской власти г. Новосибирска; общественно-политические деятели; руководители и специалисты промышленности и сельского хозяйства; деятели науки и образования; деятели здравоохранения; деятели культуры и искусства; писатели, поэты и журналисты.

Архивный фонд Новосибирской области включает ценные и обширные личные фонды крупных государственных и общественно-политических деятелей (В.А. Бокова, В.А. Толоконского, А.Н. и В.Н. Пепеляевых, С.И. Сырцова, А.П. Филатова и др.), науки и образования (члена-корреспондента Академии архитектуры СССР Е.А. Ащепкова, члена-корреспондента АН СССР В.П. Казаринова и др.), здравоохранения (династии хирургов Мыш, заслуженного деятеля науки РСФСР К.И. Харитоновой и др.), журналистов и писателей (заслуженного работника культуры РФ Н.В. Безрядина, А.Л. Коптелова, Ю.М. Магалифа, Е.К. Стюарт), деятелей культуры и искусства (народного артиста СССР А.Г. Жукова, заслуженного деятеля искусств РСФСР И.В. Титкова).

Архивные коллекции систематизированы в рамках двух тематических групп, имеющих внутреннее подразделение: документов политической направленности (революций и Гражданской войны, о политических репрессиях, участии сибиряков в Великой Отечественной войне и региональных конфликтах, общественно-политические организации и движения) и документов, отражающих повседневную жизнь новосибирцев (организаций промышленности, коллекции частно-правовых актов, фольклорных материалов и фотодокументов).

Среди обширного собрания архивных коллекций ГАНО выделяются коллекции Сибирской комиссии по изучению истории Коммунистической партии и истории Великой Октябрьской социалистической революции (Сибиспарта), военно-научного общества при Новосибирском окружном Доме офицеров, Клуба ветеранов педагогического труда, ряд коллекций о политических организациях и движениях Новосибирской области периода перестройки и становления Российской Федерации.

Путеводитель завершает два обширных приложения. Первое из них включает аннотированные списки новосибирцев – Ге-

роев Советского Союза, полных кавалеров ордена Славы, Героев Социалистического Труда. Второе – обзоры личных фондов Е.А. Ащепкова и А.М. Кошурникова, коллекций Клуба ветеранов педагогического труда и Военно-научного общества. В обзорах даются поисковые данные на каждую единицу хранения, содержащуюся в фонде. В отдельных случаях обзоры фондов содержат аннотации уникальных документов. Таким образом, при подготовке тематического путеводителя осуществлено многоуровневое описание архивной документной информации. Справочный аппарат к путеводителю по фондам архива включает список сокращений, список использованных фондов ГАНО, именной и географический указатели.

Анализ путеводителя позволяет заключить, что при его подготовке была проделана большая работа на высоком научно-методическом уровне, которая отразилась на его структуре, методике подготовки описаний личных фондов и коллекций, которые соответствуют как требованиям архивного законодательства, так и методическим разработкам ВНИИДАД. Хотелось бы надеется, что публикация путеводителя позволит привлечь общественное внимание к обширному комплексу личных фондов и архивных коллекций ГАНО, позволит придать новый импульс для исследования истории России и Сибири, и для организации архивных выставок, проведения конференций, подготовки сборников документов.

Список литературы

1. Государственный архив Новосибирской области. Путеводитель. М.: Звенья, 2002. – 960 с.

2. Новосибирском связанные судьбы. Тематический путеводитель по документам личного характера, фондам личного происхождения и коллекциям Государственного архива Новосибирской области / Отв. ред. М.О. Акишин. – Новосибирск: ГКУ НСО «ГАНО», 2014. – 764 с., 22 ил.

References

1. The State Archive of the Novosibirsk Region: A guide. Moscow: Zven'ja publ., 2002, 960 p.

2. Fates interlinked by Novosibirsk: A thematic guide to personal documents, personal provenace fonds and collections of the State Archive of the Novosibirsk Region. Ed. M.O. Akishin. Novosibirsk: GANO publ., 2014, 764 p.

Сведения об авторах

Зеленов Михаил Владимирович, доктор исторических наук, профессор, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории, г. Москва, Российская Федерация, 8-985-878-04-37, mvzelenov@gmail.com

Петров Константин Васильевич, кандидат исторических наук, начальник юридической службы Российской национальной библиотеки, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 8-921-655-23-41, 1petrov_kv@mail.ru

About the authors

Zelenov Mikhail Vladimirovich, PhD in History, chief specialist at the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI), Moscow, Russian Federation, mvzelenov@gmail.com, +7-985-878-04-37.

Petrov Konstantin Vasilyevich, PhD in History, legal manager at the Russian National Library, Russia, St.-Petersburg, Russian Federation, 1petrov_kv@mail.ru, +7-921-655-23-41.

❖ ❖ ❖

З.П. ИНОЗЕМЦЕВА,
г. Москва, Российская Федерация

КРАСНЫЙ ТЕРРОР В БЕЛГОРОДЕ. 1918–1919 гг.

Inozemtseva Z.P.,
Moscow, Russian Federation

The Red Terror in Belgorod: 1918–1919

Аннотация
Рецензируемый труд посвящен истории Гражданской войны в России. В сборнике опубликованы документы из фондов федеральных и региональных государственных архивов, музеев, Комиссии по идентификации останков епископа Белгородского Никодима (Кононова) при Белгородско-Старооскольской митрополии Церкви русской. Документы освещают гражданское противостояние в 1918–1919 гг. в г. Белгороде, входившем в состав Курской губернии, характеризуют трагические события в процессе установления советской власти, использующей насильственные меры подавления сопротивляющейся части населения. В научный оборот впервые введен значительный пласт архивных документов, источников устной истории, характеризующих первые шаги советской власти по ломке старого и установления нового порядка в области экономики и политики, образования, религии, суда, реакцию и оценку населением этих нововведений. Автору-составителю удалось подготовить труд, отвечающий принципам историзма, объективности, достоверности в освещении исторически значимых событий, включив в состав сборника документы, исходящие из противоборствующих лагерей, без какой-либо их идеологической интерпретации. В рецензии отмечается, что отечественная историография пополнилась новым полезным и информативным изданием по проблемам Гражданской войны в России. Сборник, рассчитанный на исследователей, краеведов, преподавателей высшей и средней школы, отличает высокий научный уровень комментирования и профессиональное археографическое оформление.

Ключевые слова
Красный террор, г. Белгород, Курская губерния, архивные документы, епископ Белгородский Никодим (Кононов), репрессии.

Abstract
The reviewed book is a collection of documents on history of the Russian Civil War titled “Belgorod, 1918–1919: The Red Terror: Documents, materials, eyewitness accounts” compiled by P.Yu. Subbotin. The published documents are from the fonds of federal and regional state archives, museums, and the Commission for forensic identification of the bishop of Belgorod Nicodemus (Kononov) of the Belgorod and Stary Oskol metropolitanate of the Russian Church. Documents showcase civil opposition in Belgorod, the Kursk gubernia, in 1918–1919, characterize tragic events attending the establishment of the Soviet power, power that used force to suppress those resisting her. The book introduces into scientific use a considerable and yet unknown layer of archival documents and sources of oral history characterizing the Soviet break from the old regime and the establishment of new order in all spheres: economy, policy, education, religion, justice, as well as response of the population to the innovations. The author/compiler has produced a textbook meeting the criteria of historicism, objectivity, and fidelity of data in its coverage of historically significant events; he has included documents of the dissenting camps forgoing any ideological interpretation. The review considers the book a useful and informative addition to the historiography on the Russian Civil War. The textbook is aimed at researchers, local historians, teachers and professors; it is well annotated and executed.

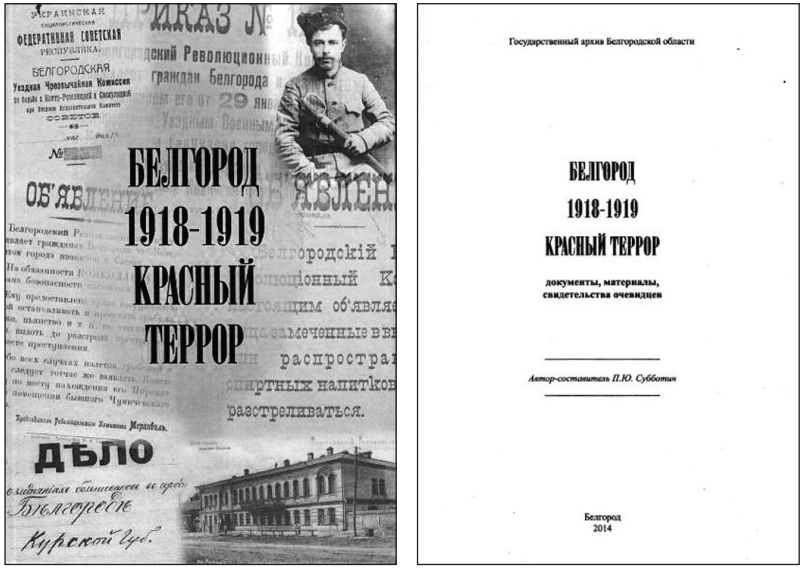
Keywords
Red terror, Belgorod, Kursk guberia, archival documents, bishop Belgorod Nicodemus (Kononov), repressions.

Сборник документов «Белгород. 1918–1919. Красный террор. Документы, материалы, свидетельства очевидцев»*, подготовленный автором-составителем П.Ю. Субботиным, директором Государственного архива Белгородской области, вызвала большой общественный резонанс. Документы и материалы, включенные в сборник, в деталях раскрывающие трагические страницы истории Гражданской войны на территории Белгородчины, политику красного террора, гражданское противостояние, воспринимаются как живая история, повторяющаяся сегодня на территории соседней Украины.

Впервые опубликованные материалы (приказы, переписка органов власти и управления, судебно-следственные дела, воспоминания участников и очевидцев) позволяют проследить организацию, формы и методы проведения политики красного террора в г. Белгороде Курской губернии, определить исполнителей и их жертв, проанализировать первые шаги, осуществленные советской властью в области торговли, продовольственной политики, организации труда и кооперации, суда, школьного образования, церковной политики, борьбы с инакомыслием, оценку этих нововведений населением.

В сборник вошли документы из фондов федеральных и региональных архивов и музеев. Прежде всего, это Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Государственный архив Белгородской области (ГАБО), Государственный архив новейшей истории Белгородской области (ГАНИБО), Белгородский государственный историко-краеведческий музей (БГИКМ), комиссия по идентификации останков епископа Белгородского Никодима (Кононова) при Белгородско-Старооскольской митрополии Церкви русской, архив Белгородского следственного изолятора № 1. Большинство из публикуемых документов вводится в научный оборот впервые. Представляется правомерным подход автора, включившего в сборник источники с противоречивым освещением конкретных событий представителями враждебных лагерей.

* Белгород. 1918–1919. Красный террор. Документы, материалы, свидетельства очевидцев / Авт.- сост. П.Ю. Субботин.– Ижевск: ПРИНТ, 2014.– 168 с.; ил. Belgorod, 1918–1919: The Red Terror: Documents, materials, eyewitness accounts. Comp. by P.Ju. Subbotin. Izhevsk, PRINT publ., 2014, 168 p.



Обложка и титульный лист книги.
Book cover and front page

Исторически значимы документы из антибольшевистского лагеря. В частности, документы Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России генерал-лейтенанте А.И. Деникине зафиксировали следственные действия, в том числе допросы свидетелей и потерпевших, акты осмотра, освидетельствования, вскрытия. Опубликовано практически полностью «Дело о злодеяниях большевиков в городе Белгороде Курской губ.», в котором содержится протокол допроса бывшего старооскольского уездного комиссара Временного правительства М.А. Уробзинского, документы о деятельности Курской губернской Чрезвычайной комиссии.

Деятельность победившей стороны гражданского конфликта представлена в документах Белгородского революционного комитета, Белгородской Чрезвычайной комиссии по борьбе с саботажем и контрреволюцией, городской военной комендату-

ры при 2-й Советской Украинской армии. Впервые опубликованные выдержки из воспоминаний С.П. Набокова, бывшего старшим оперативным уполномоченным белгородской ЧК с момента ее образования в декабре 1918 г. до момента ликвидации в мае 1919 г. – уникальны, поскольку являют редкий случай литературного свидетельства человека о своем личном участии в красном терроре.

В сборник включены сведения из трудов русских эмигрантов, в частности, протопресвитера М. Польского об обстоятельствах гибели белгородского епископа Никодима (Кононова), священников П.И. Амфитеатрова, К. Ничкевича, П.В. Сионского, В.М. Солодовникова, иеромонаха Серафима (Кретова), преподавательницы и начальницы женской гимназии М.Д. Кияновской, торговцев В.И. Никулина, М. Спиридонова, В. Безгина, Г. Болдырева и др.

Исключительно информативен иллюстративный материал сборника. Значительная часть представленных фотографий ранее не публиковалась. Среди них фотоснимки извлеченных из могил жертв красного террора в Белгороде и Курске, панихида по убитым в губернском центре, малоизвестные фотографии организаторов и исполнителей красного террора, допрашиваемых лиц, мест заключений, казней и захоронений жертв. Впечатляют тексты включенных в сборник фотокопий документов.

Автору-составителю сборника удалось преодолеть субъективизм интерпретатора, представив объективные события реальной исторической действительности, раскрыть судьбы рядовых горожан, их личное восприятие происходящих событий вне зависимости от того, какой стороны в гражданском противостоянии они придерживались. Отсутствие авторских толкований подтолкнет вдумчивого читателя самостоятельно, исходя из своих мировоззренческих позиций, разобраться в сути гражданского конфликта, обрушившего в начале XX в. государственность Российской империи, а в конце того же века – советскую государственность. Автор исходит при этом из нравственного закона человеческого бытия, подчеркивая, что «насилие в отношении мирного населения одинаково преступно вне зависимости от того, под какой террор, красный или белый, это население попало. Страдания невинных во всех случаях оставались страданиями. Боль и ужас сломанных

человеческих судеб должны перестать служить для оправдания какой-либо из сторон гражданского конфликта, но стать предупреждением от таких конфликтов в будущем».

Научный уровень сборника «Белгород. 1918–1919. Красный террор» явился результатом воплощения автором основополагающих принципов исторического исследования: «тотального» просмотра источниковой базы, «событийной полноты»; «точечного добора» документов по конкретным темам; учета критерия «публикуется впервые», профессионально выполненного археографического оформления. Отечественная историография пополнилась ценным документально выверенным свидетельством об исторически значимых событиях российской истории.

Список литературы

1. *Зуб З.И.* Харьковская Чека. Прощание с мифами. – Харьков, 2012.
2. *Карнасевич В.Г., Свиридов Г.А.* Курская губерния: 1918–1922 гг.– Курск, 2006.
3. *Карпенко В.М.* Китайский легион. Участие китайцев в революционных событиях на территории Украины. (1917–1921 гг.). – Луганск, 2007.

References

1. Zub Z.I. *Har'kovskaja Cheka. Proshhanie s mifami* [The Kharkiv Emergency Committee (Cheka): A farewell to myths]. Kharkiv, 2012.
2. Karnasevich V.G., Sviridov G.A. *Kurskaja gubernija: 1918–1922 gg.* [The Kursk gubernia: 1918–1922]. Kursk, 2006.
3. Karpenko V.M. *Kitajskij legion. Uchastie kitajcev v revoljucionnyh sobytijah na territorii Ukrainy. (1917–1921 gg.)* [The Chinese Legion: Chinese participation in the revolutionary events in Ukraine: 1917–1921]. Lugansk, 2007.

Сведения об авторах

Иноземцева Зинаида Петровна, кандидат исторических наук, заместитель главного редактора журнала «Вестник архивиста», заслуженный работник культуры РФ, г. Москва, Российская Федерация, 8-917-586-76-72, zinaida33@bk.ru

About the author

Inozemtseva Zinaida Petrovna, PhD in History, deputy editor-in-chief of the "Herald of an Archivist" magazine, honoured worker of culture of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, +7-917-586-76-72, zinaida33@bk.ru